МЕМУАРЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

В. Б. БРОНЕВСКИЙ

ЗАПИСКИ МОРСКОГО ОФИЦЕРА

Том I

В. Б. Броневский

Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина 1805–1810 гг.

Том I

Москва
Берлин
2020

УДК 94(47).07
ББК 63.3(2)521.1-68
Б88

Броневский, В. Б.

Б88 Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина 1805–1810 гг. Том I / В. Б. Броневский. — Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. — 412 с.

ISBN 978-5-4499-0588-8

Эта замечательная книга расскажет о подвигах российского флота на водах Средиземного моря под командованием вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина. Ее автор — военный писатель, морской офицер Владимир Богданович Броневский (1784–1835 гг.), принимавший участие во Второй Архипелагской экспедиции 1805–1807 гг., преодолевшей нелегкий путь от Кронштадта до Средиземного моря.

За свою достоверность и яркий слог книга получила высокую оценку у современников.

Вниманию читателей представлены первая и вторая части издания, рассказывающие о предпосылках, подготовке к экспедиции и ее ходе с августа 1805 г. по 10 февраля 1807 года.

УДК 94(47).07
ББК 63.3(2)521.1-68

ISBN 978-5-4499-0588-8

К читателю

Служа на флоте от начала до конца кампании в плавании от Кронштадта чрез Зунд, Английский канал и Атлантический океан в Средиземное море, был я на большей части островов Архипелага и Далмации, обозрел Сицилию, Мальту и Сардинию, возвратился от Дарданелл в Лиссабон и, наконец, в третий раз прошед Гибралтарский пролив, отправился из Триеста сухим путем чрез Каринтию, Штирию, Венгрию и Польшу обратно в Кронштадт. Таким образом, обошед Европу, видел я лучшие ее страны, знаменитые происшествиями, славные своими древностями, просвещением и науками; я вел ежедневные записки о тех событиях, коих был очевидец, и о том, что казалось мне достойным внимания и любопытства.

Подвиги российского флота на водах Средиземного моря и беспрестанное торжество малого, бывшего при нем числа сухопутных войск над неприятелем искусным, превосходным в силах и способах, увенчав новыми неувядаемыми лаврами победоносное российское оружие, прославили в Европе имя знаменитого вождя их вице-адмирала Сенявина, несмотря что, по обстоятельствам того времени и по происшествиям неожидаемым, славный поход сей не имел соответствующих делам своим блистательных последствий. Питая непоколебимую любовь к Отечеству, действуя в духе кротости своего монарха, Сенявин был не только душой своих подчиненных, но приобрел неограниченную доверенность народов, России приверженных. Самые неприятели почитали его: снисхождение английского правительства, толико не уступчивого, и личное уважение адмирала Каттона помогло Сенявину в затруднительных обстоятельствах сохранить флот и спасти честь флага, доселе не побежденного. Лиссабонский договор останется в военной истории памятником и свидетельством

заслуг его: но деяния сии известны только немногим, ибо истинное мужество идет одной стезей с скромностью; прямая служба — без пронырств; характер твердый — без надменности, не имеет целью единого блеска, минутного торжества; награду свою он видит в делах своих; надежду — в любви и воспоминании его подчиненных.

Записки сии, как и многие другие, долженствовали остаться в забвении, ибо к изданию оных я не имел никаких средств; но по прибытии моем в Петербурге его превосходительство Логин Иванович Голенищев-Кутузов, под начальством коего был я воспитан в Морском корпусе, всегда поощрявший меня в моих занятиях, постоянно во всех случаях милостивый и снисходительный ко мне, и ныне, нашед подлинник мой достойным внимания, сообщил оный г[осподину] президенту Российской академии, заступлением и благосклонным отзывом коего книга сия принята под покровительство Российской академии и Государственного адмиралтейского департамента, выдано для напечатания оной пособие и указом Адмиралтейского департамента повелено из архива выдать мне настоящие акты и все дела, откуда для вернейшего описания могу бы я почерпнуть нужные сведения.

В полной надежде на снисхождение отечественной публики предлагаю историческое повествование сего достопамятного похода и вместе путевые мои замечания, мысли и впечатления, изложенные в хронологическом порядке. Счастливым почту себя, если просвещенные читатели удостоят благосклонным принятием сей первый труд мой, и если принесу удовольствие служившим тогда на флоте и в 15-й пехотной дивизии в Корфе находившимся офицерам изображением тех битв, где каждый из них имел неотъемлемую часть своей славы.

Его Превосходительству

Господину вице-адмиралу, Государственного Совета члену, Государственного адмиралтейского департамента непременному члену, Императорской российской академии президенту, Императорской академии наук, Императорских университетов, Харьковского и Казанского, и многих других ученых обществ почетному члену, орденов Св. Александра Невского, Св. Равноапостольного Владимира 1-й степени большого креста и Св. Анны 1-й степени кавалеру

Александру Семеновичу
Шишкову.

Часть первая

Приготовление к кампании. — Отбытие из Кронштадта. — Плавание до Ревеля

1805 год

В половине 1805 года политический горизонт Европы покрылся тучами. Непомерное честолюбие Наполеона Бонапарта было причиной великих к войне приготовлений. Россия, Англия и Австрия приняли в оной деятельное участие. Вследствие сего, к прежним силам нашим, защищавшим Ионическую республику, повелено отправить еще пять кораблей и один фрегат. Начальство над сей эскадрой вверено контр-адмиралу Сенявину, который тогда же произведен в вице-адмиралы с властью главноначальствующего над флотом и сухопутными войсками, находившимися в Средиземном море. В то же время вспомогательная армия, под предводительством знаменитого генерала Голенищева-Кутузова, двинулась к границам Австрии. Другой корпус под начальством генерал-лейтенанта графа Толстого назначен для освобождения Ганновера, занятого неприятелем.

В начале августа Кронштадт оживился необыкновенной деятельностью. Флот, состоящий из 11 кораблей, 9 фрегатов и 300 английских транспортов и малых военных судов, занимал весь рейд и гавань. Адмирал Тет, начальствующий над сим флотом, получил повеление принять войска, стоявшие лагерем близ Ораниенбаума и высадить их на остров Руген.

20 августа начали перевозить полки. Пехотные офицеры удивлялись огромности «Гавриила», стопушечного корабля, на котором я служил. В самом деле, наш «Гавриил» представлял целый город в малом виде. Вообразите огромное здание, длиной 32, шириной 10, высотой с мачтами 40 сажень, в три яруса с 110 пушками 48-, 24-, 18- и 12-фунтового калиб-

ра, вмещающее в себе на семь месяцев съестных припасов, воды и всякого рода запасных и потребных в пути вещей; сия летающая по водам крепость, тысячью живущих на ней человек управляемая и защищаемая, должна поражать и удивлять ум человеческий.

25 августа был депутатский смотр эскадре, отправляющейся в дальний путь. Государь император, в изъявление своего благоволения, пожаловал офицеров и служителей полугодовым жалованьем. Зрелище почестей, изъявляемых на море при появлении штандарта, то есть флага, означающего монаршее присутствие, столь великолепно, что едва ли имеет себе подобное: флот, состоящий из многих разного рода и величины, украшенных разноцветными флагами кораблей, стоял в линии на семи верстах. Гребной катер, на коем находился государь император, шел под штандартом впереди длинного ряда шлюпок под шелковыми флагами адмиралов, трех дивизий. При проезде Его Величества мимо кораблей, матросы, расставленные по реям и мачтам, возглашали громко: «Ура!» При всходе и отъезде с каждого судна крепости и корабли приветствовали государя пальбой из всех орудий по одному выстрелу.

Эскадра, назначенная в Средиземное море, состояла из следующих кораблей: 1) «Ярослав» — о 74 пушках под флагом вице-адмирала главнокомандующего и под командой капитана Митькова; 2) «Москва» — о 74, капитан Гетцен; 3) «Св. Петр» — о 74, капитан Баратынский; 4) «Салафаил» — о 74, капитан Рожнов; 5) «Уриил» — о 84, капитан Михаил Быченский; 6) фрегат «Кюльдюин» — о 32, капитан Развозов. Первые три корабля и фрегат построены мастером Курочкиным в Архангельске, и, хотя не столь красивой наружности, но имеют все добрые качества военного корабля. Последние два были построены в Петербурге мастерами Амосовым и Сарычевым, и отличались чистотой отделки и легкостью в

ходу. Флот наш строится теперь российскими мастерами, управляем российскими адмиралами, капитанами и офицерами. Петр Великий при заведении флота для построения и управления кораблей принимал в службу свою иностранцев, но он недолго имел в том нужду: россияне вскоре сами сделались искусными кораблестроителями и мореплавателями.

28 августа, по расписанию Коллегии, переведен я был с корабля «Гавриила» на корабль «Св. Петр». По снабжении всем нужным для долговременного плавания и получа способный ветер, 10 сентября в полдень корабль вице-адмирала снялся с якоря, а за ним последовал и весь флот.

Он, белым взмахнув крылами,
Пошел — и следом пена рвами!
Державин

Тихий переменный ветер удержал эскадру во весь день в виду Кронштадта: казалось, что и корабли не охотно удалялись из любезного Отечества; однако ж сие чувство сожаления умеряемо было в нас надеждой возвращения и той восхитительной для молодого человека мыслью, что он в отдаленных странах увидит множество любопытных для него предметов. По крайней мере о себе могу я сказать, что в этот день мысль сия делала меня счастливейшим. Пред захождением солнца подул благополучный ветер, и мы плыли по 14 верст в час[1], не чувствуя того: корабль наш как бы стоял неподвижно. Темная ночь не помешала нам благополучно пройти многие островки, мели и подводные каменья, в Финском заливе рассеянные. Море было спокойно, ветер навевал вверху и кроме легкого шума, производимого ходом, тишина ничем не нарушалась.

---

[1] Или 8 узлов, соответствующих 8 итальянским милям, коих 60 в градусе или 1¾ версты в каждой миле.

Оставим корабли спокойно продолжать путь свой. Сделаем небольшое отступление для тех, коим небесполезно знать, каким чудесным образом столь великие громады, каковые корабли, по влажным, непостоянным зыбям безопасно движутся, и кратким объяснением мореплавания дадим им некоторое понятие о том искусстве, каким суда из края в край, от страны в страну надежно препровождаются.

Великолепное зрелище неба долженствовало привлечь внимание первых обитателей земли, особливо в тех счастливых странах, где всегдашнее благорастворение воздуха приглашало их к наблюдению светил. Созерцая беспрерывное обращение небесной тверди, наблюдая в продолжение нескольких веков, в Азии, первом жилище человеческого рода и колыбели всех наук, халдеи, египтяне, персы и китайцы первые приобрели некоторое познание в астрономии, впрочем, весьма несовершенное. Сии сведения открыли финикиянам море и наука кораблевождения восприяла свое начало. Они первые на слабых ладьях плавали только днем и в виду берегов, к которым приставали на ночь; но когда случайно относимы были от берегов бурей, то днем правили по солнцу, а ночью по звездам; средство весьма недостаточное, потому что при облачном небе и пасмурной погоде часто и надолго исчезает. Преемники их, карфагенцы, хотя и большие приобрели познания в науке мореплавания, однако ходили также не далее, как в виду берегов, и все еще подвергались великим затруднениям и опасностям.

В таком состоянии находилось искусство кораблевождения до изобретения компаса, который ввел в употребление неаполитанец Флавио Жоиа около 1300 года по Р. Х. Мореплаватели, получа орудие, посредством коего могли они во всякое время узнавать страну, куда направляют путь свой, отважились на долгое время оставлять берега и переплывать моря. Дух открытий, возбуждаемый надеждой обрести бо-

гатые корысти, внушил тогда великие предприятия. В начале XV столетия португальский принц Генрих изобрел первые морские карты, называемые плоскими[2]; он же с помощью других математиков посредством астрономических орудий, астролябий и ноктурлябий, научил наблюдать солнце и звезды: руководимые сими, весьма еще не совершенными пособиями, португальцы открыли великое пространство западного берега Африки, обошли мыс Бурь (Доброй Надежды), нашли сообщение с Восточной Индией и тем лишили венециян и генуэзцев выгод их торговли с Индией через Чермное море; взошли на верхнюю степень славы, сделались повелителями морей и обладателями великих богатств. В сие же время генуэзец Христофор Колумб, муж искусный в мореплавании и астрономии, размышляя о образе земноводного шара, сильно убедился, что к западу от Европы должно быть новой неизвестной еще земле, и что нашед оную можно пристать к берегам Индии или Китая. Долгое время тщетно представлял он разным государям сию мысль и услуги свои предпринять такое путешествие. В то время никто не хотел верить, чтобы земля была кругла; но напоследок от Фердинанда и Изабеллы, государей Кастилии и Арагонии, получил он три корабля, на коих отправясь, достиг одного из островов называемых ныне Багамскими[3], прилежащих к новой части света, и сим обретением сделал к оной первый шаг. Вскоре после сего мореплавание обняло весь земной шар, и наука постепенно усовершенствовалась.

Ни одна из наук, постепенно восходивших к совершенству, не поспешала такими исполинскими шагами, как наука мо-

---

[2] Оные карты пригодны в малых широтах ближе к экватору, или на небольшое только расстояние в широтах между тропиками и Полярными кругами лежащих.

[3] Колумб пристал из оных к Гвапани, названому им Сальвадором.

реплавания. Усовершенствование ее принадлежит XVIII веку, по справедливости названному великим веком открытий. Точное определение течения магнитной материи, законы тяготения, обретенные великим Ньютоном, новые открытия в астрономии, измерение земного градуса, определение истинного вида земли, исследование приливов, отливов и течения моря, и наконец усовершенствование карт, названных по имени изобретателя меркаторскими[4], обезопасили, облегчили и умножили быстроту путешествий на море.

Для счисления пути и определения места на карте употребляются следующие средства: компас, самое простое орудие, есть необходимейшее для управления корабля во всякое время. Он разделен на 32 равные части, называемые румбами, каждому из коих присвоено название, для обозначения, с которой стороны дует ветер, и те же румбы показывают, в которой части горизонта лежит от нас видимое, а по карте даже за несколько тысяч миль находящееся место. По сему-то устроению своему он определяет черту, по коей корабль от пристани в пристань должно править. По близости берегов, заметив по компасу два или три приметные места, и на карте проведя от них противные румбы, пресечением оных назначается место корабля на карте. Ход измеряется лагом. Оное орудие есть не иное что, как деревянная дощечка в виде четверти круга, прикрепленная к длинной нити, размеренной

---

[4] В меркаторской карте градусы меридиана уменьшены в той соразмерности, в какой параллельные круги отстоят от экватора. Оная картина представляет весь земной шар как бы разогнутый на плоскость, на которой расстояние и положение мест сохраняются в том самом виде, в каком они находятся на земле. Сии карты имеют преимущество пред плоскими в том, что они с совершенной точностью могут быть употребляемы во всех широтах и на больших пространствах.

на 48 английских футов, означаемых узлами. Бросив лаг в воду с кормы, по мере хода выпускают нить, и сколько выйдет узлов в полминуты, столько при той же силе ветра и тех же парусах, корабль пройдет итальянских миль в час. Например, если в полминуты выйдет два узла, то в продолжение часа корабль перейдет две итальянские мили или 3,5 версты. Четверть компасного круга, начерченная на корме для замечания, сколько градусов след корабля удаляется от радиуса, проведенного по длине корабля, означает дрейф или уклонения корабля от истинного пути. Каждые полчаса записывают ветер, направление пути, ход и дрейф, дабы по ним делать счисление и чрез каждый четыре часа положить место корабля на карте. Поскольку средства сии подвержены погрешностям, а особливо при долговременных, не видя земли, плаваниях, то прибегают к поверению сего счисления следующими астрономическими средствами. Октаны, секстаны и хронометры, сии астрономические инструменты, приведенные в возможное совершенство, служат первые два для наблюдения высоты солнца и звезд, по коим с математической точностью определяется широта места, в то время, когда светила сии находятся на нашем меридиане; последний же, показывая время до малейшей терции, служит для вычисления долготы. Таким образом, по широте и долготе, в больших океанах, когда и не видят земли, назначают место корабля на карте.

Сими тремя, удивления достойными средствами, — взор к звездам, к солнцу, на компас, на песочные часы[5], счет пройденного плавания и простое вычисление показывает корм-

---

[5] Часы сии считаются склянками, получасовыми и четырехчасовыми. Например, считая от полудня, три склянки значат второй в половине час, восемь — 4 часа. После сего обе склянки оборачиваются, и время считается уже от 4 часов и так далее.

чему, во всякое время, место корабля его на земном шаре. Пользуясь великой точностью карт, мореплаватель заходит в пристань, лежащую на его пути, и останавливается в ней как бы на станции для отдохновения и запасания провиантом. Христофор Колумб, без сомнения, заслуживает имя великого мореходца, ибо, не имея нынешних средств, он переплыл обширный океан по одному математическому соображению и догадке; но в наши времена и обыкновенный кормчий, совершая плавание вокруг света, достигает точно в то место, которое себе предназначил.

Ночью попутный ветер усилился, и 11 сентября к вечеру эскадра уже находилась на высоте Ревеля; но как юго-западный ветер препятствовал идти между островами Наргеном и Вульфом, то адмирал повел корабли к другому проливу и, обошед Нарген, по причине темной ночи, остановился на якоре между сим островом и Суропским маяком. С рассветом высокая колокольня Олай-кирки открылась и эскадра, вступив под паруса и *прилавировав*[6] ближе к городу, стала на якорь.

Ревель, 12 сентября

Ревель, так же, как и Кронштадт, имеет гавань и арсенал для флота. Гавань Ревельская, по низкости ее бруствера, худо защищала корабли от северных ветров, и не более 15 кораблей поместить могла; а как притом Кронштадтская гавань приметно мелеет, то для сего предназначено, оставя в Ревеле старую для купеческих судов, построить новую, которая могла бы вместить весь Балтийский флот. Два крыла нового бруствера уже окончены; они стоили многих миллионов и твердостью, искусством сложения своего, свидетельствовать

---

[6] Лавировать значит поворачивая то на ту, то на другую сторону, и при противном ветре идти помалу вперед.

будут память царствования Александра I. Единообразие готических зданий и древнее зодчество высоких кирок, украшенных вместо креста петухом, знаком отречения от Христа апостола Петра, придают старому городу вид почтенной древности. Чистота прекрасных домиков предместья с первого взгляда показывает вкус немцев. Немногие места могут спорить с Ревелем в красоте окрестностей, которые в самом деле превосходны: со всех сторон находишь картины, приятные для взора. Проведя день в упражнении по должности, к вечеру съехал я на берег, и как было воскресенье, пошел в Екатериненшаль, прекрасный публичный сад. В длинной тенистой аллее, ведущей к морскому берегу, встретил я множество прогуливающихся. Далее на площадке в летней галерее услышав музыку — вошел. Стройные, румяные и весьма щеголевато одетые жены ремесленников в вихре вальса, казалось, забывали труды рабочих дней; мужья их, при наполненной кружке пива, занимались разговорами или играли в кегли. Вот образ жизни и занятий добродушных ревельцев! Кроме праздничных дней, всякий сидит за своей работой, и в городе бывает так тихо, как в небольшой деревне.

В гавани было множество английских транспортов, пришедших для перевоза войск наших на остров Руген. Народ, смотря на видных воинов, всходящих на суда, толпился и покрывал всю набережную: слыша горькие рыдания жен и смотря на мужественные, но помраченные печалью лица солдат, чувство сострадания проникало в сердце каждого. Казалось, вся Россия по мановению своего монарха шла для преграды честолюбивых намерений Наполеона. Сей всеразрушающий дух, беспрепятственно замышляет новые войны, сей себялюбец, не имея ни одной добродетели, свойственной истинно великим мужам, попирая все права, пренебрегая благосостояние народа, избравшего его своей главой, сделался тираном Франции!

Получа в Ревеле некоторые вещи, коих недоставало в Кронштадте, и укомплектовав экипаж недостающим числом людей, мы отправились в дальнейший путь 17 сентября.

Плавание Балтийским морем

Конвой с десантными войсками, вышедший вместе с эскадрой, к вечеру уже едва был виден; миновав Оденсгольмский маяк и на рассвете 18 сентября обошед мыс Дагерорт, самый западный конец российских владений, вступили мы в открытое море. Взорам нашим представлялись только мрачные облака, гонимые северным ветром, и снежная белизна валов. В полночь вступив в отправление должности, я восхищался стремительным бегом корабля, зарывающегося в волнах, под носом наподобие водопада шумящих. Свист ветра изредка прерывался голосом стоящего на страже лейтенанта, которого бдительности вверены и ход, и безопасность корабля. Матросы были в совершенном бездействии: одни, сидя у снастей, разговаривали про свои походы, другие, находясь на верху мачт, попевали протяжные песни, иные смешными рассказами забавляли своих товарищей. Что же причиной такой их беззаботности? Упование на знание начальника, уверенность в способности и прочности своего корабля.

Выдумка построения корабля есть поистине самое важнейшее, самое полезнейшее изобретение ума человеческого. Степень совершенства, до коего доведено ныне кораблестроение, принадлежит также протекшему столетию. По правилам высшей математики найдено, какой для какого назначения образ должна иметь подводная часть корабля, какую при известной длине корабль должен иметь ширину, сколько сидеть в воду, сколько над водой, сколько поднимать грузу, сколько иметь мачт, парусов и других принадлежностей, дабы, имея все нужные качества, способен был к быстрейшему, безопасному плаванию и удобному управлению.

Таким образом, глубокие исследования, постепенно улучшая, начертали превосходное строение корабля, которого совершенство изумляет и самое смелое воображение. Строение всякого мореходного судна соображено так, что никакая буря, никакая сила ветра не может его опрокинуть, и отважный мореходец, отделенный от смерти донной доской, переплывая на нем моря, обтекая вселенную, не боится ни бездонной глубины океана, ни бушующих ураганов, ни свирепой и непостоянной стихии. Нельзя не удивляться, какое сделалось различие в строении и управлении наших против древних мореходных судов! Чудовищные галеры римлян, о трех или четырех ярусах весел, имея худые, малые, слабо укрепленные паруса, двигались только руками гребцов, и при этом не имея верных часов, не умея мерять скорости хода, едва могли плавать близ берегов. Какая опасность таких кораблей на волнуемом море! Какое неудобство при поворачивания оных! Напротив того, ныне стопушечный корабль, вдвое больший древней галеры, приняв на себя грузу многие тысячи пудов, в несколько недель переезжает из Старого Света в Новый, будучи управляем одной только рукой кормчего. Оснастка корабля столь же удивления достойна, как и его построение. Самая малейшая веревочка имеет свое название и составляет звено той цепи, которую, если вынуть, то весь состав ее разрушится. Высота мачт самая превеликая, и держа на себе великое число парусов, соразмерена так, что при тихом ветре, сохраняя всю огромность высоты своей, представляет ему самую большую площадь: когда же ветер начнет крепчать, тогда и она со всеми парусами своими по мере прибавления силы его уменьшается, и чрез то не допускает его нанести ей вред. Каждая из трех больших дерев, поставленных одно на другое, из коих два верхние могут подниматься и опускаться, верхняя называется брам-стеньга, средняя стеньга, которые вместе с мачтой, например, стопушечного корабля, имеют 40 сажен длины или высоты. Сорок парусов, растянутых на

12 реях и между мачтами, видя одни над другими в прекрасном равновесии, составляют всегда при всяком направлении ветра такую для напора его поверхность, что он, даже и противный, приносит мореплавателя к желаемой пристани.

Ветер дул постоянно, счастье нам не изменяло. 20 сентября прошли Готланд, ночью миновали Эланд, а 21-го были уже близ Борнгольма. Скоро увидели мы остров Меун. Белизна берегов его, мешаясь с синим цветом моря, представляла глазам прекрасное смешение красок. Обойдя мыс Фластербо, могли бы мы чрез час быть в Копенгагене; но вдруг ветер переменился, сделался противный, и мы принуждены были остановиться у деревни Драке, а 30 верстах от столицы Дании.

Сильный противный ветер продолжался от 23 до 30 сентября. Скучное стояние на якоре в дурную погоду, и при том так недалеко от столицы, старались мы разгонять приятностью бесед и разговоров. Как на кораблях наших находилась большая часть рекрут, то для обучения их, когда ветер немного утих, адмирал сделал сигнал кораблю «Уриула» и фрегату «Кильдюину» сняться с якоря. Выдумка сигналов, помощью коих управляется флот, заслуживает особенное внимание. Десять разных ярких цветов флагов, означающих цифры от 0 до 9, раздают все приказания адмирала, которые под номерами напечатаны в особых книгах. Верхний флаг означает единицу, под ним второй десятки, третий сотни, и так далее. Сими флагами составляются все возможные повеления, известия и тому подобное. Ночью и в туман сигналы делаются пушечными выстрелами и фонарями. Телеграфные сигналы показываются шарами и флагами, и основаны на лексиконе, заключающем в себе под номерами азбуку, и до трех тысяч самых употребительных слов. Сверх сих, есть так называемые опознавательные, которые по условленным знакам показывают дружеский или неприятельский тот корабль, с которым в море встретились. Сии и секретные сигналы,

поручаемые адмиралам и капитанам, не прежде распечатываются как в нужде, и притом хранятся как государственная тайна.

Копенгаген[7]

Гавань Копенгагена всегда наполнена кораблями; биржа завалена тюками товаров, свезенных сюда от всех концов земного шара. Датчане успели воспользоваться нейтралитетом, умели приобрести богатство тогда, как другие европейские народы разорились; и ныне одни они остались соперниками в торговле англичанам. Торговые общества, в которых по примеру шведского и английского, сам король участвует, приносят им верные и великие выгоды. Принадлежащие короне купеческие суда отличаются вензелем короля, изображенным на флаге.

Насыпь разделяет гавань на две части: в одной стоят 30 военных кораблей, в другой помещаются 300 купеческих судов. Военная гавань, адмиралтейство и верфь могут служить образцом вкуса, порядка и бережливости. Магазины наполнены всем нужным для вооружения кораблей, запас лежит, готовый на несколько лет вперед. Леса не прежде употребляются в строение, как по совершенном их осушении. Стапели, на которых строятся корабли, покрыты крышей. Корабли, стоящие в гавани, прикованы цепями к сваям, также покрыты дощатою крышей, а от солнца бока завешены парусиной; посему и неудивительно, что датские корабли служат по 50 и более лет. Сия благоразумная бережливость, конечно, сохраняет государственной казне многие миллионы. Каждый корабль поставлен против магазина, в котором паруса, снасти и все его принадлежности разложены в порядке,

[7] Считаю небесполезным сообщить здесь прежние мои замечания о сей датской столице.

и при вооружении не нужно разъезжать по разным местам. Датский флот никогда почти не выходит в море, половина матросов в мирное время отпускаются на купеческие суда, на коих служа, не только приобретают нужные познания, но обеспечивают свое состояние. Другая половина состоит на службе, работает в Адмиралтействе, учится стрелять на батареях, а в свободные дни отпускается на свои работы на биржу. Чрез несколько лет они сменяются первыми. И таким образом, находясь на службе и освобождаясь от оной, по воле и неволе, делаются в своем ремесле опытными искусными матросами. Арсенал, прекрасной наружности здание, также в Адмиралтействе находящееся, хранит всякого рода оружие для ста тысяч войска. В особой палате показывают древние шлемы, панцири, палицы и щиты. Иные латы весят от четырех до пяти пудов. На клинке одного тяжелого меча подписано золотой насечкой: «Петр Великий посещал арсенал сей в 1718 году».

Биржевой дом, за Адмиралтейством находящийся, обращает внимание огромностью своей и готической наружностью. Здание сие представляет безмерную залу, всегда наполненную народом, где беспрестанно ездят огромные телеги, влекомые 12 лошадьми, и где товары всех родов и на многие миллионы лежат на столах, под шатрами, в особых лавках, вдоль стен построенных, и над головами висящих, куда всходят по подъемным лестницам. Вход и выход сего дома украшен портиком с толстыми колоннами; длинные стороны обезображены несоразмерно высокими окнами, в коих стекла, круглые и разноцветные; крыша вся в углах, со множеством слуховых окон.

Главная улица и две площади украшены двумя конными статуями Христиана V и Фридриха V. Первая площадь составляет восьмиугольник и обстроена прекрасными домами равной высоты. Частные здания Копенгагена не могут

сравняться с петербургскими; они представляют смесь готической и новейшей архитектуры; но множество магазинов, лавок и погребов показывает, что Копенгаген производит гораздо значительнейшую торговлю, нежели наши столица. Дворец и библиотека, которые украшали город, к сожалению, сгорели. Королевский музей почитается одним из лучших в Европе; оный разделяется на восемь залов, наполненных всякого рода редкостями. Животные, птицы, рыбы, растения, минералы, собранные от всех стран мира, составляют богатый кабинет естественных редкостей. Из искусственных произведений я замечу наиболее достойные примечания: 1) человеческий скелет из слоновой кости, с малейшими артериями и жилами; 2) модель корабля, с мачтами и парусами; 3) часы из слоновой кости, отделаны с удивительной точностью; 4) мраморный стол с натуральным на нем изображением распятия; 5) деревянная чашка, в которую вложены сто других, столь тонких, что при легком к ним прикосновении они гнутся, как бумажный лист; 6) в обыкновенный игольник вмещена карета, запряженная шестью лошадьми, кучер, вершник и слуга, столь хорошо выработаны, что, рассматривая их в микроскоп, нельзя не удивиться совершенству их фигур; 7) машина, представляющая сферу по Коперниковой системе, обращаемая помощью колес, показывает все движения небесных планет; 8) одежды и оружие многих народов; 9) несколько индейских и египетских идолов, деревянных, фарфоровых и из слоновой кости сделанных; 10) несколько листов, писанных на папире. Наконец, в картинной галерее одна из картин обращает на себя внимание. Она поставлена в темном углу и представляет старика, сидящего подле стола, окруженного его семейством, и при свечке, в очках, читающего книгу. Постепенное разлитие света столь превосходно, что только одному Жирарду возможно столь чудесно живописать огонь. Не менее того, художник сей

картины неизвестен. Знатоки расположение в ней теней и света поставляют примером искусства живописного.

Зунд

После долгого ожидания ветер сделался наконец попутный, и эскадра на всех парусах пустилась излучистым каналом в Зунд. Оный столь опасен, что, хотя отмели с обеих сторон означены баканами и вехами, однако ж в деревне Драке все корабли берут лоцманов. Ветер был довольно свеж, и мы быстро промчались мимо датской столицы. Башни со шпицами, гавань со множеством кораблей, прибрежные крепости, а за ними огромные здания Копенгагена представляют с моря прекрасный вид. Набережная Зеландии, которую проходят весьма близко, усеяна деревнями и загородными домами. Сады, рощи и луга отменно украшают местоположение. Другая сторона Зунда — шведский берег — кажется не так населен, не так украшен; но золотистые его нивы показывают плодоносие. В двух милях от Гельзинора находится небольшой Королевский домик с плоской крышей. Сказывают, что оный построен на том месте, где жил Гамлетов отец, а ближний сад был местом, где сей несчастный отравлен ядом. Ни один англичанин не пропустит осмотреть оного: такова сила таланта славного Шекспира! По прелестным видам плавание Зундом можно назвать приятной прогулкой. В сем проливе, стесненном двумя цветущими берегами, всегда, как на большой дороге, встречаешь большие караваны кораблей различной величины. Все движутся туда и сюда: одни летят, другие бегут, третьи едва идут; иные несутся по ветру и течению, а другие, противоборствуя им, медленно вперед подвигаются.

Некоторые путешественники рассказывают, будто бы остров Веен, лежащий среди Зунда, обратил внимание Петра Великого, и будто бы он предлагал за него датскому королю

столько серебряных рублей, сколько их на нем поместиться может. Если сие было, то, без сомнения, Петр Великий сею шуткой хотел означить великое число судов, ежегодно проходящих Зунд, и что ежели бы ему сей остров продали, то, поставив на нем крепость и собирая с них пошлину, он скоро бы ему окупился. Оный принадлежит теперь Швеции и Дании пополам и, едва населенный 200 и 300 жителей, представляет одно только удобство — торг запрещенными товарами.

Гельзинор, 30 сентября

В четыре часа эскадра пролетела Зунд и остановилась у Гельзинора. Тут всегда бывает великое сборище судов почти от всех стран мира, ибо все идущие в Балтику и обратно, для заплаты пошлины, должны здесь остановиться. Море пестреет от разноцветных флагов и вымпелов. Корабли беспрестанно то отходят, то приходят, и пушечные выстрелы, и крик работающих матросов имеют в себе такую прелесть, что со шканец сойти не хочется. Город, стоящий на низком берегу, представляется сквозь лес мачт, как будто бы за густым бором.

После обыкновенных посещений и поздравлений с прибытием офицерам позволено было съехать на берег. Шел небольшой дождь, на улицах было так грязно, а от множества иностранцев так тесно, что мы принуждены были войти в первый кофейный дом; но лишь только проглянуло солнце, как мы оставили дымный от сигар и трубок трактир, не стали читать газет и вместо того пошли прогуливаться. Сыскав проводника, приказали вести себя за город, — и деревянные башмаки его застучали на мостовой. Прошли несколько улиц и весь тут город! Домы высоки, и только три или четыре окна в фасаде, внизу везде лавки. Пришед к воротам Кронборга, учтивый караульный офицер ввел нас на двор замка, подобного четвероугольной башне. Церковь с готической коло-

кольней была заперта, мы сошли вниз в казематы, где содержатся преступники. Они не лишены воздуха, тюрьмы чисты, невольники по силам заняты работой и только смертоубийцы на ночь обременяются цепями. Стены замка дикого тесаного камня, весьма толсты и вооружены несколькими пушками. Лучшие его укрепления, морские батареи, вне стен построенные. Оные могут вредить кораблям, но флота, прорывающегося сквозь пролив, особенно при свежем ветре, остановить не в силах. Лорд Нельсон в 1801 году доказал, кажется, датчанам, что Зунд их не непроходим.

Караульный офицер предложил нам идти в Королевский сад и приказал проводить туда одному из солдат своих. Был какой-то праздник, аллеи пестрели от женских нарядов. Мужчины мерными шагами ходили взад и вперед, снимали перед нами шляпы, или лучше только до них дотрагивались, и курили сигары. Хотя листья опали и оставалось уже мало зелени; но сад, расположенный на горе и близ моря, показался мне весьма приятным. С балкона летнего дома, построенного на открытом месте, вид Гельзинора и окрестностей представляет прелестную картину. Шумный Зунд, отделяя сей вид от грозных крутых скал Швеции, сей самой противоположностью тем более пленяет взоры.

Как ветер для отплытия в Англию был противный, а день прекрасный, то сев на шлюпку с несколькими товарищами, в полчаса переправились мы чрез Зунд и вышли на берег в Гельсинборге. Две улицы под горой, развалившаяся ветряная мельница на горе и красные высокие крыши домов — вот все, что можно видеть в сем небольшом городке. Никто не обеспокоил нас на дороге, ибо, прошедши до средины города, не встретили мы ни одного человека. Далее, хотя и попадались нам люди, но никто нас не понимал, все проходили мимо, улыбаясь, и мы не знали, куда идти. Видим вывеску аптеки — портрет Галена — мы вошли. К потолку привешен крокодил

и в чучеле ужасный! Какая находка! В чистых шкафах, вместе с лекарствами, в банках стоят конфеты. Купим их скорее, ибо надобно же иметь какую-нибудь причину зайти в аптеку. Наконец, показали нам трактир, усыпанный песком, правильно уложенным ельником, и мы очень обрадовались, нашедши там играющих на бильярде прекрасных и видных шведских офицеров полка желтых гусар. Они как хозяева нас обласкали, мы познакомились, отобедали вместе и расстались дружески.

Плавание Немецким морем

3 октября, при тихом юго-восточном ветре, эскадра снялась с якоря. По причине противного течения в продолжение ночи едва успели обойти мыс Куллен и опасный остров Ангольм, окруженный мелями. На другой день ветер, отошед к востоку, сделался очень силен, корабли пошли по 22 версты в час и в 14 часов прошли весь Каттегат. При захождении солнца угрюмые дикие скалы Дернеуса, последнего мыса Норвегии, были против нас, а к ночи эскадра вступила в Немецкое море. Бурная, мрачная ночь представляла великолепное зрелище: корабль, рассекая и вместе нисходя и восходя на валы, производил бегом своим струю и пену, обращенную в пыль. След, а паче близ руля, стлался по хребтам волн рекой лавы, огненным змеем, который, извиваясь, казалось, гнался за кораблем. Вода издавала блеск, подобный золоту, корабль, по-видимому, плыл в расплавленном металле. Под носом, где наиболее сопротивления, раздробленные грудью корабля валы, подобно шифонному столбу, вздымаясь высоко, огненным дождем падают на палубу. Картина ужасная и вместе прекрасная! Морская вода, содержащая в себе множество селитренных, фосфорических, и других частиц, от трения о борт корабля, как будто возгорается, и в темную ночь при скором ходе производит сие явление.

На другой день, когда мы были посреди моря, то сожалели и о скучных кремнистых берегах Норвегии. Обнаженные скалы сии рождают вопрос, чем питаются жители, их населяющие? Милосердый Промысл, дав верблюда аравитянам, оленя — лапландцу, норвежцу приводит сельдь, так сказать, к дому, ежегодно и в таком множестве, что бесплодие земли заменяется плодоносием океана. 1800 года я видел лов сельдей в Бергене, а прошедшего 1804 года в Консбаке[8], зрелище любопытное и приятное. Когда сельдь вошла в залив, море до сего светлое, как зеркало, переменило цвет и заблистало рыбьей чешуей. Головы акул, нордкамеров и касаток беспрестанно показывались на поверхности воды. Нордкамеры, род малых китов, имея горло обширнейшее исландских, суть злейшие неприятели сельдей. Они, пригоняя их к берегу, бьют хвостами; оглушенная сим попадает она в пасть их. Рыбачьи лодки, держась в двух линиях, черпают рыбу саками, ведрами и берут даже руками. Ночью лов всегда бывает успешнее, ибо рыбы, стремясь к огням, зажигаемым на берегу и на лодках, в великом множестве попадаются в сети, растянутые с лодки на лодку. При удачной ловле один промышленник в ночь получает ее столько, сколько нужно на год для его семейства. Голландцы тотчас по вынутии сельди из воды, потрошат, вымывают морской водой, солят и укладывают в бочонки, и вероятно от сего приготовления сельдь их лучше прочих; ибо англичане, шведы и наши архангелогородцы очищают ее спустя уже некоторое время.

Вечная премудрость, которая печется о сохранении всех тварей, и здесь заметна в жизни и разуме сельдей, если сим можно назвать то тайное побуждение (instinct), которое заставляет их предпринимать путешествие всегда в одно время,

---

[8] Залив, удобный для кораблей, в 30 верстах от Готенбурга к востоку лежащий.

до известной широты, и в строе, порядке удивительном, возвращаться в отечество свое, Северный полюс, где под льдом от хищных рыб живут они в безопасности. Вот путь, по коему они следуют: в начале года армия сельдей выступает и плывет к югу. В марте месяце, достигнув Исландии, разделяется на два корпуса. Первый, разными отрядами, идет к Тенерифу, другой обращается к Норвегии и, обошед мыс Дернеус, разделяется на две колонны. Одна из них, чрез Зунд, другая чрез Бельты, входят в Балтийское море, где дошед до Шведских шхер, возвращаются назад и плывут соединенно к берегам Голландии. Западная армия, всегда преследуемая хищными рыбами, обходит Шетландские и Оркадские острова, идет вдоль берегов Великобритании и Ирландии, обращается в Английский канал и отделяет от себя еще одну колонну в Атлантический океан, которая далее Бискайского залива редко является. Распространившись таким образом по всем северным морям, соединяются они в Немецком море и в конце осени возвращаются в свою отчизну. Естествословы, изыскивая причину такого правильного путешествия сельдей, полагают искание пищи, состоящей в червях, коими северные моря преисполнены.

В сем путешествии сельдей представляется для наблюдателя зрелище столь любопытное, сколь же и удивительное. Впереди армии их идет авангард, в центре главного корпуса находится король, который отличается от прочих величиной, простирающейся до аршина. Сей король управляет всеми движениями, и обыкновенно в море плывут сельди фронтом; когда же придется проходить им пролив, тогда свертываются колонной. Если случится кому поймать короля, тотчас бросают его в море, ибо рыбаки думают, что без него лов не может быть так удачен; и самые хищные рыбы, как полагают, щадят его по той же причине. Сельди, так говорит красноречивый Бюффон, производят маневры свои без малейшего

замешательства. В походе ни одна не оставляет своего места, нет между ними беглецов, ни отставших; они продолжают путь свой безостановочно, переходят от места к месту всегда в одно время и всегда в известный срок возвращаются домой.

5 и 6 октября ветер стоял в прежней силе, море подобно было снежному холмистому полю, корабли в ходе не уступали один другому, и мы не имели приятности дожидаться заднего. Ночи были самые осенние, сумрачные, холодные с дождем. Облака мчались быстро, луна изредка показывалась. Темнота, скрывавшая предметы, казалось, усиливала ветер, который ужасным образом завывал в снастях. Корабль валяло с бока на бок, подобно легкой лодке. Когда ветер дует с кормы, корабль имеет боковую качку самую беспокойную и вредную для его корпуса. По сему-то и самый благоприятный хорош бывает только до некоторой степени.

7 октября ветер несколько стих, и мы прошли английскую эскадру, лежащую посреди моря на якоре, на догербанке. Отмель сия так соразмерно возвышается к средине, что когда придешь на нее, то, бросив лот (свинцовая гиря) по числу сажен глубины и грунту определяют место корабля на карте. 8 октября пасмурность очистилась, море успокоилось, день сделался прекрасный, стаи чаек носились уже в воздухе, что означало близость берега. Вскоре караульный матрос наверху передней мачты закричал: берег виден! Все с зрительными трубами бросились смотреть. Надобно быть на море, чтобы чувствовать радость при появлении земли. Переход от грозного вида моря к зрению цветущей зелени ни с чем сравнить не можно. Тут с жадностью рассматривают малейшие оттенки показавшегося строения; по мере приближения удовольствие увеличивается, предметы возникают, растут из моря и мало-помалу от скучного единообразия неба и воды, переходишь ко множеству приятных видов, которые движутся, изменяются и представляют взору такое занятие, что

зрением сим не можешь довольно насладиться. Прежде всего увидели мы нордфорландские маяки[9]. Вот Англия, вот и Франция, в землях сих двух народов, такое же соперничество и противоположность, как и во нравах. Беловатые берега Альбиона мало возвышены и покрыты зеленью. Все видимое пространство разделено пашнями, лугами, рощами; усеяно городами, селами и прекрасными мызными домиками. Пристань Дувра наполнена кораблями, за ним к северу у Доунса стоит большой военный флот. Напротив Кале лежит печально на песчаной косе, в бесплодной пустыне, где не видно ни дерев, ни лугов и ни одного корабля, ни одной рыбачьей лодки в гавани. Прекрасная ночь и благоприятный ветер способствовали нашему плаванию в Английском канале. 9 октября на рассвете эскадра прибыла в Портсмут.

Портсмут. Октябрь

Лишь только эскадра стала на якорь, шлюпка со стопушечного корабля, на коем был флаг адмирала Монтегю, главного командира Портсмутского порта, пристала к «Ярославу» для поздравления с прибытием и положения о салюте, в котором англичане пред всяким флагом требуют преимущества. С некоторого времени, однако ж, с российскими адмиралами они сделались снисходительнее и теперь на 15 выстрелов нашего отвечали равным числом. Едва успели мы убрать паруса, уже множество любопытных взошли на корабль: толстые, опрятно одетые торговки, качаясь у борта на малых яликах, продавали свежую зелень, хлеб, сливки и плоды. Один из вошедших любовался русскою постройкой

---

[9] Считаю небесполезным заметить, что английские лоцманы для лучшего рассмотрения маяка направляют на него зеркало, и тогда не только огонь, но горизонт и окрестные предметы, расстоянием на 25 верст, очень ясно показываются.

корабля и веселым видом людей; другой, приглашая в свой трактир, называл его лучшим в городе; купец с щегольским поклоном отдавал билет, по коему можно сыскать его лавку, и печатный лист с званием товаров и цен; театральный содержатель, приглашая удостоить посещением его сцену, обещал из уважения к русским офицерам осветить ложи великолепно. Наконец бот с сотней прекрасных женщин, щеголевато одетых, желали взойти на корабль и видеть российских мореходцев; но мы не могли принять и принуждены были отказаться от посещения, которое, впрочем, было бы нам весьма приятно[10]. Бот с водой[11], другой с мясом и зеленью вскоре уже прибыли к эскадре, и внимание английского правительства простиралось до того, что мы, не сходя с корабля, имели все нужное.

Спитгед

Так называется большой рейд Портсмута, заключающийся между островом Вайтом и городом. На нем удобно поместиться могут до 5000 кораблей. Будучи главным сборным местом военным и купеческим флотам, может быть нет в свете гавани, где бы вдруг стояло такое множеством судов, приходящих сюда со всех концов земного шара. Здесь во всякое время стоит эскадра или две, определенные для крейсерства в канале; сюда же приходят ост- и вест-индские транспорты для получения конвоя и выдержания карантина. Я никак не мог перечесть, сколько на рейде стояло судов, мачты ближайших, закрывая дальние, уподобляют рейд

---

[10] По морскому уставу одним женам позволяется посещать мужей своих, и то только до пробития зори в своих портах.

[11] Вода наливается в трюм, обитый свинцом, и с помощью насосов, когда бот пристанет к борту, скоро и удобно переливается в корабельные бочки.

большому городу, весьма населенному, в котором все движется и действует беспрестанно. Нидельский пролив, по северную сторону острова Вайта лежащий, также прилив и отлив, обращая воду чрез каждые шесть часов то к морю, то к берегу, дает возможность кораблям во всякое время и при противном ветре удобно приходить и отходить, что и составляет наилучшее преимущество военного порта. Глубина от 5 до 14 сажень. Рейд открыт южным ветрам.

Взгляд на город

Пасмурная дождливая погода, туман и густые облака дыма покрывали город. Смрад от каменных угольев доходил и до нас. На третий день, когда небо прояснилось, с великим нетерпением с тремя товарищами, сев в шлюпку, поехал я в город. Едва ступил ногой на пристань, первая встреча и первое происшествие — пьяный рыжий матрос просил позволить одному из наших гребцов биться с ним на кулачки. Шитые наши мундиры, как казалось, привлекали внимание черни. Толпами, забегая вперед, беспрепятственно окружали нас, и мы насилу протолкались до большой улицы. Переходя по тротуарам, бродя сами не зная куда, на парадной площади встретили мы прекрасных мальчиков с сумками и книжками в руках; они, бегая и прыгая пред нами, кричали: рушин добра! рушин добра!.. Прекрасное приветствие, но как это одно слово, которым англичане думают говорить по-русски, то иногда оно принимается и в противном смысле. За ними шли маленькие англичанки: в капотцах, соломенных шляпках, с корзинками в руках; едва ли некоторые, и то закрасневшись, осмелились взглянуть на нас мимоходом. Позолоченная вывеска, на коей подписано: «Предложение услуг господам русским офицерам», остановила нас. Всходим на крыльцо и в просторные сени. Несколько мальчиков бросились: одни — чистить сапоги, другие — обметать мундиры,

и за такую услугу требовали по шиллингу. Взявшись за ручку дверей, услышали мы звон колокольчика, и на самом пороге прекрасный мужчина в башмаках, в шелковых чулках, расчесанный, распрысканный духами, с двумя часами или, может быть, только с двумя цепочками, является и учтиво кланяется. Мы остались бы в недоумении, за кого принять сего щеголя, если бы молчаливое, вместе почтительное и озабоченное лицо не означало в нем трактирного слугу. Поклонившись еще в другой раз, показал он комнату: по столам, на окнах, везде разбросаны газетные листы. Посетители в шляпах углублены были в чтение. При входе никто не обратил на нас внимания, хотя мы и поклонились безмолвному их собранию. Веселый шум с другой стороны привлек нас в комнату, где мы нашли наших офицеров почти со всей эскадры. Не нужно сказывать о чистоте и порядке английских трактиров; но должно заметить, что в них на каждом шагу надобно вынимать кошелек, который, как бы тяжел ни был, скоро делается легким. В шесть часов подали обед; сам хозяин, вежливый, благовидный старик, угощал и при каждом блюде спрашивал: «Хорошо ли? Нравится ли?» Проворство слуги было удивительно: он один услуживал тридцати особам и везде успевал. Тут мы ночевали. Поутру вместе с чаем подали завтрак и газеты. Журнальные новости для англичан стихия, столь же необходимая, как и воздух. Все утро занимаются политическим прением, и даже дамы столь твердо знают географию, что могут показать на карте место всякого сражения и изъяснить план и движения войск.

Иностранца, приехавшего в первый раз в Англию, изумляют деятельность, трудолюбие и чистота. От утра до вечера вы увидите в городе такое движение, какое редко где найти можно: всякий спешит к месту своему широкими шагами, которые, кажется, помогают обдумывать дела. Здесь не раздавит вас скачущий экипаж; даже дамы не стыдятся ходить

пешком, и это, избавляя от неприятного стука карет, сохраняет лучше здоровье. Фасады домов, мостовые и тротуары представляют удивительную чистоту: их беспрестанно то метут, то обмывают. Дома, в коих окна так чисты, что их, кажется, совсем нет, большей частью не штукатурены; но прекрасно выделанные кирпичи не отнимают вида. Некоторые построены из досок, но от каменных их отличить нельзя: стены снаружи по извести убиты острыми кремнями, и когда по утрам обливают их водой, при свете солнца блестят как дорогие каменья. Красного дерева или выкрашенная под лак дверь ведет на лестницу, и составляет вход каждого дома. Нижние этажи занимаются бесконечным рядом богатейших лавок. Товары разложены за большими стеклами столь искусно, что невольно подойдешь и купишь. Войдите в суконный магазин, купец, ни слова не говоря, подает книгу с образчиками и надписанной ценой, выберите, молча заплатите и когда вас спросят: «Что вам угодно шить и когда прикажете, чтоб все было готово?» Отвечайте: «Фрак через два часа». И будьте уверены, что в назначенное время все будет готово. Если бы вы покупали на несколько тысяч рублей, выберите товар, заплатите по печатной таксе, и все доставлено будет на дом в настоящей мере и весе.

Адмиралтейство

Портсмут почитается лучшим укреплением в Англии и состоит из трех частей или городов: Портсмуте, Портси и Госпорта. Первый обнесен земляным валом и к югу имеет укрепление, называемое Соутси-Кестель. Устье реки, служащей гаванью, защищается круглой крепостью Монктон. В Портси, лежащем возле Портсмута и на одном с ним острове, находится Адмиралтейство, может быть, лучшее и обширнейшее в свете. Гавань и доки всегда заняты починивающимися и строящимися кораблями, огромные здания

наполнены всем нужным для флота, мастерские в беспрерывной деятельности. Не стану говорить о прекрасных строениях, в коих видна прочность и удобность; не упомяну о бесчисленных запасах всякого рода, коими наполнены арсеналы и магазины; не распространюсь о красоте и прочности кораблей, которые, как всякому известно, совершенны, но замечу только, что здесь, кажется, ничего не умеют делать дурного: каждый мастеровой искусен в своем деле. Простой плотник обрабатывает кусок дерева, для вставки в палубу корабля, по циркулю, линейке и угломеру. Это, кажется, уже слишком. Наш плотник, не имея в руках никаких инструментов, кроме топора, оканчивает сию работу скорее, нежели три англичанина и ежели не так чисто, то так же точно. Где у нас употребляется сила людей, здесь производится машинами, огнем, водой и лошадьми. Стук и гром колес, треск и клокотание огня и воды, в беспрерывном движении находящихся, заменяют несколько сот работников, улучшают вещь и сокращают время. Невозможно описать всех машин, коих состав удивляет и самых мудрых механиков. Скажу об одной блоковой: она, с помощью восьми человек и четырех мальчиков, отделывает в день по 600 блоков. Француз, изобретший ее, награжден довольно щедро: ему выдается с каждого средством его сделанного блока по два пенса (4 копейки) по смерть. Как исчислить, сколько тысяч блоков сделают в день во всей Англии и сколько тысяч рублей получит он в продолжение своей жизни? Вот способ, коим попечительное правительство достигло совершенства всех изделий! Дух английского народа стремится к приобретению богатства, к умножению избытков, и правительство, питая в нем сие рвение, вознаграждает щедро трудолюбие не только своих, но и чужеземных художников. Французы с пользой упражняются в механических искусствах: живое воображение делает их к тому способными; но сложные машины, в коих потребна

геометрическая точность, нигде, кроме Англии не могут быть так сделаны, ибо французы, не имея английского терпения, не достигают совершенства в такой работе, которая требует постоянного внимания.

Из Адмиралтейства на ялике переправились мы в Госпорт. Посреди реки на вертлюжных якорях стоят разоруженные старые корабли. Бедные французы выглядывали из окон, другие танцевали на верхней палубе. «Хорошо ли содержат сих пленных?» — спросил я у перевозчика. «Так же, как наших во Франции». Это значит, очень дурно. На сей вопрос француз, может быть, отвечал бы: «Так же, как и в Англии». Кому тут верить? Известно только то, что английское правительство посылает знатные суммы для содержания своих пленных во Франции, а Бонапарт не издерживает на сие ни копейки.

Госпиталь

Осмотрев в Госпорте Гасларскую морскую госпиталь, Ботанический при ней сад и анатомический театр, всякий должен согласиться, что в Англии не жалеют издержек на человеколюбивые заведения. Здание имеет простую наружность, внутренность расположена удобно и покойно. Вошед в длинные палаты, дышишь столь же чистым воздухом, как и в саду. Занавесы у окон, белье, посуда, мебель, порядок и опрятность не дадут заметить, что находишься в больнице. В одной комнате помещены раненые, кровати их с винтами, помощью коих можно больного посадить, не трогая раненой руки или ноги. В палате трудных я рассматривал все с особенным удовольствием и остался в ней долее, нежели в других. Постели поставлены в нескольких шагах одна от одной; пред каждой столик с лекарствами; на черной доске, висящей у изголовья, написано, когда их принимать. Больные имеют то утешение, что смертный одр их окружают родственники, и

последний вздох примут сердца чувствительные. Посмотрите, какое умиление в глазах этой девушки, подающей слабому старику пить!

Посмотрите, с какой чувствительностью сия женщина читает молитву, и в сердце друга жизни своей льет бальзам утешения! Здесь все говорят шепотом, какая черта сострадания! Два лекаря сидят у стола: они всегда готовы подать помощь, какое милосердие! Женщины ходят за больными, раздают лекарства и пищу, какой присмотр и чистота! Перед передним фасадом на обширном дворе бьет фонтан, от коего, чрез трубы, вода проведена в кухню и во все сени. С удовольствием можно сказать, что присмотр и чистота в наших госпиталях нимало не уступают английским. Больница же для обер-офицеров, бывшая в Кронштадте, может служить образцом.

Дамский клуб

В один ненастный бурный вечер, когда при пылающем огне в камине, сидели мы вокруг чайного стола, Джамес, трактирный слуга, докладывает о директоре дамского благородного клуба. Молодой румяный попечитель дам, сделав по правилам танцевального искусства несколько пренизких поклонов, пригласил нас на бал, имеющий быть сего вечера. Как отказаться от такого предложения? Употчивавши г. директора по-русски и отпустив его весьма довольного, мы не знали, как привезти с корабля платье; темнота и сильный ветер препятствовали послать шлюпку. Проворный Джамес избавил нас от забот: чрез час несколько гиней, несколько портных и парикмахеров снабдили каждого всем нужным. Кареты поданы: мы приезжаем и входим в залу собрания еще вовремя. При звуках громкого марша директор с плоской треугольной шляпой под рукой встретил нас при входе. Зала не имела никаких убранств, кроме белых стен и нескольких

ламп, ярким огнем освещавших всю длину ее. В противоположном конце от дверей, на стульях, поставленных рядами, сидели дамы, все в коленкоровых, ослепительной белизны платьях; кавалеры стояли позади в отдалении. Директор представил нас некоторым, сидевшим в переднем ряду, и нас тут же посадили между девицами — девицами потому, что не слыхал я, чтоб которую называли Lady; все были Miss, и в самой цветущей молодости. Обычай совсем новый для русских! Здесь девицам оставляется вся свобода, а женщина, мать семейства, напротив, сидит дома и редко, очень редко, является в большие собрания. Служащие офицеры были во фраках, как мне сказывали, потому, что в обществах имя гражданина предпочитается военному званию. Мальчик в круглой шляпе и девочка в хорошеньком платьице, прекрасные, как два Купидона, открыли бал менуэтом и жигой, и в сей последней девушка при самых смелых движениях сохраняла нежность и приличность. После начались премудреные кадрили в 12 пар, от которых мы отказались, но дамы хотели, чтоб мы танцевали, и сами вызвались научить нас чему-нибудь английскому. Одна девица предложила мне быть ее кавалером во весь вечер, и это особенное снисхождение оказываемо было только русским. Каждый из нас имел свою даму. За кадрилями последовали экосезы, в которых стройность стана для живописцев и ваятелей представила бы прекрасные образцы и положения. В короткое время мы познакомились: кто говорил по-английски, окружен был дамами; разумевшие другие языки также не остались без занятия, но можно было заметить, что свой язык предпочитали иностранным, особенно французскому. Между собой все говорили по-английски. Оттого-то язык, столь бедный и на слух грубый, в устах женщины становится нежным и мягким, и оттого-то англичане прежде всего стараются как можно лучше объясняться на своем природном языке, ибо в про-

тивном случае они в женском обществе были бы смешны, а быть смешным здесь, так же, как и везде, весьма неприятно. Нескольких русских слов, вытверженных развязными англичанками, производили в собрании шум; друг друга учили, как их выговаривать, смеялись, ломали язык и сей шуткой умножали общее удовольствие. В 12 часов дамы скрылись, и мы остались с одними кавалерами: нас замучили политикой и новостями. Что делают дамы? Они пошли переодеваться, переменять чулки, башмаки и перчатки. Чрез полчаса двери отворились, дамы несли столы, скатерти; три и четыре вместе тащили превеликий самовар, столько же несли чайный прибор и разные закуски. Мы бросались помогать, но нам этого не позволили. В минуту зала уставилась столиками, вокруг коих дамы суетились в приготовлении чая. Когда сели по местам, из каждого стола вышло по одной даме: они взяли наперед всех англичан, нас последних разобрали поодиночке и угощали точно так, как в своем семействе. После приятного ужина экосезы продолжались до света, и по желанию членов нам предложили билеты на будущие собрания. Этот бал доставил некоторым офицерам знакомства самые приятные.

Окрестности Портсмута

В намерении сделать небольшую прогулку, избрав ясный октябрьский день, мы взяли три почтовые коляски и двух верховых лошадей. Мне досталась одна из последних, но я, как плохой ездок, на манежной лошади скоро отстал от товарищей. Выехав за город и не могши догнать передовых колясок, тихим шагом ехал по прекрасной гладкой и ровной, как пол, дороге. Обе стороны ее густо обсажены шиповником и ежевикой, проезды в поле заставлены рогаткой, так, что никто из проезжих не может ехать стороной. Трудолюбие видно на каждом шагу; нет и клочка земли необработанной. Каждая дача обрыта рвом и обсажена деревьями. Домик

земледельца представляет удобность, вкус и чистоту. Во всем видны порядок и устройство; везде встречает изобилие, довольство, и нигде взор не поражается бедностью. Крестьянин работает на прекрасной лошади; тучный рогатый скот и овцы пасутся на лугу его. Ничего худого, истомленного; ничего нет похожего на недостаток.

Чрез две мили меня остановили у шлагбаума. Безногий инвалид, узнав, что я русский, не хотел взять с меня нескольких копеек, положенных для содержания дорог. На четвертой миле лошадь сама остановилась у почтового двора. Не спрашивая, куда и зачем я еду, мне тотчас подвели другую, и три почтальона протянули ко мне руки. Каждый кратко и решительно объявлял свое требование: один просил за то, что подал лошадь, другой — что чистил седло, третий — что почистил шляпу. Пылкий конь, которого не смел удерживать, скоро доставил меня на другую станцию; тут узнал я, что коляски не проезжали, и следственно, разлучась со своими товарищами, должен был воротиться в город, без всякого удовольствия, проскакав взад и вперед 16 миль. От верховой езды, к которой не привык, устал, почувствовал необыкновенный голод и, вошед в кухню, просил, чтоб подали скорее готового каплуна. Хозяйка не соглашалась, потому что он изготовлен по заказу господина, который должен сей час приехать; но служанка решила наш спор, воткнув другого на вертел, жареного подала мне. Лишь только сел я за стол, коляска подъехала к крыльцу; хозяйка прибежала отнять мое жаркое, а служанка, держа ее за руки, не допускала; между тем вошел в залу пожилой мужчина в мундирном сюртуке и, узнав причину шума и то, что я иностранец руской (так назвала меня в досаде трактирщица), успокоил ее тем, что он более был бы доволен ею, если бы она и весь его обед подала мне. Потом, обратясь ко мне, просил вместе с ним откушать. Едва успел я поблагодарить за учтивость, как вбежала в ком-

нату молодая девушка в соломенной шляпке. «Это моя дочь, — сказал полковник. — Бетси! Рекомендую тебе русского офицера: он будет с нами обедать, поди похлопочи, чтоб нам подали чего-нибудь получше, и бутылки две хорошего вина».

За столом полковник распространился о настоящих происшествиях. В откровенном разговоре превозносил бескорыстие нашего императора, и сие нравилось мне потому, что англичане не слишком бывают на похвалы расточительны. Он довез меня до деревни, где по счастью нашел я моих товарищей, которые начали уже беспокоиться, и, возвратясь в город, хотели послать искать меня.

Остров Вайт

Хотя октябрь уже был в исходе, но погода стояла ясная и довольно теплая. Желая воспользоваться свободным от должности временем, согласились мы (нас было 8 человек) осмотреть Вайт и побывать в Ньюпорте, главном сего острова городе, отстоящем от Спитгеда в 12 верстах. Дабы иметь более времени, рано поутру съехали мы в деревню Ковес, против которой недалеко стояли наши корабли. Содержатель кофейного дома, по знакомству, взял на себя труд изготовить экипажи, а между тем подали чай. Пастуший рожок вызвал меня на балкон посмотреть на площадь, куда каждая хозяйка дома или девочка, сопровождаемая собакой, выгоняли скот. Род сих пастушьих собак заслуживает внимание: известно, что в Англии истреблены все хищные звери, особенно в местах, где наиболее занимаются скотоводством; сии собаки столь понятливы и хорошо приучены к скоту, что почти во всех случаях заменяют пастухов.

Оставя Ковес, поднялись мы на небольшую гору, и остров Вайт представил взорам прелестное зрелище! Длинные ряды зеленых холмов, покрытых рощами и садами, и разделенных

множеством лугов, на коих паслись большие стада всякого скота, покрывали все видимое пространство. Проезжая далее, на каждом шагу встречали мы новые прекраснейшие виды. Смесь пашен с лугами, огородов с садами, дворянских палат с фабриками и чистые земледельческие домики, разбросанные в тени дерев, так разнообразят предметы и делают местоположения столь привлекательными, что, кажется, по всей справедливости Вайт назван *садом Англии*. Здесь даже бесплодные места украшены более, нежели те, кои природа одела зеленью. Всюду видны вкус и похвальное трудолюбие. Болото, песчаное поле, малый ручеек, каменистая гора, хотя с великими издержками, но приносят какую-нибудь пользу. Удобность и чистота хижин земледельцев столь удивительны, что только те, которые были в Англии и входили в них, согласятся, что английские крестьяне живут по-дворянски. Проезжая одну рощу, мы увидели сидящего под кустом пахаря, которому жена наливала чай. Жирная большая лошадь щипала траву подле сохи его. Когда мы к нему подошли, он, не трогаясь с места, предложил нам рому, чаю и сыру. Генрих IV, король французский, желал, чтобы самый бедный поселянин его по воскресным дням имел в похлебке курицу. Если в оном полагал добрый царь благосостояние народа, то русские его имеют, а англичане уже с излишком. Добрая наша горелка, не тот ли же ром? Сыр, чай и различные приправы расслабляют силы, простая только пища их укрепляет; и если бесспорно, что англичане богатейший народ в Европе, то они перешли за черту, и благосостояние их не есть уже то, чтобы иметь только необходимое вдоволь.

В окрестностях города, на речке Медине, впадающей в узкий морской рукав, плавало множество домашних птиц, и сего множества, как уверяли нас, едва ли бывает достаточно для снабжения всех кораблей, приходящих на Спитгедский рейд. Ньюпорт весьма невелик, состоит из нескольких пря-

мых улиц, накрест пересеченных и плитняком очень гладко вымощенных. Градоначальник, мирный судья и капитан народной милиции сделали нам честь своим посещением и остались у нас обедать. Хозяин трактира сначала принял нас на нижнем этаже, но когда приказали ему изготовить лучший обед, то перевел в лучший, где в прекрасно убранных комнатах сам явился в башмаках, причесан и с бриллиантовым перстнем на руке. Стол и все угощение соответствовало его наряду, и, сверх чаяния, взял очень умеренную плату. После обеда посетили мы начальников города, которые, как день был воскресный, предложили прогуляться за город и осмотреть крепость Карисбрук, лежащую от Ньюпорта в 4 или 5 верстах. Разных родов колясочки, запряженные статными лошадьми и управляемые прекрасными женщинами, скакали по гладкой дороге к саду, лежащему при подошве горы, на коей находится крепость. По двум бульварам, в аллеях, шли туда же пешие. Мы, оставя экипажи, пошли к крепости пешком.

Кривая, беспокойная, высеченная в каменной горе узкая дорога привела к воротам; чрез калитку ввели нас на двор, заросший травой; груды камней означали места строений. Взглянув на семейство инвалида, которое составляет гарнизон крепости, и которого должность отворять и затворять ворота для посещающих, взглянув на бывшие некогда здания и на развалившиеся стены крепости, признаюсь, я сожалел о напрасном труде взбираться на такую высоту; но вот инвалид, старый пехотный сержант, начинает рассказывать о достопамятностях Карисбрука. Послушаем: «Дубовые ворота стоят 800 лет, и вы видите, как они еще крепки; такие-то дубы росли тогда в Англии! Развалины сии служили убежищем Карлу I, который был казнен Кромвелем, а в этой уцелевшей часовне похоронена дочь его, принцесса Елизавета. Ученый инвалид показывал нам после того колодезь, глубиной в 170 сажен; это

сначала кажется невероятным, но рассудив, что колодезь находится на вершине горы, на которую мы всходили около получаса и, судя по звуку брошенных каменьев, который доходил до слуха после 56 секунд, глубина сия имоверна. Вода в колодезе столь чиста и прозрачна, что когда опустили туда лампу, то на глубине 2 сажен видны были на дне даже камешки.

Вышед из крепости чрез упавшую часть башни, мы пустились прямо по косогору и не опоздали еще пройти все искривленные аллеи сада, который был наполнен гуляющими. Музыка играла в беседке; дети, прелестные как амуры, прыгали вокруг дерев; одно семейство сидело на коврах и пило чай; другая партия, собравшись в кружок, попивала портер; иные играли в кегли, а большая часть, положа руки за спину, надвинув на глаза шляпу и ни на кого не смотря, скорыми шагами переходили из аллеи в аллею. Сырой, холодный вечерний воздух скоро принудил нас оставить сей прелестный простотой сад. Возвратясь в город, поспешили мы обратно в Ковес, и, хотя поздно, но в тот же день успели приехать на корабль.

Мысли и замечания

В характере англичан, в самой их наружности, есть нечто особенное, собственно им принадлежащее. Любовь к отечеству и ко всему своему производит в них известную английскую надменность. В опрятности, рукодельях и богатстве они превосходят всех европейцев. Английская чернь величает иностранцев общим именем: французская собака; одни только русские исключены из сего уничижительного звания: их называют «рушин добра», то есть русский, добрый человек. Матросы наши удивительным образом уживаются с английскими: они, кажется, созданы один для другого. Встречаясь в первый раз в жизни, жмут друг у друга руки и,

если у которого есть копейка в кармане, тотчас идут в трактир, усердно пьют, дерутся на кулачках и, выпив еще, расстаются искренними друзьями. Ничего нет забавнее, как слышать их, разговаривающих на исковерканном, составленном из русских и английских полуслов языке, который одним им понятен и, кажется, свойственен одним матросам. Часто не останавливаясь, говорят они оба вдруг, один по-английски, другой по-русски и, таким образом, весьма охотно, по нескольку часов сряду, беседуют о важных предметах. Посредством общепонятных звуков, которых нет ни в каком языке, матросы сообщают свои мысли всякому иностранцу, и их понимают гораздо лучше, нежели, например, офицеров, которые сим средством пожелали бы объясняться. Все иностранные имена, морские термины и названия снастей, употребляемые на кораблях, матросы наши странным образом превращают, делая обыкновенно похожие на них произношением русские слова, как, например, корвет «Помона» называют «Помора», «Мельпомена» — «Малая Помора»; «Амфитрида» — «Афросинья» и так далее.

Со времен королевы Елизаветы Англия начала пользоваться выгодами торговли, и на сем новом поприще явила особенную свою способность. Страсть к приобретению богатства, дух торговли постепенно возрастали и утверждались вместе с вольностью. Когда все правительства европейские пожелали иметь в других частях света свои колонии, дабы золотом их обогатить отечество, английское показало наибольшую деятельность. В немногие годы число купеческих судов знатно увеличилось, военные флоты явились во всех морях, богатейшие французские, испанские и голландские поселения завоеваны, и в наше время преимущество Британии на морях возвело народ на высшую степень благосостояния. Разделение ремесел при постоянном попечении правительства привело все художества, все изделия в совер-

шенство. Сам король, будучи участником и покровителем торговых обществ, поощрил богатое дворянство поверить им свои капиталы, чем предприимчивость оборотов до того распространилась, что выгоды сделались верными, а потери нечувствительными. Скупая материалы у тех народов, коих рукоделия находились еще в несовершенстве, и, обрабатывая оные на своих фабриках, могли они, чрез уступку цены, сделать английские товары в Европе необходимыми; ибо оные продавались лучшей доброты и дешевле. Ныне 20 000 судов перевозят товары во все страны земного шара, и выгоды последних годов возрастали столь поспешно, что в 1783 году вывоз за границу своих и чужих обработанных изделий был на 14 741 000, а в 1802 году — на 57 520 000 фунтов стерлингов. Сими способами, особенно же предприимчивостью, честностью и трудолюбием, Англия видит все сокровища мира стекающимися в ее гавани, и пока изящность, прочность, вкус и чистота принадлежать будут исключительно одним английским работам, до тех пор золото всех торгующих народов будет находиться в руках сих всемирных купцов.

Тацит, описывая конституцию, подобную английской, сказал, что теория прекрасна, но исполнение ее почти невозможно. Опыт доказал, что он ошибся: свободная монархия существует около 500 лет. Вольность, подчиненная закону, составляет прочное благоденствие подданных. Английский король — истинное земное божество! Он раздает милости, награды, имеет полную власть делать добро; закон один наказывает преступников и прекращает злоупотребление власти. Суд присяжных есть главное преимущество, необоримый оплот вольности английского народа. Судьи сии независимы от влияния министров и не подлежат никакой власти. Преступник почитается невинным до тех пор, пока 12 присяжных не обвинят его единогласно, и тогда только один король может простить его, и то не всегда.

В Англии, как в свободной стране, во время мира содержится малое число сухопутных войск. Морская же сила, как необходимо нужная для колоний, наиболее благоприятствующая вольности, содержится в наилучшем порядке. В начале 1800 года британский флот состоял из 224 линейных кораблей, 200 фрегатов, 478 шлюпов, бригов и других малых военных судов, всего из 902 судов. С такой силой, когда все морские державы не могут выслать и половины сего числа кораблей, Британия бесспорно может назваться повелительницей морей. Обитая на острове, уклоняясь от участия в войнах на твердой земле, англичане, отделенные от французов только нешироким проливом, защищаемые плавающими крепостями, находятся в совершенной безопасности от вторжения сильного неприятеля.

Английское правительство употребляет великие суммы для содержания бедных. Опыт показал, что сколько сумма сия возрастала от подписок, столько число бедных прибавлялось. Несмотря на сие, английский нищий, хотя бедно, но всегда чисто одет. Опрятность принадлежит к отличительному свойству английского народа. Английский нищий стыдился бы показаться на улицу в грязном рубище, ибо он уверен, что в сем положении едва ли нашел бы более сострадающих к нему людей.

Свобода книгопечатания и прекрасное устроение народных школ распространили просвещение на все состояния. Нет ни одного, исключая самой низкой черни, который бы не знал своего закона, и не умел читать и писать. Просвещение, а с оным и роскошь глубоко пустили корни свои и уже довольно изменили нравы англичан. Кажется, они взошли на последнюю степень возможного в человеческих постановлениях. Раскрыв книгу «История царств», мы увидим, что всеобщее просвещение есть предшествие падения. Матрос, солдат и поденщик, осуждая правительство, толкуя о политике и законах, сделавшись своевольными, могут причинить

великие беспокойства. Сколь ни славна конституция Англии и сколько ни ощутительно благосостояние ее граждан, но рано или поздно и над ними исполнится роковой удар. «Падения и нового возвышения для падения, никто не избегает. Вечен лишь Бог, совершен лишь мир, творение рук Строителя Всевидца, и дух, коим мысль наша в превыспреннее возносится».

Торжество победы при Трафальгаре

15 октября получено в Портсмуте известие о сражении при Трафальгаре. Напрасно старался бы я описать радость о победе и печаль о потере Нельсона! Кто в подобных обстоятельствах имел случай видеть восторг англичан, тот только может это себе представить. С самого утра носил по улицам листки[12], описывающие сражение и смерть Нельсона; печаль и радость смешивались на лицах каждого, и везде раздавались восклицания: «Живи в вечности, Нельсон!» Пальба с кораблей и крепостей продолжалась во весь день, и город ночью великолепно был освещен. Лучшие дома украшались прозрачными картинами. Одни представляли Нельсона в тот момент, когда пуля пробила его грудь, и он упал на руки его

---

[12] Один раз идучи из Адмиралтейства, вижу женщину, раздающую листки и кричащую: «Славная победа русских над французами». Подхожу, беру листок и спрашиваю, сколько ей надобно? «Гинею, сударь!» «За что так дорого? Русскому можно это заплатить за победу (при Кремсе), приносящую ему столько чести. Если за каждую платить по гинее, — отвечал я, — то надобно много денег, чтобы быть в состоянии покупать у тебя все объявления о наших победах». Женщина, подавая мне несколько листков, сказала: «Прекрасный ответ! Он принесет мне, по крайней мере, 2 гинеи; возьмите сии за 4 пенса». В тот же день разговор сей напечатан в портсмутских газетах. Вот до чего простирается здесь страсть к новостям.

окружающих. Другие изображали Британию, с горестным лицом принимающую венец победы. Улицы ночью были полны народа; гарнизон стоял в ружье, полковые музыканты играли национальную песню: «Британия, правь волнами!» Не должно ли согласиться, что гораздо славнее умереть в сражении, нежели остаться живым, одержав важную победу, ибо в первом случае зависть, различные толки, сомнения умолкают, и умерший победитель пользуется полной беспрекословной славой!

Трафальгарское сражение есть одно из славнейших, когда-либо бывших на море. 2 октября ст. стиля соединенный французский и испанский флот, состоявший из 33 линейных кораблей, под командой французского адмирала Вильнева, вышел из Кадикса и направил путь свой к Средиземному морю. Вице-адмирал Нельсон с 27 линейными кораблями, пользуясь небольшим ветром от запада, догнал неприятельский флот близ мыса Трафальгара. Построя две колонны и оставя позади себя резерв, лорд напал на центр соединенного флота с ветру, прорезал, окружил его с обеих сторон превосходной силой, и прежде, нежели арьергард неприятельский успел подать помощь центру, оный уже был расстроен. Авангард же, напав на английский резерв, также был разбит. В четыре часа сражение кончилось совершенным поражением союзного флота, из которого 19 кораблей на месте битвы спустили флаги и были взяты в плен. Испанский адмирал Гравина только с 9 кораблями успел войти в Кадикс. Пять французских кораблей, бывших в резерве и почти не участвовавших в сражении, в Бискайской бухте взяты контр-адмиралом Страханом. Решительная сия победа лишила последней морской силы Францию и Испанию. Англия претерпела важнейшую потерю: флот ее лишился любимого, храброго, счастливого предводителя; Британия своего героя, в 104 морских битвах всегда торжествовавшего, последней же

победой приобретшего своему отечеству неограниченную власть на всех морях. Роковая пуля из мушкетона с корабля «Сант-Тринидад»[13] попала в эполет и пробила насквозь плечо и грудь славного Нельсона. Он жил только несколько часов. Когда отнесли его на кубрик для перевязки, и когда лекари не могли скрыть, что рана его опасна, он велел позвать к себе капитана корабля. Сражение еще продолжалось. Вошедший в каюту капитан сказал: «Поздравляю, Ваше Превосходительство! 19 кораблей в наших руках и «Тринидад» пошел ко дну». «Мой друг, — отвечал ему Нельсон, — я всегда желал пасть в сражении, и теперь умру спокойно. Попросите от меня Колингвуда (старший по нем вице-адмирал), чтоб он на ночь непременно стал на якорь. Вот последние мои повеления. Жалею, что не могу сделать больше для моего отечества!» Сказал и на руках друга своего скоро после того испустил последнее дыхание. Так умер герой, который в жестокие минуты смерти не потерял присутствия духа и в последние мгновения жизни спас английский флот, ибо, как он предвидел, в ночь восстала такая буря, что все пленные корабли, которые не успели стать на якорь, большей частью потонули или брошены были на берег.

Англичане отдают справедливость храбрости испанцев: они дрались с ожесточением и сопротивлялись гораздо долее, нежели сами неприятели их того ожидали. Наполеон долго не верил, что флот его не существует; печальная истина уверила его наконец, что для его честолюбия несколько тысяч французов бесславно погибли. В сем сражении сделано несколько ошибок, из коих главнейшие, как уверял меня один английский офицер, были следующие: союзный флот в тот же день, как вышел из Кадикса, мог бы атаковать английский

---

[13] 140-пушечный испанский корабль, на коем был флаг адмирала Гравины.

с ветру, тем с большей выгодой, что тогда оный состоял только из 25 кораблей. Соединенный флот так хорошо сомкнул свою линию, что если бы, по совету Гравины, начали стрелять, не допуская близко английских колонн, то сражение не могло бы так скоро быть решительным, но Вильнев приказал открыть огонь тогда, когда Нельсоновы корабли были уже на картечном выстреле. Первый залп был ужасен, и передовые корабли «Виктория» и «Роял-Соверен» потеряли мачты; но они уже были близки, и с выгодой могли вступить в бой. Напротив, английский резерв стал стрелять по французскому авангарду, лишь начали доставать ядра, и потому-то прежде, нежели оный дошел до английской линии, то был уже вполовину побежден. Главная же ошибка состояла в том, что Вильневу, а не Гравине поручен был флот. Французский адмирал, храбрый, может быть, но не столь искусный, каким почитался испанский, не имел доверенности ни в своих, ни в испанских офицерах и матросах. Англичане сами признаются, что мужественный и опытный Гравина мог бы со славой состязаться с отважным и счастливым Нельсоном, и по крайней мере, под его предводительством союзный флот, в 4 часа, не был бы разбит столь совершенно.

Сант-Эленский рейд

Купленные в Лондоне бриги «Феникс» и «Аргус», первый о 16, второй о 12 коронадах, пришли на рейд, и как к тому же времени замки к пушкам[14] были приделаны и провиант

[14] Пушечные замки имеют ту выгоду, что канонер, наблюдая движение корабля и дернув к себе веревочку, спускающую курок, может сделать верный выстрел и в отдаленный предмет; но в сражении, на близком расстоянии, курки неудобны потому, что обившиеся кремни некогда переменять; однако ж и тут они не мешают, — отложив полку, можно стрелять фитилем.

принят, то эскадра 16 ноября оставила Портсмут; но когда обошли Вайт, при наступлении ночи сделался столь жестокий ветер от юго-запада и столь великая пасмурность, что на рассвете адмирал принужден был возвратиться и стать на якорь при южной оконечности Вайта на Сент-Эленской рейде. Три дня спустя пришел туда же фрегат «Кильдюин», а корабли «Селафаил» и «Уриил», в первую ночь разлучась с эскадрой, остались в море. Крепкие противные ветры продолжались во все остальные дни сего месяца, в конце коего адмирал послал «Кильдюин» в Плимут осведомиться, не зашли ли туда расставшиеся с нами корабли.

3 декабря при свежем северо-восточном ветре эскадра снялась с якоря. В то самое время, как мы вступили под паруса, 12 наиболее поврежденных в Трафальгарском сражении кораблей лавировали к рейду. Прекрасный стопушечный корабль «Виктория» вез тело Нельсона. Спущенные вполовину флаги и вымпелы, осколки мачт с маленькими парусами и пробитые ядрами борты кораблей, возбуждали наши любопытство и внушали глубокое чувство уважения к бесстрашному герою Англии. Наши адмиральский корабль салютовал его 15 выстрелами; «Виктория» ответствовала равным числом. Множество яликов и ботов из Портсмута вышли навстречу победоносному флоту; началась пальба из пушек; густой дым закрыл Спитгед, и эскадра наша, обогнув Вайт, под полными парусами летела вдоль берегов Гэмпшира. На другой день, когда мы подошли к Плимуту, фрегат «Кильдюин» соединился с нами и донес вице-адмиралу, что разлучившиеся корабли, не заходя никуда, прошли в океан, почему и продолжали мы идти вдоль берегов Девоншира и Корнуолла. Поравнявшись с мысом Лизард, отпустили лоцманов, по пеленгам утвердили место корабля на карте и, построясь в походный строй, пустились в открытый океан.

Плавание Атлантическим океаном

Корабли с свежим фордевиндом, то есть самым попутным ветром, дующим с кормы, летели на всех парусах. По мере удаления от берегов ветер крепчал, волнение усиливалось, и седая пена валов покрывала всю поверхность океана. Прелестный берег Англии постепенно утопал в бездне; уже хребты волн равнялись с зелеными его холмами; наконец они скрылись, и мы, как осиротевшие, остались посреди необозримого океана, окруженные сумрачным небом и шумящими волнами. Захождение солнца предвозвещало непогоду; черные облака мчались вслед за нами от севера, и мелкий туманный дождик начинал накрапывать. Пасмурный вид природы хотя не устраивал меня, но невольная грусть вливалась в сердце. Скорый переход от удовольствий к опасностям наполнял воображение печальными мыслями, и когда берег Англии исчез; когда все приятные мечты, подобно сновидению, миновались; с тоской, с грустью неизъяснимой взирал я на грозное приготовление бури и на ужасный мрак, который с небесной высоты сходил, спускался ниже и ниже, и видимый нами горизонт уменьшил в небольшой круг. Мелкий дождик принудил меня сойти в кают-компанию: она представляла гостиную, куда собралось общество согласных родных. Одни играли в бостон, в шахматы, в лото, другие разыгрывали, как умели, квартет; иные читали или заботились приготовлением чая. Закурив трубку и подвинув стул к камину, я любовался злым пламенем, которое то воздымалось, то упадало, то возгоралось, то угасало... Наконец, спокойные лица и приятные занятия моих товарищей скоро рассеяли мою скуку.

Но не так легко преодолеть оную тому, кто в первый раз видит море: ужасный вид оного поражает чувства его сильнее, он невольным образом погружается в уныние, и печальное воображение, увеличивая опасности, расстилает их пред ним на каждом шагу.

Невзирая на пасмурную, довольно холодную погоду, бывшую 3, 4 и 5 декабря, офицеры во весь день не сходили со шканец и наслаждались видом поспешного плавания. Корабли шли по 18 верст в час. Несмотря на большое океанское волнение и сильный ветер, все были спокойны и тихи. Один повелительный голос вахтенного лейтенанта время от времени повторялся: он скорым движением руля, предусмотрительным оборотом парусов, держал в повиновении корабль, предохраняя его от быстрого уклонения с пути, могущего подвергнуть его великой опасности и даже бедствию. Должность лейтенанта на корабле самая важная. Капитан управляет и располагает действиями, относящимися к безопасному плаванию, на лейтенанте же лежит исполнение его повелений, и сверх того предохранение корабля от внезапных, часто мгновенных случаев, от коих, при малейшем пропуске принятия мер к отвращению оных, могут воспоследовать неотвратимые злоключения. Я любил смотреть, как опытный мой вахтенный командир, став на бортовую сетку или ростры, быстрым взором обозревал все, что делается впереди, позади его, наверху и внизу; как громким голосом приводил он всех в движение и не упускал мгновения, дабы упредить какую-либо опасность, которой он ни в каком случае не боялся. Морская служба — школа военных людей: в ней образуется тот дух, та предприимчивость и смелость, которые им нужны в сражении. Морской офицер, расторопно и благоразумно управляющий кораблем во время бури или бедствия, можно поручиться, не убоится первый идти на штурм. Опытные моряки, преодолевая опасности, все ужасы своей службы, находясь большую и лучшую часть своей жизни, так сказать, в челюстях смерти, принимают на себя тот пасмурный, угрюмый и молчаливый вид, по которому отличить их можно. Читатель! Если тебе случится встретиться с российским мореходцем такого вида, отдай ему справедли-

вость твоим вниманием и будь уверен, что он храбрый, мужественный человек, и может быть не один раз спасал жизнь тысячам твоих соотечественников.

В ночь с 5 на 6 декабря английский фрегат «Пегас», подошед к кораблю «Москве», уведомил, что французская Рошфорская эскадра, состоящая из 7 кораблей и нескольких фрегатов, собственно назначенная для недопущения эскадры нашей в Средиземное море, вышла из порта, и что он послан от флота адмирала лорда Корнуолла, дабы предупредить нас и сыскать эскадру неприятельскую. Вскоре после полудня 6 декабря вдали на горизонте показалось несколько мачт военных кораблей: это были неприятельские. Хотя с нашей стороны не было настоящего объявления войны Франции, и войска, бывшие в Австрии, сражались под именем вспомогательных, но, конечно, французский адмирал, имея столь превосходную силу, не упустил бы напасть на нас; почему на корабле «Ярослав» поднят был сигнал поставить всевозможные паруса; эскадра наша поворотила к Феролю, который блокировала английская эскадра. Неприятель в числе 11 парусов пошел на пересечение нашего курса, надеясь не допустить нас соединиться с англичанами. Эскадры сблизились, уже казалось невозможным избежать сражения; но искусное распоряжение адмирала обмануло неприятеля, темная ночь скрыла наши движения, и он упустил нас из рук. При захождении солнца подняты были следующие сигналы: 1) скрыть огни, 2) в 8 часов поворотить без сигнала к западу, 3) в полночь переменить курс и идти на юг, 4) приготовиться к бою. По рассвете мы уже не видали французов. Как мы встретились с неприятелем в день Николая Чудотворца, то матросы наши усердно желали сразиться. Когда батареи были готовы и всем показаны свои места, то дабы чем-нибудь занять людей, заставили их петь и плясать, а для поощрения дали выпить за здоровье государя по лишней чарке вина.

Штурманские ученики, юнги, фельдшеры, то есть люди грамотные, сделали из флагов кулисы и представили оперу «Мельник» для своих зрителей довольно порядочно. После театра рожок и бубны предводили многими хорами солдат, матросов и артиллеристов, споривших о преимуществе. Все пело и плясало, никто не думал о близкой беде. В кают-компании, после сытного ужина, которым и толстый винный откупщик в Москве был бы доволен, несмотря на то, что корабль немного качало, офицеры танцевали до самого света.

Благополучный ветер столь бы свеж, что 7 декабря мы уже прошли Финистер, тот мыс, где Юлий Цезарь, в означение, что тут кончится земля, поставил столп, который и до сих пор сохранился. По мере плавания нашего на юг, мы находили погоду теплее, небо прочистилось и ветер начал упадать, на высоте Лиссабона сделалось совсем тихо. Новая зыбь шла от запада и, спираясь с прежним волнением, производила беспокойное, неправильное колебание, которое толкало корабли, оставшиеся без управления, и носило их во все стороны. Волны вздымались, падали и представляли океан, изрытый в пропасти. Скрип мачт, треск корабельных членов и беспрестанное хлопанье парусов и снастей наводило неизъяснимую скуку; голова кружилась и многих укачало. Морская болезнь сия столь мучительна, что страждущий ею человек никакой пищи, ни питья, ниже лекарства принимать не может. Люди сильного и слабого сложения без различия бывают оной подвержены. Привычка к морю ослабляет действия болезни; другие никогда не чувствуют оной, иные же и при малейшем колебании никогда освободиться от оной не могут. Участь сих последних жалости достойна: то сильный жар разливается по всему телу, то при палящих лучах солнца больной под несколькими одеждами дрожит от холода, уста запекаются, беспрестанно тошнит, все тело покрывается желтизной, и

наконец страждущий так ослабевает, что становится ко всему хладнокровен; печаль и надежда равно для него исчезают, прошедшее и будущее суть для него ничто. В сей крайности должно принуждать больного есть черные сухари, размоченные в уксусе или квасе, и сосать лимон; ибо это одна пища, которую они могут принимать не с столько великим отвращением. Свежий воздух, теплая одежда, иным малое движение, а другим совершенное спокойствие, также облегчают болезнь. Впрочем, когда перестает качать, то болезнь сия в то же время проходит и не причиняет никакого вреда здоровья. Заметить должно, что беременных женщин и детей никогда не укачивает.

8 и 9 декабря, при маловетрии, сильном волнении и тумане провели мы в самом неприятном положении; 10-го же, после полудня, туман поднялся, волнение утихло и для следования к Гибралтарскому проливу ветер сделался самый благоприятный. Теплота, какой в нашем климате в декабре ожидать нельзя, небольшой ветер и приятная погода скоро привели в забвение беспрестанные беспокойства прошедших дней. Мы окружены были новым зрелищем: стада чаек, разного рода морских птиц вились в воздухе; множество касаток и дельфинов играли около кораблей; полипы, медузы, морское сало и черепахи медленно двигались по пестреющей поверхности вод; море казалось одушевленным: все обитатели его вышли насладиться свежестью воздуха. 11 декабря к вечеру увидели наконец землю: то был мыс Сан-Винцент. Положа по нем место на карте и слича оное со счислением, нашли мы нечувствительную разность; оная произошла от течения моря, которого при великом волнении не можно было измерить. 13-го числа, когда подошли к Гибралтарскому проливу, вновь сделалась тишина. Быть в виду пристанища, коего с нетерпением желал достигнуть, и между тем не иметь возможности двинуться с места, есть неприятность,

которая только на море случается! Нетерпение наше подобно было жажде Тантала. Наконец, 14 декабря ветер подул, эскадра вошла в пролив и стала на якорь у Гибралтара, где нашли мы корабли «Селафаил» и «Уриил». Плавание наше океаном было счастливо и поспешно, ибо, невзирая на то, что трое суток за тишиной не сделали и мили вперед, расстояние по прямой лини около 3500 верст прошли в десять суток.

Гибралтар

Не видав несколько дней, кроме неба и воды, с удовольствием смотрю на те Геркулесовы столпы, которыми означался предел древнего мира. Высокая утесистая скала Гибралтара, кажется, падает на корабль мой, и первая, подобно как все великое и сильное, привлекает к себе внимание. На вершине ее, в поднебесной высоте, виден телеграф, а при оном домик, мелькающий между проходящих облаков; к северу пологий зеленый берег Андалузии узким песчаным перешейком едва касается гранитной громады Гибралтара. Обширная бухта в окружности около 60 верст идет от крепости на запад, загибаясь в правильном полукруге, открытом к Африканскому берегу. По набережной сего залива видно множество селений, крепостей и городов; только на пушечный выстрел от Гибралтара одна за одной лежат испанские крепости Сан-Филиппа и Сан-Рока; прямо против их виден Алжезирас, в гавани коего стоят несколько французских корсаров и испанских канонирских лодок, которые во время тишины в проливе нападают на конвои и даже из-под пушек Гибралтара в ночное время уводят купеческие суда. К северу вдали синеются горы Андалузии, к югу же берег Африки украшается огромными горами. Абилла, высочайшая из них, составляет второй столп Геркулесовых ворот. Цейта, испанская крепость, лежащая на Варварийском берегу, так сказать, стережет Гибралтар.

Несколько узких кривых улиц составляют небольшой городок, толстая стена с юга, запада и севера закрывает его так, что ни с моря, ни от испанских крепостей его не видно. Дома, вновь построенные на английский вкус, делают совершенную противоположность с старыми испанской архитектуры, которых плоские крыши и четвероугольные башенки, называемые мирандами[15], как по дикому, унылому положению, так и великим жаром, здесь бывающим, более приличествуют и климату и месту, нежели веселые красивые английские домики. Два дня бродили мы по горе, взбирались к облакам, спускались в пропасти и лазили по крутизнам. Неприступность Гибралтара с первого взгляда очевидна; по точном же исследовании укрепления его непреодолимы. Представьте себе гранитную гору, которой северная и восточная стороны совершенно отвесны, западная и южная хотя не так высоки, но также круты. Море при подошве горы с двух сторон усеяно подводными камнями; волны, разбиваясь об них, производят бурун, препятствующий приставать шлюпкам. Новая ла[16] — единственное место, где можно высадить войска, как и вся западная сторона, покрыта батареями.

Укрепления на северной стороне заслуживают особенное внимание. В нескольких шагах от утеса построен правильный вал, со рвом и равелином, занимающий всю небольшую ширину перешейка, который в некотором расстоянии от гласиса перерыт каналом со шлюзами, помощью коих в случае осады все пространство до испанских линий наводняется. Отсюда по лестнице, глубоко высеченной в обрывистой горе, взошед на высоту 200 сажен, чрез дверь вошли мы в славные галереи, иссеченные в утробе каменной горы. Каждый каземат имеет 48- или 24-фунтовую пушку и просторно поме-

---

[15] «Миранда» на испанском языке значит «удивляться».

[16] Каменная плотина, служащая для защиты кораблей от ветров.

стить может 30 солдат. Толстота наружной стены имеет около 4 сажен; амбразуры, в ней пробитые, служат вместе для света и для сообщения воздуха. Позади каземата, далее внутрь горы высечен пороховой погреб; а возле — комната, где лежат все снаряды для одной пушки. Обошед несколько комнат, я думал, что должны будем по прежней опасной лестнице спускаться вниз; но нас повели вверх, и мы вошли во вторую галерею, подобную первой. Осмотрев оную, еще три раза мы должны были подыматься. Переходы сии освещаются небольшими, в горе пробитыми окнами. Пробыв несколько времени во внутренности горы, на высоте 300 или 400 сажен, излазив все галереи и переходы, наконец устав до чрезмерности, вышли на вершину, откуда город, рейд, испанские линии представлялись, как на чертеже. И здесь на ужасной высоте, на самом краю горы, откуда, без замирания сердца, смотреть вниз невозможно, поставлены тяжелые орудия, а позади них мортиры. Со стороны Средиземного моря, на углу скалы, природа образовала род круглой колонны, которую называют Чёртова башня. Невозможно, кажется, исчислить, сколько иждивения, трудов и времени стоили сии галереи; в них ни ядра, ни бомбы не могут причинить никакого вреда гарнизону, а как нельзя предполагать, чтобы можно было подкопать и обрушить каменную гору вышиной более версты, то посему Гибралтар, единственная в свете крепость, где 5000 солдат, имея нужные запасы, могут противостоять 100 000 осаждающих. Отдохнув на мортирной поддоне, по скату горы спустились мы в город, который восточной стороной прислонен к горе.

Вышед из города чрез южные ворота, проводник показал нам стену, построенную на краю глубокого оврага, простирающегося от вершины горы до городского рва. Если бы неприятель завладел новой молой, то стена сия, защищаясь одной ружейной обороной, могла бы остановить его; и с сей

стороны город и галереи, по причине пропастей, расселин и крутизны, атакованы быть не могут. Близ города, к удивлению нашему, увидели мы несколько дерев, виноградники и зелень; а как до сих пор не заметили ни одной растущей былинки, то и спросили у проводника, на чем выросла эта зелень? На земле, привезенной с того берега (показывая на Африку), отвечал шотландец.

На другой день, согласившись осмотреть остальную часть Гибралтарской скалы, начали мы подыматься вверх по излучистой дороге. До некоторой высоты можно ехать верхом и в легкой повозке; но чем выше, тем гора становится круче, дорога беспокойнее. Уставши, на половине горы мы отдохнули в нарочно высеченной небольшой впадине, где весьма кстати поставлены скамейки. Поднявшись еще немного, проводник, остановя нас, сказал: «Вот пещера св. Михаила». Сделав несколько шагов вниз, вошли мы в подземелье, которое походило на высокий чертог; искусная рука природы украсила его чудным великолепием: черный свод поддерживается разного вида и величины подпорами, некоторые из оных имеют аршин в поперечнике. Стены, где свет входил в отверстие пещеры, блистали хрусталями, имеющими вид человека, зверей и птиц; тяжелые глыбы, подобно ледяным сосулькам, висели на прилепе по стенам и сводам. Вода, пробираясь сквозь скважины земли и беспрестанно падая со свода, капля по капле, каменеет и образует прозрачные белого цвета сталактиты. Камни сии, постепенно в толщине и длине увеличиваясь, составили сии кривые столпы и чудесные изображения, которые в продолжение веков, вероятно, нарастут так, что собой наполнят всю пещеру. Проводник уверял нас, что оная столь глубока, что еще никто не спускался до самого дна. Товарищи мои желали сойти сколько можно ниже; но не имея ни веревки, ни факела, не осмелились слишком углубляться. Пещера сия лежит выше горизонта воды на 185 са-

жень. Гибралтар, кроме сих сталактитов доставил любителям редкостей другие, не менее важные. В 1788 году, во время подрывания порохом северной скалы для постройки галереи найдены окаменевшие большие кости животных. Некоторые из них доставлены в Британский музей неповрежденными. Каким образом остовы сии попали в утробу каменой горы?

Вопрос сей подал повод к разным между учеными людьми прениям и заключениям, кои, кажется, кончились признанием ясных доказательств о бывшем всемирном потопе.

От пещеры до вершины горы не было уже дороги: взбираясь по каменьям, осыпающимся под ногами, от чрезмерной крутизны, столь трудно идти, что часто принуждены мы были отдыхать; наконец, немного не дошед до вершины, увидели ворота, на коих крупными словами подписано по-английски: «Проход из Океана в Средиземное море». В самом деле, лишь только вышли мы из-под свода, просеченного насквозь горы, то прямо под ногами увидели Средиземное море. Волны при подошве горы крутились, наступали на каменья и, отраженные от них, превращались в белую пену и брызги, но шум их едва глухим стоном доходил до нашего слуха. Вообразивши себя на ужасной высоте, висящей прямо над водой, положите, что и у вас закружилась голова, и поспешите вместе с нами воротиться назад. Под сводом на стенах написано было множество имен на всех языках; иные стерлись, другие трудно было разобрать. Французские стишки: Les noms des fous se trouvent partout (Имена дураков повсюду находятся), отняли у нас желание вырезать тут свои имена. Отсюда должно спуститься к пещере, сказал проводник, а оттуда подняться к телеграфу. Желая пройти к нему прямее, трое мы, отделившись от прочих, взлезли сначала на самую вершину горы, и зрелище величественное вознаградило немалый труд наш. Не только Гибралтар со всеми своими укреплениями, берега Андалузии и Гренады со

множеством городов и крепостей, не только Алуксара и снежные африканские горы, подпирающие облака, но весь пролив с немалым пространством океана и Средиземного моря явились взору, как на картине, раскрашенной блестящими красками. Ясное солнце игрой лучей своих различно позлащало предметы. Такое множество живописных мест, в том точно положении, в каком отсюда они представлялись, кажется, и самому искусному художнику изобразить невозможно. Пробираясь к телеграфу по хребту горы, пришли мы к столь глубокому и крутому оврагу, что принуждены были оставить сию дорогу и пуститься вниз прямо к новой моле. В овраге видели мы несколько обезьян: непонятно, чем они тут питаются. Терновник и душистая сухая трава, на которой скользят ноги, растут по горе местами. У губернаторского сада, вновь разводимого, сошлись мы с товарищами и, измучась до бесконечности, все вместе возвратились на корабль.

Гибралтар прежде называется Мон-Калп, потом сарацины, построив на горе сей крепость, назвали по имени одного из своих генералов Жибель Тариф, то есть гора Тариф, а от сего произошло нынешнее название Жибралтар. Сия крепость попеременно была во власти испанцев и мавров, наконец взята от первых соединенным английским и голландским флотом под командой Георга Руке в 1704 году, не силой, а нечаянным случаем. Принц Гессенский, вышед с войсками на перешеек, уверился, что нападение с сей стороны было невозможно. Флот, сделав 15 000 выстрелов, не причинил и малейшего вреда укреплениям. Одно оставалось средство — принудить к сдаче крепость голодом, но оная досталась англичанам гораздо скорее. Партия матросов, выпивши лишнюю порцию грога, в двух или трех шлюпках приблизилась к Новой Моле, осмелилась выдши на берег и напала на малое число испанцев, тут находившихся. Со флота тотчас посланы были все люди, и как крепость с сей стороны еще не имела

стены, то и принуждена была сдаться. В 1713 году Утрехтским миром Гибралтар утвержден во владении Англии. Испанцы несколько раз покушались возвратить его. Последняя осада соединенных сил Испании и Франции с моря и сухого пути прославила генерала Елиота, который с малым гарнизоном отразил осаждающих с великой потерей. Принц Нассау, будучи тогда генерал-лейтенантом испанской армии, построил выдуманные им плавучие батареи, но они были потоплены и 300 больших пушек достались англичанам. Гибралтар, находясь на пути от Англии в Мальту, служит главным сборищем купеческим и военным флотам, защищает левантскую торговлю и наблюдает Кадикс и Карфагену, где испанские эскадры содержатся в блокаде.

Плавание Средиземным морем

17 декабря вся эскадра, кроме брига «Аргуса», отставшего у Сан-Винцента, снялась с якоря. Невзирая на малый ветер, попутное из океана течение помогало ходу, и мы плыли по 10 верст в час. Гибралтарский пролив имеет два течения. У африканского берега вода стремится из океана; а у европейского — из Средиземного моря. Океанское течение посреди пролива столь сильно, что при легких ветрах корабли относит назад. Течение океана далеко входит, не смешиваясь с водой Средиземного моря, оно сохраняет свой цвет более черный, и потому многие Средиземное называют белым морем. На сто верст западное течение действует почти с одинаковой силой. В проливе наиболее дуют восточные и западные ветры, ибо в море, с которой бы стороны они ни были, приходя к узкому, высокими берегами окруженному каналу и отражаясь обеими сторонами, берут направление пролива и дуют в нем сильнее, нежели в море. По сей причине бури бывают крепче и чаще во всех заливах и при выдавшихся мысах, нежели в открытом море.

18 декабря прекрасный день, какой у нас бывает в мае, украшался еще более приятным плаванием близ берега. Каждый час новые предметы приближались, проходили мимо и скрывались. Там вдали, на краю горизонта, отдаленный берег показывается тонкой синей чертой, чрез несколько минут вид его изменяется, а чрез час он представляется высокой горой. Счастливое плавание в хорошую погоду недалеко от берега приятнее и покойнее земного путешествия. В первом, прогуливаясь на палубе, переходишь великое пространство без усталости и в большем обществе проводишь время с удовольствием; в последнем, будучи заключен в карете, поджав руки и ноги, сидишь в принужденном положении, между тем, как пыль, набившись в нос, в рот и ослепив глаза, препятствует наслаждаться видами.

19 декабря восходящее солнце позлатило светлую лазурь неба; ни одно облако не помрачало ясного свода его. Легкий ветерок едва колебал море, и скоро наступила совершенная тишина. Морская тишина (штиль) для простого путешественника спокойна; но мореплаватель не любит ее потому, что она препятствует успехам его намерений. Три дня у небольшого, пустого и голого камня Аборана томились мы мучительным, беспокойным ожиданием ветра, думая, авось-либо с которой-нибудь стороны он повеет. Каждое облако, каждая пестринка на небе казалась нам предвозвестницей оного; но надежды наши были тщетны: зеркальная поверхность моря пребывала в неподвижной гладкости. После ученья из ружей в цель и примерно у пушек, люди, чтобы не быть в бездействии, иные пели, другие занимались своей работой или ловили рыбу. Юнги[17] едва успевали закидывать уды, как вытаскивали по две и по три рыбы вдруг; на уду же, пустив приманку, плавающую на воде, ловили они чаек.

[17] Малолетние матросы.

Множество сих морских птиц вились вокруг кораблей, отнимая с криком одна у другой куски хлеба, которые мы им бросали, или дрались за пойманную рыбку, то в беспорядке садились на воду, то вмиг взвивались на воздух. Как день был очень жарок, то людям позволили купаться; для сего спустили шлюпки и у бортов для не умеющих плавать растянули на веревках парусы, на которых мылись они точно так, как в ванне.

Оставя отечество при наступлении осени, в несколько дней перешли мы в южную Англию, где прекрасная погода еще продолжалась; когда же и тут начались дожди и туманы, и когда растительная сила природы и там начинала мертветь, то в бурном декабре перенеслись мы в жаркий климат Европы. Там прекраснейшее лето вновь нас встретило. Все творение исполнено было жизни, все цвело, все одето зеленью, и тысячи насекомых шумели в воздухе. И так, не видав снегу, инеев, холода и зимы, не должны ли российские плаватели совершенно быть очарованы? И свежесть воздуха, и необычайная теплота не должны ли быть разительны для людей, привыкших жить в суровом севере? Прекрасный день сопровождался еще прекраснейшей ночью, но сии ночи довольно холодные и сырые от падающей росы, вредят здоровью. Скорый переход от жара к холоду производит простуду и скорбут, но, поступая по данным нам наставлениям о сохранении здоровья людей, служители наши не были подвержены сим болезням. Трюм [18] корабля, наиболее зараженный спершимся воздухом, очищался чрез проветривание. Палубы ежедневно окуривались уксусом и порохом. Чистота и опрятность, как корабля, так и экипажа, во всей точности наблюдалась. Более же всего смотрели, чтоб на воздухе с от-

[18] Большой погреб на дне корабля, где кладутся балласт, дрова, вода в бочках и другие запасы.

крытой головой и в мокром платье не ложились спать. Недостаток свежей воды, испортившееся мясо и другие провизии умерщвляют людей иногда более, нежели сражение, беспрестанный труд и беспокойство. Вода в бочках, стоящая на низу трюма, особенно в жаркие месяцы, обыкновенно на четвертый день начинает портиться и скоро делается вонючей. Цедильный камень и машина для очищения воды не могут на каждый день для 800 человек приготовить достаточного количества. Все другие средства и изобретения для производства их на корабле найдены вовсе неудобными и не соответствующими своей цели, и посему-то недостаток свежей воды есть главное неудобство морской жизни. Но, переменяя часто воду и имея свежие запасы, мы на кораблях не имеем ни в чем нужды. Благодаря крайнему старанию главнокомандующего о довольстве людей, во все продолжение кампании ни на одном корабле не было тех заразительных болезней, которые происходят от гнилой пищи и подобно кровавой войне свирепствуют между морскими служителями.

После штиля, при тихом восточном ветре, 20 декабря ночью, у мыса Гато близ Армии встретились мы с английским флотом из 15 кораблей под начальством вице-адмирала Коллингвуда, от кого уведомились мы, что он идет в Вест-Индию искать Брестскую эскадру, на которой Иероним [Жером], брат Наполеона, находится. В Карфагене же, блокированной сим флотом, стоят 8 кораблей, из коих три стопушечные. Приняв все меры осторожности и быв в готовности к сражению, с свежим попутным ветром прошли мы Карфагену, 27-го числа подошли к Сардинии, а 29 декабря, лавируя при крепком северном ветре, стали на якорь у Калиари.

Калиари

Бедная столица короля Сардинского лежит на крутой горе, обнесенной двойной каменной стеной, и окружена низкими местами, солеными озерами и болотами. Внизу города небольшая гавань. Высокие горы, пересекающие весь остров, стоят в некотором расстоянии. К северу видна длинная плотина, отделяющая большое озеро от рейды. Калиарский залив, имеющий направление от юга на север, неудобен в зимнее время по причине жестоких порывов, находящих из-за гор от севера, с моря же, не будучи ничем прикрыт, подвергает корабли, на оном стоящие, волнению от юга. Фертоинг, должно становиться, кладя один якорь на северо-запад, другой на северо-восток. Хороший иловатый грунт и глубина от 4 до 18 сажень делают рейд в другое время года довольно безопасным.

Едва заметили в городе наши большие корабли, несколько испачканных лодок или, по крайней мере, не так чистых, какие доселе мы привыкли видеть, наполненных музыкантами и нищими, пришли к кораблям; и те, и другие просили милостыни, одни за поздравление с благополучным прибытием, другие за труды, которые они приняли для умилостивления нас своим шутовским криком и вместе смешными и жалкими кривляньями. Босые ноги, всклокоченные, никогда не чесаные волосы, лохмотье, покрывающее закоптелое от нечистоты тело — словом, вся наружность сих сардинцев приводила в сострадание. Мы должны были выдержать трехдневный карантин, в которое время ездить на берег и сообщаться с стоящими на рейде судами строго было запрещено. Впрочем, все нужное доставляли нам на лодках. Дешевизна плодов нас удивляла: за десять апельсинов платили мы копейку, а за два пуда миндалю — талер.

Карантин кончился, всякий спешил на берег. Выходим на пристань, толпа народа, снявши свои красные колпаки,

с почтительным видом следовала за нами. Куда ни оборотимся, чернь приветствовала поклоном. Спрашиваем по-итальянски: «Где лучший трактир?» И множество голосов, доселе позади вполголоса говоривших, вдруг отвечали: «Вот самый лучший!», протянув каждый обе руки и показывая на дом против стоящий. Входим: в темной комнате стоял пошатнувшийся пыльный бильярд, никого нет. Идем во второе жилье, хозяин в засаленном фартуке, с изумленным видом, сорвав с себя колпак, спрашивает: «Что угодно?» Торопится, просит садиться, уверяет, что у него трактир самый лучший и что все иностранцы у него только были довольны. Заказав обед, пошли мы в город прогуляться, несколько маклеров предложили нам: «Не угодно ли что покупать?» «Наперед хотим видеть город», — сказал один из нас. «Как прикажете, ваше превосходительство»! (так обыкновенно величают здесь иностранцев), — и тотчас один из них большими театральными шагами пошел впереди, а другие в почтительном отдалении следовали позади нас.

Прекрасно выстроенные дома с плоскими крышками, обнесенные решеткой, уставленной вазами цветов, составляют разительную противоположность с нечистотой улиц. При первом взгляде на итальянский город, леность, нерадение и подруга их нищета повсюду представляются. На каждом шагу встречали мы нищих, едва покрытых изорванным куском холстины. Они, окружив и преследуя нас неотступно, просили милостыни, уверяя, что уже несколько дней ничего не ели; с уничиженным видом показывали на небо, говоря, что оно только служит им покровом, что они не имеют никакого убежища от суровости погод. И так не благорастворение воздуха и плодородие земли доставляют благоденствие народу. Трудолюбивый норвежец в бесплодной земле достает себе лучшее содержание, нежели ленивый итальянец в стране, облагодетельствованной всеми дарами природы. Нижние ярусы домов заняты лавками ремесленников. Там

портной, тут резчик, столяр, кузнец, бочар сидят за работой при открытых окнах и дверях. Итальянец хочет видеть людей и беспрестанно быть на открытом воздухе; оттого-то кажется, они и не брегут о чистоте домов. Из узких промежутков, отделяющих дом от дома, исходит смердящий запах; замаранные стены, отвалившаяся штукатурка, красные пятна по окнам и лестницам, помои, выливаемые из верхних ярусов, мертвые кошки и собаки, истлевшие на улицах, — все вместе столько заражает воздух, что мы, заткнув нос платком, спешили взойти на гору в надежде найти там лучший воздух. По ступенькам, высеченным в горе, вошли в крепость, находящуюся на вершине горы внутри города. Здесь показали нам глубокий колодезь, из коего весь город довольствуется свежей водой. Колодезь находится внутри здания, покрытого столь толстым сводом, что кажется, бомбою пробить его не можно. Крепостные стены с сухопутной стороны неисправны, с моря же бастионы вооружены тяжелой артиллерией. Впрочем, Калиари лежит на высоте, обороняющей окрестности, и посему долго может сопротивляться.

Вошед в собор, мы удивились великолепию и богатству украшений. Темные своды, хорошая живопись и огромные столпы, поддерживающие тяжесть здания, внушали благоговение к сему древнему храму. Монахи водили нас по всем переходам церкви и на одном алтаре показали в золотом ковчеге голову святого Сатурнина. Мы к мощам сим приложились с благоговением и на блюдо, тут стоявшее, положили несколько монет. Удивленные францисканцы взглядывали друг на друга, казалось, хотели что-то сказать, но, посмотрев на праздный народ, за нами ходивший, смирено опустили вниз глаза, поклонились и, обратя умоляющий взор к небу, не сказали ни слова.

Дурной запах в комнате, в которой мы должны были обедать, отнимал у нас позыв на пищу. По стенам и окнам везде были пыль и паутины, кирпичный грязный пол не выметен, а

только обрызган водой. Вместо скатерти послана была толстая тряпка; кушанье, даже жаркое и пирожное, на деревянном масле, и потому мы довольствовались только салатом, плодами и тем, что не было в руках повара. Едва ли можно себе представить что-нибудь неопрятнее итальянских трактиров; только в лучших городах можно найти хорошие.

После обеда привели нас на шелковую фабрику. И здесь виден народный характер итальянцев. Зала уставлена несколькими десятками самопрялок, на коих сучат и разматывают шелк. Отгадайте, кто их вертит так скоро? Индейки, петухи и куры. Она развязаны между двух рычагов, вставленных в ворот, который помощью шестерни обращает самопрялку. Индейка, опустя хвост, распустя крылья, с криком бегает по поддону, так скоро и до тех пор, пока, закружась, падает вверх ногами. Мальчик и девочка впрягают другую, а загнанную отправляют в трактир и говорят, что она от того бывает вкуснее убитой. Далее собаки, белки, зайцы, сурки и множество маленьких животных, разинув рты, с лаем, визгом, щелканьем, во всю силу скачут в средине колес; оные вертятся и бедное животное, боясь упасть на спину, поневоле прибавляет бегу, а самопрялка работает между тем наилучшим образом. В другой зале вываривают шелк, в третьей основывают на станки. На сих стальных станках помощью механизма, обращающего челнок, один работник отделывает в день две дюжины чулок; несмотря на смешное движение самопрялок, работа успешна, прочна и дешева. Заведя машины, производство работ и содержание стоит весьма недорого.

От фабрики прошли мы в гавань, где стояла галера и две полугалеры, составляющие всю морскую силу короля. Доходы его столь малы, что он имеет три или четыре тысячи солдат, и те так бедно одеты, что если бы не знамя и шляпы, пробитые пулями, то их узнать бы нельзя. В гавани нечего было смотреть; итак, мы пошли за город. Проводник снял

башмаки и, накинув фуфайку на одно плечо, гордо выступал пред нами. За городом ничего, кроме огородов и худых хижин, взору не представлялось; песчаная земля, солончаки и болото скоро нам наскучили, и мы, дошед до одной развалившейся церкви, воротились в город. Узнав же, что после зари ворота в крепости запираются, и притом наслышась, что опасно оставаться на дороге, ибо нищие за несколько копеек иногда убивают иностранцев, мы немедля поехали на корабль.

Несмотря на леность жителей, Сардиния весьма плодоносна. Кроме вина, масла, плодоносна. Кроме вина, мала, плодов, всякий хлеб родится в изобилии. В горах находят серебряные, железные руды и мрамор. Соль доставляет королю важный доход. У берегов ловятся кораллы. Торговля, кроме сих произведений, состоит из шелковых чулок и красных шерстяных колпаков, по всей Италии употребляемых чернью. Воздух на сем острове от множества болот нездоров. Сардиния во времена римлян и при нынешнем короле, когда он имел Пьемонт, была местом ссылки. Сардинцы говорят испорченным наречием из смеси итальянского с испанским. Остров сей, уверяют, не имеет ядовитых пресмыкающихся гадов, и кроме лисиц, нет других хищных зверей. Небольшое животное, подобное лягушке, называемое мафроне, принадлежит собственно Сардинии.

В древние времена греки, по сходству острова с башмаком или следом ноги, называли Сардинию Сандалиотисом и Ихнузой. Нынешнее имя, как утверждают некоторые, произошло от Сарда, сына Геркулесова. Первые обитатели жили рассеянно, скитаясь в лесах. Греки, поселившись в Сардинии, построили города, и с тех пор коренные жители были подвластны чужим владельцам. Карфагеняне, чрез 400 лет господствуя на Средиземном море, владели сим островом до окончания первой Пунической войны. Римляне во время

мира, под предводительством Гракха, разграбили Калиари, тогда известный под именем Кавалиса, и скоро покоря сей остров, обладали им до падения Западной империи. В первом столетии по Рождестве Христовом, Калиари имел уже своих епископов, из числа коих Люцифер известен противоборничеством против Ария, и, хотя его самого обвиняли в расколе, однако ж он признан святым и покровителем острова. Около 800 лет по Р. Х. сарацины в разные времена, приставая к острову, наконец в 852 году покорили оный и, выгнав жителей в Италию, триста лет спокойно оным владели. В сие время папа, в знак благодарности за услуги, подарил Сардинию Пизанской республике, которая, однако, сама должна была отнять его у сарацинов. После ста лет, едва пизаняне успели его покорить и в нем утвердиться, как другой папа подарил его Иакову II, королю Арагонскому, который в скором времени оным овладел и оставил в наследство своим потомкам. В 1350 году, по пресечении его колена, достался он королям испанским. В 1708 году англичане завладели островом; а в 1717 году опять были выгнаны, наконец в 1718 году по заключении Утрехтского мира австрийский император, которому он был уступлен Испанией, поменялся им на остров Сицилию с герцогом Савойским, и с сего времени Сардиния под именем королевства принадлежала Савойскому дому. В 1798 году Бонапарт, на походе в Египет, покушался взять Калиари; но наскоро собравшиеся крестьяне разбили вышедшее на берег войско его. Покорение Мальты вознаградило его за первую неудачу. В 1801 году по Амьенскому миру королю Сардинскому оставлен один только остров, а Пьемонт присоединен к Франции.

Король с некоторого времени живет в Риме, а под именем вице-короля управляет брат его герцог Женевский. Адмиралу нашему надлежало иметь аудиенцию у Его Высочества, и как должно было ожидать его приезда из загородного дома,

то это и задержало нас несколько в Калиари. По воле Государя Императора адмирал предложил помощь для защиты Сардинии, и сей новый опыт дружбы принят вице-королем с чувствительной благодарностью.

1806 год

Плавание от Калиари до Мессины

В полдень 7 января, оставя Калиари, мы обошли мыс Карбонаро и миновали опасный камень, находящийся под водой в глубине на 20 футов. Малые суда в тихое время проходят чрез него безопасно, но при волнении многие на нем погибли. Переход до Мессины был самый приятный, время стояло прекрасное, тихий ветер едва двигал корабли и море чуть рябело. 8 января открылся остров Сицилия; немного после показались острова Липарские. Сицилия представляет взору высокие горы, постепенно в виде амфитеатра восходящие; леса покрывают их от подошвы до вершины. Вид Липарских островов еще красивее. Хотя они вулканического свойства, но покрытые зеленью и плодовитыми рощами, гордо возвышаются из волн моря. Тихо и близко плыли мы мимо сих Гесперидских садов: «Где взор, различными красотами влекомый, недоумевает, на которой из них остановиться, а вкус, зрелым наливом плодов прельщаемый, не знает, который из них избрать». Небольшие селения, на скалистом прибрежии расположенные, смотрятся в светлое зеркало вод, и лучи солнца, рисуя в нем земные предметы, на каждом шагу представляют новые картины. Острова сии, одни изрыгаемые подземным огнем, восстают со дна моря, другие исчезают и, покрываясь водой, становятся подводными камнями. Некоторые из них, по причине угасших или еще курящихся сопок, как то: Волкано и Волканелло, необитаемы. Вулканический пепел делает почву их столь плодоносной, что

плоды достигают здесь последней степени совершенства. Мальвазия де Липари спорит в славе с Lacrime Cristi (слезы Христовы). Кроме сего вина и множества всякого рода плодов, особенно фиников, собирается на сих островах большое количество серы, купоросу, лавы и пемзы.

10 января приблизились мы к Стромболи. Благое Провидение, поставив вулкан сей на море, посреди расстояния и в прямой линии между Везувия и Этны, вечным его извержением, продолжающимся от начала веков, облегчает земную утробу от горючих веществ, которые, скопившись у последних двух огнедышащих гор и не будучи беспрерывно изрыгаемы первой, могли бы покрыть развалинами Сицилию и ниспровергнуть всю Италию. Жерло Стромболи находится не на вершине горы, как у прочих вулканов, но подобно как бы небольшая горка была приставлена к большой, из боку которой выходит извержение. Днем гора казалась спокойной, один дым покрывал ее вершину, море близ берега также курилось; но ночью представилось глазам нашим наичудеснейшее и прекраснейшее зрелище, какого нет лучше в природе. Море было тихо, небо покрыто мрачностью, тусклый месяц чуть проглядывал. Вулкан открылся нам, как превеликий горн, раздуваемый мехами и сыплющий вверх искры. Извержения, однако ж, умолкают и возобновляются почти чрез каждые 10 минут; они показываются в виде ярких молний, с ужасным стремлением вырывающихся из жерла. Пламя, постепенно увеличиваясь, составляло огромный огненный столб, который, расширяясь, производил грохот, подобный приближающемуся грому или треску падающего здания. Блеск вулкана, озаряя облака, изображал на них разноцветные радуги: червлен, яркий пурпур, лазурь с тончайшими оттенками, коими украшалось небо, представляло нам корабли и близлежащие острова горящими. Прекрасное зарево играло вдали на берегах Калабрии и Сицилии. В мол-

чании взирали мы на сие великолепное явление природы; шум, треск, клокотание, подземный гром и раскаленные каменья, падающие в море и высоко вздымающие брызги, вселяли в нас благоговение к величию Божию. При виде извержения, кажется, и самый закоснелый безбожник долженствовал бы убедиться всемогуществом Творца. Остров Стромболи имеет в окружности 10 итальянских миль, вид его с моря показывается крутой и необитаемой скалой, на южной стороне видна особенная горка остывшей лавы, западная сторона от жерла до моря засыпана пеплом весьма глубоко и потому совершенно недоступна. На северной же, где есть несколько хижин, родится виноград, дающий мальвазию, вино и здесь очень дорогое. Коринка, винные ягоды и финики почитаются превосходнейшими.

11 января при свежем утреннем ветерке эскадра входила в пролив, *Фаро ди Мессина* называемый. Опасности *Скиллы и Харибды*, прославленные поэтами Греции и Рима, столько устрашавшие древних, были для нас нимало не страшны. При младенчестве мореплавания, при несовершенстве строения древних кораблей, они были ужасны, ныне же и для скопомаре[19] незначущий водоворот. Мы прошли их при довольно свежем ветре, однако ж, когда были против Фаро, ход кораблей приметно уменьшился. Пучины сии происходят от двух сильных течений: первая, называемая Скилла, идет от юга на север вдоль берега Калабрии; вторая, Харибда, жителями *Гарофало* именуемая, по тому же направлению стремится вдоль берега Сицилии. Великое количество вод, текущих от запада, севера и юга, сходясь в узком проливе шириной только 2$^1/_2$ версты, отражаясь обоими берегами, не имея достаточного места для распространения, и с великим усилием входя в

[19] Лодки, употребляемые в Италии, чрезвычайно скоро под парусами и на веслах плавающие.

пролив, производят многие течения и то кружение воды, которое корабли, вошедшие в пролив при нечаянно стихшем ветре, по невозможности стать на якорь на большой глубине, носит туда и сюда, и, наконец, бросает на Калабрский берег или на песчаную косу, где стоит маяк Фаро. В тихое время пролив волнуется, поверхность воды в самом узком месте канала кипит и заметно у берега прибывает. Все пространство пролива от спорных течений пестреет остроконечными мелкими волнами; они крутятся вокруг и быстрыми струями несутся в разные стороны. Благоразумие требует при входе в пролив брать лоцманов, которые, по долговременным опытам, знают направления сих необычайных течений и в случае несчастья, происшедшего от их неосторожности, отвечают жизнью. Прилив и отлив не следует правильности, в океанах бывающей. Оные переменяются здесь чрез каждые 4 часа, между коими в продолжение 2 часов течения находятся в беспорядке и действуют по всем направлениям. Таковой беспорядок начинается часом прежде восхождения и захождения луны; в продолжение сего времени, когда посреди пролива бывает отлив, близ берегов действует еще прилив и сие необыкновенное явление называют il bastardo (незаконнорожденное). Настоящее течение воды находится посреди пролива. При новолунии и в равноденствия пучины стремятся с великим напряжением, а в восьмой день по новолунии довольно тихи, так что, держась ближе Фаро и берега Сицилии, безопасно можно проходить пролив и без лоцмана. В случае, если ветер начнет упадать, немедля должно бросить якорь и ошвартовать[20] корабль кормой к берегу, который хотя низок и песчан, однако ж в недальнем от себя расстоянии имеет от 15 до 20 сажен глубины. Несмотря на значительное возвышение и падение воды у Фаро, в Мессине,

[20] Привязать корабль канатами к берегу.

которая от сего маяка находится только в 12 верстах, оные почти неприметны.

Вид Мессинского пролива очарователен! Корабль плывет между садов, и так близко, что, кажется, оных касается; с левой стороны у Реджио представляется низкий берег, от моря ровным скатом примыкающий к коническим, пирамидальным, круглым и разных видов горам, наваленным одна на другую; снежные верхи их белеются, а скаты и долины покрыты темным лесом. Маленький Гибралтар, крепость Скилла, прилепленная к верхушке дикой скалы, висит над самой пучиной и кажется падающей. На север от нее отвесный берег являет взору гранитную стену. На правой стороне на оконечности низкой песчаной косы стоит прекрасный с колоннадой маяк Фаро, который, кажется, тонет, погибает в шумящей вокруг него пучине. От Фаро к Мессине по набережной, померанцевые, апельсиновые и лимонные аллеи заключают бирюзовую зелень различных овощей, далее, внутрь острова, невысокие горы постепенно восходят лестничными уступами: верхи их остры, бока срезаны и как бы нарочно обделаны искусной рукой. Горы сии покрыты масличными, миндальными и миртовыми лесами. По берегам пролива, текущего величественной рекой, постепенно расширяющегося и наконец сливающегося с морем, представляются три крепости и множество загородных домов, монастырей и селений. Пристань Мессины, всегда наполненная стоящими в ней, входящими и уходящими в море кораблями, движением своим дополняют сию чудесную картину, как бы нарочно поставленную посреди густой и вечной зелени. Вдали синеет колоссальная Этна; лучи солнца, заимствуя новый блеск от снежной ее вершины, играют многоразличными огнями; от жерла ее прямой столп дыма взвивается выше облаков. Она теперь дремлет и отдыхает. «А может быть, — думал я в сие время, — собрав новые силы,

грянет, истребит окрестности и поглотит тысячи несчастных жертв».

Гром пушек возвестил наше приближение к Мессине; не более как в 30 саженях от берега на всех парусах летели корабли вслед за своим адмиралом. Огромный оркестр духовой музыки, сопровождаемый несколькими выстрелами с корабля «Ярослава», отвечал на приветствия кораблей эскадр Грейга и Сорокина, возвращавшихся с войсками из Неаполя. Бриг «Аргус», оставший у Сан-Винцента, и который мы почитали потерянным, ибо в Гибралтаре были слухи, что испанцы взяли его в плен, сверх чаяния стоял в гавани. Красный флаг был причиной, что по нем испанские канонерские лодки сделали несколько выстрелов; но когда переменили оный белым, испанский капитан извинился, что он третьей дивизии наш флаг счел за английский и потом, не позволив бригу зайти в Гибралтар, выпроводил его из пролива. Лишь только вошли мы в ворота гавани и бросили два якоря на север и на юг, тотчас толстыми канатами привязали корабль к самой набережной.

Мессина, 11 января

Узкая, песчаная коса дает Мессинскому порту подобие круглого бассейна, в котором 500 кораблей стоят подле самой набережной, в безопасности от всех ветров. Харибда шумит по ту сторону самородной сей плотины, а чрез нее сто шагов в порте так тихо, как в копаном пруде. Тут природа, кажется, хотела доказать ничтожность и несовершенство произведений искусства. Вид гавани, наполненной кораблями всех торговых государств, кроме французских, чрезвычайно занимателен: множество мачт уподоблялось выросшему из воды густому лесу, украшенному собранием всех цветов, пестреющих на флагах и вымпелах. Корабли военные и купеческие, тесно помещенные, один за один сцепившись

реями и связавшись флагами, казалось, в залог дружбы взаимно обнимались.

Землетрясение, бывшее в 1783 году, разрушило лучшую часть города вокруг порта. Несмотря на сие, Мессинская набережная имеет нечто особенное, и с своими развалинами превосходит все доселе мною виденные. Нельзя не сожалеть, что до сих пор не возобновляют сей славной *Палацаты* или *ла Калата*, которая, огибая порт в виде полумесяца, составляла прекрасную широкую улицу длиной в две версты; и, как по остаткам колонн, балконов и портиков судить можно, была изящнейшей архитектуры. Самый город, с гаванью внизу, с высоким над собой замком, с зубчатыми полуразвалившимися вокруг стенами, подобно Иерусалиму, занимает уступы нескольких раздельных гор громадой зданий и храмов. Величавые купола церквей готического зодчества, вместе с фасадом палацаты, обращенной к морю, представляют амфитеатр строений, стоящих одно на другом. Смотря на них с корабля, думаешь видеть пред собой театральную декорацию. Красота положения Мессины составляет такую перспективу, что взор невольно тут блуждает с предмета на предмет.

Эскадре назначен был 16-дневный карантин, но, по настоянию главнокомандующего, оный тот же день был уничтожен. Ввечеру, когда набережная наполнилась прогуливающимися, вышли мы на берег. Черное тафтяное платье, обыкновенный наряд здешних дам; множество монахов в белых, черных и кофейных рясах; одежды турков, греков, славян и итальянцев такую делают пестроту, какой редко где видеть можно. Красные мундиры английской пехоты, странная одежда шотландских горских стрелков в пестрых юбочках, мужественный вид наших гренадер в простреленных касках с надписью: «С нами Бог»; все сие противоположностью своей занимает зрителей приятным образом. Одушев-

ленная веселость народа, забавляющегося кукольной комедией и арлекином, производит шум и необыкновенное движение. Мне весьма приятно было слышать, как усатые наши солдаты развязно и ласково разговаривали с итальянцами: таковая способность русского скоро приобретает ему любовь во всех землях. Вежливость и щедрость русских особенно нравится искательным итальянцам. Здесь предпочтительно русскому готовы возможные услуги. За деньги? Но где же что-нибудь делается без сего человеческого идола. Посмотрите на итальянца, увидите, что при получении им нескольких карантан восторг изображается на его лице; он не столько рад карантане, как случаю, что мог услужить русскому. Француз, англичанин, если не обижают бедняка, то, по крайней мере, хотят казаться существом гораздо его благороднейшим. Русский не ищет сего преимущества и желает быть ему равным. Вот немаловажные причины, от чего итальянская чернь кричит нам: «E viva Moscov! Да здравствуют русские!» В Италии, чтоб казаться обыкновенным иностранцем, надобно не быть русским, и чтоб быть покойным, нужно скрываться. Потому съезжаем мы на берег во фраках; в мундирах же мы влекли бы за собой толпу народа.

Взяв билеты для оперы, спросил я, когда начнется представление? В два часа ночи. Хотя и поздно, прихожу в назначенное время; но театр был заперт, и тогда только вспомнил, что в Италии часы ночи считаются от захождения, а часы дня от восхождения солнца.

Главная улица, идущая с юга на север сзади палацаты, широка, обстроена четырехэтажными, совершенно единообразными домами, вымощена платой, а тротуары мрамором и лавой. Некоторые церкви, коих здесь очень много, не по наружности, а по внутренним украшениям, заслуживающим особое внимание. В древнем здании собора кафедра и барельефы сицилийского скульптора Гажини наилучшего

вкуса. Мозаика главного алтаря собрана из самоцветных камней; в оной фигуры и тени, смотря издали, нельзя отличить от живописных. Образа и алфреско кисти Гальяти, также родом сициалианца, равняются с тинторетовыми. Золотые и серебряные сосуды, хранящиеся в сокровищах храма, показывали нам с гордостью и за большую редкость; ибо они работы Гевари, известного римского художника, который родился в Мессине, и вдохновением одного гения, не подражая никому, в сем роде достиг совершенства. Вообще все здешние церкви слишком обременены позолотой и мраморными изделиями. Монастырь Св. Григория почитается богатейшим, а иезуитская коллегия, в коей должно подымать чрез несколько лестниц и террас, по справедливости может гордиться прекрасным положением и живописью мессинеза Рафаэля Сицилии, в сочинении, отделке и исправности рисунков коего соединены вкус и разительная приятность. Из многих статуй, украшающих город, белого мрамора фонтан на набережной, представляющий Нептуна, налагающего цепи на Скиллу и Харибду, изображенных морскими чудовищами с семью главами, как их описали древние поэты, школы Мишель-Анжела, работы превосходной. После сей группы монумент дон Жуана Австрийского, стоящий подле губернаторского дома, кажется весьма посредственным.

При нынешних обстоятельствах, когда вся Италия во власти французов, Мессина сделалась весьма важным торговым городом и убежищем многих добровольных изгнанников. На фабриках делают гарнитуры, шелковые чулки, ковры и тафту, известную у нас под именем ноблес. Кроме плодов, особенно апельсинов, вина, масла и пшеницы, соль составляет главный торг.

В ночь 12 января фрегат «Назарет» с 4 английскими транспортами бросило на мель у Фаро, а бриг «Летун» на Мессинский маяк. К счастью, тишина продолжалась двое су-

ток; фрегат, бриг и три транспорта посланными с эскадры людьми сняты с мели без вреда; один же транспорт, у коего проломило дно, принуждены были оставить. 13-й егерский полк, находившийся на сих судах, разместили по кораблям нашей эскадры, которая быв сим задержана, оставила Мессину 16 января.

Плавание от Мессины до Корфы

Когда мы обошли Спартивенто, южный мыс Калабрии, сильный ветер развел волнение и корабли, идучи бейдевинд[21], качались подобно легким челнокам. В ночь с 16 на 17 января, после кратковременной грозы, у корабля «Уриила» повредило фор-стеньгу[22]. Адмирал оставил при нем «Селафаил» и бриг «Феникс», а с остальными кораблями к вечеру 18-го прибыл к южному проливу. Ветер был свеж, довольно крут, пролив стеснен отмелью и подводными каменьями. Адмирал удивил нас своей решительностью и искусством пользоваться знанием мест. При захождении солнца поднят был сигнал сомкнуть линию и следовать за его кораблем. В непроницаемой темноте мы прошли благополучно все опасности, и около полуночи эскадра положила якорь под стенами Корфу, главной цели нашей экспедиции. Плавание от Кронштадта до Корфу, считая под парусами, совершили мы в 38 дней. Спустя два часа пришел на рейд из Неаполя командорский корабль «Ретвизан».

Идучи от Мессины к Корфу при южных ветрах, держать должно на остров Санто-Мавро; а при северных — на северную оконечность Корфы для того, что в Ионическом море течение вместе с ветром стремится или в Адриатическое море, или к югу вдоль берегов Мореи. Вошед в южный пролив,

---

[21] Ближайший путь к ветру.

[22] Среднее колено передней мачты.

должно держать ближе к острову Паксо, ибо от мыса Бианко отмель простирается до половины пролива. Другая песчаная мель от Пундо де Саине идет к северо-востоку на половину мили; дабы обойти другие отмели, находящиеся по восточную сторону Корфы, держат близ албанского берега до тех пор, пока придут напротив города. От Пунто де Салине на 20 саженях глубины в десяти милях расстоянием, Корфа открывается островом, но, приближаясь к оной, видишь на оконечности мыса крепость. Северный пролив шириной около 3 верст, кроме одного камня равного с водой, не имеет других опасностей. Рейд Корфы, находящийся между городом и островом Видо, имея глубину 8, 10 и 12 сажен, грунт ил, доставляет кораблям безопасное убежище. Преимущество сего порта есть то, что флот тем или другим проливом при всяком ветре может выйти в море. У Лазаретто, острова, лежащего к западу от Видо, суда выдерживают карантин. Мелкие военные суда стоят в Мандраки, гавани, что у цитадели, тут же и Адмиралтейство. Венецианские доки и канал в Гуви оставлены, и строения, стоившие несколько миллионов, представляют теперь одни развалины.

Корфа

На восходе солнца гром пушек возвестил пришествие нового главнокомандующего. Эскадры Грейга и Сорокина отдали паруса, а старший командорский корабль «Ретвизан» приветствовал вице-адмирала 9 выстрелами, республиканская крепость салютовала ему 15, а разных наций купеческие суда 3, 5 и 7 выстрелами. Все военные суда в знак вступления под начальство Сенявина, спустили белый и подняли красный флаг. Между тем, как корабль «Ярослав» отвечал на сии поздравления, генерал-майор Анреп с генералитетом, командор Грейг с капитанами на шлюпках под флагами плыли со всех сторон к адмиральскому кораблю, на котором как во

время прибытия, так и по отшествии сих посетителей играла музыка, сопровождаемая громом литавров и барабанов. Число сухопутных войск, поступивших под команду вице-адмирала Сенявина, простиралось до 13 тысяч, состоящих из следующих полков: мушкетерских — Куринского, Козловского, Колыванского и Витебского; из 13-го и 14-го егерских полков и легкопехотного Албанского легиона, сформированного из эпиротов. Сибирский гренадерский полк с генерал-аншефом Ласси, прежним главнокомандующим, и генерал-майором Анрепом вскоре отправился в Россию.

Морскую силу, кроме 5 кораблей, фрегата и 2 бригов, пришедших из Кронштадта, составляли следующие корабли:

1. «Ретвизан» — о 64 пушках, капитан-командор Грейг. 2. «Елена» — о 74-х, капитан Иван Быченский. 3. «Параскевия» — о 74-х. Командор Сорокин и капитан Салтанов. 4. «Азия» — о 74-х, капитан Белли. 5. «Михаил» — без пушек для перевоза войск, капитан Лелли. Фрегаты: 1. «Венус» — о 50 пушках, капитан Развозов. 2. «Михаил» — о 44-х, капитан Бакман. 3. «Армений» — под госпиталем. Корветы: 1. «Диомид» — о 24-х, капитан Палеолого. 2. «Херсон» — о 24-х, капитан Чаплин. 3. «Алциное» — о 18-ти, лейтенант Титов. 4. «Днепр» — о 18-ти, лейтенант Бальзам. 5. «Григорий» — большого размера военный транспорт 24-х. 6. «Павел» — о 18 пушках. Бриги: «Орел», «Александр», «Бонапарт», «Летун», «Богоявленск», шхуна «Экспедицион», каждый о 16 пушках. Весь флот состоял из 10 кораблей, 5 фрегатов, 6 корвет, 6 бригов и 12 канонерских лодок. На всех сих судах 7908 матросов, морских солдат и артиллеристов, и 1154 пушки. Сверх оных взято от французов: шебеки «Азард» и «Забияка» — о 16 пушках, да из призовых судов переделаны корветы: «Дерзкий» — о 28 пушках Кап. Салши, «Версона» — о 22-х, лейтенант Кричевский.

Первый день пребывания в Корфе провели мы во взаимных посещениях, шлюпки беспрестанно переезжали с ко-

рабля на корабль; всякий спешил видеть друга, товарища и брата. Вот названия, какие дают друг другу товарищи-кадеты. Морские офицеры, исключая немногих, воспитывались в Морском корпусе, как в единой колыбели, чрез привычку и одинаковые нужды с младенческих лет связуются узами дружбы. На скользком пути жизни, на военном поприще, где зависть часто разрывает твердейшие связи, друзья-товарищи до глубокой старости пребывают верными. Примеры тому в нашей службе нередки, даже и в таких случаях, когда один сделается начальником, а другой подчиненным. Отсего-то корпус морских и артиллерийских офицеров составляет самое согласное общество. Выгода общественного воспитания тут очевидна. На кораблях, в армии и везде, где более офицеров из кадет, там, как известно, более и единодушия.

На другой день я успел побывать в казино, на Спьянадо, обошел по валу кругом город, был в театре; но, признаюсь, по незнанию языка мало имел удовольствия. Для сего решился как можно скорее научиться по-итальянски и при первом удобном случае осмотреть достопримечательности Корфы со вниманием. В опере речитатив до крайности мне наскучил, а в пении странно показалось, что умирающий герой продолжал петь очень громко; балет же, составленный из лучших итальянских танцоров, показался мне превосходным, и я должен был согласиться, что до сего времени видел одних фигурантов. Здешние прыгуны еще лучше смелее, удивляют смертными скачками (Salto mortale), а первый танцор и прекрасная танцовщица Гаетани подлинно летали на сцене. Пантомима их так же, как и легкость, приличность и согласие с музыкой, совершенны.

Дабы показать читателю, сколько важно было в отношении политическом пребывание наше здесь, и какие выгоды Корфа представляла для торговли нашего Отечества, я предлагаю краткое обозрение.

Петр Великий, построив флот, хотел поставить Россию в число морских держав, обогатить подданных своих распространением судоходства, которое, как известно, прибыльнее, нежели сухопутная торговля. Моря, принадлежавшие тогда России, были тесны для обширных намерений мудрого Просветителя нашего: он искал приобресть в отдаленной стране хотя мало владение, дабы, имея там флот, приготовить нужное число мореходцев. Эскадра, на сей предмет посланная к острову Мадагаскару, лежащему у южной оконечности Африки, поврежденная бурей, возвратилась без успеха. Екатерина II, следуя по стопам Великого из Царей, во время счастливой войны с турками 1770 года, желала от Венецианской, тогда к падению клонившейся республики, приобресть остров Итаку; но смерть Иосифа, мир, заключенный Леопольдом с турками, и недоброжелательство Англии, Пруссии и другим посредствовавших в мире держав, воспрепятствовали и сие привести в исполнение. Наконец, когда чад Французской революции, мечтания о вольности, отвержение самого Бога, угрожали ниспровержением законных властей, ужасом безначалия и прежним невежеством готических времен, когда три сильные державы соединились, когда Суворов освободил Италию, восстановил веру и царей, тогда адмирал Ушаков, начальствуя российским и турецким флотом, покорил Корфу, выгнал французов из Неаполя и Рима, и в 1801 году 21 марта на Амьенской конгрессе Республика семи соединенных греческих островов признана под покровительством России и Турции.

Ионическая республика по географическому положению есть ключ Италии во врата древней Греции. Корфа, имея одну дивизию пехоты и десять линейных кораблей, не только безопасна от неприятельского вторжения, но становится важной точкой наблюдения между северными и южными государствами. Народы Италии, угнетенные чуждым игом, отклоняя влияние других соревнующих держав, из Корфы

ожидали своего освобождения. С другой стороны, греки, обитающие в Морее, Албании и Архипелаге, при незначащих наших силах мечтали о вольности. Славяне, живущие на восточном берегу Венецианского залива, гордясь одним с нами происхождением и верой, считали Корфу своей столицей. Кротость правления, благость и праводушие нашего монарха соединяло в пользу нашу различные народы, и мы, будучи окружены тогда неприятелем, находили себя столь же безопасными, как бы и в самой Москве. Расположение итальянцев, религия греков, язык и одинаковые обычаи славян, общая искренняя любовь и преданность народов, служили нам щитом надежным и самым лестным.

Корфа для торговли Черного моря необходима. Находясь посреди Средиземного моря, она представляет безопасное убежище, надежную защиту и место для складки товаров. Какие выгоды приобретает наше Отечество от сего порта, доказательством служит то, что в 1806 году и до половины 1807-го, число торговых судов, исключая бокезских, увеличивалось более, нежели вчетверо. В Средиземном море российский флаг преимуществовал над всеми прочими. В другом отношении Корфа представляет важнейшие выгоды. Россия, почитаясь второй морской державой, имеет одно Черное море способное для плавания круглый год, Балтийское же открыто бывает только пять месяцев, имея же Корфу, морские офицеры и 10 000 матросов приобретают познания в чужих морях. Сим помышление Петра и желание Екатерины было исполнено.

Новая Рагуза, 30 января

При общем размещении с горестью должен я был расстаться с офицерами корабля «Св. Петр» и перейти на фрегат «Венус», тот славный «Венус», который в легкости хода не имел доселе себе равного, и не только в нашем, но и в английском флоте известен первым ходоком. Преимущество

для морских офицеров столь важное, что служить на «Венусе» почиталось за особенную честь. Капитан Кроун (ныне вице-адмирал) взял его в 1789 году бригом «Меркурием», после же «Венусом» взял корабль «Ретвизан». Нужным считаю при сем заметить, что англичане имеют в своем флоте 108 французских кораблей, что составляет девятую часть всей их морской силы; мы, по окончании Шведской войны в 1794 году, имели 34 неприятельских корабля, то есть пятую долю всего нашего флота. Честь и слава русскому народу!

Адмирал, не имея никаких известий о происшествиях на матерой земле, дал повеление капитану «Венуса» принять чиновников Иностранной коллегии — статского советника Поццо ди Борго и коллежского асессора Козена, высадить их в Рагузе, откуда последний с депешами долженствовал отправиться в Россию. На пути же особенно стараться разведать о движениях неприятеля; почему 24 января, кроме сих чиновников, приняв на фрегат английской службы полковника Мекензи, сына известного путешественника в Северо-Западную Америку, отправились в море.

Штиль остановил нас у Фано, почитаемого Калипсиным островом. Гомер и Фенелон наполнили его прохладными померанцевыми, сосновыми и апельсиновыми рощами. Кто вопреки столь красноречивых писателей поверит, что Фано пустой необитаемый камень, кроме беловатых скал ничего не представляющий. Страбон полагает Калипсин остров при африканских, ближайших к Мальте берегах, и сие гораздо вероятнее, ибо, следуя Гомерову описанию: «Улисс отплыл с попутным ветром и после 18-дневного плавания усмотрел берега Корциры (Корфы)», которая, отстоя от Фано не более 20 верст, доказывает, что Фано не Калипсин остров.

Тихие противные ветры задержали наше плавание. 30 января, когда мы находились на высоте Новой Рагузы, сделался штиль. По настоянию статского советника Поццо ди Борго, который имел особые важные поручения, пушечным вы-

стрелом при поднятии купеческого флага потребовали мы консула и г. Фонтон не замедлил своим приездом. Он немедленно возвратился в город с обоими дипломатиками. В полночь фрегат вошел в залив Санто-Кроче, составляющий гавань Рагузы.

На другой день поутру ректор (правитель республики) прислал поздравить нас с благополучным прибытием и просил принять подарки, состоящие в зелени, плодах и вине. Капитан пригласил офицеров, поехал в город для засвидетельствования ректору своего почтения. Не застав дома, мы встретили его на площади. Княжеская мантия и большой парик, оставляющий только часть лица видимым, придавал ему важный и вместе странный вид. Казалось, мы видим живую тень венецианских дожей, уже с лица земли исчезнувших. Ректор с достоинством, сделав навстречу нам несколько мерных шагов, начал благосклонный разговор о погоде, после о славе России, наконец о кротости нашего монарха, повсюду столь любимого, и в заключение сказал: «Какое счастье быть русским». Низким поклоном поблагодарив за лестные приветствия, мы раскланялись и пошли по городу, но он так не велик, что две-три улицы и несколько домой составляют столицу Республики. Строение красиво и город очень чист. Четвероугольная стена с бойницами только с моря защищать может; с сухого пути высокая гора Баргарт представляет неприятелю выгодную позицию. Окрестности Рагузы, называемой славянами Дубровник, украшаются садами и домиками в английском вкусе.

Рагузинцы, обитая на гористой бесплодной земле, упражняются в торговле. Они то же в Средиземном море, что англичане во всем свете. Будучи под покровительством Оттоманской порты и пользуясь нейтралитетом, в последние смутные обстоятельства Европы в короткое время собрали великие богатства. Малая сия республика, имеющая 600 су-

дов, на коих перевозя чужие с малые количеством своих произведений, наиболее торгует контрабандами. Не имея собственной силы, будучи принуждены искать чужого покровительства, рагузинцы временно платили немалые подати султану, неаполитанскому королю, папе и австрийскому императору. Иногда брали они от разных наций, для одного корабля два и три патента на флаг, почему в упрек им и говорится «Raguseo di Sette Bandiere». Рагузинские суда весьма красивые и удобны как для принятия большого груза, так и для скорого и безопасного плавания. Правление республики в руках дворянства, ректор избирается ежемесячно; в сие время живет он во дворце, по окончании же срока выгоняют его из оного не очень учтиво, и вообще республиканцы сии так ревнивы к своей вольности, что, опасаясь какого-либо нападения, при захождении солнца запирают крепостные ворота. Республика спокойствием своим обязана мудрости законов, подобных тем, какими управлялась Венецианская республика. Дворянство исповедует католическую веру, народ, который есть славяне, исповедуют греческую. Первая степень граждан республики, дворянство, имеет многие преимущества, вторая, народ, почти никаких. Отечественный язык есть испорченный славянский, однако ж русскому понимать его можно. Итальянский употребляется как природный.

В Рагузе получили мы достоверное известие, что Далмация занята Французскими войсками, почему курьеру невозможно было отправиться отсюда в Россию, и как наши дипломатические чиновники окончили и другие свои поручения, то фрегат 1 февраля снялся с якоря и на прежний салют Рагузинской крепости ответствовал двумя выстрелами меньше.

Плавание Адриатическим морем

В ночь на 2 февраля ветер усилился и сделался очень свеж, волнение было часто и беспокойно; невзирая на сие, фрегат, идучи полным ветром, шел весьма быстро, и как капитан имел причины поспешать, то, несмотря на дождь и пасмурность, всю ночь неслись мы между камней и мелких островов, лежащих на пути нашем. Ночью миновали мы опасный остров Агосто и прошли между островами Иссой и Лезино. На рассвете по правую руку открылась длинная гряда островов, составляющих Далматский архипелаг. Наслаждаясь зрением беспрестанно переменявшихся видов, скоро прошли мы великое пространство и в полдень того же 2 февраля были уже против Анконы. К вечеру усмотрели мы судно без мачт, оставленное без управления, волны ходили чрез палубу, и оно то показывалось, то скрывалось. Подойдя ближе, увидели на нем несколько человек, махавших платками и шляпами. Ветер был силен, волнение ужасно, но как отказать в помощи утопающим. Фрегат, подошед ближе, лег в дрейф[23], спустили висевший на борте ялик. Боцман с шестью отважнейшими матросами, бросившись в него, отвалили и скрылись в волнах. Не без удовольствия, происходящего от соревнования, смотрел я, с каким усилием матросы гребли, пристали, вышли на судно и тонкой веревкой, взятой с фрегата, притянув толстый канат, прикрепили его на носу, и тем судно спасли. На нем находились 7 человек венециян, подданных французских. Они от страху и холоду едва говорили, да к тому ж трое суток не пили и не ели, их взяли на фрегат и отдали на руки лекарю. По осмотре судна, которое здесь называется требакула, нашли его в хорошем состоянии; почему капитан приказал отлить из оного воду, исправить мачты и паруса, и вследствие

[23] Лечь в дрейф значит помощью противоположных ветру парусов остановить корабль на месте.

закона, в котором сказано: «Если неприятельский корабль станет на мель или, претерпевая какое-либо бедствие в море, будет просить помощи, то подать ему оную и отпустить». Посему, когда требакула была исправлена, и ветер утих, капитан приказал объявить шкиперу Бартоломео Пицони, что он может идти, куда ему угодно. Итальянцы не хотели верить, но когда на требакулу перевезли нужное количество воды и провизии, то они с крайней признательностью пошли благодарить капитана и офицеров. Шкипер, тронутый сей неожиданной милостью, при прощании сказал: «Зачем отпускаете меня, я охотно бы остался вашим пленным, уверен будучи, что в отечестве моем едва ли найду друзей столько великодушных, как вас, к несчастью, моих неприятелей». Должно верить, что доброе дело никогда не остается без награждения, и я сведал после, что сей же Бартоломео, будучи в Анконе, предложил свои услуги пленным русским солдатам, принужденно служившим во французском полку; он, подвергая себя опасности, жертвуя своей жизнью, успел несколько освободить из плена и на своей требакуле доставить их в Корфу.

Поелику надлежало нам обеспокоивать неприятеля, который безопасно перевозил войска из Венеции в Далмацию, то от Анконы пошли мы к Сенегалии, оттуда к Истрии, наконец, остановились на главном его сообщении у острова Сан-Пьетро ди Нембо и, дабы обмануть неприятеля числом кораблей, везде подымали разные флаги, то свой, то английский и шведский. Потому ли, что неприятель взял осторожности, или по каким другим причинам, в продолжение двух суток видели только одно судно под австрийским флагом, которому пушечным выстрелом хотя и сделали сигнал приблизиться, но оно, отделяясь от нас грядой каменьев, скрылось за остров Моса.

5 февраля, приблизившись к островам, закрывающим вход в Фиуме, узнали мы, что такое ветер, называемый здесь

борой, столь сильный, что можно сравнить его с ужасным ураганом. Дым, покрывающий вершины гор, есть верный признак начала боры. Ветер с стремлением, с силой необыкновенно вырываясь из-за гор, подымает на земле облака пыли, вырывает с корнем деревья и сносит крыши с домов. Море близ берега кипит, а не волнуется; ветер, срывая воду с поверхности моря, несет ее в виде прозрачного тумана, и часто брызги воды достигают в высоту на пять сажен. Бора дует всегда от северо-востока и продолжается иногда две и три недели сряду. Малые суда приносит она от Далмации к Италии, где, к несчастью, почти все порты открыты сему ветру, почему в продолжение зимнего времени, когда дует бора, много погибает судов и плавание в Адриатике в сии месяцы весьма затруднительно. Близ берега сила ветра неимоверна, у кораблей, стоящих на якоре, нередко ломает мачты, далее в море ветер смягчается, почему в осторожность здешние мореходцы удаляются от берегов, но и в море ни одного паруса нести не можно.

Невзирая на представление опытного лоцмана, который, показывая на горы, покрытые легкими колеблющимися облаками, уверял, что бора еще продолжается, и что мы подвергнем себя опасности, если пойдем далее, капитан, имея повеление высадить в Фиуме или Триесте чиновников Иностранной коллегии, отправленных с важными депешами к государю императору, и положась на то, что ветер в море даже был тих и небо ясно, приказал взять у марселей рифы [24] и идти в Фиум. За островом Оссеро, в проливе против горы Кальдаро, нашел столь сильный шквал[25], что фрегат привело к ветру, положило на бок и, остановя, так сказать, придавило

---

[24] Значит уменьшить парус, подвязав его веревочками, называемыми сезни.

[25] Сильный порыв ветра.

его к воде. Треск мачт, падение столов и мебелей в кают-компании, летящие клочки изорванных парусов, отчаянный голос лейтенанта: «Право на борт! Люди наверх!», перепугал до смерти наших пассажиров, и в самом деле, пока уклонили фрегат от ветра, мы были в опасности и могли потерять мачты, но новая, гораздо очевиднейшая беда нам угрожала. Плоский подводный камень, покрытый водой только на 4 фута, лежал посреди пролива, карта была неверна, а лоцман не знал точного его положения, поверхность моря была бела, как снег, и потому боя воды вокруг камня нельзя было видеть. Охриплый, удушенный крик командующего лейтенанта, смущенный вид капитана, приведенного в недоумение, куда править фрегат, суета офицеров, глазами и в зрительные трубы тщетно ищущих подводного камня и сличающих показанное место его на карте с настоящим положением пролива, которого несходство заставляло каждого бледнеть, вопль лоцмана и пасмурные лица пассажиров, представляли, в продолжение нескольких минут, зрелище самого отчаянного положения. Между тем фрегат без парусов по ветру, неведомо куда, летел близ крутого берега; висящие скалы, казалось, грозили раздавить его, подводный камень многим казался уже под носом; но «Бог, без воли коего и влас главы нашей не падет» вывел нас благополучно в открытое море.

К ночи, для исправления повреждений, остановились мы на якоре у острова Сансего. Ветер сильно дух вверх, а внизу только временем набегал порывами, волнение доходило до нас с обоих сторон острова по отражению, что производило неправильную качку, для облегчения коей спустили на низ верхние мачты и нижние реи. Пустой необитаемый остров Сансего на южной стороне имеет ключ пресной воды; это клад для мореходцев. Множество морских птиц покрывали его берега, охотники не имели надобности тратить заряды; птицы были так смелы и садились так близко, что их можно

было бить палками, а молодых ловить руками. Тут же нашли мы множество черепах. Сии земноводные чрезвычайно живучи: без пищи, только одним поливанием морской воды, они могут прожить довольно долгое время; впрочем, они едят всякую свежую траву и размоченные сухари. Яйца свои кладут в ямы, вырываемые ими в таком расстоянии от моря, чтобы волны не доходили до них. В таких ямах находили мы по пятидесяти и более черепашьих яиц, величиной немного менее куриного, они тщательно засыпаны были песком. Мясо черепах было жирно и, как известно, весьма полезно в цинготных болезнях.

6 февраля при тихом ветре снявшись с якоря, вдали, у острова Сан-Пьетро, увидели судно, тихо движущееся. Хотя ветер наполнял только верхние паруса, но фрегат шел по 7 миль в час, и скоро мы рассмотрели большую галеру, подобную древним. По причине совершенной тишины близ берега, она шла на веслах, а фрегат под парусами быстро к ней приближался; уже ядра наши начали доставать: одно попало в мачту, другое в корму, но, перешед полосу ветра и вошед в тишину, фрегат стал на месте неподвижен. Галера, отойдя тогда на расстояние, где ядра наши более ее не достигали, с пушечным выстрелом распустила паруса и подняла флаг нового королевства Итальянского. Обогнув мыс, галера вошла в залив, где по причине мелководья не могли мы атаковать ее, а по причине батарей, защищающих гавань, невозможно было взять ее шлюпками и абордажем.

6 и 7 февраля, когда в море было тихо, у горы Калдаро свирепствовала бора; посему-то пролив, ведущий к Фиуме, называют Чертов рот. Всякий раз обманывались мы и всякую ночь принуждены были возвращаться к Сансего, который, имея вокруг якорные места, доставлял от всех ветров безопасное убежище. 8 февраля, стоя на якоре по западную сторону острова на глубине 30 сажен, грунт ил, и, имея

стеньги и реи спущенными, в 8 часов утра увидели к югу большое трехмачтовое судно. В полчаса стеньги и реи подняты, и фрегат уже был под всеми парусами; в три часа судно, которое начало скрываться за горизонт, догнали; оно было под австрийским флагом и шло из Одессы в Триест с пшеницей. Шкипер уверил нас, что ни одно судно во время боры не осмеливается приближаться к Чертову рту; почему капитан решился высадить курьера в Триесте: но, подошед к Истрии, ужасная бора опять прогнала нас к Сансего, где, к удивлению, было тихо.

9 февраля шкипер турецкого судна, вышедшего из Триеста, объявил, что весь австрийский литорал от Триеста до Фиуме занят французскими войсками и что в Венеции готова эскадра, которая, по окончании боры, повезет войска в Далмацию. Таким образом, узнав о намерении неприятеля, и будучи не в силах сделать ему многого вреда, капитан приказал спуститься на фордевинд и идти в Корфу. К ночи ветер так усилился, что, идучи 12 румбами от ветра, фрегат довольно наклонился. 10 февраля на рассвете принуждены были убрать верхние паруса. Ясное небо, грозное море и плывущий фрегат представлял картину, достойную кисти Вернета; но как изобразить сии золотые лучи солнца, отражавшиеся и смешивавшиеся с белизной валов, шедших вслед нам глубокими браздами? Как соединить лазурный спокойный вид небесного свода с ужасным видом моря? Какую должно избрать краску, дабы живо написать сии клубящиеся, рассекаемые и подавляемые носом фрегата волны, кои подобно разрушительному наводнению, на него взливаются; и как, наконец, представить сей водоворот, крутящийся за его кормой?

13 февраля, при стихшем ветре, у острова Фано, встретились с кораблем «Азией» и шхуной «Экспедицион»; с первого сигналом требован был наш командующий, по возвращении коего узнали, что капитан Белли имеет тайное поручение, и что наш фрегат назначен в его эскадру; но как дипломатиче-

ские чиновники имели доставить адмиралу важнейшие сведения, то капитан Белли приказал нам следовать в Корфу, и поспешил соединиться с ним у Новой Рагузы. Штиль и переменный ветер не позволил нам ночью войти в северный пролив. 14 февраля, проходя оный, встретившись с фрегатом «Михаилом», который также принадлежал к эскадре Белли. Лавируя весь день, к вечеру пришли в Корфу.

Плавание от Корфы до Катаро

Для того, кажется, простояли мы в Корфе 15 февраля, чтобы видеть прекраснейшее утро и ужаснейшую грозу. Густой утренний туман, сопровождаемый мелким дождем, при появлении солнца, как легкий пар исчез, и ясный день заступил место пасмурности. Но после полудня горы покрылись мраком, и море при тишине пришло в необыкновенное колебание. Гора Сальвадор, самая высокая, лежащая на северной стороне острова, вдруг осветилась молниями, кои одна за другой, раздирая небо, разбивались на ее вершине. Сии молнии распространялись направо и налево, и скоро весь горизонт показался в пламени. В отдалении гром подобен был треску ружейной перестрелки. Сияние беспрерывно увеличивалось, и я не без страха смотрел на сии потоки света, которые, разливаясь по мрачному небу, пестрили оное огненными змееобразными струями. Но когда тучи сомкнулись вокруг нас, и гроза приблизилась, ужаснейший гром, подобный залпам сражающихся флотов, при легком землетрясении, бывшем в городе, потряс воздух, и фрегат наш дрожал и колебался. Удары беспрерывно увеличивались, вся небесная твердь обратилась в синий свод, блестящий огнем различных радужных цветов. Молнии, привлеченные франклиновым отводом, спускались в море и рассыпали по палубам нашим электрические искры; пожарные трубы не утушали их: от морской воды, имеющей множество горьких солей, горючих

частиц и потому самой электрической материи, они еще более возгорались. Хотя пороховой погреб находится на самом дне и от внешнего воздуха тщательно бывает закрыт, но не менее того сии скачущие у ног искры, озабочивали каждого. Сия гроза стоила эскадре нескольких человек, убитых и оглушенных. Наконец молнии угасли, облака сгустились и день обратился в ночь. Вскоре полился такой дождь, что вода не успевала стекать за борт. Спустя час все умолкло, черные облака, подувшись восточным ветром, подобно завесе, поднялись и окрестности открылись в прелестной перспективе. Солнце явилось в полном блеске, все приняло спокойный вид и облеклось новой приятностью.

16 февраля капитан, получа секретное повеление, которое должно было распечатать по прибытии в Рагузу, приказал сниматься с якоря. Те же чиновники Иностранной коллегии отправились с нами. Во весь день не могли мы пройти белой дороги (Strada Bianca), так называемой по причине кривой белой полосы, видной по скату горы. Замечено, что у сего места почти всегда бывает штиль и отсюда бора к Корфе не существует: конечно, положение и высота гор служат преградой сильному сему ветру. Часто, когда в море дует свежий ветер, у Страды Бианки бывает штиль, когда же ветер дует с берега, то хотя море кажется и тихо, но корабли, по причине крепких порывов, нередко теряют мачты.

17 февраля бурный юго-западный ветер принес нас на высоту Катарского залива, но тут, не доходя до Рагузы, началась ужасная бора, продолжавшаяся трое сутки. Едва ли самый жестокий шторм может быть так силен. Лоцман первый, заметив круглое облако пыли на горах, с великой заботливостью и страхом кричал: «Скорей убирайте все паруса». Лишь успели люди разойтись по реям, фор-марсель, в половину закрепленный, изорвало в клочки, грот-марсель, закинувшись за рей, сбросил трех матросов, из них одного убило до смер-

ти, другому переломило руку, а третий чудным образом легко ушибся. Невзирая на сию прискорбную потерю, мы почитали себя еще счастливыми, что успели убрать прочие паруса, в противном случае непременно сломало бы мачты. Один по одному подымали мы штормовые стаксели, их рвало, как лист бумаги, и уносило на воздух. И так принуждены были остаться без парусов; нас несло по воле ветра, ревущего так сильно, что и в 3 саженях не слышно было громкого голоса. Вечером, когда бора несколько уменьшилась и позволила нам под бизань-стакселем лечь в дрейф, я сошел на них. Гроб и тихое пение псалмов остановили меня. Смертный одр, покрытый флагом, печаль, изображенная на лицах людей, окружавших тело умершего, тусклый свет лампады и слабый голос седовласого монаха, поющего «со святыми упокой». Я также в сокрушении сердца забыл о буре, забыл о самом себе и молился, как говорится: «Кто на море не бывал, тот Богу не маливался». Мореходцу кажется нельзя быть вольнодумцем: встречая на каждом шагу гибельные опасности и стоя пред лицом смерти, всякие безбожные мудрствования исчезают, и вся развращающая нравы мнимая философия при возженной пред иконой свече умолкает и превращается в душевную молитву.

20 февраля, когда ветер стих, курьер Козен на присланной от консула лодке уехал в Рагузу; чрез четыре часа Козен возвратился, и капитан, распечатав пакет, приказал поставить все паруса и идти на юг. Слабый ветер не соответствовал нашему нетерпению. Неверная карта и не знающий лоцман вместо Катаро привели нас к Антивари; почему принуждены будучи возвратиться к северу, уже к вечеру увидели мы покрытые сумрачными облаками высокие горы, закрывавшие от нас залив Боко ди Катаро. Несмотря на противный с порывами дувший ветер, во всю ночь в глубокой темноте под рифлеными марселями лавировали мы в устье залива между

крутых скал, мелких островов и подводных камней, при входе рассыпанных. 21 февраля, еще до рассвета, в густом тумане, при утихшем ветре, положили якорь на рейде Кастель-Ново. Тут нашли мы корабль «Азию», фрегат «Михаил», шхуну «Экспедицион» и шебеку «Азард». Последняя взята от французов следующим образом: 16 февраля капитан Белли, прибыв в Карто, нашел сию шебеку стоящей под крепостью. Несмотря на покровительство австрийцев, народ принудил ее удалиться от крепости. Лейтенант Сытин с пятью гребными судами под прикрытием шхуны «Экспедицион», ночью, во время проливного дождя взял ее абордажем и столь нечаянно, что французы не успели сделать и одного выстрела. Она вооружена 16 пушками разного калибра и имела 60 человек экипажа.

Занятие провинции Боко ди Катаро, 21 февраля

Тайна нашего сюда прихода открылась, и мы с радостью узнали, что предприятие адмирала увенчалось счастливым успехом. Для лучшего объяснения происшествий сего дня надобно обратить внимание на связь политических событий.

Когда в Корфе подтвердился слух, что император Римский заключил в Пресбурге мир с Бонапартом и уступил Франции Венецию и Далмацию; когда известно стало, что французское правительство имеет сношения с Али-пашой, дабы сего непокорного подданного султана преклонить к принятию его войска, то достоверность сего известия привела вице-адмирала в затруднительное положение, и оно же подало ему счастливую мысль воспользоваться следующим обстоятельством: в прежнее служение свое в Средиземном море ему известна была преданность славянских народов, особенно катарцев и черногорцев, из коих последние находились под покровительством России; и потому, приняв главное начальство, хотя не имел никаких наставлений и уведомления в ка-

ком отношении, по возвращении наших войск из Австрии в свои границы, находились мы с французским правительством, основываясь на неприязненных поступках, которые со стороны оного продолжались, решился занятием Катаро утвердить за собой господствование на Адриатическом море, сим отклонить близкое соседство французов от Корфы и воспрепятствовать им склонить на свою сторону греков, всегда с жадностью ищущих случая свергнуть с себя турецкое иго. Главнокомандующий, утвердившись на сей мере, дабы не потерять удобного случая и не упустить время, положил приступить к немедленному исполнению; но встретил новое важнейшее препятствие. Бывший главнокомандующий генерал-аншеф Ласси имел повеление оставить для защиты Ионической республики только нужные гарнизоны в крепостях, а с остальными войсками возвратиться в порты Черного моря. Сенявин отнесся к нему с просьбой, старался убедить его, сколь полезно и важно для отечества не допустить французов утвердиться в Далмации и Албании, и сколь затруднительно будет тогда удержать Ионическую республику против превосходных сил, а более от коварств предприимчивого завоевателя; и по сему случаю имел с ним продолжительную переписку. Наконец, по настоятельному домогательству, Ласси согласился оставить большую часть войск и отправился в Россию с одним Сибирским гренадерским полком.

9 февраля капитан 1-го ранга Белли с кораблем, 2 фрегатами и шхуной получил повеление показаться на высоте Катарского залива, снесшись с Г. Санковским, доверенной особой при Черногории, подать катарцам надежду в нашем покровительстве и пособии, потом, учредя блокаду в канале Каламота и между островами Меледо и Агастой, не допускает французов в Катаро; за сим ожидать следствий и, если народ пожелает освободиться от неприятеля, то принять деятельные меры для занятия их области. Капитан Белли заслуживал

такое важное поручение прежним своим служением. Он известен был как искусный и предприимчивый морской офицер и в войну 1799 года особенно отличился. Будучи тогда высажен со флота адмирала Ушакова в Бриндизи, Белли с 500 матросов неожиданно явился пред Неаполем, в виду 10 000 французов, сорвал передовой пост, взял на мосту две пушки и отважно напал на авангард. В сие время кардинал Руффо вооружил чернь, неприятель отступил, заключился в крепость и чрез несколько дней положил ружье пред горстью матросов. Император Павел I, получив о сем донесение, сказал: «Белли меня удивил, да и я его удивлю». Он, будучи тогда капитан-лейтенантом, получил орден Св. Анны 1-й степени.

Жители Боко ди Катаро в древние времена составляли независимую республику, добровольно признав покровительство венециян, по седьмой статье условия с ними, в которой сказано: «Если Республика не в силах будет защищать область, то народ властен тогда остаться независимым», не хотели признать власти римского императора, которому несправедливо провинция сия отдана Кампо-Формийским трактатом. Венский двор принужден был, утвердив прежние права народа, принять область на тех же условиях, на коих она принадлежала Венеции. Бокезцы, узнав, что ныне, вопреки прав, они уступлены Франции, которой владычество лишает их торговли, свободы и благосостояния, погружены были в мрачное уныние. Австрийское правительство, по одному сомнению в приверженности к России, притесняло знатнейших граждан. Один из них решился возвысить голос и в воскресный день сказал народу: «Пробудитесь от бездействия, уныние не прилично вам, братия мои! Мы стоим на краю погибели; бездна под ногами нашими; Отечество в опасности, одна стезя остается нам к свободе, меч и храбрость ваша покажут вам ее». Все бывшие в церкви, с отчаянием в сердце, с чувством жаркой любви к отчизне, поклялись уме-

реть или избавиться от власти французов. Клики: «Кто есть витязь! К оружию, братия!» — мгновенно ободрили упавший дух. В несколько часов, подобно быстротекущему пламени, все вооружились, даже в самое крепости Катаро в присутствии австрийского губернатора ударили в набат и объявили ему, что весь народ единодушно готов защищать вольность свою до последней капли крови. Не одна преданность к России, но польза общая и частная были причиной сего удивительного единодушия; нужно было только показаться российскому флагу, и весь народ вооружился, не было ни одного, который бы остался покойным или был противного мнения, и никто не сомневался в покровительстве российского императора. Многие бокезцы, служившие в нашей службе, более других желали сей перемены. Начальники же коммунитатов Ризанского и Кастель-Новского граф Савва Ивелич и граф Георгий Воинович наиболее оказали усердия и готовности к освобождению своего Отечества. Отставной генерал-лейтенант граф Марко Ивелич, уроженец Ризанский, живший в доме своем как частный человек, по прежним поручениям в звании доверенной особы при Черногории имея уважения, и не действуя лично, вероятно, мог также принимать участие в столь смелом предприятии своих сограждан.

Старейшины народа, капитаны коммунитатов (округов), собравшись, без всякого постороннего внушения, положили не только искать покровительства, но безусловно дать присягу в верноподданстве православному августейшему монарху России. Вследствие сего народ отправили депутатов к г. Санковскому и митрополиту Черногорскому. Первый, уверенный в намерении вице-адмирала подать помощь для защиты области, не отверг их просьбы, делавшей их по преданности и любви к нам того достойными. Митрополит Петр Петрович Негуш, глава черногорского народа, уже 97 лет признающего себя подданным России, 15 февраля на генеральном сейме в

Цетине, по согласию князей и главарей, решился не только сражаться против французов, но еще и выслать австрийские войска. Он, приняв начальство над соединенными силами черногорцев и приморцев, облег, во-первых, Кастель-Ново. Благовременное прибытие эскадры Белли на рейд 16 февраля удержало народ от ужасного мщения цесарцам. Начались переговоры, вследствие коих 21 февраля митрополит объявил коменданту: «Если не хочет он отдать крепость народу, то возьмет ее штурмом». Белли, которого австрийский губернатор просил выпалить одну только пушку и тогда он сдастся, с своей стороны предложил ему ключи крепостей сдать капитанам от коммунитатов, от которых местное начальство во время прикрытия Боко ди Катаро получило с таким притом замечанием, что австрийские войска защищают теперь неприятельские земли; ибо по миру срок сдачи области французам 29 января уже прошел. На предложения сии уполномоченный комиссар императора Римского маркиз де Гизильери согласился. Таким образом, мужественный народ возвратил вольность и во всех 8 крепостях сменил австрийский гарнизон без кровопролития.

В девятом часу утра митрополит со старейшинами прибыл на корабль «Азию», откуда вместе с капитаном Белли и ротой морских солдат возвратился на берег, где духовенство со крестом, благословением, хлебом и солью встретило нас; народ радостно восклицал: «Да здравствует Александр!» У монастыря Савино, где собралось более 10 000 народа, духовенство собором служило молебен, по окончании коего митрополит, освятив знамена, назначенные для крепостей, и вручая их капитанам округов, сказал краткую в сих сильных выражениях речь: «Свершилось желание ваше, храбрые славяне! Вы видите посреди вас давно ожидаемых вами по роду, вере, храбрости и славе братий ваших. Могущественный монарх Российский приемлет вас в число чад своих. О! Да будет

благословен Промысл Господа! Да будет вам памятен сей радостный и счастливый день! Но прежде, нежели вручу вам сии священные знамена, вы должны дать клятву защищать их до последних сил». «Клянемся», — ответствовал народ единогласно, и по древнему обычаю славян, потрясая обнаженными мечами, заклинались прахом предков быть верными по гроб. В шествии до города восторг народа был для нас умилительным зрелищем. Мальчики в праздничном наряде осыпали солдат цветами; народ — одни целовали полу платья, другие с почтением прикасались к рукам нашим. При громких восклицаниях: «Да здравствует царь наш белый, да веки поживет наш Александр», в Кастель-Ново и Эспаньоле подняли российское знамя. Корабли эскадры, все купеческие суда расцветились флагами, и вместе с крепостями выпалили по 101 пушке. В сем времени, до самой глубокой ночи, во всей области ружейная и пушечная стрельба не умолкала, не только купеческие суда, но дома и шлюпки украсились белым с голубым Андреевским крестом флагом. Жители не знали меры своей радости, угощали солдат всем лучшим, обнимали их, от избытка сердечных чувств плакали, восторг, искренность видны были на всех лица, и день сей представляет восхитительнейшее торжество.

Катарская область вместе с Черногорией, будучи сопредельна со славянскими народами, преданными России, отделяясь от Далмации независимой Рагузинской республикой и чрез Герцеговину примыкая к Сербии, составляла для войск наших превосходную военную позицию и по тогдашним политическим отношениям учинилась важным приобретением. Герцеговины и храбрый Георгий Черный, предводитель сербов, облегчая получение из России помощи, в случае нужды могли соединенно с нами затруднить все предприятия Бонапарта и тем сохранить целость союзной нам Оттоманской Порты. Имея в Катаро безопасную пристань, находящуюся посреди Адриатического моря, Сенявин умножил

силу свою 12 000 храбрых приморских и черногорских оруженосцев, перенес театр войны от Корфы к Далмации, тесной блокадой отрезал сообщение ее морем с Италией и принудил доставлять войска и съестные припасы, чрез австрийские владения, по непроходным горам, где нет дорог, что при недоброжелательстве жителей поставило французских генералов в затруднительное положение, и Наполеон, поспешивший объявить притязания свои на некоторые города Албании[26], принадлежавшие Венециянской республике, увидел замыслы свои, устремленные на Грецию, особенно на Корфу, уничтоженными при самом начале. Честолюбивый и вместе корыстолюбивый Али паша, узнав о занятии Катаро и о мерах, принятых для удержания его в пределах нейтралитета, после некоторых опытов нерасположения своего к нам, сам стал искать знакомства Сенявина, а узнав его, скоро сделался добрым соседом и приятелем, чем Бонапарт лишился последней надежды ниспровергнуть Турецкую империю. Занятие Рагузской республики, бывшей под покровительством султана, усилия хитростью политики и силой оружия покорить Катарскую область ясно доказывают, сколь важный пункт сия сама по себе неважная провинция составляла для будущих планов завоевателя. По сим причинам занятие Катаро наделало много шуму. Сближение Франции с Портой Оттоманской отклонено, привлечение на свою сторону греков и славян уничтожено, и сей первый подвиг, первый шаг начальствования Сенявина оправдал мудрый выбор монарха. Все меры и распоряжения, служащие к наивящему защищению провинции, были одобрены, и адмирал удостоился монаршего благоволения, изъявленного ему в лестном рескрипте.

---

[26] Бутринто, Парга, Санти-Кваранти, Антивари, из коих первые три находятся против Корфы.

Как достоверно было известно, что рагузский сенат по бессилию, а частью по собственному расположению, согласился чрез свои владения пропустить французские войска, снабдив их провизией и лодками для перевоза из Станьо в Рагузу, то, дабы принудить сенат соблюдать совершенный нейтралитет, митрополит послал отряд черногорцев показаться на их границе, а капитан Белли, для недопущения неприятеля переправиться морем в Рагузу, послал наш фрегат в Канал Каламошу. Граф Воинович, Касталь-Новской округи начальник, отправился вместе с нами, дабы побудить сенат к устранению себя от оказания помощи французам; и сия мера произвела желанное действие. В ночь на 22 февраля мы снялись с якоря, и в то же время шхуна «Экспедицион» отправилась с донесениями к адмиралу в Корфу.

Канал Каламото

При свежем ветре в пять часов перешли мы от Кастель-Ново к Новой Рагузе и стали посреди канала Каламото на 15 саженях глубины. Как фрегат при тихих ветрах не мог преследовать малые суда, то капитан отправил меня к ближним островам, откуда удобнее было наблюдать суда, проходящие как морем, так и каналом. Приняв на четыре дня провиант, отправился я к ближнему островку и, обошед его с северной стороны, пристал в небольшой залив, с обеих сторон защищаемый высокими мысами; в сем месте мы были хорошо закрыты с моря и ни одна лодка, идущая в Рагузу, не могла миновать нас.

Я вышел на берег осмотреть местоположение: при всяком шаге вперед надлежало пробираться по неровным каменьям; иногда взлезая на крутизну, удерживался я за колючий терновник или за ветви сваленных бурей дерев. Около полуверсты подымались мы таким образом, пока достигли вершины; там, вынув зрительную трубу, искал я по горизонту и под

берегами судов; но, кроме великого буруна и немалого волнения, ничего не открыл. Озирая же ближе вокруг себя, увидел я, что канал Каламото составляется длиной грядой островов, идущих по направлению берега в двух и трех милях от него расстоянием. Глубина между сими островами, как уверял меня лоцман, непомерна; но по узости проливов, их разделяющих, только три удобны для прохода военных кораблей. Вдали к северу синелись острова Курцало и Меледо, к югу Катарские гиганты, покрытые снегом.

Поставя на возвышении караул, спустился с горы и пошел, как мне казалось, к средине острова. Холодный ветер принудил меня надеть капот, и если бы сего не сделал, то мундир мой от терновника, сквозь кусты которого мы продирались, весь бы изорвался. Наконец напали мы на ложбину, которая привела нас к луже, окруженной деревьями; дождевая вода, стекая с гор, наполнила неглубокую рытвину. Водохранилище сие для странников, нам подобных и, конечно, редко сюда приходящих, кажется немаловажной находкой. Остров сей, коему имя никто еще не давал, хотя, может быть, до меня приставало к нему миллионы людей, состоит из твердого плитника, горизонтально лежащего и только на несколько вершков покрытого землей. На сем тонком пласте растут кривые можжевеловые деревья, большие кустарники шалфея, шиповника и, хотя я небольшой ботаник, однако ж заметил множество розмарина и других цветов, которые произрастают у нас только в оранжереях. Большие трещины, видные по всему острову, заставляют думать, что и тут были землетрясения, и, может быть, все острова сии суть не иное что, как оторванные скалы от берега. Не нашед селения, не видав ничего, кроме диких ослов и стада баранов, на свободе гуляющих, изорвав сапоги, перецарапав руки и ноги, воротился назад к берегу. Идучи, слышу ружейный выстрел, взглядываю на гору, где поставлен был караул, вижу сигнал, извещающий о сем появлении судна, прибавляю шаги, бегу,

скатываюсь с горы, немедля отваливаю и пускаюсь в открытое море.

Небо было мрачно, море покрыто пеной. На веслах вышед за оконечность острова, показалась большая тартана, идущая от севера на фордевинд. Поставя паруса, шли мы в бейдевинд; баркас начало заливать волнами, два матроса беспрестанно отливали воду. Когда мы довольно сблизились, я приказал выстрелить из фальконета, тартана тотчас поворотила от берега в море и прибавила парусов, я также отдал рифы и, несколько спустившись от ветра, приметно стал догонять. Между тем уже начинало вечереть, пошел небольшой дождик, небо то выяснивалось, то покрывалось облаками; опытный лоцман, уверяя меня, что ночью будет Burasca (буря), представлял, что на столь бренном судне и в такую погоду подвергну опасности жизнь 30 человек. В надежде, что скорее настигну тартану, нежели успею засветло пристать к берегу, я не послушал его и продолжал погоню. После жаркого спора, когда лоцман принужден был уступить и замолчать, чрез несколько минут предположение мое исполнилось. Шкипер, испуганный другим выстрелом с ядром, привел к ветру, поднял рагузский флаг и лег в дрейф. Пристать к борту и войти в каюту было дело одной минуты и нескольких шагов. Там в чистой каюте, увидев себя в лучшем убежище от бури, нежели на баркасе, я ободрился, однако ж внутренне упрекал себя в неблагоразумии пуститься на ночь в море; но, когда по данным мне пашпортам увидел, что шкипер из Анконы в Рагузу везет богатый груз, принадлежащий французскому купцу, то совершенно успокоился и с веселым духом и новой бодростью немедленно распределил своих людей по местам, привязал баркас на бакштов[27] и в пол ветра, на всех парусах

[27] Толстая веревка, выпущенная за корму корабля, к которой привязываются гребные суда.

пустился прямо к Санто-Кроче. Предвещание лоцмана сбылось: по захождении солнца ночь наступила самая темная и пошел проливной дождь; несмотря на усилившийся ветер, я держал все верхние паруса, от чего тартана легла совсем на бок, мачты трещали, а шкипер в отчаянном страхе читал Ave Maria! и Padre nostre, однако ж, по счастью, я благополучно прошел между каменьями (петини называемыми), миновал все опасности и в 10 часов ночи бросил якорь возле фрегата.

На рассвете катер привел далматскую требаку; но капитан во уважение преданности к нам жителей, не задерживая, отпустил. От шкипера уведомились мы, что вся Далмация занята неприятелем, почему нам должно было увеличить осторожность. Капитан, отправляя меня вторично к тем же островам, приказал не слишком удаляться от фрегата. Пробравшись весьма узким и совершенно диким протоком, разделяющим два высоких крутых острова, выбрал я пристанище у третьего, считая от того, на котором провел вчерашний день. Обошед кругом, не нашли на нем ни селения и ни капли воды; весь остров порос мелким кустарником разного рода, из коих на одном были засохшие ягоды, похожие на нашу землянику и довольно приятного кисловатого вкуса. Славяне называют ягоду сию глогиня, она имеет вид земляники темно-красного цвета, в средине 4 косточки, а сверху, где бывает цветок, кругловатую и твердую чашечку. Поставив караул на возвышении, сделав из парусов палатку, расположился я провести тут ночь. К захождению солнца небо покрылось мрачностью, пошел проливной дождь, не оставивший на нас сухой нитки, в продолжении 2 часов гром гремел прямо над головами, а после грозы заревел ветер, началась буря, огонь наш погасило и все матросы, стеснившись в малой палатке, пели песни. На другой день узнал я, отчего они были так веселы: порция вина за четыре дня была ими выпита до дна.

24 февраля утром хотел попытаться, не добьюсь ли до фрегата, но едва с крайним усилием обогнул мыс и на 200

сажень подвинулся вперед, как ветром и течением понесло нас назад, и я принужден был пристать по восточную сторону того же острова. Место, где мы пристали, было открыто, волны, разбиваясь о каменья, производили сильный бурун, почему приказал я вытащить суда на берег и близ них под навесом скалы построить шалаш. Сей день мы еще не унывали, и, хотя в охоте не было удачи, ибо видели только места, где лежали козы, но провели время весело, довольствовались сырой солониной и сухарями и к вечеру, уставши и оборвавшись о колючие кустарники, собрались в шалаш и развели огонь. Ночью опять была гроза и временем шел дождь.

Солнце, которого восхождения мы ожидали подобно перуанцам, кои по сему светилу заключают добрые и худые предзнаменования, взошло и лучами своими не могло проницать густые облака, обложившие со всех сторон небо. Море, гонимое южным ветром, с ужасным шумом сильно волновалось; вдали был так темно, что мы едва по белым валам могли различать воздух от моря; не было никакой возможности возвратиться на фрегат. Тут невольное неудовольствие возмутило дух мой, скудная провизия наша кончилась за завтраком, с охоты, как и вчера, пришли с пустыми руками, на острове, кроме сказанных ягод, не было никакого растения, которое можно бы употребить в пищу; некоторые, не пивши два дня, мучились от жажды, я приходил в отчаяние, думая, что судьба определила нам умереть здесь от голода. К вечеру, когда собрались в свой бивак, было уже не до шуток; матросы не имели желания петь, вокруг огня сидели смирно, часто выходили смотреть на облака и, по всем признакам видя, что буря должна продолжиться, с горем легли спать на морскую землю. Всю ночь я не смыкал глаз, несмотря на дождь, ходил возле шлюпок по морскому берегу и в сильном волнении чувств почитал себя как бы низверженным из света, душа моя изнемогала под тысячей мыслей, и слабый

луч надежды не облегчал печального моего расположения. По нескольку минут стоял я как оцепенелый, смотря то на небо, то на море. От сильного желания, при шуме волн и свисте ветра, представлялся мне иногда штиль, и до того один раз забылся, что сделал несколько шагов к шалашу в намерении разбудить спокойно спавших людей, но, опомнившись, ломал в отчаянии у себя руки и видел пред собой весь ужас голодной смерти.

Не имев терпения дождаться утра, я разбудил матросов и, лишь начало рассветать, приказал спускать на воду суда; некоторые изумились такому предприятию, но по свойственной одному русскому солдату строгой во всяких случаях подчиненности, безмолвно повиновались и, несмотря на ужасный бурун, шлюпки были на воде. Решившись во что бы то ни стало не оставаться долее в столь диком месте и терпеливо ожидать перемены погоды, я намеревался переправиться на ту сторону канала, где виден был домик. Мы отвалили, поставили рифленый парус, в половину сверх того уменьшенный, но лишь оный был поднят, баркас всем бортом зачерпнул воду, катер непременно бы опрокинуло, если бы в сие время не изорвало у него парус. Тогда, спустившись по ветру, оставалось одно средство — привести на другой галс и стараться пристать к другому острову, по виду столь же дикому и необитаемому, как и первый. Принуждены будучи оставить парус с крайней опасностью, перешли мы не более 200 сажен к берегу, как и увидели пред собой небольшой залив, очень хорошо прикрытый от южного ветра. Вошед в него, я очень радовался, что гребные суда можно было оставить на дреках и не нужно было вытаскивать их на берег.

Оставив караул при судах и положив тяжелый мушкетон на плечо, с 30 вооруженными матросами, в надежде найти какое-нибудь жилище, пошел искать оного. Мерными шагами и в молчании взошли мы на небольшое возвышение и

что же увидели? Большое селение в прекрасной долине, осененной деревьями и окруженной виноградниками. Нет слов изобразить наше восхищение, от радости мы все перекрестились и сказали: «Слава Богу!», прибавили шагов или лучше побежали. Приближаясь к первому дому, я вспомнил, чтобы быть сыту, нужны деньги, смотрю по карманам, нет ни копейки, спрашиваю у матросов: ни у кого ни гроша, это обстоятельство уменьшило нашу радость, мы остановились и со смехом обыскивали пустые свои карманы. В первом доме нашли мы старика, от которого узнали, что находимся на острове Жупано, что есть здесь канцлер, губернатор, сенатор и помещик, и, сколько мог я понять, все сии четыре звания принадлежат одному лицу. Я послал к нему гардемарина просить позволения запастись провизией, думая, по праву военных, дать ему после одну расписку. Сенатор прислал просить к себе, встретил меня за воротами и, весьма ласково взявши за руку, ввел в дом. На первый раз, в длинном для голодного моего желудка разговоре, начал он изъяснять затруднительное между двумя сильными державами положение республики. К счастью моему, скоро вошла его жена, и в утреннем наряде, прекрасная собой, она, когда подали мне весьма маленькую чашку кофе и без сухаря, сказала разговорчивому супругу своему, что чрез служанку она узнала, что надобно скорее накормить людей моих. Муж вышел. Я встал и, проходя зеркало, увидев изорванные свои сапоги, закоптелое от бивачного дыма лицо, с крайним замешательством засвидетельствовал ей мою признательность за внимание. Я представлял собой рыцаря плачевного образа, сидел пред нею на высоком узеньком стуле в неловком положении, то скрывая сапоги, то поправляя галстук, то застегивая мундир и от сострадательных ее взглядов еще более робея, но, несмотря на то, однако ж, разговор наш, с помощью нескольких итальянских слов, написанных у меня на листке, который при-

нужден я был держать в руках, и речений, из Священного писания заимствованных, оживился. Мало-помалу я ободрился и уже смеялся, как вошел сенатор. Политика бедной его республики снова переменила лицо мое, и мне, конечно, сделалось бы дурно, если б прекрасная, умная, воспитанная жена его не поспешила подать завтрак.

Люди мои также были накормлены. Гостеприимство славян, обрадованных гостями, которых могли они понимать, предупредило попечения губернатора, и те из моих людей, которые приходили с радостным лицом уведомлять меня, что ветер начинает утихать и уже переменился, были, кажется, довольно веселы. В полдень, когда я успел после сытого завтрака еще пообедать, ветер к фрегату сделался попутный, и мы прибыли на оный благополучно.

В последние дни сего месяца погода установилась прекрасная и поиски мои были удачнее: три требаки с полным грузом ценой на 100 000 рублей достались нам в добычу. Тартану, как принадлежащую рагузскому купцу, отпустили, товары ее разместили на другие, а как к тому времени граф Воинович успешно окончил свое поручение в Рагузе, отправили их в Катаро. 3 марта, когда фрегат «Михаил» сменил нас на сем посту, при маловетрии вышли мы в море, причем взяли еще богатый приз. При благоприятном плавании преследовали мы все суда, которые показывались на наш вид, но все они были австрийские, почему, опросив, отпускали. 6 марта, ночью, при тумане вошед в Фиумскую бухту, на глубине 35 сажен положили якорь.

Фиуме

Туман и дождь никому не помешали съехать на берег. Мореходцы спешат наслаждаться удовольствиями городских жителей, которым в дурную погоду не придет на мысль бродить по улицам, осматривать здания и замечать положе-

ние окрестностей. Сыскав дом российского консула Фонтона, вместе с ним посетили мы австрийского губернатора, который советовал остерегаться французов, проходящих теперь в Далмацию. Проводив статского советника Поццо ди Борго и коллежского асессора Козена, отправившихся с депешами в Россию, по приглашению пассажира Мекензи мы пошли в лучшую ресторацию обедать. Хозяин встретил на лестнице, побледнел и сказал: «У меня все покои заняты!» Но, осмотревшись и уверившись, что мы не французы, за которых он нас принял, с радостью отворил три прекрасные комнаты; вошед туда, потихоньку вполголоса продолжал по-славянски: «Какое для меня счастье принять в доме моем русских! Я никогда их не видал, но слышал, что они добрые господа, милостивы и бедных трактирщиков не обижают. Если вы в самом деле русские, то нельзя ли избавить меня от гостей, которых, конечно, вы видели внизу?» Совет губернатора и сии слова побудили нас занять самые отдаленные комнаты, но лишь подали завтрак, нас уведомили, что на пристани какой-то шум. Как бы предчувствуя, мы пошли туда, со всех сторон бежал народ к набережной, спросили сему причину, и нам отвечали: «Русские прибили французов». Протолкавшись сквозь толпу к катерам нашим, успокоены были офицером венгерских гусар, который уверил, что матросы наши были правы. Вот причина драки: трое наших гребцов шли по тротуару. Французский сержант-мажор, желая пройти вперед их, столкнул одного в грязь, толкнул и другого, но сей, остерегшись, свалил его с ног так, что француз упал в грязь ничком и в запальчивости обнажил тесак; матросы, не имея при себе никакого оружия, вырвали тесак и изрядно наглеца поколотили. На крик его сбежалось человек 30 французских солдат, и если бы не подоспели гусары, то пустая ссора сия могли бы кончиться неприятным для нас образом. Возвратившись в трактир, в сенях встретили двух французских ге-

нералов, которые бранили за что-то дрожащего от страха хозяина и приказывали людям своим скорее запрягать лошадей; они грозным спесивым взором окинули нас с ног до головы.

Фиуме лежит на ровном месте; голый хребет гор в некотором от него расстоянии смыкается в виде полукружия; с них-то дует бора, которая сбивает с ног людей, опрокидывает экипажи и срывает с домов крыши; почему рейд в зимние месяцы совершенно неудобен, и суда обыкновенно укрываются в Букари и Порто-Ре, в 8 и 15 верстах отсюда находящихся. Город выстроен правильно, широкими улицами; дома все одинакой и самой приятной наружности. По недоконченным строениям можно судить, что город будет обширен. Пребывание французов весьма здесь ощутительно: магазины пусты, лавки большей частью заперты; они оставили, как говорят жители, одни только стены, а денег ни копейки. На южной стороне, где впадает речка[28], набережная застроена огромными магазинами. Суда, подходя к оной, нагружаются скоро и удобно. Устье реки составляет безопасную гавань для малых судов. Фиуме, как вольный порт, мог бы скоро сравняться с лучшими торговыми городами, но близость богатого Триеста и дурной рейд лишают его многих выгод; однако ж, как все произведения Венгрии не имеют другого выхода в Средиземное море, кроме Фиуме, то сношения с Мальтой, Сицилией и украдкой с блокированными гаванями Италии довольно значительны.

Когда перестал дождь, мы переправились на другую сторону реки. Там, прошед версты две по дороге, всеченной в каменную гору, остановились у водопада, которого шум слышен и в городе. Речка, стесненная двумя отвесными ска-

---

[28] Называемая Фиуме, от которой и город получил свое название. На итальянском языке Фиуме значит речка.

лами, падает несколькими порогами с высоты пяти или семи сажен в овраг, по крутым сторонам коего построены мельницы, так сказать, одна на другой. Ниже порогов, понижающихся уступами, стоят на якорях мельницы плавучие. Вид на них с горы очарователен. Вода, падая с верхних колес на нижние и разбиваясь о каменья, мелким дождем кропит крыши мельниц и в брызгах поднимается вверх наподобие небольшого шифона. Скрип и стук колес, гром воды, крутящейся в сребристых переливах, множество лодок, идущих бечевой против ужасного коловращения воды к плавучим мельницам, и несколько вьючных мулов, спускающихся по крутой тропинке от верхних мельниц, представляли приятное, величественное и вместе грозное зрелище. Отсюда начинается та славная дорога, которая потомству передает имена императора Франца II и генерала Вукасовича, построившего ее. Она просечена сквозь цепь доселе непроходимых Кроатских гор и, как меня уверяли, не уступает в прочности и искусстве древним дорогам римлян. Прежде сего перевозили товары на вьючных лошадях, и то с крайним затруднением и опасностью; теперь же большие брички, поднимающие 500 пудов клади, проезжают прямо из Венгрии в Фиуме удобно и спокойно.

9 марта, по прибытии из Петербурга титулярного советника Ласкари с депешами к адмиралу, в тот же час, ночью, снялись мы с якоря. С курьером на одной шлюпке консул прислал трех российских солдат, принужденно служивших в австрийском полку, который недавно пришел в Фиуме.

Плавание от Фиуме до Катаро. — Порт Карбони. — Ночная высадка

По причине штиля и мрачности, ночью принуждены мы были стать на якорь; на рассвете же 10 марта, снявшись с якоря и находясь при входе в залив, взяли два итальянских

судна, идущих из Фиуме в Анкону и Сенегалию. Тихие ветры замедляли наше плавание, и как фрегат держался ближе к Далматским островам, то вооруженный баркас был готов для нападения на неприятельские суда, которые могли скрываться в малых и мелких бухтах.

В канале между островом Меледо и Рагузским берегом крепкий противный ветер и гряда камней, находящихся на севере острова Агосты, подвергали нас в ночное время опасности, что и принудило капитана выйти в море; но как тут ветер еще более усилился и фрегат ничего не выигрывал вперед, то 15 марта пришед в бухту Малую Карбони на глубине 35 сажен, грунт ил, стали на якорь. Здесь нашли мы одну тартану. Шкипер по обыкновению приехал на фрегат с своими бумагами, и как он был бокезец, то капитан, возвращая ему австрийские патенты, сказал: «Твои бумаги не годятся, тебе надобно переменить их на русские». Шкипер, не поняв и подумав, что берут его в плен, побледнел. Но когда ему объявили, что в Катаро развевает российский флаг, что его Отечество свободно, то всякий удобно может себе представить его изумление, радость и восторг. Он тотчас поехал на свое судно, переменил флаг, возвратился на фрегат и просил привесть его с людьми к присяге. После оной, забыв о своей торговле, предложил капитану взять французские магазины, находящиеся в деревне. К вечеру остановилась возле нас другая бокезская требака, шкипер оной также предложил свои услуги и вызвался быть проводником.

Солнце уже зашло, когда мы положили якорь. Ночь наступила самая темная, к тому ж пошел проливной дождь. Пять гребных судов, из коих два вооружены были фальконетами, с 80 человеками матросов, солдат и бокезцев поручены были мне. В 9 часов отправились мы с фрегата. Вышед на берег, шкипер повел нас близ набережной. Дошед сей дорогой до пристани, поставили тут гребные суда и при них несколько

людей, а с остальными тихо вошли в улицу. Бокезцы в темноте не могли сыскать дома, в котором стоял французский капитан, почему принуждены были войти в один ближайший, где светился огонь. Сквозь неплотно притворенную дверь увидели в нем 4 пирующих стариков; они сидели у потухающего огня на очаге; на покачнувшемся столике, пред ними стоявшем, виден был сыр, хлеб и каштаны, один из них держал кувшин в руках, другие, куря сигары, чему-то смеялись. «Бог в помощь, добрые люди», — сказал я, входя, они оглянулись и, увидя блестящие штыки и солдат, испугались. «Не бойтесь, мы вам ничего дурного не желаем...» Но они, кажется, меня не понимали и стояли, не говоря ни слова, как оцепенелые. Когда же бокезский шкипер сказал им: «Не страшитесь, братико, то су наши мошкови», то одно сие слово как волшебным жезлом переменило страх их на радость, они ободрились, бросились целовать меня и солдат. Один хотел, чтоб я непременно пил вино, другой, позвав жену и детей, приказал подать все, что у них есть, но, когда сказали, что мы пришли взять французов, сын хозяина, схватя ружье, вызвался показать дом капитана и магазины, старики же пошли предупредить жителей о нашем приходе и, во избежание беспорядка, сказать, чтобы никто не выходил из домов.

Идучи деревней, слышу выстрел, другой, бегу и нахожу, что матросы, оставленные с гардемарином Баскаковым, уже были в доме, однако ж никого не схватили в нем; французы, тут бывшие, выскочили с другой стороны в окна. Жители уверяли меня, что они бежали в крепость, находящуюся отсюда в 6 часах хода. По чрезмерной темноте не могли мы их преследовать, и потому занялись истреблением магазинов: матросы с помощью жителей нагрузили на две требаки принадлежащие неприятелю несколько бочек вина, водки, сухарей и муки. Остальное, чего не успели взять, отдали жителям, а бочки с красным вином, ведер в 300 и более, стоящие

всегда на одном месте, разбили и на рассвете с хорошей добычей и веселыми песнями возвратились на фрегат.

16 марта, когда снимались с якоря, еще взято было судно с богатым грузом. 17-го сильное противное течение, тихий, также противный ветер принудил нас спуститься и стать на якорь на 19 саженях глубины, грунт ил, в бухте Большой Карбони. Гавань сия находится между тремя островами Карбони и западной стороной острова Курцола, она закрыта от всех ветров, входы чисты и удобны даже для стопушечных кораблей. 18 марта вышед в море, 20-го по тем же причинам возвратились назад и нашли в порте датский купеческий бриг и корсар под нашим флагом из Катаро, который уведомил нас, что адмирал находится в Кастель-Ново. 21 марта капитан приказал мне отвесть 4 призовых судна в Катаро. Снявшись с якоря, фрегат пошел мористее, а я с своей эскадрой пустился каналом между островом Меледо и матерым берегом.

Северо-восточный ветерок служил нам только несколько часов, пред полуднем стал штиль и прежним от юга волнением немилосердно нас качало. Требака изнемогла под тяжестью, ибо слишком была перегружена, и, если бы к вечеру море не успокоилось, принужден бы был разрубить бочки с деревянным маслом, стоявшие на палубе. Солнце закатилось так приятно, как среди лета, море сделалось гладко, как зеркало, небесный свод представлял кристальный купол, усыпанный блестящими звездами, ночь была ясна как день, и мы стояли на месте точно так, как будто на берегу. Природа была в совершенном спокойствии, все спали, кроме меня и матроса-итальянца на руле, странным голосом певшего свою национальную песню. Приказав ему, как держать и при каком ветре, я завернулся в капот, лег на палубе, проснулся, когда уже рассвело. Требака моя была очень близко берега, так что при легком северном ветре, чтобы войти в канал, трудно было обойти мыс Меледы. Сделав выговор рулевому,

который, забыв меня уведомить, решился приблизиться к берегу, я приказал спустить баркас и буксиром скоро вошел в канал. Другая требака, бывшая в том же положении, также на гребле обошла, и вся моя эскадра спокойно плыла вдоль восточного берега Меледо.

Не могу умолчать о добром бокезце Спиридаро, которого дали мне вместо лоцмана с судна, стоявшего с фрегатом в порте Карбони. Он старался показывать себя светским человеком, знал грамоту и, хотя не читал книг, но в Венеции часто посещая театр, декламировал мне Метастазиевы стихи. Я учился тогда итальянскому языку, и он с гордостью толковал мне значение слов. Услужливость его и наблюдение приличий строгой подчиненности утомляли меня, и сколько я ни старался обходиться с ним ласково и без церемонии, он всякое мое слово, стоя всегда по левую руку с почтительным преклонением и в отдалении от меня, принимал за приказания; насилу мог я убедить его, чтоб не целовал моей руки или полы у платья, но от пренизких, весьма смешных поклонов он никак не хотел отказаться. Гаетани, хозяин требаки, когда я уверял его, что он будет отпущен и за провоз груза будет ему заплачено, был спокоен, ласкался ко мне, но не беспокоил излишними учтивостями. С сими людьми я должен был проводить время и, может быть, не скучал бы, если б не был слишком озабочен дурным состоянием всех четырех призов. По причине малых сведений мореплавания моих товарищей, которые кроме компаса, весьма неверного, не имели и карты, недоверчивость бременила меня: я находился беспрестанно на палубе, и если, когда от утомления смыкал глаза, то каждую минуту пробуждался и, даже спавши, слышал все, что вокруг меня делали и говорили. Желудок мой также лишен был доброй пищи, но зато имел самую питательную — бобы в лампадном масле с горьким уксусом, черный сухарь и сладкие рожки. Вот какие дорогие блюда, которыми со всей роскошью меня потчевали.

Во весь день слабый ветерок служил нам как нельзя лучше. Вода струилась возле борта, а воздух и море были совершенно покойны. Я сидел на опрокинутой бочке, прикрывавшей вход в каюту, в которой было только места, что две постели, и в веселом расположении разговаривал с Спиридаром, как вдруг ядро пролетело у нас за спиной. Никакой живописец не мог бы выразить удивления наших лиц. Я вскочил, схватил зрительную трубу, осматривал вокруг, матросы глядели один на другого и оставались в том же положении. Другое ядро пролетело над головами, пробило парус. Итальянцы вскрикнули, пали ниц, мои шесть матросов бросились к ружьям и стали заряжать два фальконета. Тогда я увидел маленькую лодку с косыми парусами, которая вышла из-за камней, прикрывающих порт Паоло на Меледе, и шла навстречу мне прямо с носу. Флаг ее за парусами не был виден, три другие требаки, находившиеся близко, по сделанному от меня знаку начали со мной соединяться. Желая заставить корсара думать, что мы мирные купцы, я приказал поднять австрийский флаг и на ялике послал Спиридаро уверить неприятеля, что мы из Триеста идет в Рагузу, между тем, приближаясь, решился окружить и взять его абордажем. Лоцман, не доехавши еще до лодки, воротился и издали кричал нам: «Будьте покойны, г-н начальник, наши! Наши!» Я, не зная верить ли тому, продолжал идти. Канониры размахивали фитилями, матросы лежали на палубе с готовыми ружьями и тронбонами. Наконец от лодки отвалил баркас с толпой вооруженных, которые, не приставая к моему судну, спрашивали, точно ли я русский. Я отвечал по-русски, что в том нет никакого сомнения, сказал имя фрегата, откуда иду и прочее. Они, казалось, еще не доверяли; по наречию я уверился, что то были бокезцы; матросы мои начали говорить с ними, и они тотчас пристали. Капитан корсара отличался богатым оружием, он поцеловал мою руку, другие прикаса-

лись к полам короткого моего мундира и, подобно Спиридару, кланялись весьма уничиженно. Капитан приносил тысячу извинений, оправдываясь, что, не видя нашего флага, почел нас вышедшими из Курцало и потому неприятельскими. Он уведомил меня, что у Станьо и в порте Зулияно есть французские корсары; чтобы расспросить его о других обстоятельствах, я приказал поднесть всем по стакану вина и предложил капитану проводить меня до Рагузы. Он просил от меня письменного повеления, я написал ему на лоскутке, выдранном из записной книжки, маленькую записочку и приказал держаться ко мне ближе, а ночью подымать на мачте фонарь. Мы расстались со взаимными учтивостями. Бокезцы отвалили и салютовали мне из всех своих ружей, и прокричали «E viva Nostri! Да здравствуют наши!», я приказал выпалить из фальконета и прокричать «Ура!».

В полдень ветер сделался противный и довольно свежий, мы лавировали успешно во всю ночь. 23 марта утром ветру не стало и течением потащило нас назад. Эскадра моя находилась близ юго-восточной оконечности Меледо; не более, как в версте, видна была небольшая бухта, окруженная низким берегом. Приятность положения сего убежища прельстила меня, и как бесполезно было держаться в море, а из залива при всяком ветре можно без затруднения выйти, я поворотил в нее и пушечным выстрелом дал знать, чтобы другие требаки следовали за мной. Все 5 судов скоро остановились вокруг меня, и люди сошли на берег. Воды не сыскали, но каштановая роща доставила большое удовольствие моим матросам, они набрали десять мешков большей частью упавших и сгнивших каштанов, находили их вкусом похожими на горох, и один заметил, что по средам и пятницам можно их есть без греха. Бокезцы застрелили две козы и одного барана, принесли несколько дичи, а другие поймали неводом множество рыбы; тотчас развели огни, но ветерок подул, должно было

отказаться от роскошного обеда и сниматься с якоря. С веселым шумом вступили мы под паруса, северо-западный ветер установился, и мы поплыли на фордевинд очень скоро. Пошед Зулиано, корсар подошел под корму и салютовал мне из всех своих ружей и пушек, и до тех пор возглашал: «Да здравствует Александр!», пока мы не могли слышать их громких голосов; он пошел на свой пост. Ветер служил мне до Старой Рагузы, куда по причине тишины и недостатка воды принужден я был зайти 26 марта.

Старая Рагуза

Порт старой Рагузы лежит от новой к югу морем верстах в 20. Единственный вход в него закрыт двумя грядами голых камней, петине (гребень) называемых. Глубина в заливе достаточна и для военных кораблей, но как оный очень невелик и северный, дующий прямо со входа, препятствует выходить, то здесь укрываются только требаки и малые лодки. Город состоит из двух улиц, расположенных на восточном мысе гавани. Стена, построенная на узком перешейке с 4 пушками, защищает его с сухого пути, с моря же нет никаких укреплений. В недальнем расстоянии от оного полагают место древнего Епидавра, славного Ескулапиевым капищем. Градоначальник приезжал ко мне с почтением и пригласил на берег. Я вошел с ним в бедный кофейный дом, где подали мне маленькую чашку кофе, трубку табаку и рюмку розоли; меня потчевали и многие другие; будучи принужден пить и есть против воли, немало я удивился, когда каждый заплатил за себя, разумеется, с меня, как с русского, взяли вдвое; не должно, однако ж, порицать сего; везде свой обычай. Гостеприимство, святая добродетель нашего Отечества, здесь неизвестна; каждый ест свой кусок в углу. На другой день градоначальник приказал своим лодкам вывести требаки мои в море. Пользуясь тихим северным ветром, 27 марта пришел

я в Кастель-Ново, где порученные мне бумаги отдал для разбирательства в учрежденную призовую комиссию.

Прибытие главнокомандующего в Катаро

Хотя положение дел на матером берегу и система, которой Высочайший наш двор намерен был следовать, еще не были известны адмиралу, но как приверженность народа подавала надежду не только удержать за собой Катаро, но и обеспокоить французов в самой Далмации, то на первый случай 2 батальона Витебского полку с 4 орудиями, под командой генерал-майора Пушкина, отправлены для занятия крепостей Катаро и Кастель-Ново. Для учреждения же всего лично адмирал на корабле «Селафаил» прибыл в Кастель-Ново 13 марта, а на другой день на шлюпках отправился в Катаро. Шествие сие было настоящий триумф: народ, стреляя из ружей, бежал по морскому берегу, купеческие суда беспрестанно палили из пушек. Духовенство с крестом, гражданские чиновники с ключами города встретили адмирала на пристани. Г. Санковский от имени города изъявил речью преданность их государю, счастье быть его подданными и благодарность за избавление их от французов. В трое суток Дмитрий Николаевич, можно сказать, очаровал народ. Доступность, ласковость, удивительное снисхождение восхищали каждого. Дом его окружен был толпами людей; черногорцы нарочно приходили с гор, чтобы удостоиться поцеловать полу его платья, прихожая всегда была полна ими, никому не запрещался вход; казалось, они забыли митрополита и повеление Сенявина исполняли с ревностью, готовностью удивительной.

Адмирал, лично удостоверяясь в искренней преданности жителей, освободил их от всякой повинности, обеспечил сообщение с Герцеговиной, а для покровительства торговли учредил конвой до Триеста и Константинополя. К таковым

милостям и попечениям бокезцы не остались неблагодарными. Старейшины от лица народа поднесли адмиралу благодарственный лист и предложили жить, и имущество в полное его распоряжение. В несколько дней снаряжено на собственный счет жителей и вышло в море для поисков 30 судов, вооруженных от 8 до 20 пушек, что по малоимению малых военных судов при флоте было великой помощью. Распоряжение сие принесло более пользы, нежели могли бы доставить налоги. Милосердие и кротость нашего правления было в совершенной противоположности с правлением соседа нашего Наполеона.

Адмирал, узнав о приверженности к нам жителей Далмации, занятой 6000 французских войск, предпринял и сей народ освободить от угнетавшего их ига. Капитан Белли с 3 кораблями, 2 фрегатами и 4 бригами получил повеление овладеть островами, против Далмации лежащими[29]. Митрополит, вместо просимой тысячи, обещал собрать 6000 воинов и вызвался сам ими предводительствовать, почему адмирал 25 марта отправился в Корфу, дабы и там сделать нужные распоряжения на случай замыслов неприятеля, взять с собой 3 батальона егерей и, соединившись с Белли, совокупно с далматами выгнать французов; но, прибыв в Корфу, получил именно повеление от 14 декабря прошедшего 1805 года со всеми морскими и сухопутными силами возвратиться в Черное море, от чего предприятие сие, в успехе которого нельзя было сомневаться, сделалось тщетным. Главнокомандующий начал делать приготовление к отплытию, а повеление скрыл в тайне, дабы преждевременным объявлением не встревожить напрасно жителей. Когда граф Моцениго уведомил его, что по его депешам генерал Ласси командовать должен морскими и сухопутными силами, то адмирал, чтоб

[29] Смотри вторую часть, взятие острова Курцало и пр.

развязать свое недоумение, решился вскрыть бумаги на имя генерала Ласси надписанные, где к удовольствию своем нашел, что все силы должны остаться в Средиземном море. Адмирал послал бриг возвратить войска с генералом Ласси, но его уже не застали в Константинополе, а сам 19 апреля с 2 кораблями и фрегатом, посадив на оные 6 рот егерей, прибыл к Катаро, где узнал, что число французских войск в Далмации уже гораздо умножилось, а как к тому же не получено никаких повелений от государя, то и решился поступать только оборонительно и защищать Боко ди Катаро и взятый остров Курцало. Наконец от 15 мая государь император изъявил монаршее благоволение адмиралу за все новые распоряжения по занятии Катаро, равно и за решимость открыть предписания на имя генерала Ласси, с таковым повелением, что он утверждается во власти главнокомандующего и может действовать по своему благоусмотрению, соображаясь с прежними наставлениями столько, сколько положение дел и настоящие обстоятельства дозволят.

Радость и клики народа не умолкают, имя Александра беспрестанно повторяется и, кажется, самое эхо в здешних пустынных горах произносит его с восторгом. В церквах, едва священник начинает «Благочестивейшего» и все, от старого до малого, с умилением кладут земные поклоны. В школе, в которую мне случилось войти, ученики встали, все в один голос сказали приветствие, и на вопрос учителя, кому должно поклоняться? Отвечали: Единому Богу. Кому служить до последней капли крови? Единому Александру. Кого ненавидеть и...? Вот катехизис, достойный храброго народа. Дети, едва начавшие говорить, твердят имя Александра и повторяют его каждому, с кем они встретятся. Мальчики беспрестанно стреляют из пистолета и восклицают: «*Да здрав буди наш царь Александр, да погибнет пасья вира*».

Мои прогулки в окрестностях Кастель-Ново

Сдав призовые суда в комиссию, в ожидании прибытия фрегата из Корфы, не имея никакого дела, с ружьем в руках, бродил я в окрестностях и, занимаясь охотой, наслаждался прекрасными местоположениями, какие редко встречаются и в самой Швейцарии. Хребты высоких обнаженных гор, окружающие залив, имеют дикий и унылый вид. Большие камни, оторванные от кремнистых вершин, видны по скатам; но у морского берега взор наслаждается приятной зеленью садов, в тени коих, там и здесь, встречает прекрасные домики с хозяйственными строениями. Белые стены, красные черепичные крыши и зелень садов составляют приятное смешение цветов. Здесь уже весна, и время прекрасное. Всякий день переменял я место прогулки и, таким образом, познав сии места, всякий день распространял свои сведения и замечал что-нибудь новое. С помощью итальянского языка и нескольких славянских слов я не был немым. Гостеприимство одного доброго славянина, пред домом которого стояли порученные мне призовые суда, доставило мне много приятных минут. В короткое время сделался я у него почти домашним. Вид маленькой церкви Ильи Пророка, стоящей на вершине горы, покрытой в то время облаками, чрезмерно мне понравился, и внимательный мой хозяин в первое воскресенье предложил идти туда с детьми его к обедне. Старшая дочь его с одной родственницей и с двумя мальчиками 8 и 9 лет пошли со мной вскоре по восхождении солнца. Дорога час от часу становилась круче, места страшнее, скаты ужаснее. По прошествии нескольких долин и приятных мест, узкая тропинка повела нас вдоль каменной стены, то над глубокой пропастью, то под навесом скалы. Переходя с горы на гору, поднимались мы выше и выше, а взошед на некоторую высоту, услышали вдали шум падения воды. Я прибавил шаги и скоро увидел прекраснейшую картину. Небольшая горная речка (недалеко

от устья которой построена мельница с каменной плотиной), стесненная утесами, низвергается и, падая с камня на камень, крутится, рассыпается в белую тончайшую пыль и, проходя чрез скалы, разливается, особенно же в дождливое время, смывает сады и сносит вниз деревья и тяжелые камни. Две зыбкие доски, положенные над страшной пропастью, на дне коей кипела река, предлагали нам опасный путь. Я пошел вперед, а за мной, взявшись рука за руку, следовали другие. С трудом достигли мы, наконец, вершины горы, но обедня уже отошла и церковь была заперта. Положение ее на такой высоте, почти под облаками, кажется лучшим и приличнейшим местом для храма сего пророка, почитаемого простым народом покровителем громов и бурь. Холодный ветер принудил нас немедля оставить гору; мы пошли домой другой дорогой. Не доходя монастыря Савина, пришли к другому источнику, образующему прекрасный водопад. Падая с высоты двух или трех сажен, разбиваясь об черные мшистые каменья, кропит он густой, осеняющий его лес, а далее, изгибаясь между вековых дубов, орешин и шелковиц, тихо и плавно течет по зеленому лугу и, многими изгибами напоив сады и огороды, впадает близ карантина в море. Сюда чаще всего приходил я стрелять горлиц. Иногда, прогуливаясь один, восходил на высокие и острые скалы, висящие там над пропастью, и, предаваясь приятным мечтаниям, созидал себе новый мир, странствовал в странах его на солнечном луче и в сии краткие минуты мечтания почитал себя участником небесного блаженства.

Праздник Пасхи

Известно, что в католических землях христиане других исповеданий терпят унизительное притеснение. Посему, когда присутствие наше в провинции Катарской сделало греческую веру свободной, то первый праздник Пасхи отправлен

был с великим торжеством. В субботу ввечеру народ собрался к двум монастырям: Савину и Топла. В первом полковой священник с игуменом отправляли службу, а полковые певчие пели на другом крылосе. Народ с великим вниманием вслушивался в речи русского священника, согласное же пение полковых певчих приводило славян в восторг. По окончании заутрени, когда без различия состояний и чинов начали целоваться, то «Христос воскресе, воистину воскресе» произносилось с таким усердием и радостью, что сии объятья русских и бокезцев, соединяя их в один народ, изображали истинное торжество веры. После обедни седой игумен, как бы вдохновленный восхищением своих соотечественников, произнес краткую речь, простую, но весьма приличную, и, в конце оной повергшись на колени и воздев руки к небу, со слезящимися очами молил о здравии императора и войск его. Он умолял Всемилосердного Творца, да владычество россиян в сей области продлится до скончания веков. Слабый дрожащий голос, глубокое чувство, выражавшееся на лице его, тронули бы и самое холодное сердце. Многие пали ниц и несколько минут, уже по окончании речи, остались в том же положении. Повсюду слышны были рыдания. Нельзя описать наших чувствований при сем столь искреннем изъявлении любви народа. Крестный ход, сопровождаемый стройными рядами русских воинов, особенно когда католическое духовенство вышло навстречу процессии, доставил нашим единоверцам полное торжество. Все прежние обиды и ограничения свободы богослужения были забыты, и все разошлись по домам совершенно довольными.

На другой день Пасхи, рано поутру, звон колоколов и пальба из пушек возвестили о крестном ходе. Толпы поселян показались на высотах: одни поднимались выше в горы, другие спускались в долины. Один приход делал посещения другому по очереди. Мальчики в белых одеждах, украшенных

цветочными венками, от каждого прихода несли крест на длинном древке, также увитом цветами. Под крестом привязан был российский флаг первой дивизии, но кроме сего, других образов не было. Когда процессия переходила от одной церкви к другой и останавливалась при каждом доме с пением Христос воскресе, то стрельба из ружей всякий раз возобновлялась. Наконец все знамена собрались к главному монастырю Савину. Жители города встречали каждый приход стрельбой из пушек и ружей. Монастырь, стоящий посреди лесу, под навесом скал и на берегу моря, усеянного множеством купеческих судов, которые для сего случая нарочно к нему приблизились, представлял прекрасное зрелище. После обедни игумен благословил пасхи, и все разошлись по лесу. Каждое семейство село в кружок, посреди коего на ковре положена была пасха, холодное, жаркое, вино и плоды. Все без исключения переходили от одного кружка к другому, говорили: «Христос воскресе», целовались, садились, отведывали всего понемногу и шли далее. Солдат наших с трудностью уступали, и всякое семейство старалось удержать их за своим столом. Женщины, большей частью старухи, занимаясь угощением, оставались на месте. После обеда начались игры. На высоком дубу, сняв кружком кору, сделали мишень; в другую сторону, на условленном расстоянии, положили связанного петуха. Избранные судьями старики сели по сторонам цели, подали знак, и молодые люди по два вдруг выходили, скоро прикладывались и стреляли один в мишень, другой в петуха. Если пуля попадала в цель, зрители поздравляли молодца громким криком, если же пролетала мимо, то смеялись, а старики принимали от него два гроша пен сверх одного, который всякий стреляющий обязан заплатить. Кто в несколько выстрелов не сделал ни одного промаха, получал небольшое награждение; остальные деньги разделяли бедным и платили за убитых птиц. Искуснейшие

стрелки разбивали пулей брошенное на воздух яйцо или яблоко. Свинцовые или деревянные кружки, плоке ими называемые, и шары (буче) составляли другие игры. Беганием и стрелянием из пистолета занимались мальчики. Старики, что мне более всего понравилось, нараспев рассказывали славные подвиги своих предков. Истории о королевиче Марке и храбром Юро Кастриотиче с большим вниманием были выслушиваемы. Качели, которые поставили солдаты, очень понравились бокезцам. Целую неделю продолжалось празднество: одни толпы уходили, а другие заступали их место.

Путешествие на горы

По рассмотрении призовой комиссией бумаг и патентов, взятых «Венусом» судов, не имея никакого занятия и будучи свободен от должности, предпринял я объехать Катарскую область и Черногорию. Прибыв, во-первых, в Катаро, ездил оттуда в Доброту, Перасто, Ризано, Персано и Теодо и, возвратившись в Кастель-Ново, провел Страстную неделю в монастыре Савино, в посте, молитве и христианском смирении. На третий день Пасхи с семейством Белодиновича вторично отправился в Катаро, и как в сей областной столице не было ни одного трактира, где бы можно ночевать, то пристал я у вдовы протопопа Петровича, который рекомендован был Белодиновичем. Не могут не похвалиться гостеприимством, усердием и доброжелательством сей почтенной старушки. Принадлежа к фамилии Петровичей, она пользуется уважением, имеет состояние и свой дом, и за всем тем живет весьма умеренно и уединенно. У нее нет ни слуг, ни служанок; дочь ее Мария, с которой познакомился я еще прежде в доме кастельновского моего знакомца, отправляла все должности и расторопностью своей удивляла меня более, нежели слуги в английских трактирах: она прибирала комнаты, стряпала на кухне, подавала кофе, успевала к обеду как можно лучше

нарядиться и, будучи очень пригожа, находила время уделять мне часть своего внимания. Старушка отменно полюбила меня по одному случаю. Она получила письмо от сына из Смирны и с крайним нетерпением ожидала другого утра, когда на один час приходил работник для услуг, дабы послать его за попом для прочтения ей письма. Возвратясь из замка к обеду, хозяйка моя, по обыкновению матерей, выхваляла мне редкие достоинства своего сына и в доказательство, что он очень учен, подала мне его письмо. Я прочел адрес, старушка, сплеснув руками, с радостью спросила, неужели я грамотный? и когда научился читать по-славянски? Я, не противоречa в первом, развернув, прочел ей письмо, в котором, кроме нескольких слов, почти ничего не понял. На другой день пригласила она на скромный ужин всех своих знакомых и со слезами на глазах представляла меня каждому, уверяя, что я великий человек и даже знаю грамоту!

Добрая моя хозяйка доставила мне случай побывать в Черной горе. Отец Спиридоний, прихода ее священник, сыскал мне проводника, и я по данным мне наставлениям спешил сделать маленькие приготовления. Взял с собой фунтов десять пороху, купил кремней, бисеру, стаканов и рюмок синего стекла и несколько кусков сахару положил в карман, дабы сими безделушками дарить в знак памяти тех хозяев, у коих буду ночевать. В продолжение моих сборов митрополит приехал в город, я за долг почел просить его соизволения. Его Высокопреосвященство охотно согласился на мое желание, убеждал иметь снисхождение к обычаям народа, всем сердцем и душой любящего русских (собственные его слова). Приказал одному витязю из своей гвардии, ростом почти в сажень, провожать меня всюду, куда бы я ни пожелал, и, отпуская меня, уверил, что я буду принят с усердием и должным уважением. Первый проводник мой не хотел уступить чести охранять меня митрополитскому; они долго спо-

рили, сердились и не знаю, как успел помирить их отец Спиридоний.

Чтобы казаться более военным, взял я с собой одну шинель, препоясал длинную саблю, которой мог бы отрубить нос в сажени от себя расстоянием, а кортик, вместо кинжала, заткнул за пояс. В четверг Святой недели к вечеру, пешком и с посохом в руках отправился я в путь с одним матросом, весьма смышленым, проворным и на храбрость коего при случае мог совершенно положиться; я говорю сие последнее потому, что черногорцы дорогих гостей своих любят встречать и провожать ружейными выстрелами, так что пули свистят мимо самых ушей. В Скальяри, деревней, лежащей в прекраснейшей долине близ Катаро, дали мне лошака, и мы начали подниматься на гору, которой вершина упиралась в облака. По тропинке, извивающейся улиткой, достигли мы до крепости Тринита (Святая троица) или лучше до четвероугольной башни, стоящей на границе Черногории и защищающей дорогу от Катаро в Будуа. Гора, на которую отсюда нам должно было всходить, стояла еще выше первой, вершина ее терялась в облаках. Солнце заходило, становилось темно; до Цетина, где располагал ночевать, оставалось еще верст 18; дорога шла на такую крутизну и мимо таких ужасов, что я, прилегши на шею лошака, качался над краем бездонной пропасти, голова у меня закружилась, и я просил остановиться в первой деревне. Проводник уверял, что нет никакой опасности, и что я непременно должен ночевать у него в Цетине, как вдруг услышали пронзительные дикие крики; со мной бывшие отвечали такими же голосами; невольный страх овладел мной и еще более увеличился, когда догнали мы у ключа, Крововаце называемого, партию черногорцев, возвращавшихся с торга из Катаро; они обступили меня, один спрашивал, точно ли я русский? Другой — христианин ли я? А третий подозревал, не католик ли я? Однако

ж, удовольствовавшись моими ответами и уверениями митрополитского витязя, хотели, чтоб я пересел на их осла, целовали руки мои и полу платья, а между тем тащили меня долой; начался между ними жаркий спор; я боялся, что начнется драка; наконец, посадив матроса на осла, меня оставили на лошаке, и мы спокойно продолжали путь. Около 10 часов провожатые мои сделали несколько выстрелов, и вдруг все закричали, потом телохранители мои уведомили меня, что мы скоро остановимся в селении Мирац. Подъезжая к оному, услышали мы смятенные крики, ночь была довольно темна, и я обрадовался, увидев близко несколько зажженных светочей, это была толпа мальчиков с пуками горящей соломы; при въезде в деревню меня стеснили, остановили лошака. Первый, который подошел ко мне, был князь (титло, принадлежащее сельским начальникам), он решительно объявил мне, что я должен ночевать у него.

Мне нечего было тут рассуждать, и я, повинуясь приказанию, пошел за ним. Князь остановил меня пред воротами, вошел в дом, скоро возвратился, взял меня за руку и ввел в избу. Представить должно мое изумление, расположение очень похоже на наши крестьянские светлицы. Меня посадили в угол под образа, возле меня матроса, который беспрестанно вставал с лавки, я насилу уверил его, что здесь он должен делать, что нам прикажут. Вошла молодая женщина (младшая в доме невестка), поставила на пол к ногам моим деревянную чашу воды, с робостью поклонилась, поцеловала у меня полу мундира, у матроса руку, он вскочил и чуть не засмеялся, потом стала на колени, сняла с меня сапоги, посмотрела их с любопытством, сняла чулки, словом, мне и матросу вымыли ноги. После сего князь предложил мне пасху, которая стояла на накрытом столе, и все его семейство христосовалось со мной, равно и с товарищем моим. Подали умыть руки, зажгли свечку пред образами, принесли вареную

курицу и копченую баранину, помолились, и один хозяин сел между нами за стол, дети служили, а пришедшие смотрели на нас и говорили между собой. После ужина тотчас положили нас спать в особом чулане, на доски, покрытые ковром. Князь лег возле нас, а сын, с оружием и не раздеваясь, повалился у дверей, и сей час оба захрапели. Я долго не мог заснуть и смотрел на кровлю, сквозь которую свистел ветер. Всякое движение моих хозяев, не знаю, почему, приводило меня в страх: я подвинул к себе длинную мою саблю, и хотя в воображении моем не находил причины опасаться, однако ж был готов к обороне; но утомление сомкнуло глаза и я часа три спал очень крепко.

Рано с солнцем громкий голос моего князя разбудил меня. Вопрос его: «Хорошо ли я отдыхал?» — считал я приказанием, почему встал и пошел за ним, располагая немедленно отправиться в дальнейший путь; но я ошибся и скоро удостоверился, что не могу ничем располагать. Несколько старейшин из семейств ожидали уже меня на дворе и, лишь я показался, просили удостоить их посещением, и так я пошел за первым, который подошел ко мне, матрос пошел за другим. Насилу избавили меня от омовения ног, подали яичницу и пшеничный, только что испеченный и весьма вкусный хлеб. Представьте мое удивление, я должен был обойти 20 дворов и везде непременно есть или, по крайней мере, всего отведать. При входе и выходе из дому я должен был перецеловать все семейство, а если я дарил ребенка кусочком сахара, то все целовали меня. Наконец, перецеловав по нескольку раз всю деревню, мне подвели лошака, посадили, пожелали доброго пути и начали стрелять; матрос мой написал так, что его принуждены были положить поперек на спину осла. Я позабыл сказать, что, когда переходил из дому в дом, меня сдавали с рук на руки, точно так, как бы какую вещь, и напоминали хранить меня, как зеницу ока!

Дорога до Цетина шла мимо ужасных пропастей и глубоких оврагов, кое-где видны были виноградники, маленькие сады и площадки хлеба, уже с четверть вышиной, справа и слева были Коложун и Ловчин — высочайшая из гор, коих кремнистая цепь с висящими скалами на каждом шагу представляли трудные дефилеи и, так сказать, непреодолимые твердыни вольности черногорцев. В монастырь Цетино, местопребывание митрополита, прибыл я в полдень и остановился в доме первого моего провожатого. Несмотря на убедительное приглашение монахов, я не прежде мог посетить их, как начали звонить к вечерне. Цетино лежит в глубоком долу, покрытом зеленью и садами. Монастырь, окруженный зубчатыми стенами с башнями, и пятиглавая церковь напомнили мне окрестности Москвы; я забыл, что нахожусь так далеко от оной. Тут показывали мне грамоты императоров наших от Петра и подарки, состоящие в богатых ризах, сосудах, образ Божьей Матери, принесенный в дар Екатериной Великой, обложен жемчугом и бриллиантами дорогой цены.

Не стану входить в подробности гостеприимства черногорцев; оно должно удивить и русского, но скажу, что наиболее сделало на меня впечатление. Я видел Спарту, видел в полном смысле слова республику, отечество равенства и истинной свободы, где обычаи заменяют закон, мужество стоит на страже вольности, несправедливость удерживается мечом мщения, удивляется возвышенности духа, горделивости и смелости того народа, которого имя наводит страх всем их соседям. Образ же их жизни, неиспорченность нравов и отчуждение всякой роскоши, истинно достойны всякой похвалы. Три дня, проведенные мною между ними, я, так сказать, перенесен был в новый мир и познакомился с предками моими IX и X столетия, видел пред собой простоту патриаршеских времен, беседовал с Ильей Муромцем, Добрыней и другими богатырями нашей древности. Дикость характера,

жестокость против неприятелей побуждает их весть беспрерывную войну против всех соседей, ибо, довольствуясь своими произведениями и не имея в них надобности, находят для себя оную полезным упражнением. Сей обычай, проистекающий от необразованности, перевешивается чистотой нравов, повиновением к родителям и семейственным счастьем. Собрав подробные сведения о Черногории и Катарской области, я постараюсь с точностью изобразить свойства народа, по происхождению и вере столь к нам близкого, а по преданности, любви и усердию к России тем более достойного внимания моих соотечественников, что страна сия еще ни одним путешественником не была описана.

Вместо того чтобы ночевать в Станевичах, меня отпустили из Цетине на другой день после обеда, гораздо уже за полдень. Боясь темной ночи, остановился ночевать, не доезжая первого монастыря, в Белоши, большом селении, и уже на пятый день, проехав не более 70 верст, чрез Станевич, Будуа, возвратился в Порто Розе, а оттуда в Кастель-Ново, где стояла моя требака. Таким образом, объехал я Катарскую область и в продолжение времени собрал достаточные сведения для вернейшего ее описания; за всем тем, оные были бы несовершенны и поверхностны, если бы не старался я собственные мои суждения поверить с показаниями многих знающих особ; наиболее же обязан К. В. Р...у, который доставил мне самое подробное описание одного австрийского инженера, сочинившего и карту[30]. Но как сей офицер, увлекаясь духом католицизма, представил характер народа совершенно в искаженном виде, то я заимствовал от него только статистическое и частью историческое описание.

Не могу умолчать о двух случаях, которые могут показать, до какой степени черногорцы набожны и преданы государю. В Белоши приходской священник принес святцы, дабы сказал

---

[30] Смотри в конце книги.

я ему, киевской ли они печати? Я развернул и стал читать. Все бывшие в избе встали, и когда я перестал, просили, чтоб еще прочел несколько молитв. Я обратился тогда к образам, все начали молиться, сделалась тишина и слышны были вздохи, которые до того растрогали меня, что едва мог удерживать слезы. По окончании чтения умиление изображено было на лицах каждого, разговор кончился сожалением, что они так далеко живут от России и не могут видеть великолепия наших храмов и молиться в них Богу. Другой случай доставил мне удовольствие столь же великое. Первому моему провожатому подарил я портрет государя. Узнав, чье изображение держит в своих руках, затрепетал он от радости, обнял меня с восхищением, целовал руки, благодарил несвязными словами, приложил портрет к груди, потом перекрестился, поцеловал оный с благоговением, дал приложиться своим домочадцам, показывал каждому и, наконец, прилепив к дощечке, поставил к образам.

Описание провинции Боко ди Катаро[31]

Провинция сия составляла часть Венецианской Далмации и лежит вокруг залива, который в древние времена известен был под именем Sinus Rissonicus. Ныне называют его Боко ди Катаро, т. е. Вход в Катаро, или устье Катарское, отчего и жители именуются бокезцами. Залив простирается от запада к востоку на 40 верст. Устье его образуется мысом Остро от севера и мысом Яница от юга; посреди находится голый островок Яница, а ближе к южному мысу — еще меньший, называемый Мадонна ди Яница. Сии два острова составляют три входа. Корабли должны держать ближе к Остро, идти прямо на Кастель-Ново, и на 15 и 18 саженях глубины, где

---

[31] Некоторые называли ее Венецианской Албанией и под сим именем разумели славян греческого исповедания, но сие несправедливо, ибо албанцы суть греки.

грунт ил, бросать якорь. Купеческие суда останавливаются у карантина на 7 и 8 саженях глубины и в Порто Розе, что против города, где прикрепляются к берегу канатом. Глубина во всем заливе достаточна и для военных кораблей. У самых стен Катаро 7 сажен, грунт везде ил. Широта Кастель-Ново 42°21′северная.

Пространство, число жителей и границы

Область лежит вокруг залива (почему жители также называются приморцами) и имеет вид треугольника, которого самая большая сторона 120, а меньшая 70 верст. Население ее полагают одни до 40 000, другие около 60 000. Граничит к северу с Герцеговиной, к востоку с Черногорией и Албанией, а к югу и западу с Адриатическим морем. Рагузинская республика, боясь более венециян, нежели турок, купила у первых с одной и другой стороны полосу земли в две мили шириной, дабы тем удалить границы свои от Катаро и Далмации.

Разделение

Область разделяется на следующие восемь *коммунитатов* или округов: 1) Кастель-Ново; 2) Катаро, к коему причисляются Персано, Столиво и Теодо; 3) Доброта; 4) Перасто, 5) Ризано, 6) Картоли и Лустица, 7) Зупа, 8) три округа и Пастровичи. Первые четыре не имеют большого населения; в них живут католического и греческого исповедания славяне; последние же округи гораздо многолюднее первых и жители оных вообще греческой веры.

Кастель-Ново

Несколько полуразвалившихся домов составляют строение в Кастель-Ново; в нем нет ни одной лавки и, кроме бедного трактира с изорванным бильярдом, нет никакой приманки офицерам. Католическая церковь и капуцинский

монастырь служат только для 400 городских жителей; для славян же греческая исповедания, составляющих большую часть населения сего округа, монастыри Савино и Топла, недалеко от города находящиеся. Предместье имеет лучшие здания. Окрестности, особенно долина Кути, представляют живописные места. Кастельновцы отправляют значительную торговлю.

Король Боснии Гварлео построил сей город в 1373 году, и с того времен сохранил он название новой крепости. Он претерпел многие несчастья от осад и землетрясения. Испанцы с помощью венециян взяли оный в 1538 году. В следующем году, едва испанцы окончили крепость Эспаньолу, славный турецкий адмирал Барбаросса, прибыв с 200 галер и 30 000 человек войска, взял ее штурмом. Без успеха покушались возвратить ее венецияне, и крепость находилась во власти турок 46 лет. Наконец в 1584 году венецияне, соединенно с мальтийскими кавалерами, под предводительством генерала Корнера, принудили крепость сдаться на капитуляцию.

Крепость составляет неправильный четвероугольник с высокими по углам башнями. Верхняя часть, называемая *сухопутный замок* (castel di terra), находится на горе, имеет круглую башню Сан-Кьяро с двумя ярусами пушек и с казематом, безопасным от бомб, но стены между башен, служащие только для ружейной обороны, так высоки, что, когда неприятель приблизится, вредить ему не можно. Нижняя часть крепости, или *морской замок* (castel di mare), от землетрясения совсем почти разрушен. Подземные ходы, сообщения по стенам и казематы большей частью упали. Крепость *Эспаньола,* лежащая на высоте, господствующей над окрестностями, составляет лучшую защиту Кастель-Ново. Эспаньола — квадратное укрепление с 4 по углам башнями, со рвом и полумесяцем с северной только стороны. Каждая сторона в 30 сажен длины; высота стен, которые очень тонки и сделаны

для ружейной обороны, 23 фута. Одни только башни вооружены пушками в два яруса; казематы в них безопасны от бомб. Внутри крепости пороховой магазин, чистерна[32] и развалившаяся часовня. По трудности дорог, которыми невозможно почти доставлять артиллерии, осада *Кастель-Ново* останется безуспешной, если только неприятель не будет иметь во власти своей море. Впрочем, без защиты флота составляет она весьма неважное укрепление. Адмирал Сенявин укрепил Эспаньолу наилучшим образом.

Залив от Кастель-Ново до Катаро называется *каналом*. Оставя большую Кастельновскую рейду и обогнув мыс *Кумбур*, увидишь обширный плес *Теодо*, которого левый берег украшен прекрасными домами, мелькающими в густоте плодоносных садов и виноградников; правый низок и также усеян загородными домами; а к северу возвышаются крутые голые утесы. Вдали на южной стороне плеса, на небольшом острове Страдиоти, видна древняя готическая церковь Св. Марка, окруженная полуразвалившимися стенами. Далее залив составляет узкий проток воды, называемый Ле Катене[33]; ширина его местами не более версты; горы, стоящие по обеим сторонам, кажется, сходятся между собой и представляют огромные ворота; течение от востока тут очень сильно. Проходя сим каналом, шлюпка кажется упавшей с неба. С сего места залив поворачивается к югу; в самом углу его показывается Катаро. Я не видал ужаснее и прелестнее сего места. Огромные кремнистые красноватого цвета горы в беспорядке навалены одна на другую; черная гора и *Ловчин*, самая высочайшая из них, выказывают из облаков свои снежные вершины. Продолговатый морской залив представляет озеро,

---

[32] Высеченный в камне колодезь, в который наливается вода.

[33] По-славянски верига, т. е. цепь, и назван так потому, что некогда запирался цепью.

лежащее на дне глубокого и темного оврага, которого берега почти сплошь усеяны крепостями, городами и селами. Прекрасные строения, множество кораблей и зелень плодоносных садов, в узких долинах скрывающихся, украшая сие истинно романическое место, составляют очаровательную противоположность с унылым видом бесплодных гор.

Катаро

Не видя еще укреплений, один взгляд на Катаро наводит ужас. Высокая, почти падающая скала обнесена каменными стенами, по оврагам и чрезмерной крутизне неподражаемым образом улепленными. Крепость как будто опущена в котел, над которым голые горы стоят, наклонившись. На вершине виден замок; чтобы взглянуть на него, надобно нагнуть назад голову и устремить глаза вверх. Там под облаками развевает императорский флаг, а лучи солнца играют на русских штыках.

Город построен при подошве горы у моря; две узкие улицы и небольшая площадь составляют лучшую его часть. Тут находятся хорошие и огромные строения.

Дома очень темны, ибо с одной стороны заслоняет их гора, а с другой — высокая крепостная стена. Прочие дома разбросаны по косогору и стоят один над другим. Что бы перейти из дома в дом, надобно лазить вниз и вверх по дурным лестницам, высеченным в горе. Некоторые дома половиной прислонены к горе, а другие стоят над горой так, что с верхней улицы имеют один этаж, а с нижней три и четыре. Во время дождя опасно ходить, ибо вода по сим лестницам течет очень быстро, но сие неудобство доставляет ту выгоду, что дворы и улицы становятся после дождя чисты, и грязи в городе никогда не бывает. В Катаро считается три женских монастыря, один францисканский и один странноприимный, всего 17 церквей и одна греческая церковь евангелиста Луки. В соборной католической церкви Св. Трифона хранятся части

мощей. В день сего святого венецианское правительство, в память мужественной защиты города гражданами, угощало их публичным столом и на этот день вручало им ключи и караулы крепости в полное распоряжение. Жителей, большей частью поселившихся здесь итальянских семейств, считается до 4000. Хотя дамы и стыдятся явно иметь у себя кавалеров сервенте, но строгая нравственность славян много уже испортилась; однако ж все еще далеко до разврата больших городов. Дворянство вежливо и гостеприимно; в казино[34] собирается лучшее общество. Тут бывают и балы. Разумеется, их дают русские офицеры; бокезцы не любят танцевать, а еще менее тратить деньги только для того, как говорят они, чтобы вспотеть. Увеселительные поездки на лодках в Доброту, Мулу и Перцаньо ими предпочитаются. Вообще жить здесь скучно; кроме прогулки на валу и к деревне Скальяри, лежащей в прекрасной долине, нет другого места к защите себя от солнца. Летом в полдень камни так раскаляются, что зной в городе бывает несносен; зимой же, от высоты гор, солнце показывается только на несколько часов, и когда на горах еще день, в городе уже вечер. Каждую субботу и воскресенье у ворот Фьюмьеры собирается на базар множество черногорцев. Удивляться надобно, какие тяжелые ноши по ужасным горам носят бедные женщины, а еще более тому, что дюжие и сильные мужья их идут за ними с одним только ружьем на плече.

Чтобы избавиться жару, пошел я еще до рассвета на гору, где находится замок Сан-Жуани. Дорога, высеченная уступами, шла самыми крупными излучинами. Скала сия гораздо круче Гибралтарской. Я насчел более тысячи ступенек, устал, наскучил считать и не был еще на половине горы. Усилия мои взойти до восхождения солнца на вершину горы так утомили

---

[34] Кофейный дом.

меня, что мне сделалось бы дурно, если бы стакан холодной, как лед воды, который подал мне караульный унтер-офицер, не оживил меня. Ключ, бьющий из камня на самой вершине скалы, составляет величайшую удобность для крепости, лежащей под облаками. Укрепления тут удивительны и лежат выше горизонта воды на 600 футов. Между замком и крепостью, по положению горы, сделаны стенки или брустверы таким образом, что, защищая одна другую, отделяют город от замка. За сими брустверами для укрепления каземата и Пьяца-Саранцо построены так, что, защищаясь самим собой и взаимно помогая друг другу, способствуют и нижней городской крепости. В каждом сделана чистерна и казематы; для защиты довольно 8 пушек и 100 солдат. Отсюда можно скатывать в город большие каменья. Замок же, лежащий на самой вершине, по высоте своей мало способствовать может крепости. Стены его тонки и удивительным образом улеплены по оврагам и пропастям: в них сделаны прорезы для ружейной обороны. Пушки большей частью медные, длинные и малого калибра. Некоторые из них утверждены в стенах на вертлюгах, как фальконеты, и в казенной части имеют длинные четвероугольные прорезы. Здесь есть несколько таких пушек, какие употреблялись в самом начале изобретения огнестрельного оружия, то есть кованные из железных прутьев. Большие пушки 48-фунтового калибра и мортиры поставлены к стороне Доброты, и тут стены гораздо толще. Удивления достойно, какой силой венецияне втащили их сюда. Пороховой погреб и арсенал покрыты толстым сводом и безопасны от бомб. В последнем показывали мне длинные ружья (тронбоны) на вертлюгах; они заряжаются фунтовым ядром и весьма удобны для гребных судов, также на кораблях во время абордажа. С южной стороны замка возвышается крутая скала, на которую одни только черногорцы могут взбираться. Иногда они забавлялись,

стреляя в австрийских часовых, но выстрелы по чрезмерной высоте недействительны. Если и город будет взят, то замок не иначе можно принудить к сдаче, как одним только изнурением.

С одной стороны, опираясь о стену, с другой удерживаясь за низкие перила, по лестнице узкой и крутой, взошел я на самую верхнюю часть замка и лишь ступил последний шаг, то от невольного страха закрыл глаза. Представьте себя на такой высоте, куда не смеет всползать змея, а разве взлетать может только орел, прямо над глубокой, никогда не освещаемой солнцем пропастью, на дне которой с ужасным ревом с камня на камень падает река (Fiumiera называемая), подмывающая подошву горы и впадающая по северную сторону города в море. Над головой подымается другая скала столь высокая, что, не скинувши шляпы, не можно видеть ее вершины. Бесплодные горы, в беспорядке набросанные одна на другую, одна другую превышающие, бурный шум падающей реки представляли природу во всей ее дикости и ужасе, но, опустив глаза вниз, видишь ее во всем величии и красоте: зелень, сады, строения и корабли, представляющиеся в углублениях между гор и в заливах, оживляя унылое местоположение, заставляли удивляться столь близкому соседству плодородия и бесплодия. Город лежал у меня прямо под ногами, в нем не видно было улиц, а все казалось домиками. Скат горы, на вершине коей я стоял, был столь крут, что если б бросить ядро, то оно должно бы скатиться до домов. Катарская губа в отдаленном краю подобна была блюду, налитому водой, в котором для забавы детей расставлены маленькие кораблики. Фрегат «Михаил», стоявший близ крепости, казался моделью, которую одной рукой можно поставить на стол; купеческие суда, вдали лежащие на якорях, чуть заметны были черными пятнами, а лодки, идущие под парусами, уподобились мушкам, над поверхностью воды летающим. Холодный ветер,

несмотря на солнечный жар, принудил меня оставить замок, и я сошел вниз или лучше покатился, и покатился так скоро, что в полчаса пробежал то пространство, по которому всходил вверх около двух часов.

Неприступное положение и прекрасная ключевая вода понудили построить тут город, и замок был первое его укрепление; когда же город распространился, то и его обнесли валом и соединили с замком стенами, которые составляют треугольник. В 1667 году, после большого землетрясения, венецияне укрепили город семью бастионами или платформами; куртины между бастионами защищаются тонкими стенами для ружейной обороны; высота их от 25 до 28 футов, толщина же 5 и 6 футов. Природа сделала здесь больше, нежели искусство: крепость можно атаковать только с одной стороны от севера, но тут два фаса с земляными валами окружены водяным рвом, а за ними речка, в которой зимой бывает 6 футов воды. Летом она высыхает, но ложе реки шириной в 60 сажен препятствует делать траншеи, ибо на полтора фута показывается вода. Высоты над деревней Доброта предоставляют возможность построить на оных батареи; причем необходимо, чтобы неприятель господствовал над морем, ибо другим путем нельзя привезти артиллерию. Дикий тесаный камень так искусно сложен, что, хотя в некоторых местах стены от землетрясения и треснули, но особенной прочности известка держит их, и они, конечно, простоят в сем положении еще несколько веков. У южных ворот, которые защищаются башней и стеной, построенной сзади башни, под арками подъемного моста, обширным жерлом шумит ключ, способный обращать колесо мельницы. Вода летом бывает холоднее, чем зимой. Не сам ли Моисей ударом жезла источил здесь воду из камня?

Катаро, до построения нынешних его укреплений, много раз был осаждаем. Соединенное в 1301 году нападение турок,

венециян, рагузинцев и кроатов было неудачно. Еще до изобретения пороха в 1378 году венецианский адмирал Ветор Пизани взял город штурмом. Ограбив оный, он увез с собой уважаемые народом мощи Св. Трифона. Нынешние грабители Европы, взяв Рим и Лорету, брали одно только серебро и золото — вот как нравы переменяются! В 1420 году с помощью пасторовичан, жителей сей провинции, римский король Сигизмунд взял вторично Катаро. В 1539 году турецкий адмирал Барбаросса, взяв Кастель-Ново, два раза штурмовал крепость, но с великой потерей принужден был удалиться. В 1563 году землетрясение разрушило почти весь город; две трети жителей погибли в развалинах. В 1570 году турецкий адмирал Пертаре с большим флотом приступил к крепости и после значительной потери, опасаясь прихода венецианского флота, который мог бы запереть его в узком заливе, не высаживая войск, поспешно отплыл. В 1571 году турки, овладев Черногорией, осадили Катаро с сухого пути и в канале Ле-Катене построили крепость с 18 пушками, которой развалины и теперь еще видны, но венецианский адмирал, прибыв из Корфы с 25 галерами, взял эту крепость и принудил турок снять осаду Катаро. В 1657 году 20 000 турок осаждали крепость два месяца, но как при крепости была небольшая флотилия, то гарнизон, получая посредством оной съестные припасы, мужественно защищался, и, хотя со стороны Доброты сделана была брешь, однако турки при штурме с великим уроном были отбиты. В 1667 году другое землетрясение погребло под развалинами города более половины народа. После сего не было уже столь сильных, а изредка, почти чрез каждые два года, бывают небольшие потрясения, не причиняющие вреда, и жители привыкли к оным так, что и не думают об них. Язва также два раза посещала сей город; она завезена была на судах из Леванта. С берега охраняют от сего бича человеческого рода черногорцы, не имеющие сообщения с турками.

Персано, Столиво и Теодо составляют коммунитат Катарский, иначе Миочевическим называемый. Он населен большей частью итальянскими выходцами и весьма хорошо обработан: дома, построенные у моря, имеют прекрасную наружность; горы до двух третей у Перса, но сделаны уже плодоносными, а уезд Теодо, лежащий в долине, представляет самый живописный вид. Богатые граждане Катаро живут здесь летом в своих загородных мызах. Всякого рода плоды родятся здесь в изобилии; отсюда же отпускаются сладкие вина и ликеры, не уступающие испанским. Крепость Св. Тринита, или лучше башня с четырьмя малыми пушками, защищает дорогу из Катаро в Будуа и стоит при входе в трудную ущелину, известную под именем Святой тропины.

Доброта

Лежит при подошве крутой цепи Черногорских гор и простирается от речки Глюйта до стен Катаро, длиной от 6 до 7 итальянских миль, а шириной не более полуверсты. Хотя природа не доставляет жителям сей страны никаких почти выгод, но трудолюбием своим и промышленностью сделались они богатейшими из бокезцев. Добротцы и персанцы имеют самое большое число судов. Дома хорошей архитектуры и построены почти сплошь при самом береге, сады, возникающие на голых камнях, окружающих длинное сие селение, и множество судов, лежащих на якорях против окон, составляют прелестный вид. Граждане с посредственным воспитанием, предприимчивы в торговых оборотах, мужественны в сражениях, и честность их заслужила доверенность от черногорцев, с которыми преимущественно ведут они торг и получают от того знатные выгоды. Доброта имеет 1700 жителей и три церкви, из коих Св. Евстафия, новая, прекрасная и богатая, могла бы украсить большой город. Добротцы гостеприимны, но ревнивы до чрезвычайности: жены их и дочери всегда заперты и не показываются даже друзьям. Другие бо-

кезцы, которые вообще придерживаются сего турецкого обычая, редко соглашаются отдавать за них дочерей своих в замужество, ибо и монахини имеют более свободы. Добротцы самые ревностные католики: при прежнем правительстве не позволяли они славянам греческого исповедания оставаться у них в селении долее суток, и ни один работник, как бы он ни был исправен и верен, не мог более трех лет служить в одном доме.

Перасто

Занимает у берега узкую бесплодную полосу земли. Перастцы довольно просвещены, богаты от морской торговли и носят по большей части французскую одежду. Город, имеющий 1800 жителей, построен амфитеатром и издали, с моря, кажется лучше, нежели на самом деле. Над городом на горе, выше поверхности воды на 200 футов, построена иждивением граждан цитадель, служившая единственно для защищения их от набегов черногорцев. Против города, ближе к Ризано, есть два острова: на одном из них Мадонна д'Агосто, или Дель скальпелло, находится довольно богатая церковь с чудотворной иконой Божьей матери. 15 августа, в Успеньев день, собирается туда много богомольцев, и в сие время жители отправляют так называемый круговой танец.

Русский, будучи в Перасто, непременно должен посетить дом, принадлежащий Мартиновичу: там увидит он следы попечений Петра Великого. Государь, предприяв устроить флот, отправил во многие места лучших фамилий боярских детей для изучения науки мореплавания, в том числе шестнадцать человек, как думать должно, отправлены были в Перасто к тамошнему ученому дворянину Марку Мартиновичу. В доме его хранится картина, которую Г. Мажарович, уроженец перастский, так описывает: «Мартинович сидит за столом, на котором лежат карты и математические инструменты. Дети в богатых боярских одеждах стоят вокруг стола и

слушают учителя со вниманием. Внизу картины подписаны следующие имена: Борис Иванович Куракин; Яков Иванович Лобанов; Князья: Петр, Дмитрий и Федор Голицыны; Григорий и Михайло Хилковы; Иван Данилович; Андрей Иванович Репнин; Абрам Феодорович Лопухин (брат царицы); Владимир Шереметев (брат генерала); Иван Ржевский; Михайло Ртищев; Никита Ланович (Lanovich); Григорий Бутурлин и Михайло Матюшкин.

Для сих детей вооружено было судно, на котором крейсировали они в Адриатическом море, чтобы обучаться вместе и теории, и практике. Мартинович написал род поэмы, где описывает случаи, встретившиеся во время сих плаваний, и шутливо рассказывает, как некоторых из них укачало и как другие пленялись разнообразием предметов. Сие творение напечатано на славянском языке в Венеции.

Сии три последние коммунитата производят значительную торговлю, жители в оной католического исповедания и частью последуют итальянским обычаям.

Ризано

Древний город сей построен изгнанной из Сербии королевой Теока. Надобно полагать, что тут была некогда довольно важная пристань; ибо весь залив именовался по ней Sinus Risonicus. Ризано построен на берегу моря, а как чрез него идет единственная дорога из Герцеговины в Катарскую область, то жители, коих в одном городе полагается до 1800 человек, производят значительную торговлю рогатым скотом, баранами, шерстью и воском. Округ Ризанский принадлежит к числу греческих коммунитатов, почитается лучшим и населенным людьми более образованными; ибо ризаноты имеют несколько торговых судов; но в богатстве уступают жителям вышеупомянутых католических округов. Напротив, более известны храбростью: при правлении венециян и ав-

стрийцев, они и пастровичане лучше прочих сопротивлялись набегам черногорцев. Во время нашего здесь пребывания ризаноты и вообще славяне 4 греческих коммунитатов оказали примерное к нам усердие и отличное мужество. При нападении генерала Мармонта на Кастель-Ново, без помощи наших войск вызвались они защищать дефилеи и дороги, ведущие чрез их округ в Катаро. По преданности к России, которую они почитают матерью своего отечества, многие отличились в нашей военной службе, и из одной только фамилии графов Ивеличей мы имеем трех генералов. Первый граф Марко: ныне генерал-лейтенант и сенатор, три раза имел важные поручения по делам здешнего края; второму, генерал-майору, отлично служившему в Шведскую и последнюю Отечественную войну 1812 года, графу Петру Ивановичу, обязан я многими сведениями, мною здесь предлагаемыми.

Ризаноты полагают свое происхождение от римлян. Несколько сходствующая одежда, остатки моста и часть мозаического пола, показываемого в окрестностях, делают сие мнение их вероятным. Село Царине, неподалеку от Ризано находящееся, сохранило название свое от местопребывания царицы Теоки; тут был ее дворец и замок, коих едва стены приметны, от упомянутого же моста осталось шесть столпов, а мозаический пол покрыт только 3 футами земли. Гора, при подошве которой лежит Царине, имеет огромный грот или лучше длинную подземельную пещеру, называемую Спила, заслуживающую особенное внимание любителей чудных произведений природы. Устье пещеры имеет в поперечнике 20, высоты 8 сажен, под огромными ее сводами, ничем не поддерживаемыми, угловатые, весьма тяжелые камни висят на прилепе. Проход во внутренность горы простирается на 400 сажен: там удивленному взору представляется лагун, наполненный водой, глубина у краю 4 сажени, длина сего

лагуна неизвестна; ибо свод пещеры в сем месте опускается низко, никто не осмеливался измерить, далеко ли простирается оный, но, вероятно, сие собрание воды наполняет обширную пустоту горы. Поселяне из Царине при свете факелов берут отсюда воду; оная летом холодна, как лед, а зимой тепла. Пол пещеры от устья до лагуна так ровен и гладок, как будто бы оный был высечен человеческими руками. Во время жаров жители из Ризано и ближних селений любят здесь прохлаждаться, множество малых пещер, изрытых водой, летом служат вместо погребов. У лагуна на левой руке выглажена часть стены, на коей путешественники подписывают свои имена. В конце осени пещера наполняется испарениями и от начинающей капать со свода воды делается неприступной; когда же начнутся дожди, представляет ужасное и редкое зрелище. Вода выступает во всю ширину отверстия с такой силой, что вся обращается в пену, брызги летят в обе стороны на большое расстояние. Подобно большой реке, не имеющей падения, втекает она в море, в полуторе версты от Спилы находящееся, с таким стремлением, что никакое судно не может устоять против него на якоре. Развалившийся замок, лежащий на вершине горы над самой пещерой, дополняет представление вида сего в живописном изображении: пар, подымаясь от воды, одевает стены замка легким туманом и скрывает от глаз вершину скалы; облака, во время дождя спускающиеся до зубцов башен, представляют замок вознесенным к небесам и от прохождения тумана и туч колеблющимся в воздухе. Шум воды продолжительными отголосками повторяется в ущельях, оттого основание горы у Спилы, кажется, сотрясается.

Против Пизано, чрез залив у селения Витоглав, другая пещера, называемая Сопот, представляет грозное и еще величественнейшее зрелище; вода в обрубистой скале, на высоте около 400 футов, имея отверстие узкое и вырываясь

подобно огромному Тифонскому столпу, рассыпается широким кристальным куполом, и с сей ужасной вышины падает прямо в море в виде молочного водопада; она тяжестью своей выбивает в море у подошвы скалы круглый большой кошель, в коем кипящая клокочущая вода бьет через край, а вокруг с ужасным ревом гремит пучина. Некоторые думают, что воды пещер сих имеют подземное сообщение с теми, которые находятся под Катарой. Частые землетрясения, здесь бывающие, и сие великое собрание вод в утробе гранитных гор есть предмет, достойный точного исследования естествоиспытателей.

Остальные три греческие коммунитата занимают южную сторону залива. В Картоли и Люстице довольно лесу. Жители не имеют судов, но долины их изобилуют хлебом, садоводством же занимаются немногие. Зупа, по-славянски Гербаль называемая, имеет большие преимущества. Сей округ разделяется на четыре графства: Ларовичи, Бойковичи, Клюбановичи и Тюйковичи. Отсюда-то произошло такое множество графов Бокезских, которое титло вместо князя дано им венециянским правительством. В Клюбановичах находится монастырь Ластуа, обнесенный каменным бруствером. Он выгодно может держаться против регулярных войск.

Будуа — древний город. Плиний называет его Бальва, Бутуа, а Гомер — Будиум. Крепость построена на полуострове; стены ее, равно как и цитадели, лежащей на крутой скале, большей частью развалились. Гавань защищается островом Сан-Никола, рейд открыт южным ветрам. В городе находится одна греческая и одна католическая церковь. В 1687 году Солиман, паша Скутарский, с 10 000 осаждал Будуа, но генерал Корнер, с помощью граждан и окрестных жителей, принудил его снять осаду.

После сего несколько раз крепость взята была турками и греками; разорения их до сих пор видны. В 1797 году, по же-

ланию жителей, митрополит Черногорский Петр Петрович занял Будуа, но когда бокезцы, получив от императора Римского прежние права, отдались в его покровительство, то митрополит оставил сей город.

Жители трех округов: Побори, Браичи и Маини, при малейшем нарушении их преимуществ, вместе с другими славянами греческого исповедания часто бунтовали против венециян и особенно австрийцев, которые укрепленный монастырь Св. Марии ди Маини подарили митроплиту Черногорскому, дабы влиянием духовной его власти удерживать народ в повиновении.

Пастровичи самый дальний пограничный округ Боко ди Катаро. Жители оного, до прибытия российских войск в Катаро, вели беспрестанную войну с черногорцами и турецкими албанцами. Они отличаются храбростью и часто побежали самих черногорцев. Пастровичане особенно пристрастны к своим правам, закону и древним обычаям. Частые набеги турок и черногорцев совершенно их разорили; но ныне, когда черногорцы сделались им друзьями, главнокомандующий адмирал вежливыми сношениями с пашой Скутарским и строгими мерами умел заставить их уважать народ, подданный российскому императору. Хищные албанцы не смели после того ни однажды сделать на них нападения. Таким образом, с появлением россиян прекратились несчастья сего мужественного народа, страдавшего под бременем бедствий войны во время мира. Должно отдать справедливость пастровичанам: они не остались неблагодарными столь милосердому и попечительному правительству. Они и ризаноты первые выходили в поле, сражаясь в первых рядах, и отличили себя во всех сражениях с французами. Римский король Сигизмунд при завоевании Катаро получил от них помощь, за что многие возведены в дворянское достоинство; посему-то и предки их верны были австрийскому правлению. Имя пастровичан некоторые несправедливо производят от

pastori-vecchi, то есть древние пастухи. Это одна из тех многих ошибок, которые делают иностранные писатели, не зная славянского или русского языка и основывая свои догадки на сходстве слов и т. п.[35] Подлинное имя пастровичан на славянском языке означает по сторону, или на границе живущие, ибо в самом деле земля их составляет крайнюю грань, разделяющую славян от греков.

Крепость Сан-Стефано в графстве Пастровичи лежит на скалистом полуострове, соединяющемся с твердой землей низким песчаным перешейком. С моря могла бы она защищать вход в бухту, но, кроме уцелевшего порохового погреба, стены ее совсем упали. Жители производят маловажную торговлю. Против города, на высоте, находится греческий монастырь Прахвица под управлением архимандрита.

---

[35] Так, например, один французский путешественник утверждал, что *Алексей* есть уменьшительное *Александра,* а *имене* — любимый напиток русских. Однажды кто-то при нем попросил квасу, а бывшие тут же в один голос сказали: «И мне, и мне». Вот на чем именно догадливый француз основал последнее свое заключение. В английском Географическом словаре издания Гордона в статье *редкостей России,* помещен следующий вздор. Из главных редкостей страны сей должно почитать странный род дынь (Melon), растущих близ Астрахани, Казани и Самары. Некоторые природные жители называют эту дыню *баранец* (Baranetz) или ягненок (Little lamb), другие *зуфитон* (Zoophiton), что означает животно-растение. Первое название более оной прилично, ибо вид ее совершенно сходствует с бараном, и жар сего растения столь велик, что, следуя народному выражению, оно съедает всю траву, около его растущую. Когда созреет плод, наружность стебля покрывается веществом, похожим на короткую и курчавую шерсть. Часть шкурки сего удивительного растения хранится в кунсткамере короля Датского в Копенгагене, и никто не может отличить ее от обыкновенной бараньей. Из сего-то редкого прозябения русские шьют себе шубы». Подлинно теплые.

Произведения

Высокие бесплодные горы, окружающие залив, свидетельствуют скудость страны сей. Только у прибрежья видны сады и огороды, которые, украшая дикость места, не доставляют, однако ж, нужного продовольствия. Далее, между гор, долины к земледелию удобны, но беспрестанные войны жителей с черногорцами и недостаток рук препятствуют обрабатыванию сих мест. Малые поля обделываются киркой и едва на три месяца дают хлеба; недостаток оного заменяет картофель. По берегам виноград, масличные, фиговые, частью же померанцевые и лимонные деревья растут, как в Италии, на открытом воздухе. Каменные скалы, увеличивая жар, способствуют созреванию, и потому климат сходствует с африканским: после томительного зноя зимой идут дожди, иногда шесть недель сряду. По неимению лугов скотоводства совсем нет. Пчеловодство могло бы принесть большие выгоды, если бы доставая мед, не истребляли пчел. Шелк, в малом количестве обрабатываемый женщинами, имеет особенную доброту. Толстые сукна, полотно и пестрые тики делаются для домашнего только обихода. Скудость земных произведений заменяется изобилием рыбы, и бокезцы весьма искусно бьют ее острогой. У прибрежных жителей, особенно у католиков, дома покойны, чисты и хорошей наружности; далее же внутри гор, крыты плитой и имеют посреди очаг без трубы. По неудобности дорог нет телег, и тяжести перевозят на вьючных ослах.

Торговля

Бокезцы производят значительную торговлю в Адриатике, Леванте и Черном море. О приращении их благосостояния можно заключать по числу судов, которое в последние годы знатно увеличилось. В 1798 году они имели 264 судна; в 1806 — 381; а в 1807 — до 500, исключая малых, все они вооружены

пушками от 6 до 28. На сих судах употребляется до 7000 человек весьма хороших матросов. Шкиперы не знают науки мореплавания и управляют судами по одной привычке и знанию мест. Бокезцы, соперники рагузинцам, подобно им перевозят чужие произведения и сим промыслом содержат свои семейства, которые, по бесплодию земли, должны бы влачить самую несчастную жизнь. Без торговли они существовать не могут. Собственных произведений вывозится: 4000 барилей деревянного масла, 12 500 пудов винных ягод, столько же восковых свеч, 125 пудов шелку и 175 пудов меду. Из Черногории и Герцеговины пригоняется ежегодно около 110 000 баранов и коз, и 15 000 быков и свиней, мясо которых, под именем копченой и соленой катрадино, отправляется из Катаро в Венецию и Триест. Бараньи и воловьи шкуры отпускаются невыделанные. Из Черногории получается 15 000 пудов сыру и столько же чрез Ризано из Герцеговины, который вместе со 150 000 пудов Морейского развозится в Италию и Левант. Бокезцы не уступят деятельным нашим промышленникам в сметливости и проворстве.

Вера

При владычестве венециян и австрийцев греческая вера была в крайнем утеснении. Нетерпимость римских католиков простиралась до того, что не только не позволили жителям греческого исповедания отправлять свободно богослужение, но даже запрещали ввоз из России церковных книг. Хотя в последние годы и печатались сии книги в Вене и Буде, но славяне не имели к ним доверия и доставали себе тайным образом библии, молитвенники и т. п. киевской и московской печати. Гонение, приличное суеверию XI и XII столетия, принудило весьма немногих славян переменить веру, что и укоренило взаимную ненависть между католиками и греками. Кровопролития, между ими бывшие, не оправдывают

политики нашего просвещенного века, особенно потому, что жителей греческого исповедания гораздо больше, нежели католиков: сии последние едва ли составляют четвертую часть населения. После сего должно ли удивляться иступленному восторгу бедных славян, когда при занятии провинции россиянами греческая вера сделалась главной; когда они свободно могли отправлять свои торжества, могли получать священные книги, столь у них редкие; когда они слиялись в один народ с черногорцами, с которыми до сих пор вели беспрерывную гибельную войну и, наконец, когда увидели предел своим бедствиям и начало своего благоденствия. При появлении русских наступил для бокезцев золотой век; освобождение от всех повинностей, мир с черногорцами и торговля с Герцеговиной и другими турецкими областями обещали им многие выгоды. Кротость и истинно христианское веротерпение российского монарха, позволив свободное богослужение католикам, затворили уста гордому духовенству, которого честолюбие было причиной всех зол. Сия мера заставила умолкнуть вражду, разделявшую в продолжение нескольких веков народ одного происхождения. Церкви, монастыри и духовенство содержатся прихожанами. Каждое семейство в назначенное время доставляет хлеб, масло, вино, свечи и все нужное. Посему здешние священники, обеспеченные в своем продовольствии, служат молебны, крестят детей, венчают свадьбы и исправляют прочие требы без всякой мзды. Таким образом, лишены будучи всякого повода к корыстолюбию, они сохраняют важность своего сана и живут в истинном духе христиан.

Нравы, обычаи и одежда

Бокезцы католического исповедания ведут не столь строгий образ жизни, как прочие их соотечественники греческой веры, хотя те и другие от обращения с иностранными имеют

некоторый просвещенный навык; но, будучи крайне привязаны к древним своим обычаям, в характере мало еще изменились и почти во всем сходны с черногорцами, почему при описании нравов и обыкновений сих последних должно разуметь всех приморцев, особенно греческого исповедания. На чужой стороне бокезцы тоскуют, подобно швейцарцам, по своей родине.

Публичные увеселения им неизвестны; временем только приезжают в Катаро труппы странствующих актеров. Иногда приглашают они к себе гостей, но как женщины не допускаются в такие общества, то собрания сии бывают довольно скучны. Изобретение ревнивых мужей, покрывало, которое женщины носят вне дома, мало-помалу переменилось из непроницаемого шелкового в кисейное, из кисейного во флеровое, и наконец носили их только для виду, опуская при встрече с своими. Женщины высшего состояния статны и пригожи; крестьянки здоровы, но не могут похвалиться красотой. Характер бокезцев, как и всех торговых народов, весьма важен. Гостеприимны с расчетливостью, однако ж и не совсем скупы. Музыка и пляска точно такие же, как и у черногорцев. Последнее увеселение не согласуется с чрезвычайной ревнивостью бокезцев и грубостью их в обращении с женщинами, которых они почитают своими невольницами. В военной тактике сходствуют с черногорцами и, хотя не могут сравняться с ними в искусстве стрелять, однако же бокезцы, особенно греческого исповедания, столь же храбры, как и они, сражаются с большим порядком и знают лучше подчиненность. В пищу наиболее употребляется у них полента (кукурузная каша), рыба и мясо.

Поселившиеся здесь итальянцы носят свою одежду. Приморцы одеваются отлично от всех иллирийских славян. Широкие греческие шаровары опускаются до половины икры: фуфайка с дутыми серебряными пуговицами, выложенная позументом или снурками; сандалии в походе, полусапоги дома и круглая шляпа: под ней католики носят

черную бархатную, а греки красную шапочку[36]. Фуфайки их украшаются медными, серебряными бляхами (по-славянски «токе»), которые вместо лат носят также на груди и на ногах. Жители Зупы одеваются, как черногорцы. К сим двумя нарядам принадлежит трехгранный кинжал анжар, серпообразный ятаган, пара пистолет, длинное ружье и древний славянский меч или турецкая сабля на серебряных цепях и патронные сумки на образец албанских. Самый бедный имеет оружие, украшенное насечкой, перламутром и каменьями в азиатском вкусе; богатые же сверх того имеют малиновые или черные бархатные фуфайки, обложенные позументом, и вест прибор, как то пуговицы и бляхи на ногах серебряные. Одежда женщин единообразна: короткое белое платье с полными руками подпоясывается широким поясом, который, как рукава и низ платья, вышивается прекрасным узором; на ногах сандалии, подвязанные цветными лентами; на голове повязка из платка и турецкий тюник без рукавов. Наряд девушек весьма сходен с национальным нашим костюмом[37]. Монетное или кoральковое ожерелье составляет лучшее их украшение. Синий и красный цвет более прочих употребляются. Все сии наряды делаются дома; кроме лент и платков нет ничего привозного. Бокезки весьма искусны в вышивании, особенно в крашении сукон и полотен. Болезни, происходящие от роскошной жизни, неизвестны даже и по имени бокезцам: они так здоровы, что в Катаро была одна только аптека и один доктор. Другой лекарь, живший в Кастель-Ново, выехал оттуда, опасаясь, как видно, умереть с голоду.

---

[36] Смотри картинку.

[37] Смотри картинку.

Науки, язык и ремесла

Здешнее греческое духовенство ведет самую строгую жизнь и довольно просвещено: большая часть из духовных говорит по-итальянски и занимается словесностью. Имея ве-

ликое влияние на простой народ, они прекращают все его распри и приводят в исполнение повеления правительства. При каждой церкви есть школа, где мальчики обучаются закону и славянской грамоте. Всякий праздник во время службы дети сии становятся по два в ряд по обе стороны пред царскими дверьми; четверо в белых одеждах прислуживают в алтаре, а двое стоят у крылосов и читают очень громко то, что следует петь дьячкам. По окончании обедни священник испытывает детей в катехизисе, потом, объявив им, какой завтра праздник или в котором часу собираться им в класс, благословляет их и распускает по домам. Впрочем, большая часть бокезцев, особенно тех, которые живут не при море, а далее в горах, по недостатку священников лишены и сего воспитания. Богатые из католиков посылают детей своих в итальянские университеты. Некоторые из дворян занимают должности адвокатов и, не учась правам, так как и в других местах, по одному только навыку умеют запутывать дела и наживаться. Бокезцы говорят славянским языком, смешанным с итальянскими словами. Католики пишут итальянскими буквами; греки же, из которых немногие умеют грамоте, употребляют в письме церковные буквы. Приморцы и городские жители говорят по-итальянски венецианским наречием. Кроме слесарного мастерства, делания ружей и одной красильной фабрики, находящейся в Катаро, мыла и дурных струн, обрабатываемых в Перасто, нет никаких мануфактур. Самые лучшие здесь ремесленники женщины.

Дворянство

В прежние времена, когда страна сия была республикой, начальники округов, избираемые народом, пока занимали общественные места, назывались князьями; после того, при венецианском правлении, переименованы в графов, тоже на время, и как при утверждении их в это звание или должность, платили они по 25 талеров, то и почли себя вправе присвоить

титул сей и детям своим. Таким же точно образом и занимавшие нижние гражданские должности называли себя дворянами; но ни те, ни другие не признавались в Венеции таковыми. Настоящие дворяне имеют у себя грамоты, и те из них, в коих нет сиятельных титулов, почитаются самыми древнейшими, ибо графское достоинство дано бокезцам венециянами уже в новейшие времена. Фамилии Медынь, графы Ивеличи и графы Воиновичи самое почетное дворянство. Впрочем, сие звание не дает никаких преимуществ: самый последний из черни имеет точно такие же права, как и первые дворяне. Здесь истинное достоинство основывается на всеобщем уважении, и кто заслужил оное, тот гораздо более, нежели дворянин. Выбор в народные начальники обыкновенно остается при лучших и знаменитых фамилиях, однако ж и самый простой поселянин, заслужа уважение своих сограждан, может быть выбран в капитаны коммунитата, которого власть, впрочем, весьма ограничена.

История

В архиве катарской хранится данная иллириянам Александром Македонским грамота, которой за храбрость и мужество, оказанное ими в войнах сего великого завоевателя, подарена им в вечное и потомственное владение часть земли Аквилонской до самых полуденных границ Италии с тем, что коренные жители должны быть их рабами[38]. Хотя ученые и не могут согласиться в древних происшествиях сей страны, но всего вероятнее кажется, что королева Теока, изгнанная из Иллирии со многими приверженцами, избрала сначала для пребывания своего то самое место, где ныне Ризано, и вскоре после того, желая удалиться от опасных границ, укрепилась в

[38] Я имел случай читать сию древнейшую привилегию славян, помещенную в заглавии дипломов графов Ивеличей.

Катаро, которую Плиний называет римской колонией под именем Ascrivium. Как и сие не слишком достоверно, то станем говорить о новейших происшествиях. В Ризано и Катаро жили морские разбойники, которые, господствуя над морем, наводили ужас жителям берегов. В 866 году Катаро, Будуа, Ризано и Розе разрушены были до основания агавенами, народом, жившим в окрестностях Карфагены.

По отшествии сих варваров оставшиеся жители, соединяясь с боснийцами, изгнанными из отечества венгерцами, построили Катаро и основали республику. В 1115 году король Сербский Георг подарил сей республике остров Привлака, что ныне Страдиоти, и места, где ныне Лустица, Картоли, также долины Зупа. В 1250 году король Родослав, за приверженность к отцу и сыну его Симону Немейгва, укрепил сии места катарцам. При короле Урозио и королеве Елене в разные времена подарено катарским жителям и дворянству верхний и нижний Зупа (по-славянски гербаль, то есть равнина), Ложица, Миакс, Доброта, Леденица, Бианка и Крушевица до Фиумьеры (речки, что у стен Катаро). В 1361 году король Сербский Стефан Нейманья укрепил грамотой право владения на все подаренные прежде места. В 1368 году, когда Сербия разделилась на четыре части, то республика, будучи во все время под покровительством сего королевства, заключила союз с Людвигом I, королем Венгерским; в том же году венецияне, имея войну с Венгрией, взяли Катаро и, разграбя город, удалились. В 1382 году, дочь Людвига I, Мария, отдала республику, Тварку, королю Боснии; но по двухлетней войне храбрые катарцы возвратили свою свободу. После сего воевали они с албанскими князьями и с рагузинцами. В 1391 году катарцы заключили союз с Рагузой, Дульциньо и Антивари; жители сих двух последних городов были известные морские разбойники. В начале XV столетия, когда турки завоевали все пограничные провинции, катарцы, опасаясь их, добровольно

отдались в подданство Венецианской республики на следующих, между прочим, условиях:

1) права, вера и закон остаются неприкосновенными;

2) на строение общественных зданий и жалованье гражданским чиновникам употреблять деньги из областных доходов; 3) Венециянская республика не может уступить их другой державе, и если не в силах будет защищать их, то народ снова остается независимым и властен избрать других покровителей. Венецияне в точности исполнили договор сей; бокезцы жили счастливо под их правлением и всегда были верными их подданными, венецияне, владея Катарой, в разные времена покорили Кастель-Ново с тремя округами, а Пастровичи и Ризано, сохраняя свои преимущества, добровольно отдались в покровительство Венеции. По уничтожении в 1797 году Венецианской республики Кампо-формийским трактатом, область Боко ди Катаро уступлена Римскому императору, но мужественные славяне воспротивились ему и отправили от себя в Вену депутатов. Венский кабинет утвердил все их преимущества, и генерал Луковина принял область от народных начальников коммунитатов (округов) на тех же самых условиях, на каких принадлежала она Венеции. В 1804 году французское правительство, вознамерясь занять Черногорию, назначило для сего 18-тысячный корпус, который должен был выйти на берег в Зупе у Будуа. Французские агенты, чтобы не иметь препятствия от жителей сего округа, недовольных австрийцами, уверили было их, что на то есть воля императора Всероссийского; но когда славяне узнали от посланного к нему по сему случаю в звании доверенной особы генерал-лейтенанта графа Ивелича, что такового согласия государь император отнюдь не давал, то они вооружились, и французы принуждены были оставить свое коварное предприятие. По Пресбургскому миру вторично и также несправедливо область сия

отдана Итальянскому королевству или, лучше сказать, Франции; народ вооружился и, как описано выше, безусловно отдался в верноподданство российскому императору. В 1807 году, по Тильзитскому миру, область сдана французским войскам. В августе месяце 1812 года жители Боко ди Катаро, узнав о вторжении французов в Россию, столь нечаянно и согласно напали на французские войска, что оные, не могши соединиться, были частью побиты, а остальные положили ружье. По желанию жителей всех округов подняли они на крепостях своих российский императорский флаг. И наконец, по решению Венского конгресса, область отдана Австрии.

Военное обозрение провинции Боко ди Катаро

Участь Катаро зависит от того, кто повелевает морем; без флота ни взять, ни удержать ее невозможно. Я уже сказал выше, какую превосходную военную позицию представляет сия провинция в отношении к политическим видам; теперь скажу, сколько нужно войск для защиты оной и с которой стороны взять ее можно.

2500 солдат, сколько мы тут их имели, весьма недостаточно; но 6000 егерей, приобвыкших к горной войне, с помощью черногорцев и приморцев, которые во время опасности могут выставить до 20 000 человек, в состоянии, кажется, будут отразить сильного неприятеля так, что самый искусный и решительный генерал с 30 000 человек лучшего регулярного войска ничего тут не успеет сделать. Рассмотрим теперь возможность нападения с рагузской и турецкой границы, полагая французов и турок неприятелями, не имеющими морской силы.

Со стороны республики Кастель-Ново есть самый слабый пункт; для чего должно от старой Рагузы сделать дорогу и привезть артиллерию, которую, поставив на высотах Сан-Кьяро и Св. Анны, отогнать бомбами флот от крепости;

после сего взять ее нетрудно. От Кастель-Ново в Катаро ведут две дороги: первая идет по берегу, к коему корабли, как и во всем канале, могут приближаться на картечный выстрел, и потому войску тут пройти невозможно; другая дорога чрез долину Камено, деревни Морине, Кривошие, оставя слева Леденицу, к Велинце представляет тропинку, удобную только для мулов, проложенную с горы на гору, с утеса на утес и с высоты 50 сажен по отвесу в пропасть, где не только должно подрыванием делать дорогу для артиллерии, но и ставить мосты для прохода людей. От селения Велинце в Катаро остаются еще две дороги: первая берегом Добротой, где также нельзя колоннам идти мимо кораблей, а делать под картечным выстрелом дорогу для провоза артиллерии очевидно невозможно. Последняя дорога от Велинце чрез высокие горы, принадлежащие Черногории на расстоянии пятидесяти верст, представляет трудности не меньшие перехода чрез Чёртов мост: тут должно поднимать пушки машинами, и потом, когда достигнет вершины горы, лежащей против Катаро, спускаться к деревне Скальяри по скату в 40 саженях от крепостных выстрелов. Положим, что неприятель уже пред Катаро, которая может быть атакована только со стороны Доброты, но тут горы, будучи отлоги к морю, открывают войска и траншеи (кои вырубать должно в камне) выстрелам кораблей, и потому ясно, что осада крепости, защищаемой флотом, есть химера. Скажут, что нет ничего невозможного, и приведут в доказательство, что Наполеон провел армию и артиллерию чрез Симплон и Ценис. Согласен, но он там делал дорогу и все, что ему было угодно, не быв ни от кого обеспокоен: здесь же, на каждом шагу, принужден бы он был сражаться с жителями, гораздо искуснейшими стрелками, нежели его вольтижеры; притом место не позволяет воспользоваться превосходной силой или искусными маневрами; по всей дороге нет воды, нет возможности жить на чужой

счет, ибо жителям собственно для себя едва достает продовольствия на 4 или на 5 месяцев, а для перевозки провианта и амуниции на тридцатитысячную армию потребно 12 или 13 тысяч мулов и лошадей: чем же их кормить? Кажется, самый честолюбивый полководец не предпримет такого похода, ибо и покорение провинции не принесет столько пользы, сколько потребуется на то жертв. Я не стану уже говорить, что могут предпринять турки: с некоторого времени сделались они очень благоразумны, а если бы пришла им охота к завоеванию сей провинции, то решительно сказать можно, что 50 000 янычаров положат тут свои головы.

Неприятель, господствующий над морем, высадив войска в порте Трасте, поспешив занять канал Ле-Катене, может, обойдя трудную дифелею у Скало-Санто, осадить Катаро и отрезать сообщение ее с Кастель-Ново. Словом, покорить Катаро гораздо легче с моря, нежели с сухого пути, ибо и жители, народ воинственный, охотно будут помогать тому, кто имеет флот для защиты их торговли, а тому, кто не имеет, сопротивляться.

Описание Черногории

Черногорцы, ведя беспрестанную войну с своими соседями, не впускают ни одного иностранца в свою землю. Путешественник, который пожелал бы снять местоположение, подвергся бы опасности потерять жизнь: они почли бы его за шпиона какой-либо державы, намеревающейся завоевать их. По сей причине из множества путешественников нет ни одного, который бы посетил Черногорию, и нет ни одного творения о произведениях ее, о правлении, нравах и обычаях жителей.

По занятии провинции Катарской нашими войсками бокезцы с черногорцами слились в один народ, и прежняя вражда их прекратилась. Один доктор из приморцев, человек

весьма просвещенный, будучи призван во внутренность земли для вспомоществования больным, оказал некоторую услугу губернатору Черногории и самому митрополиту и не упустил воспользоваться доверенностью, которую внушали жителям его звание и знание языка. Знакомство его со мной было для меня полезно; он охотно сообщал мне свои замечания. Доверенность черногорцев к россиянам, мое путешествие на горы и обращение с ними во время пребывания флота в Адриатическом море, доставили и мне случай собрать другие сведения, касающиеся до характера их и правления. Сличив замечания доктора с своими, поверил я мои записки на месте и, воспользовавшись показаниями архимандрита Вукотича, природного черногорца, и еще некоторых сведущих бокезцев, которые имели частые сношения и родственные с ними связи, особенно считаю себя обязанным многими верными подробностями о Черногории, равно и Катарской провинции, графу П. И. Ивеличу. При таковой помощи, будучи в состоянии составить точное и верное описание, я осмеливаюсь здесь оное предложить. Новость предмета вознаградит негладкость слога. Земля черногорцев не представляет ни надписей, ни развалин; известия о ее жителях не вмещают столь любопытных предметов, какие читатели находят в описании древней Греции, но часто полевой цветок бывает столь же душист, как другой, воспитанный в цветнике и оранжерее.

Границы, пространство и число жителей

Самое название «Черногория» означает гористую землю. Вся провинция покрыта горами и ограждена цепью высоких скал, которые, будучи покрыты еловыми лесами, придают им черный вид, от чего произошло название Черной горы (Monte Negro). Она лежит между Герцеговиной и Албанией и примыкается западной стороной к провинции Катарской. Нельзя точно положить пространства ее, ниже верно определить

число ее жителей, но приближенно можно сказать, что она имеет в окружности около 300 верст, 90 верст в длину, 50 в ширину и вмещает 500 квадратных миль земли; она разделяется на следующие пять округов, называемых жителями наин: 1) Катунская; 2) Лешанская; 3) Плещинская; 4) Риечкая; 5) Черницкая; к оным в 1796 году по разбитии митрополитом Махмута паши Скутарского; округ 6) Берда от Герцеговины присоединился к Черногории. Бердяне занимаются с успехом земледелием, не ходят на грабеж и защищают границы нового своего отечества с мужеством, заслужившим им уважение самих черногорцев. В сем округе находится большое село Белопавличи, где каждую неделю бывает торг.

Черногория единственная земля в Европе, в которой нет городов. Во всей области считается 116 селений, самое большое не имеет более 1000 душ. Население каждого села считается по числу могущих поднять оружие: и таким образом во всей Черногории полагают 15 000 воинов, могущих выйти в поле, а как они ведут жизнь совершенно военную и носят оружие с 16 лет до глубокой старости, то умножая число воинов вчетверо, целое народонаселение полагать надобно до 60 000. Уверяют, что в собственной земле они могут выставить 30 000 оруженосцев.

Деревни строятся в долинах и близ рек, в коих вода превосходна; дома в один этаж разделены на две части: в одной половине помещается домашняя скотина, в другой, где посреди поставлен очаг без трубы, живет семейство. Стены складываются из камней просто один на другой; только для малого числа двухэтажных и монастырей употребляется известь и черепица; прочие, будучи покрыты соломой, представляют бедные шалаши, коих лучшую мебель составляют черепы голов и оружие неприятелей, напоминающих молодым людям славу их отцов.

Монастырь Цетине, главное место пребывания митрополита, окружен стеной с прорезями и имеет несколько малых

пушек. Тут собирается народный сейм. Здесь хранятся грамоты, данные черногорскому народу, при каждом восшествии на престол наших императоров.

Монастырь Станевичи, подаренный венециянами, находится в округе Побори на границе черногорской; он также укреплен каменной стеной с бруствером, защищаемым пушками. Положение его от натуры неприступно. Церковь, построенная венециянами, украшена многими дарами российских монархов.

Климат

Суровость погоды, стужа и зной мало тревожат народ сей. Воздух свеж и здоров; он очень сух зимой, и сие, вспомоществуя гибкости тела, укрепляет и соделывает черногорцев способными к перенесению неимоверных трудов. Летние жары умеряются восточным ветром, который, начинаясь в полдень, прохлаждает и освежает жителей. Черногорцы достигают глубокой старости: я видел 70-летних при осаде Рагузы; они уверяли, что многие из них живут и за сто.

Болезни

Болезни очень редки между черногорцами: они обязаны сим своей воздержанности, чистоте воздуха, а более порядочной жизни. Они не танцуют по ночам на балах до утомления; страсти их не возбуждаются театральными представлениями; они не знают никаких наших прихотей модной жизни. От сего многие болезни даже и по имени им неизвестны. Лечение головной боли, простудной горячки, колотья и других болезней, случающихся во время походов их, от ударения солнечных лучей или от ветра, останавливающего вдруг испарину, оставляют они природе или употребляют полезные травы и коренья. Опыт научает некоторых простыми средствами вылечивать тяжкие болезни, и сие знание переходит от отца к сыну. Между ними есть ис-

кусные костоправы. Лечение ран заслуживает особенное внимание. К легким прикладывают паутину, мох и трут; к порезам — лист плюща или скорлупу чеснока. К тяжелым ранам делают катаплазм из травы, известной у нас под именем Иван-да-Марья (или иначе стенная трава), сжимая ее между двух каменьев; некоторые посыпают катаплазм солью, и от сего простого средства раны закрываются чрез 15 дней. Они не знают употребления ланцета, а отворяют кровь, как у нас лошадям: за ушами и в икре ноги бритвой. Когда от солнечных лучей болит голова, они пускают сами себе кровь из носа, перетянув шею снурком, толкают в нос свернутой бумажкой или травой. Невзирая на грубую пищу, беспрестанные войны, лишение пособий и недостатки, которым подвергаются в частых походах, они до самой смерти живут, не чувствуя почти никаких припадков. Простая жизнь, чуждая сует и напряжений ума, сберегает их здравие. Просвещенный или, лучше сказать, светский человек скорее делается жертвой страстей вредных ему и противных природе. Обязанности обычаев, сидение за науками, редкое на открытом воздухе пребывание, неумеренность в употреблении жирной и лакомой пищи, излишество забав, прихотливость, изнеженность, славолюбие, стыд, зависть и многие другие страсти, сильнее в нем действующие, мало-помалу изнуряют телесные силы его. Даже самые добродетели, чувствительность, сострадание, чадолюбие обращаются во вред, когда при расслаблении жил сильно потрясают душу. Но черногорец, ограниченный в своих желаниях, которые удобно может удовлетворять, живет счастливо и довольно. Когда отечество в опасности, драгоценная независимость его угрожается рабством, он без размышления поспешно берет ружье, сражается, освобождает его и тем оканчивает свою заботливость. Душа его, хотя также причастна страстям, подвержена добродетелям и порокам, но не с такой степенью чувствительности: он помогает ближнему, но не мучится его страданиями;

умирает за отечество, но умирает за него в сражениях, а не от уныния или сердечного сокрушения о его бедствиях; смерть друга, потеря жены или единственного сына, хотя и наводит ему сильную горесть, однако ж не такую, которая бы лишила его всей душевной твердости и, разруша крепость здравия, сделала его жертвой сего живого и нежного чувства. Словом, воспитание, приближая его к природе, которой он есть простое чадо, избавляет от множества болезней, проистекающих от образа нашей жизни и нашей чувствительности.

Произведения

Невзирая на частые набеги на своих соседей, отвлекающих от земледелия, и при всей бесплодности гор, несколько долин удовлетворяют достаточно нуждам жителей, производя хлеб, вино, винные ягоды, груши, яблоки, сливы, которые превосходны, коровье масло, сыр, кожи, шерсть, лен, воск, мед и пр. и пр. Нынешний митрополит, научив обрабатывать картофель, ввел его во всеобщее употребление.

Земледелие

Земледелие ограничивается простыми приемами, утвержденными опытом, и без улучшения, по одной привычке, пашни и сады довольно хорошо обработаны. Где нет дорог и земля гориста, работа должна быть многотрудна. Хлебные поля возделывают они киркой, а тяжести перевозят на лошаках и ослах. Лошади и быки очень редки. Овцы, в особенности же козы, которых содержат в большом числе, составляют главнейшее их богатство. По неимению лугов и недостатку корма, зимой принуждены они бывают продавать часть домашней скотины в Катаро, но весной, отнимая стада у своих соседей, они всегда заменяют свой убыток. По множеству и дешевизне домашних птиц, приносимых в Катаро на рынок, должно заключить, что они имеют их очень много.

Черногорские собаки весьма уважаются в Италии и во всем Леванте; головы их похожи на телячьи; они проворны, злы и так смышлены, что в самую темную ночь по обонянию далеко слышат чужого человека, и горе постороннему, который бы хотел ночью тихонько пробраться в селение! Днем стерегут они стада и столь свирепы, и сильны, что нападают сами собой на хищных зверей; ночью же охраняют деревню от внезапностей.

Торговля

Степень просвещения народа измеряется успехами земледелия и торговли. Сии два искусства подают одно другому взаимную помощь, и одно их соединение составляет силу и благосостояние царств, но какую деятельность могут доставить торговле черногорцы, которые не терпят сообщения с изобильными областями, их окружающими, и у коих хлебопашество находится в младенчестве? Они имеют сношения только с Катаро, единственным местом их торговли; да и сии заключаются в небольшой продаже и еще меньшей покупке. Сверх плодов, хлеба и масла они привозят бокезцам шерсть, шелк в куклах, лес, уголья и много соленой и копченой баранины и сыру, которые отправляются в Триест. Умеренность черногорцев сохраняет от собственного их продовольствия большую часть сих произведений. В обмен получают они ружья, пистолеты, свинец, порох, ножи и ятаганы, черепицу, коей зажиточные покрывают крыши своих домов, железные инструменты, писчую бумагу, соль, глиняные горшки, простую стеклянную посуду; еще покупают они пестрые лоскутья ситцу или шелковые платки, красивые шапочки, венецианский бисер для женщин и другие мелочные вещи. Вот чем ограничивается вся их торговля, которой выгоды всегда в их пользу и постоянно одинаковы с давнего времени. Из сего заключить можно, что золото скопляется со дня на день в их

земле и что тот, коего платье бедно, имеет небольшое сокровище, которое, не обращаясь, лежит зарыто в углу его дома. Торг производится меной или наличными деньгами, способ самый простой и верный; ибо, опасаясь обмана, они никогда не заключают договоров с людьми мало им известными. Жители коммунитата Доброты заслужили их доверенность; они берут от них наперед деньги или товары и обязуются доставлять в приличное время хлеб, рыбу или другие припасы, и верно держат данное слово. Обыкновенно они имеют таковые сношения с кумовьями и крестными братьями[39]; сие дальнее родство делает условия их священными и ненарушимыми. Кроме мелкой турецкой монеты, венецианских червонцев и австрийских серебряных талеров, они не берут никаких денег.

Науки, ремесла и язык

Черногорцы совершенные невежды. Умеющие читать и писать почитаются между ними людьми учеными. Высшее духовенство и те дворяне, кои служили в российской армии, довольно сведущи. Кроме священных книг, печатаемых в Киеве, они не читают никаких других. Свободные ремесла, кроме необходимых в жизни, также вовсе им неизвестны, ибо предметы роскоши становятся не нужными в грубом образе жизни, какую ведут они, подобно самым необразованным народам. В каждом доме из собственной шерсти и льну делается толстое сермяжное сукно и холстина. Одежда их не подвержена непостоянству мод: она всегда проста и одинакова, почему и не трудятся они для обрабатывания других изделий, им излишних. Имея необходимое, зная отчасти

[39] В залог дружбы они меняются крестами, и сие называется между ими *побратемо,* то есть крестный брат, почитаемый не менее родного.

кузнечное и слесарное мастерство, служащее для починки ружей, они живут в совершенном неведении других искусств и художеств. Женщины суть лучшие их ремесленники. Черногорцы, удержав вольность свою и имея мало сообщения с иноземцами, сохранили в полной чистоте коренной славянский язык. Выговор их мягче и приятнее, нежели сербов, кроатов и далматов, ибо первые мешают славянские слова с турецкими, вторые с немецкими, а последние с итальянскими. Пишут они церковными буквами.

Правление

Черногория есть республика, в коей равенство поддерживается бедностью, вольность — храбростью, закон заменяется обычаем. Сия малая область представляет образ правления без печатных уставов. Черногорцы, не платя никаких податей, не собирая общественной казны, управляются сами собой и живут покойно и счастливо. Правление Черногории можно назвать народным и избирательным. Сейм, или сбор главарей, есть драгоценнейший залог их независимости; на оном решится мир, война и большинством голосов избираются как сам митрополит, так губернатор и 4 сердаря или военачальника. Вот как это делается: когда соберутся на обширный луг, находящийся при монастыре Цетине, митрополит излагает нужду объявить войну, заключить мир или сделать какое-либо постановление и спрашивает, согласны ли они или нет. Священники и главари, разошедшись по толпам, повторяют предложение слово в слово. Начинается беспорядочный шум; народ рассуждает, толкует, спорит, но никогда не случалось, чтоб, подобно другим народным депутатам, рубили тут уши и носы. Звон колокола повелевает замолчать, и как бы спор ни был силен, но при первом звуке настает совершенная тишина. Митрополит опять спрашивает, чем они решили и согласны ли на предложение. Обыкновенно следует ответ: «Буди по-твоему, владыко!» (так они

называют митрополита). Достоинство владыки и губернатора сделалось наследственным, ибо уважение, которым они пользуются, число их доброжелателей и частью искательство, доставляют сие звание и детям их или родственнику, которому они хотят передать свой сан. Таким образом, в фамилии Петровичей и Радоничей уже с давнего времени утвердилось сие звание. Сердари избираются на жизнь и весьма уважаются по тому, что в них предполагается храбрость и искусство, доказанные опытами во многих сражениях. Чин сей не может сделаться наследственным, ибо каждый черногорец, почитая себя храбрым, ищет его. Князья или главари деревень избираются старейшинами семейств; иногда и сии удерживают титулы для детей своих, если они того достойны и будут выбраны. Князья сии, имея пышный титул, не более, как наши деревенские старосты или выборные. Губернаторы, сердари, не имеют ни почестей, никаких преимуществ, никакого знака отличия или вознаграждения, и малое имеют влияние на правление; они приглашаются посредниками в легких ссорах и участвуют на сеймах, ибо без согласия их, как народных представителей, не может быть решено никакое постановление. Верховная духовная и гражданская власти перешли в руки митрополита; но единственно потому, что он заслужил оные своим просвещением, а более мужеством и твердостью; ибо в противном случае власть его сделалась бы ничтожной, и народ, будучи чем-либо недоволен, не стал бы ему повиноваться. Из сего должно заключить, что правление нынешнего владыки справедливо и кротко. Образ внутреннего гражданского правления сходствует совершенно с древним патриаршеским: старейшины или отцы семейств имеют полную власть над своими домочадцами. Здесь нет наследственного дворянства, все имеют равные преимущества и последний черногорец может быть на время князем, сердарем и губернатором. Однако же те из них, кои за службу получили дворянство от сербских королей или занимали

должность представителей народных, хотя и не имеют дипломов и никаких преимуществ, но, происходя от отцов, почтенных титлом, всюду дающим достоинство дворянина и соединенные с оным права, по справедливости должны быть признаваемы за благородных.

Законы

Под словом «законы» я разумею то, что заменяет оные. Здесь нет ни судей, ни прокуроров, ни стряпчих, и может быть, к удивлению многих, должен сказать, нет никаких тяжеб. Собственность переходит по наследству к детям мужеского пола: старший получает дом и заведения, младший выбирает лучшую часть земли; они никогда не продают ее, живут обыкновенно вместе, хозяйство имеют общее; обычай заменяет завещание и каждый благоговейно соблюдает достояние отцов своих. Окруженные неприятелями, знают, что согласие составляет их силу, и потому ссоры у них редки. Славные своим грабительством у неприятелей, воровство в своей земле почитают бесчестным и преступлений сего рода почти никогда не бывает. В случае же кражи они прибегают к священнику, который после обедни, зажегши свечу черного воска, требует возвращения покраденных вещей и угрожает проклятьем. Вера у сего неразвившегося народа так сильна, что при третьем провозглашении большая часть виновных падает на колени и признается. Кроме публичного покаяния не налагается на них никакого наказания, но общественным мнением лишается он уважения: его бегают, как язвы, и даже семейство его теряет к нему доверенность. Преступник, утратив честь, впадает в уныние и обыкновенно сам себя убивает или оставляет дом и отечество.

Черногорцы, как и бокезцы, весьма чувствительны к чести, злобны и мстительны. Хвастливость их не уступает французскому самохвальству. Всякая ссора начинается бранью, а кончится тем, что они стреляют друг в друга из ружья или

рубятся на саблях. У некоторых приморцев, более просвещенных, предупреждая неприятеля, вызывают его на смертельный поединок. У черногорцев же, если один будет убит или ранен, родня отмщает за него, что они называют кровь за кровь. Если не могут убить явно, то под видом дружбы всякой хитростью стараются достигнуть своей цели. Вдова убитого хранит кровавую рубаху, дабы сына своего, когда он возмужает, подвигнуть к мщению, и как случается, что убийца оставляет свое Отечество, то мстят на его ближнем. Сей невинный находит новых мстителей; таким образом, вооружаются целые селения, и тогда ни губернатор, ни сам владыка не в силах остановить кровопролития. Обычаи сии напоминают те варварские времена XI и XII столетий, когда право сильного почиталось справедливостью, а не преступлением, и когда люди, не следовавшие сему обычаю, предавалися презрению. Но сии кровопролития не слишком часты; они предупреждаются следующим способом, который также служит и в других ссорах: обе стороны посылают переговорщиков для установления суда, что они называют послать на веру. Согласившись на мир, избирают посредников поровну с каждой стороны. Число их по доброй воле простирается от 10 до 40. Судьи сии, соединившись, выслушивают подробно о деле и считают выстрел ружья или удар саблей не по вреду, который он причинил, а по тому, какой бы он мог сделать, и по здравому суждении и разбирательстве произносят торжественный приговор, не подверженный никакой апелляции. Виновный осуждается заплатить денежную пеню; за одну рану 10 червонных, за две 20, а за убийство 120 червонных, но если преступник не в состоянии внести таковую сумму, то за раны платят только то, чего стоило лечение, а за убийство подносят обиженному подарки, состоящие в оружии и лучшей одежде. В смертоубийстве, для доставления большого удовлетворения, заставляют преступника оказать уничижи-

тельное смирение, или, так сказать, просить публично прощения. Для сего судьи и присутствующие составляют большой круг, в средину коего осужденный, имея повешенное на шее ружье, саблю или кинжал, должен ползти на коленях к стопам оскорбленного, который, сняв с него оружие, поднимает и, обняв его, говорит: «Бог тебе простит!» Присутствующие кликами радости поздравляют примирившихся и два соперника после сего искренно позабывают свою вражду. По примирении виновный угощает всех судей и несет издержки сего пышного праздника. Должно заметить, что при подобных суждениях (которые они называют кровавое коло или кровавый суд) нет лицеприятия: тут деньги не могут подписать приговора, ибо страх мести, как бы кто ни любил оных, поневоле заставит быть беспристрастным.

Муж, убивший преступную жену, точно так, как и пойманного вора, не подлежит законному наказанию; если же, по разбирательстве между родными, окажется она невинной, он платит кровь за кровь отцу или брату, или и его убивают. За убийство женщины, по примирении, сделав уничижительный приговор, не платят кровавой дани. Девица, прежде замужества родившая, побивается каменьями, и отец или брат бросает первый камень, а соблазнитель расстреливается своими ближними. В тяжбе, где требуется 12 свидетелей, за недостатком сего числа, должно подвергнуться водяной пробе или отступиться от дела. Для сего кусок раскаленного железа, брошенного в котел кипящей воды, должно достать обнаженными руками.

Император Павел I повелел учредить постоянное судилище под именем Кулук, состоявшее из 60 избранных старцев, и определил им на жалованье 2000 червонных. Почетные сии судьи должны были разбирать все гражданские и уголовные дела, но как с одной стороны судьи, получающие жалованье, производили в других зависть, и искательство сих

мест причиняло беспорядки, а с другой и подсудимые, привыкшие по своему желанию выбирать себе судей, не соглашаясь подвергнуться суждению Кулука, то оное верховное судилище, по приказанию императора, на другой же год уничтожено.

Вера

Черногорцы прибежны к Богу. Вера их проста и искренняя; они не пропускают праздника, чтоб не быть в церкви, не предпринимают никакого дела, не перекрестившись, и, хотя немногие знают читать «Отче наш», но слепо исполняют долг христианина. Молитва, милостыня и примирение с врагами пред святым причастием, суть добродетели, довольно уже смягчившие их дикий нрав. Посты строго ими наблюдаются. При умеренном образе жизни, оные для них не затруднительны. Обряды богослужения греческой веры те же самые, что и у нас; они не уважают образов, писаных на холстине и стенах, кажется, единственно по тому, что такие употребляются католиками. Притеснение греческого исповедания в Катаро, и (едва ли вероятный) поступок католиков, которые, как говорят они, за сто лет пред сим, в Рагузе, в праздник Пасхи, зажгли греческую церковь, в коей погибли все бывшие у заутрени, питают сию вражду.

Праздник Рождества

Из числа церковных торжеств, которые вообще сходны с нашими, обряд, бывающий у них на праздник Рождества Христова, относится к самой отдаленной древности и, кажется, сохранился от первых христианских времен. Накануне каждое семейство при закате солнца приготовляет толстое дубовое бревно, местами расщепленное и украшенное лавровыми ветками. Старейшина с своими домочадцами кладет полено на очаг и, когда оно загорится, льет масло и вино и

бросает горсть соли и муки на огонь; потом, засветив оным свечи и лампаду пред иконами, молит о благоденствии своего семейства и всех христиан. После берет кубок вина, отведывает немного, подает старшему сыну, сей передает другому; и кубок обходит вокруг без различия пола, — обстоятельство особенное, ибо женщины, исключая церковных обрядов, не допускаются в сообщество мужчин. Сия патриархальная молитва показывает веру их к небесному промыслу и ожидание изобилия плодов земных. По окончании обряда мужчины выходят на высоту, стреляют из ружей и громким голосом возвещают начало торжества. В сие время зритель поражается звуками выстрелов и кликами: «Христос родился!» В одно время в каждом селении и во всей Черной горе начинается стрельба. После сего садятся за сытый стол, посреди коего положены один на другой три хлеба в виде сахарной головы, на вершине которой втыкают зеленую лавровую ветвь с апельсином или яблоком. Пред каждым мужчиной положен сделанный или вырезанный из хлеба лук со стрелой, готовой лететь. Старожилы дают сему разное значение, но вероятно, что лук знаменует подвиги их предков, а лавр приобретенную ими славу. Праздник продолжается восемь дней, в продолжение которых, как и во время Пасхи, стол, сделанный из настланной соломы, не снимается, яства готовы для угощения посетителей, странника и бедного. В сии дни черногорец оставляет воздержанность, не думает о будущем, забывает настоящее, забывает самого себя и издерживает столько, сколько было бы ему достаточно на многие месяцы. Браки и крестины доставляют новые, не столь пышные пиршества, но в Рождество и беднейший, дабы удовлетворить издержкам, продает что-нибудь; даже траур от того не освобождает; вся разность в том, что печальное семейство не стреляет из ружей и не выходит из дому посещать друзей своих.

Духовенство

Монахов в Черногории весьма мало. Они ведут строгую, совершенно затворническую жизнь. В сей сан посвящаются особы из именитейших граждан; они занимаются учением, довольно просвещены, ибо надеются достигнуть митрополитского достоинства, и участвуют на сейме в выборе владыки. Они разделяются по 4 монастырям, находящимся в Цетине, Станевичах, Берчели и на речке Чернице. Светское духовенство едва умеет читать и совершать службу и в одежде не различается от народа. Священник, входя в церковь, снимает на паперти свое оружие и берется за него первый при клике: «Кто есть витязь!» Они отличаются храбростью, и потому большей частью, по избранию своих прихожан, начальствуют отрядами. Священники, кроме сана, весьма уважаемого, не имеют никаких посторонних доходов, а довольствуются своим достоянием, и никогда не отделяются от своего семейства.

Епархия

Достоверные писатели полагают основание здешней епархии в XIV столетии. Одни приписывают оное императору Стефану из дома Нейманья, другие — Стефану, королю Сербии, который, дабы иметь в стране сей более приверженцев, возвел архиепископство Цетинское на степень митрополии, зависящей от патриаршества Константинопольского. Римские писатели уверяют, что Македоний, один из греческих епископов, в 1640 году написал покорную грамоту папе Урбану VIII, но не видно, чтобы он, ниже преемники его, искали соединения с западной церковью. Напротив, независимость черногорских митрополитов явствует и из того, что в 1720 году, во время посвящения одного из них, султан послал своего чауша засвидетельствовать ему свое уважение и уверить в своем доброжелательстве. Нынешний митрополит, покровительствуемый императрицей Екатериной II, умел

склонить Иосифа II к утверждению духовной своей независимости. Петр Петрович получает от двора нашего значительное вспомоществование; прочие его доходы, состоящие в приношениях и сборах с его собственного имущества, могут простираться до 40 или 50 000 рублей.

Нынешний митрополит

Влияние митрополита Черногорского на славянские народы Сербии, Боснии, Герцеговины и Далмации, содействие его с нашими войсками в войне против французов, сделают, может быть, подробности о нем занимательными.

Петр Петрович родился в 1753 году, в селении Негуш близ Катаро. С малолетства назначенный быть главой республики, он воспитывался в С.-Петербурге в Невском монастыре; сие воспитание, при природных дарованиях, сделало его достойным сего сана. Проходя все чины духовного звания, в 1777 году, в Вене, он был принят императором Иосифом II благосклонно и в том же году в Карловице посвящен в митрополиты. Отправясь из Вены в С.-Петербург, хотя вспомоществуем был аббатом Долчи и рагузинским графом Зиновичем, но предложения его не имели успеха. В другой же раз при дворе Екатерины Великой был он принят с отличным вниманием. При вторичном возвращении из Петербурга, во время Турецкой войны 1789 года, он сделал диверсию в Боснии и Герцеговине, а в 1788 году влиянием и внушениями отвлек войска паши Скутарского от участия в войне против России. Сия преданность обратила на него милости императрицы. Славное разбитие Магмута, паши Скутарского, еще более сделало его известным. Император Павел I также был к нему милостив и украсил его орденом Св. Александра Невского. В сем 1806 году наиболее ему обязаны приведением в подданство жителей Катаро. Император Александр I, кроме многих щедрых подарков, за отличную

его храбрость, при защите Катарской области оказанную, пожаловал ему богатый клобук митрополита.

Петр Петрович немалого роста, имеет стан стройный, лицо румяное, вид привлекательный, наружность важную и глаза, исполненные живости. Я имел случай видеть его при въезде в Катаро, когда он был в церкви, на вахт-параде, при осмотре укреплений и в доме губернатора генерала Пушкина; видел его в сане первосвященника, владетельного князя, генерала, инженера, обходительного придворного, и могу сказать, он не похож на Петра Пустынника, собравшего воинство крестоносных рыцарей, он один в свете архиерей, согласующий в себе достоинства, столь противоположные пастырскому жезлу. В церкви, когда с важностью сел на приготовленный ему трон, он был царь. В доме у генерала, черное бархатное полукафтанье, подпоясанное богатым кушаком, на коем висела сабля, украшенная драгоценными каменьями, круглая шляпа и Александровская лента чрез плечо, представляли его более генералом, нежели митрополитом, и в самом деле он с большой ловкостью повелевал пред фронтом на вахт-параде и при осмотре постов крепости, нежели с небольшой уклонкой благословлял подходивших к нему офицеров. Он всегда окружает себя многочисленной свитой; витязи его или гвардия — настоящие исполины, чудо-богатыри; самый меньший из них не менее 2 аршин 12 вершков; впереди шел великан росту 3 аршин; оружие их блестит золотой насечкой, перламутром и кораллами; одежда вся обшита позументом и залита серебром. Петр Петрович говорит по-итальянски, по-французски и по-русски, точно как на своем природном славянском языке, но по своей политике и сану полагает приличнейшим употреблять в публичных переговорах, для первых двух, переводчиков. Он чужд предрассудков и суеверия, любит просвещение, находит удовольствие беседовать с иностранцами, внимательно

наблюдает ход политических происшествий в Европе, умеет пользоваться обстоятельствами и искусно вывертывается из трудных дел. Путешествия его, просвещение и природная острота придают разговору его ясность и приятность, а обхождению самую тонкую вежливость и важность. Ум его в беспрестанной деятельности; властолюбие управляет всеми его деяниями и помышлениями. По всему кажется, что он весьма расположен к завоеваниям. Политические и военные его дарования и дух его народа могли бы обнадежить в успехе, если бы он был в состоянии приучить черногорцев в подчиненности, без которой и храбрость их бесполезна. Возвышенным умом, мужеством и твердостью он сделался царствующим самовластным владыкой. Воля его почитается законом, и черногорцы слепо ему повинуются; они боятся его взора, и, исполняя его приказание, говорят: «Тако Владыка заповеда». Таким образом, соединив в себе гражданскую и духовную власть, он сделал много добра своему отечеству и прекратил частые смертоубийства и буйства. Впрочем, власть его кротка: непослушных предает он проклятью, и если в это время умирает кто-нибудь скоропостижно, то легковерный народ говорит: «Гнев Божий поразил его; конечно, он был виновен!» Венецияне и австрийцы не признавали его владыкой Цетинским, Скандерийским и приморским, то есть митрополитом Черногорским, Албанским и Бокезским, может быть, потому, что последние две области не принадлежали ему; но он влиянием духовной своей власти умел привести их в опасение, заставить уважать сам свой и искать его дружбы и расположения. Во время войны он лично предводительствует войсками и почитается столь же искусным политиком, как и генералом.

Образ черногорской войны и их тактика

Черногорец всегда вооружен: в самых мирных занятиях он имеет при себе ружье, пистолеты, ятаган и сумку с патронами. Ношение оружия на Востоке почитается знаком отличия и принадлежностью независимости. В свободное время упражняются черногорцы в стрелянии в цель и приучаются к оному с младенческих лет. Даже в играх и увеселениях их виден воинский дух. Бесспорно, от всех признаются они искуснейшими стрелками. Привыкши к трудам и недостатку, с веселостью и без утомления делают суворовские марши; опираясь на конец длинного своего ружья, перепрыгивают широкие рвы и переходят такие пропасти, где для других войск должно бы строить мосты; с легкостью восходят на неприступные скалы; терпеливо сносят голод, жажду и всякие нужды. Когда неприятель разбит и ретируется, они обгоняют его так скоро, что сим заменяют конницу, которой в здешних горах иметь невозможно.

Подобно мальтийским кавалерам, ведут они вечную войну с турками. Обитая в горах, представляющих на каждом шагу трудные дефилеи, где горсть храбрых может остановить целую армию, они не боятся стоять на страже и в 24 часа все воины могут собраться на место угрожаемое. Если неприятель силен, они жгут села, истребляют свои поля и заманивают его в горы, где, окружив, нападают с отчаянной храбростью. Черногорцы в опасности отечества забывают личность, свою пользу и частные вражды, повинуются начальникам и, как мужественные республиканцы, почитают счастьем, Божеской милостью, умереть в сражении. Здесь они являются истинными воинами, вне отечества дикими варварами, предающими все огню и мечу. Понятие их о войне совершенно различествуют от правил, принятых просвещенными народами. Они режут головы неприятелям, попавшимся в руки их с оружием в руках, и дают пощаду

только тем, кои прежде сражения добровольно отдаются. Отнятое имущество почитают своей собственностью и наградой храбрости. Сами же сражаются, в полном смысле слова, до последней капли крови. Никогда черногорец не просит пощады; если же он тяжело ранен, и не можно спасти его от рук неприятеля, то товарищи отрезывают ему голову. При нападении на Клобук, небольшой наш отряд принужден был отступить. Один из офицеров, дородный и уже в некоторых летах, упал в землю, изнуренный усталостью. В сию минуту прибегает к нему один черногорец и, вынув свой ятаган, говорит ему: «Ты очень храбр и желать должен, чтобы я отрезал тебе голову. Сотвори молитву, перекрестись...» Пораженный удивлением и ужасом офицер собирает силы и с помощью того же черногорца скоро догоняет своих. Всех попавшихся в плен почитают уже убитыми. Раненых своих выносят из сражения на плечах, и к чести черногорцев должно сказать, что таким образом спасали они наших офицеров и солдат. Подобно черкесам, малыми партиями единственно для отнятия скота делают они беспрестанные набеги и почитают это молодечеством. В сих сшибках ни один из соседей сравниться с ними не может. Будучи безопасны в своих жилищах, где уже с давнего времени никто не осмеливается их беспокоить, они безнаказанно продолжают грабительства, пренебрегают угрозами Дивана и ненавистью своих соседей; словом, имя черногорца наводит ужас.

Оружие, небольшой хлеб, сыр, чеснок, немного водки, старое платье и две пары сандалий из сыромятной кожи составляют весь багаж черногорцев. В походе не ищут они защиты ни от солнца, ни от холода. Во время дождя черногорец, завернув голову струкой (суконная шаль) на том же месте, где стоит, свернувшись в клубок, ничком и стоя на коленях, имея ружье под собой, спит весьма покойно. Три, четыре часа ему достаточны для подкрепления сил, прочее

время беспрестанно ночь и день нападает. Их никогда не можно удержать в резерве; кажется, они не могут сносить виду неприятеля. Когда расстреляют патроны, то с покорностью просят их у всякого встречающегося с ними офицера, а получив оное и браня Бонапарта, стремглав бегут в переднюю линию. Если неприятеля не видно, то они поют и пляшут или занимаются грабежом, в чем (должно отдать им справедливость) они весьма искусны, хотя и знают пышных названий: контрибуция, реквизиция, насильственные займы и тому подобное. Грабеж называют они просто грабежом и отнюдь в том не запираются.

Вот как сражаются сии нерегулярные войска: будучи в превосходном числе, не прежде нападают скрытой силой, как употребив хитрость. Для сего скрываются в оврагах и высылают только малое число стрелков, которые отступая, заводят в засаду, где, окружив неприятеля, предпочитают белое оружие, поелику сила и отважность делают успех для них более надежным. Если же они слабее, то выбирают выгодное положение на высоких скалах, откуда, произнося всякие ругательства, вызывают на бой. Большей частью нападают они ночью, ибо система их есть нечаянность. Впрочем, как бы они малочисленны ни были, стараются утомить неприятеля беспрестанным сражением. Читатель после увидит, что лучшие французские вольтижеры на передовых постах всегда были истребляемы, и неприятельские генералы нашли удобнейшим стоять под защитой пушек, которых черногорцы не жаловали. Однако ж скоро к оным привыкли и с подкреплением наших егерей смело всходили на батареи. Тактика черногорцев ограничивается меткой стрельбой. Небольшой камень, яма, дерево укрывает их от неприятеля. Стреляя большей частью с земли, берегут они себя, и верный, скорый их выстрел несет смерть в сомкнутые ряды регулярных войск. Сверх того, они отличаются хорошим глазомером, умеют

пользоваться местоположением, и как сражаются, обыкновенно отступая назад, то французы, почитающие сие трусостью, всегда обманывались и попадались в засады. Напротив того, они так осторожны, что самые хитрые маневры обмануть их не могут. Они слышат неприятеля, так сказать, по обонянию и усматривают его тогда, когда едва только можно рассмотреть движение его в зрительную трубку. Чрезвычайная дерзость их торжествовала над искусством опытных французских воинов. Нападая на колонны с флангов и фронта рассеянно, следуя внушению личной смелости, они не боялись ужасного батального огня французской пехоты. Генерал Лористон желал двух черногорцев, попавшихся в плен, отправить в Париж на показ; но один из них разбил себе голову об стену, а другой уморил себя голодом.

Из сего заключить можно, что черногорцы, вне гор своих, не могут противостоять регулярным войскам единственно потому, что, предав все огню, они не долго могут быть в поле. Храбрость их в содействии с нашими войсками и плоды победы терялись от их беспорядка. При осаде Рагузы не можно было узнать, сколько их было под ружьем, ибо беспрестанно одни уходили домой с добычей, другие возвращались оттуда и после нескольких дней неутомимых трудов с какой-нибудь безделицей отходили в горы. С ними нельзя идти в дальний поход, и потому ничего важного предпринять невозможно. Впрочем, по своей способности к горной войне, без всякого сведения в тактике, во многом имеют они преимущество над регулярными войсками. Во-первых, они одеты легко, чрезвычайно метки в стрельбе и заряжают ружье свое гораздо скорее солдат, которые, имея ружье с прямым прикладом, не всегда умеют попадать в цель. Черногорцы же в жару сражения, лежа и рассеявшись, стреляют на соединенный фронт. Потому-то в числе 100 или 150 человек неустрашимо нападают они на колонну, из 1000 человек состоящую. В правильном сражении по одним знаменам можно судить об их

движении. Они имеют условленные крики, дабы соединиться и напасть вдруг на слабую сторону. От главного знамени, носимого при митрополите, голосом дают они знать, что должно делать. Тогда внезапно бегут вперед, с дерзостью врубаются в каре и почти всегда причиняют беспорядок. Представьте дикий вой, ободряющий черногорцев, ужасающий французов, и присовокупите к тому отрубленные головы, висящие у них на шее и за плечами! Все сие должно произвести, как мне кажется, ужасное действие. В авангардных перестрелках, в снятии пикетов, а всего лучше в истреблении неприятельских запасов, черногорцы могут служить при армии с большой пользой; а если подчинить их военному порядку, что не невозможно, то с 100 000 таких воинов, можно бы дать хороший урок лучшим регулярным войскам.

Образ жизни, нравы и обычаи

Жизнь черногорца единообразна. Пробуждаясь с зарей, он оканчивает день с захождением солнца; когда же ночи бывают длинны, то с семейством своим проводят несколько времени у очага, где горящая ель служит ему вместо свечи. Война есть главная страсть. Деятельность, предприимчивость и храбрость их внушают ужас, но сколь жестоки они против неприятеля, столь кротки и миролюбивы в доме. Посреди трудов и когда бывает один черногорец имеет вид угрюмый и важный, в обществе же всегда весел и охотно предается радости. Вина у них много, но пьют его умеренно и никогда не упиваются до потери чувств. Говоря с знатными иностранцами, они не показывают ни низости, ни дерзости, и, что всего удивительнее при таком невежестве, очень остроумны и изъясняются с ловкостью и приятностью. Черногорцы не имеют понятия о неравенстве состояний, и потому, не исключая и начальника, которому обязаны повиноваться только в сражении, они обходятся очень свободно и кланяются ма-

лым наклонением головы и движением руки с такой приятностью, как бы учились у танцмейстера.

Гостеприимство, святая добродетель всех народов, от корени славян происходящих, у черногорцев почитается должностью. Странник, которого буря застигла в дороге, требует его у первого дома, и если в деревне нет знакомых, то обыкновенно идет он в дом князя. Не спрашивая ни имени, за чем и куда идет, хозяин потчевает гостя, чем может, жена или младшая в доме невестка умывает ноги и, положив обе руки на его плечи, ожидает приказания и служит ему вместо служанки; отходя, в знак благодарности, гость, потрепав хозяина по плечу, говорит: «Спасибо, земляк, подлинно у тебя добрая жена». Черногорец не может отказать в гостеприимстве смертельному врагу, убийце сына своего, и, приняв, оказывает ему должное внимание. Подобно древним рыцарям, будучи связан честным словом, хранит тайну, ему вверенную, от друга или врага с равной точностью.

Старости отдается величайшее уважение. Начальником селения вообще бывает человек самый пожилой. Юноша встает при входе старца и почтительно целует ему руку; женщины целуют руку у мужчин, а стариков целуют в лоб, в правое плечо и руку. Чувства сыновней любви обязывают еще к большему почтению: превосходный обычай, который, укрепляя связи общества, покрывает цветами путь, ведущий к гробу! Храбрость против неприятеля и сей обычай черногорцев напоминает счастливые дни Спарты.

К стыду просвещенных народов, черногорец имеет уважение к жене ближнего. Иосиф здесь не редкость, ибо жен Пентефрия совсем нет. Женщины почитаются низшим созданием. Апостольские слова: «Жена да боится своего мужа» здесь в полной мере исполняется. Черногорец требует от жены своей беспрекословного повиновения и хочет, чтобы она служила ему раболепно. Впрочем, обходятся они с же-

нами снисходительно и без гостей допускают к столу. Женщины имеют довольно свободы; они не прячутся от мужчин, как у бокезцев; только девицы, кроме церкви, и то на великий праздник, никуда из дому не выходят. Жена, принимая фамилию мужа, и по отчеству зовется его же именем. Походы, поездки в Катаро и частые отсутствия мужей благоприятствуют распутству, но женщины целомудренны, может быть, отчасти и по необходимости, ибо верная смерть угрожает им и любовникам их за неверность. Впрочем, черногорцы такое имеют уважение к нежному полу, что считается великим бесчестием и низостью обидеть женщину, и потому-то употребляют их для посылок и часто шпионами. Красавица в лагере черногорском может быть столь же покойна и безопасна, как под надзором своей матери; почлось бы великим бесчестием для того, кто вздумал бы влюбиться в нее. В походе жена мужу несет съестные припасы; имея кинжал и пистолет, в случае нужды умеет ими защититься. Мать даже до забвения печали хвалится ранами своего сына, и, хотя она больше мать, нежели республиканка, однако ж ближе всех сходствует в сем случае со спартанкой.

Словом, черногорец, будучи трезв, гостеприимен, почтительный сын, нежный отец, добрый брат, супруг властительный, но раб своего слова, имеет еще столько добродетелей, что зверство его к другим перевешивается счастьем домашней жизни, которая напоминает нам золотой век и доблести наших праотцов. Он, хотя и любит жену, детей, оставляет их с крайним прискорбием, но, любя еще более отечество, разлуку с ними переносит с твердостью; отечества же своего ни за какое в свете благополучие не решится оставить. Адмирал (Дмитрий Николаевич Сенявин) в короткое время приобрел от них неограниченную доверенность: он не только успел в том, что они перестали резать пленным головы и уже приводили их живых, но сверх всякого ожидания с помощью

митрополита уговорил их предпринять поход морем, чего прежде никогда не делывали. Рота черногорцев посажена была на корабль «Москву». С великой трудностью убедили их положить оружие в сундук, и, несмотря на то, что обходились с ними снисходительно ласково, они причиняли немалое беспокойство. Когда капитан приглашал их начальников на завтрак, то все они без приглашения входили в каюту. Заметив же, что офицерам подают на стол больше блюд, нежели матросам, они хотели, чтоб и им тоже давали. По взятии крепости Курцало, праздник Рождества приближался; они не давали капитану покою и просили, чтобы поскорей шел в Катаро; когда растолковали им, что корабль при противном ветер идти не может, то они впали в мрачное уныние и сидели, повесив голову; когда же корабль приблизился ко входу, они, узнав Черную гору, произнесли радостный крик и начали опять петь и плясать. Прощаясь, с признательностью обнимали капитана и офицеров и всех, кого они больше полюбили, настоятельно приглашали к себе в гости; когда матросы им отвечали, что без позволения начальника нельзя им отлучиться, то они с удивлением говорили: «Если ты хочешь, то кто имеет право запретить тебе сие».

Черногорцы верят сновидениям, ворожеям и колдовству. Если жена видела во сне, что муж подвергается какой-либо опасности, то сей отлагает задуманное им предприятие. Сим образом хитрость женщины заменяет похищенную у нее свободу и повелевает с кротостью тем гордым мужчиной, который почитает низостью поцеловать руку красавицы! Пролитое на стол масло значит дурное предвещание, в отвращение коего, в полнолуние старая ворожея произносит некоторые таинственные слова. Ладанки на шее суть талисманы, охраняющие от нечистой силы, и от пули неприятелей.

Черногорки чрезвычайно трудолюбивы; летом разделяют полевые работы с мужчинами, зимой ткут холст и делают

сермяжные сукна, одевают себя и мужей, и во всех простых рукодельях довольно искусны. Они так здоровы, что совсем не чувствуют припадков беременности, и в самый день родов продолжают работать. Дети стерегут стада; когда подрастут, помогают в трудах родителям, и в 16 лет идут на войну.

Наружность и одеяние

Самый вид черногорца показывает мужество. Они вообще великорослы, имеют широкие плечи, сухое тело и особенную стройность всего стана. Черные волосы, смуглое лицо и усы придают взгляду их вид воинственный и самую мужественную приятность лица. Мужская одежда состоит из белого сермяжного кафтана, подобного нашему, и называется белача; летом холстинная исподница, какие носят наши крестьяне, синего цвета, а зимой суконная. Русская рубаха закрывает их до колен; в зимнее время подшивается она кожей; на голове или лучше на теме носят красную шапочку с шелковой черной кисточкой. Шаль, называемая ими струка, или длинный лоскут толстого сукна служит им вместо одеяла, постели, от дождя, жару и холоду. На рубахах они не носят камзолов; кусок сыромятной воловьей кожи, привязанной к ступне ремнями, составляет род древних сандалий, называемых ими опанки; летом ноги голы, а зимой обертываются онучами. Кафтан туго подпоясывают албанской портупеей с сумками. Они носят за поясом пару пистолет, ятаган, кинжал и ножик; сабля привязывается на спине в горизонтальном положении, ружье сохраняют от дождя в кожаном мешке. Самый бедный имеет оружие, украшенное перламутром, серебром и кораллами; оно составляет все их богатство и щегольство. Черногорец не выйдет из дому, чтобы не осмотреть, есть ли порох на полке, исправны ли кремень и курок. Впрочем, о своей наружности мало пекутся, их дыхание далеко распространяет запах чеснока и свиного сала. В грязи и в

крови, какими видел я их в лагере при осаде Рагузы, они наводят ужас.

Женщины малы ростом, но пригожи и очень миловидны. Они одеваются почти так же, как мужчины, только летом еще легче; тогда они носят одну рубашку, которая закрывает их грудь, а спереди разноцветная панява или передник, снизу украшенный длинными снурками. Девицы заплетают косу и красивые свои шапочки украшают по краям монетами; такое

же или бисерное ожерелье составляет лучший и любимый их наряд. Кафтаны их без рукавов, как турецкий тюник; низ рубашки и широкие рукава вышиваются очень красивым узором [40] . Вельможи и народ, богатый и бедный, имеют одинаковое платье с той только разницей, что некоторые носят серебряные пуговицы и на ногах бляхи, а замужние женщины сверх шапочки носят платок.

Браки

Чувство, которое усугубляет наслаждения, дарует человеку новое бытие, любовь не приготовляет и не сопровождает брака: оный зависит от родителей. Обряд сватовства сходствует с нашим; разница только в том, что жених, собрав родных и пришед к дому невесты, нападает на оный примерным сражением; брат невесты требует вена, состоящего обыкновенно в женских нарядах. После венца новобрачная сопровождается с музыкой и стрельбой в дом мужа, от которого на третий день бежит к родителям, а муж ее выкупает только 10 патронами. На вдову при вторичном браке не надевают венца и вместо музыки провожают ее биением в тазы и сковороды. Дочери не наследуют отцовского имения, но братья столь щедро награждают при выдаче сестер в замужество, что они вместе с теми подарками, кои на первый день брака приносят им родственники и даже соседи, имеют уже небольшое стадо и свою собственность, весьма достаточную по их образу жизни. Как бы муж ни любил свою жену, он стыдится сего чувства и ласкает ее только наедине; любовь после брака есть тайна, и потому в одном доме и в одной избе мужчины живут розно с женщинами. Стыдливость и целомудрие принадлежит равно обоим полам.

---

[40] Смотри картинку.

Похороны

Жена и дети умершего созывают родных, плачут, что и у них называется голосьбой, и царапают до крови лица. Женщины, отрезав волосы, кладут их на могилу. Похороны просты: плита или камень, утвержденный в земле вертикально,

означает гробницу богатого и бедного, таким образом, и за пределом жизни сохраняется равенство. Если умрет отец семейства, то делают куклу, одетую лучшим его военным нарядом, и положив на стол, кладут вокруг оружие и все трофеи, отнятые им у неприятеля. Кукла сия, для поминовения, остается на столе 40 дней.

Игры и увеселения

Черногорцы отменно любят музыку, пение и пляску. Возвращаясь с поля, из похода, даже в виду врагов на месте сражения, они поют и пляшут почти беспрестанно. Свирель и гудок, называемые ими сфира, и гусли составляют музыкальные их инструменты. Слепые играют на гуслях с искусством. Припевая любимые национальные песни, приводят они в восторг слушателей; им платят за то щедро, ибо и здесь лучше умеют награждать за удовольствие, нежели за услугу.

Песни заимствованы от Османа Великого Славянского и некоторых рагузинских поэтов. В них прославляются подвиги и слава славянского народа. Королевич Марко и Юра Кастриотич (славный Скандербег) наиболее упоминаются. Романсов, выражающих сладости и мучения любви, я никогда не слыхал; их заменяют заунывные песни, изображающие потерю отца, жены и матери или тоску по родной стороне, каждый стих в оных оканчивается повторением, которое перекатом продолжают до потеряния голоса. В военных песнях, картина битв и кровопролития, сохраняя память отечественных героев, воспламеняет сердца их огнем мужества; оные заменяют историю. Другие песни, действуя на слух согласием звуков, повергают их в приятную задумчивость.

Пляска — любимая забава черногорцев. Взявшись рукой за руку и составя круг или став один против другого, в сильном напряжении мышц взмахивая руками и прыгая с одной ноги на другую, или сжав обе и перескакивая вперед, вертятся

скоро, топают крепко ногами и приговаривают: «Скачи горе! Скачи коло!» То есть скачи выше.

Борьба, стреляние в цель, бегание в запуски, игра в шары и бросание камней, называемых диски, как у нас городки, словом, все увеселения представляют образ войны. Женщины забавляются особо; только в большие праздники, и то довольно старые допускаются в сообщество мужчин; разговоры и посещения занимают молодых женщин. Здесь не знают никаких азартных игр; разговоры вообще бывают о семейственных и народных пользах. Вместо прогулки черногорец, взошед на скалу, ложится ничком и, растянувшись на земле, проводит целые часы в созерцании бурного моря и прибрежных селений.

Звериная ловля

В двух больших лесах водятся медведи, волки и лисицы. Меха их охотно покупаются в Катаро. Стреляют кабанов, зайцев и кроликов, почитают приятным препровождением времени. Орлы, соколы и прочие хищные птицы очень обыкновенны. Зимой ловится множество перепелок, куропаток, жаворонков, уток, куликов, дроздов, зябликов и пр., которых здесь редко едят, ибо охота, представляя образ войны, имеет в предмете не прибыль, но единое удовольствие и упражнение.

Рыбная ловля

Малые реки, впадающие в реку Бояну, текущую по границе, и в большое Скутарское озеро, особенно реки Черновича и Синица, как и самое озеро, которое зовется ими Зенша, весьма изобильны рыбой. Скорани, род маленький сарделей, и скоби, собственно принадлежащие сим рекам, известны под общим именем бояны и в Италии почитаются за редкость и лакомство. В озере и реках ловятся необыкно-

венной величины форели, бывающие весом в 40 фунтов. Кроме употребления жителями, из Катаро в Триест и Мессину ежегодно отправляют пять или шесть больших судов с копченой и соленой рыбой. В апреле и мае бывает лучшая ловля. Меня уверяли, что в сие время обыкновенно прилетает множество птиц, называемых корнахи. Думать должно, что это род рыболовов, питающихся рыбой. Убивать их считают за грех по следующей причине: когда они появятся в Черной горе, рыбаки со всех селений, собравшись и отслужив молебен, ставят мережи в реках и озере, потом бросают в воду приманку, состоящую из размоченной ржи, и лишь рыба покажется на поверхности, корнахи с большим криком на нее кидаются. Рыба, испугавшись, тысячами попадается в мережи; рыбаки, в знак благодарности, кормят птиц пойманной рыбой, и потому, пока продолжается ловля, они привыкают к людям, помогают им в оной, и не прежде оставляют берега рек и озера, как по окончании ловли.

Пища

Пшеничный хлеб, смешанный с кукурузой, для зажиточных, ржаной для бедных, лук, чеснок составляют главную пищу черногорцев. Они редко едят мясо и в сем случае целого барана или свинью жарят на вертеле. Чаще могли бы иметь овощи и зелень, но, будучи чрезвычайно умеренны и воздержаны, они большую оных часть продают. Кофе и другие прихоти роскоши вовсе им неизвестны. Они употребляют пищи столь мало, что, судя по силе их, должно тому удивляться.

Древности

Гробницы, построенные в виде четвероугольных столпов со сводами, сложены из кирпича и так прочно, что многие до сих пор сохранялись. В средине их находят лампы и обручья

зеленой меди, которые в древние времена надевались на правую руку усопших; иногда попадаются в сих гробницах медали Филиппа и Александра Македонских, а более монеты Восточной империи. Черногорцы не уважают сими редкостями, и в Катаро отдают их за безделицу. При устье реки Черницы, на острове Вранине видны развалины древнего здания, которое почитается жителями дворцом Скандерберга, и часть земли, вокруг лежащей, и доныне называется Скандериа.

История

Тит Ливий и Плиний первоначальных обитателей сей называют беатидами (блаженными), которых происхождение неизвестно. Неизвестно также начало и жителей, их заменивших: одни думают, что пришли они от берегов Азовского моря и поселились на восточной стороне Венецианского залива; другие полагают, что жители Иллирика были потомками кельтов и, по образу всех прочих народов, управлялись сами собой, служили в войсках Александра Македонского и долго защищали вольность свою против римлян. Наконец, последний их царь Генций, быв разбит претором Луцием Аником, потерял часть Далмации от реки Тита, ныне Карки, до Дрины с близлежащими островами, простиравшуюся к востоку до вершины гор, называемых в таблицах Птоломея Скардус. Черногория принадлежала к Иллирийскому царству, которого короля имели свое пребывание в Скодре, что ныне Скутари. По разделении Римской империи, земли от Катаро до Дрины составляли часть провинции Превалитанской, принадлежавшей к Восточной империи.

В начале VI века народ, коего бытие едва было известно, под именем славян, означающим людей храбрых, является, громит империю, уничижает готов и с VI века занимает уже великую часть Европы от моря Балтийского до рек Эльбы,

Тиссы и Черного моря. Язык, нравы и обычаи черногорцев и других славян Далмации, Кроации, Боснии и Сербии не оставляют никакого сомнения, что они происходят от одного с нами славянского корня. В начале седьмого столетия славяне, по покорении Венгрии, заключив союз с греческим императором, вошли в Иллирию, изгнали оттуда аваров и основали новые области под именем Кроаци, Славонии, Сербии, Боснии и Далмации. Все сии области вначале были соединены и известны под именем Сербского царства, но от несогласий сильная сия держава разделилась на малые уделы. Хищения и кровопролитные войны слабых независимых князей угнетали народ. В XIV веке Георг, покоритель прочих владельцев, восстановил Сербское царство, и потомки его, под именем Черновичей, сохранили оное до 1480 года, в которое время славяне, слабые от развлечения сил и междоусобия, почти везде утратили свою независимость; одни покорены оттоманами, другие повинуются теперь чужеземным властителям, некоторые переменили уже веру и забыли самый язык отечественный.

С сего времени Черногория причислялась к Санджаку Скутарскому, но как турки по причине частых возмущений никогда не могли в оной поселиться, то черногорцы, смотря по обстоятельствам, иногда платили карач (подать), иногда же ничего не давали и всегда почитали себя независимыми. В 1571 и в 1657 годах турки для покорения Катаро завладели и Черногорией, но после двухлетних усилий черногорцы возвратили свою вольность. С 1656 года, со времен владыки Даниила Петровича, должно почитать Черногорию совершенно не принадлежащей Турции.

В продолжение двух веков Порта изыскивала способы привести сию провинцию в повиновение. Турки даже в то время, когда они оружием своим ужасали христианские державы, убедились, что все их покушения на Черногорию были

тщетны. По смерти славного Скандерберга храбрые албанцы принуждены были уступить силе; но черногорцы остались свободными. Развалины Кроии, столицы Скандерберга, обагренной кровью мусульман, где Амурат с 150 000 разбит был горстью людей, в числе коих были и черногорцы, и теперь еще видны недалеко от границы за рекой Дрино. В 1612 году Магмет паша с 30-тысячной армией вошел в сию землю, но черногорцы разбили его, и паша с великой потерей людей, сожегши одну деревню в округе Белопавличи, возвратился без успеха. В следующем году паша Норослон, желая загладить стыд разбития своего предшественника, наступил на Черногорию с 60-тысячной армией и думал покорить ее; обстоятельства сему благоприятствовали. Округи Черногории были разделены враждой. Паша без сопротивления достиг до деревни Клементи и Белопавличи. Сие несчастье соединило черногорцев. С мужеством напали они на пашу и близ урочища, называемого Кусон-луг, разбили его наголову; большая часть неприятельской армии легла на месте; победителям досталась богатая добыча, и паша едва успел спастись с отрядом конницы. Славная победа сия утвердила и спокойствие. С сих пор черногорцы, сделавшись страшными своим соседям, желали оправдать славу свою; военные упражнения сделались их страстью, а ненависть к туркам наследственной.

Следствие такого расположения было, что они предлагали услуги свои всем державам, воевавшим с Турцией. Слава Петра Великого возбудила в них желание искать соединения с Россией. В 1712 году, по собственной наклонности, без постороннего содействия, отправили они депутатов с предложением верноподданства, и Петр Великий принял Черногорию под свое покровительство. С сего времени сделалась она щитом угнетенных турками христиан, которые находили у них дружеское гостеприимство и убежище безопасное. Сии так называемые ускоки или выходцы, получая право граж-

данства, будучи приняты как братья по крови, и до сих пор отличаются мужеством и верностью к своему новому отечеству. Со времен Петра Великого государи наши не преставали пещись о благосостоянии черногорцев, обращая особенное внимание на средства, могущие предохранить их от внешнего нападения и уничтожить внутренние вражды и коварные замыслы соседних держав. В 1718 году, когда венецианцы объявили войну Турции, черногорцы вооружились на защиту республики в качестве ее подданных, но по заключении мира мнимое сие название уничтожалось, и они объявили себя принадлежащими России, которой монархи, изливая благодеяние и милости, не требовали от них никакой зависимости. Императрица Елизавета, во время голода, послала великие суммы для содержания народа. Императрица Екатерина II, за храброе содействие в войнах с Турцией, не преставала пещись об их благе. Император Павел украсил храмы их щедрыми подаяниями и учредил верховное судилище Кулук. Александр I завел училища и определил достаточную сумму для содержания их. Народ, чувствуя сему цену, не остался неблагодарным: во все войны России и Турцией не сходил он с поля и умирал в сражениях с мужеством и верностью неизменяемой. В войну 1768 года черногорцы взяли город Подгорицу и крепость Жабляк, опустошили окрестности, содержали Боснию и Албанию в беспрестанном страхе и, удерживая на своих границах многочисленные войска паши Скутарского и других соседних, в пользу России сделали немаловажную диверсию. Во всех войнах Екатерины Великой с султаном, они принимали деятельное участие.

В 1785 году бушатлей Махмут, паша Скутарской, предпринял укротить сию провинцию; он собрал ужасную армию, проник во внутренность земли, но в тесных проходах черногорцы стали твердо, и паша, предав огню занятые им селения, принужден был отступить с великой потерей. С сего

времени черногорцы питали в себе желание мщения. В 1789 году они нашли случай удовлетворить оному: соединившись с австрийскими войсками под командой майора Вукасовича, они разбили пашу, проникли в Албанию, сожгли множество турецких селений и с богатой добычей возвратились в дома.

По повелению нашего двора, подполковник граф Марко Ивелич набрал в Герцеговине и провинции Катарской 5000 корпус волонтеров. Митрополит Черногорский, предводительствуя значительной силой, разделенной на отряды, легкими сшибками и беспрестанными нападениями удержал соседственных пашей на своей границе и там, для войск наших, сражавшихся на Дунае, сделав немаловажную диверсию.

Мир, заключенный в Систове 1791 года, не утвердил их вольности. Султан, в знак их подданства, требовал небольшой дани. Черногорцы отказались и от малейшего вида зависимости. Порта старалась склонить их к тому переговорами, но все усилия и убеждения были тщетны, и турки снова прибегли к оружию.

В 1796 году тот же Махмут, паша Скутарский получил повеление, присоединив к себе войска соседних пашей, во что бы ни стало покорить или истребить непокорное племя славян. Паша вторгнулся в пределы их с превосходной силой, состоявшей из храбрых албанцев и янычар. Митрополит Петр Петрович, командуя малочисленным своим народом, встретил неприятеля у местечка Круссе, что близ крепости Подгорицы на границе Черногорской, и объявил, что здесь должно умереть или победить.

Решаясь одним сражением кончить кровопролитие, он стал в виду неприятеля на высотах, сделав фальшивую атаку на турецкий лагерь и отступив назад, поручил пяти тысячам отборных воинов защищать дефилеи, приказал на камнях положить красные шапочки, носимые черногорцами, и с

главным корпусом в ночь, сделав большой марш, обошел неприятеля в тыл и отрезал ретираду. На утро турки, обманутые огнями и шапочками, пошли к дефилеям. 5000 черногорцев, подобно спартанцам в Фермопилах, дрались отчаянно, не уступили ни шагу и удерживали несколько часов стремление всей армии. В полдень митрополит, прошед непроходимыми горами, явился в тылу, спустился с гор и всей силой ударил на изумленного неприятеля. Турки дрались с остервенением. Черногорцы, защищая отечество, пренебрегая опасности, врубались в толпы их; сражения продолжалось трое суток. Неприятели гибли тысячами, не могли прорваться и разбиты были наголову. 30 000 легло на месте. Сам паша убит; обоз и богатый лагерь достались победителям. Голова паши, как знаменитейший трофей, вместе со знаменами, хранится в монастыре Цетине. Славная сия победа ужаснула турок, оградила независимость черногорцев и к свойственной им храбрости присоединила мысль о непобедимости. Следствием сего было, что пограничные округи Берда, Кучи и Пипери присоединились к Черногории.

В 1803 году Бонапарт простер виды свои на Черногорию, дабы, утвердившись в ней, держать Турцию в страхе и со временем отторгнуть от нее знатнейшую часть или нанести ей неисцелимый удар. Как черногорцы до сих пор предлагали свои услуги всякому, кто обещал им помощь в нападении на турок; то, чтобы охранить от неволи, которую под видом помощи готовил им Бонапарт, тот же граф Ивелич, уже в чине генерал-лейтенанта, в звании доверенной особы послан был для открытия народу сего подлога и взятия нужных мер осторожности, которые и имели полный успех. По занятии провинции Катарской, Черногория вместе с оной сделалась значительным обладанием России. Главнокомандующий обеих областей, по отдаленности от отечества, хотя имел весьма малые средства, но искренняя преданность вообще

всех славян помогла ему ниспровергнуть все коварные замыслы неприязненных держав. Сия преданность и похвальная самонадеянность на свое мужество утвердилась еще более победой у старой Рагузы, разбитием генерала Лористона на горе Баргарте в укрепленной батареями неприступной позиции, и наконец поражением генерала Мармонта, который с превосходной силой принужден был поспешно отступить от Кастель-Ново и, отказавшись от завоевания, думать о собственной своей безопасности.

Заключение

Народ, столь к нам близкий и столь мало известный, говоря одним с нами языком, имея ту же веру, происходя от одной крови, между тем, как мы, родные его братья, стоим на знаменитой степени просвещенных наций, ведет посреди варваров дикую жизнь, и имеет те же нравы, какие предки наши имели при храбром князе Святославе.

Швейцария, местным положением столь сходствующая с Черногорией, в недрах бесплодия доставила себе счастливое довольство. Голландия, покрытая болотами, угрожаемая морем, не имея ни одной хорошей пристани, неутомимым прилежанием, сделалась центром торговли вселенной. Сибирь, под отеческим правлением, на замерзшей земле собирает богатые жатвы. Далмация, неблагоприятствуемая природой, могла усердием и гением Дандоло принять новый вид. Приморцы в судоходстве снискали свое продовольствие; другие ближние им соседи и однородцы — герцеговины, босняки и сербы, под игом угнетения, в глубоком изнурении рабства и обременений, извлекли из земледелия и торговли весь плод, которого пользу могли скрыть от беспечных своих тиранов; а черногорцы, будучи свободны и независимы, вечно стоя на страже своей вольности, не знают благосостояния, проистекающего от мудрости законов и попечительности

монархов, не делают никакого усилия и не показывают никакого желания выйти из невежественного своего омрачения.

Обрабатываемые земли для черногорца не что иное, как посторонний предмет, для коего употребляет он одни физические силы; нет видов, нет улучшения, и все ограничивается простыми способами, по обычаю, сделавшимися священными. Страсть к войне потушает в нем желание приобретать богатство; довольствуясь малым, отправляя общественные должности безвозмездно, пренебрегая избыток, беззаботно провождает он жизнь в самовольной бедности. Торговля, умножающая земные произведения, также ему неизвестна, кроме незначащих мен в Катаро; набеги и грабежи составляют все сношения с изобильными провинциями, его окружающими. Сие отчуждение не от того происходит, чтобы душевные его способности были ограничены; напротив, он имеет проницательность, весьма здравый рассудок и удивительную смышленость, и переимчивость; истина сия доказывается примерами тех, кои служат в российской армии и бывают в чужих землях: они оказывают способность к изучению языков и наук, а более склонность ко всем ремеслам и в короткое время делаются другими людьми; но успехи их бесполезны для отечества, ибо вообще они туда более не возвращаются. По своей беспечности народ сей, беспрестанно употребляя во зло благодеяния Провидения, не постигает наклонности своего разума, даже не зная способностей своих, старается отделить их от души и упрямо пребывает в прежнем невежестве.

Мечтания философов о независимости могут в семейственной жизни черногорцев найти образ счастливой свободы, но друг человечества всегда откроет в том беспорядок своеволия, где право сильного и неумолимое мщение заменяют все законы; он пожелает в сердце, да освободятся они от бесчисленных бедствий войны, им и соседям их равно пагуб-

ной, и да оставят жизнь, толико противную достоинству человека.

Под властью мудрых законов мощные руки черногорцев отвратятся от грабежей, посвятятся возделыванию земли; жатвы их будут обильнее, нерасчищенные леса, необработанные вершины горы могут искусством рук превратиться в тучные для многочисленных стад паствы; размножатся яблони, груши, гранаты, миндаль и прочие плодоносные деревья, растущие на сей заброшенной земле, так сказать, сами собой; от фиговых и шелковичных дерев получат они еще большие выгоды; наконец, виноград на почве каменистой покроет промежутки скал их и увеличит их стяжание и удовольствия жизни.

Известно, что в XII столетии вся шерсть Боснии и Сербии привозилась чрез Черногорию в залив Катарский, откуда на судах отправлялась в Венецию. Не прошло еще одного века, как Босния и Герцеговина имели постоянное сообщение с Кастель-Ново чрез Ризано. Албания, для избежания опасностей мореплавания в зимнее и военное время, часто покушалась провозить свои товары чрез землю черногорцев; сим сократился бы путь, и караваны освободились бы от обид и притеснений; но, опасаясь могущества турок, они отвергнули все такого рода предложения. Рагуза и Катаро, сии две близкие им гавани, кажутся помещенными среди Адриатики, чтобы служить убежищем в бурном море и сделаться средоточием торговли турецких областей с Италией. Пропуская товары чрез свою область, они могли бы восстановить древние, потерянные ими отрасли торговли. Сим способом, приняв более миролюбивые правила, укротив строптивый нрав свой, черногорец узрел бы в короткое время процветающими земледелие и торговлю и познал бы все искусства, кои проистекают из сих двух источников всеобщего благосостояния. Упражнение в оных, открывая способности вообра-

жения, доставило бы ему наслаждение чистейшими удовольствиями и украсило бы его существование. Словом, сблизив их с соседственными народами, возможно было бы обратить ум их на другие предметы, дать им другое направление, внушить новые мысли и, тем побудив к новым соображениям, показать путь к изобилию, к стяжанию богатств.

Никакой народ не имел столько надобности в преобразовании своего правления и своих нравов, но каким способом произведется сия спасительная перемена? Можно ли надеяться, чтоб убежденный благосостоянием других просвещенных народов, стал он домогаться славы подражать им? Глаза его закрыты от света, душа, подобно умирающему, коего жестокость болезни делает нечувствительным к страданию, не может воспламениться тем благородным соревнованием, которое замышляет и приводят к концу дела великие. Настоящий митрополит имеет всю доблесть и способность внушить в них столь прекрасную решимость; но он царствует над народом, погруженным во мрак невежества, которое, возвышая его познания и утверждая власть, кажется, не побуждает его к сему подвигу, а всего вероятнее, он не имеет довольно сил предпринять столь важное преобразование. Оное может только быть творением того государя, коего имя находится в величайшем уважении у сего гордого, кичливого народа, того, которого подвиги ознаменовываются единым благотворением к подданным, владычеством его счастливым!

Плавание до Триеста. — Блокада Венеции

15 апреля по возвращении фрегата из Корфы, для доставления в Триест надворного советника Скрыпицына, отправленного в Россию с донесениями, оставили мы Кастель-Ново. При ясном небе и тихом ветре беззаботно плыли мы близ Рагузского берега. К вечеру береговой ветер напол-

нил верхние паруса, фрегат нечувствительно, но скоро переменял место. С островов, мимо которых шли, прохладный ветер навевал на нас ароматы цветущих дерев, и множество птичек пели на реях; юнги, с отважностью лазя по мачтам, ловили их только для того, чтобы, накормя, дать им свободу. Множество касаток[41] играли вокруг фрегата; они так плавно и не торопясь выбрасывались из воды, что, кажется, нарочно желали доставить нам удовольствие. Касатки водятся во всех морях; серпу подобное перо на спине отличает их от дельфинов, которые притом и менее; сии рыбы любят приближаться к кораблям и, кажется, забавляются, быстро оные обгоняя. Они обыкновенно идут в ту сторону, откуда нового ветра ожидать должно. 16 апреля, несмотря на темную ночь и противный ветер, прошли мы Курцольским каналом, весьма тесным и опасным. Капитан Белли, взявший остров Курцало, с кораблем своим стоял тут на якоре, а бриг «Летун» и шхуна «Экспедицион» крейсировали у острова Лезино.

Миновав Длинный остров (Isola longo), увидели требаку, идущую по направлению к Заре, пушечным выстрелом требовали, чтоб она подошла для осмотра, но требака, не поднимая флагу, пустилась бежать к гряде малых островов, окруженных каменными отмелями, надеясь между оными скрыться. Полагая по сему, что судно сие должно быть неприятельское, мы погнались за ним и, подошед весьма тесный пролив между двух подводных камней, остановили его несколькими ядрами у острова Унии; люди с него бежали, а требака, нагруженная кукурузой и маслом, взята.

20 апреля, когда мы подходили к Триесту, во время штиля французская канонерская лодка, вышедши из Капо д'Истрии, осмелилась атаковать нас. Первые наши ядра, по причине отсыревшего в пушках пороха, легли очень близко, почему

[41] Или морских свиней.

неприятель, полагая, что наши пушки малого калибра, приблизился, но несколько метких выстрелов принудили его немедленно отступить, и как одно ядро попало в подводную лодки часть, а другое подбило пушечный станок, то лодка тотчас по входе в гавань вытащена на берег. Потеря наша состояла в нескольких перебитых снастях. На другой день со смехом читали мы в «Триестских ведомостях» пышное известие о жестоком и кровопролитном сражении, в котором морские гранодеры[42] покрыли себя неувядаемой славой. «Неприятельский фрегат La Belle Venus потерял 200 человек (!) убитыми и ранеными, наша также довольно значительна, мы лишились 16 человек храбрых и одного поручика».

Я ничего не могу сказать о прекрасном Триесте, ибо, будучи занят должностью, не успел ничего осмотреть и был только в театре и на гулянье в Боскете. В опере Меропа славная Сесси удивительным своим голосом восхищала слушателей; она была не очень здорова, у неё болела нога и публика требовала, чтоб ей подали стул. В самом деле она стоит сего уважения; пела так превосходно, что в партере и ложах никто не смел пошевелиться. Боже сохрани кашлянуть, чихнуть. В Боскете, в редкой, без тени, дубовой роще, я видел вместе множество итальянцев и немцев; при первом на них взгляде разность делается ощутительной. Немцы сидят кучками на траве, пьют, едят, в руках кружки с пивом, во рту трубка; круглые, румяные женщины суетятся вокруг их и подкладывают им приготовленный бутер-брот (хлеб с маслом). Итальянцы, напротив, выступая театральными шагами, насвистывают арию, петую госпожой Сесси, «Cari miet figli venite!» заглядывают в глаза женщинам, кои с прекрасным станом, с бледным на лице изнурением, с пламенным нежным взглядом, охотно принимают вежливости кавалеров,

[42] Разуметь должно матросов.

какие у нас почлись бы не слишком пристойными. Когда сумрак вечера сгустился, и луна еще не явилась на небосклоне, тихий топот и шорох ног заступил место шума и грома подъезжающих и уезжающих экипажей. В роще остались только те, кои надеялись наслаждаться лучшими удовольствиями, нежели пением несравненной Сесси, первой тогда певицы в Европе. Тут остались только чичисбеи, к коим мужья имеют доверенность; но до какой степени? Вопрос неудобоборешимый! Название нашего домашнего друга, несколько близко к чичисбею, но, к счастью мужей, у нас и в столицах нет еще и тени чичисбейства.

На третий день пребывания в Триесте объявили нам, что вход в австрийские порты российским и английским военным кораблям запрещается, и сказано, именно за занятие войсками нашими Боко ди Катаро и за не последовавшее еще возвращение той провинции. Потому корабль «Елена» и наш фрегат принуждены были отойти от города на пушечный выстрел. Впрочем, дружба и союз обеих империй от сего нимало не уменьшились. Легко догадаться можно, что австрийский двор к таковой мере принужден был Бонапартом, и, как уверяли нас, с согласия нашего двора. Чрез сие думал Наполеон удалить наши корабли от Венеции, но ошибся и скоро увидел, что он лишился и остальной малой торговли. Прежде сего мы не могли брать тех судов, кои выходили из Венеции и шли близ берега, по мелководью, мимо кораблей наших, стоявших в Триесте на рейде; они, по правилам нейтралитета, без задержания входили в гавань, но теперь фрегат наш, отошед от города на три версты, начал останавливать и осматривать все лодки, которые уже не могли миновать его. Каждую ночь, когда ветер дул от Венеции, вооруженный баркас возвращался с несколькими призами, нагруженными большей частью съестными припасами. В продолжение немногих дней приобрели призов более, нежели на 100 000 рублей. Триестцы предвидели беду, со-

вершенную остановку сношений их морем с Италией, но пособить уже было нечем. Один пассажир, по виду подозрительный, был задержан, привезен на фрегат, но капитан приказал его отпустить, ибо он назвал себя австрийским купцом и показал паспорт. Пассажир сей был французский генерал Молитор, который жаловался триестскому губернатору, что позволяют нам осматривать суда почти в самой гавани, подал протест, наделал много шуму, а мы чрез то сделались осторожнее, строго осматривали всех пассажиров и австрийским паспортам более не верили.

4 мая, блокируя Венецию и находясь близ Истрии, при осмотре двух австрийских требак, нашли, что они нагружены были деньгами, а по бумагам и показанию шкипера видно было, что они вышли из Венеции, почему и взяли их в приз. Капитан военного австрийского брига, который шел в недальнем от нас расстоянии, прислал на фрегат своего офицера сказать, что сии суда находятся под его конвоем, а как шкипер и пассажиры при допросе объявили, что деньги принадлежат французскому банку, который получил повеление медные австрийские деньги променять в Триесте на серебро, то капитан наш отвечал, что не только не может он возвратить двух взятых требак, но донесет начальству, что в противность прав нейтралитета, провожают их военные австрийские корабли. Капитан должен был задержать австрийский бриг, но совершенная тишина воспрепятствовала сему, и бриг на веслах вошел в Триест, куда и мы также возвратились. Консул Пелегрини, приехав на фрегат и думая, что мы взяли бриг, поздравил нас с двумя миллионами флоринов доброй добычи. На другой день, разгрузив требаки, нашлось 35 000 гульденов; людей и суда отпустили. Большая часть денег с тремя французскими генералами находилась на военном бриге и на других австрийских судах, кои еще оставались в Венеции.

После Пресбургского мира открылся истинный характер и политика Наполеона. Удача и необыкновенная дерзость поставили его превыше всех прав. Очарованный победами, более не знал он меры своему честолюбию. Возмущая спокойствие Европы, уж не искал благовидных причин к притеснению какой-либо державы и особенное находил удовольствие самыми наглыми требованиями унижать достоинство империи Австрийской. Променяв Ганновер и Лауенбург на Верхний Пфальц и княжество Нефшательское, Наполеон успел поссорить Пруссию с Англией и Швецией, искал средства поссорить Россию с Австрией и думал оное чрез Катаро. Для сего удержав Браунау, объявил, что, когда Катаро будет сдан его войскам, тогда Браунау возвратится императору, а для большей приманки, что будто тогда французские армии оставят и Германию. Князь Шварценберг отправился в С.-Петербург исходатайствовать возвращение Катаро, и прежде, нежели он туда доехал, Наполеон по трактату потребовал в венского кабинета свободного пропуска чрез австрийские владения 40 000 человек войск в Далмацию; потом, когда оные были близ Триеста, принудил затворить порты для российских и английских кораблей; и наконец, угрожая поставить свои гарнизоны в Триесте и Фиуме, можно сказать, приказал задержать российские купеческие суда, находившиеся в первой гавани. Вследствие сего, 6 мая, триестский губернатор, граф Бриджидо, объявил российским шкиперам, что если они чрез шесть дней не оставят порта, то суда их будут задержаны; но как оные в такой короткий срок готовы быть не могли, то это походило уже на разрыв; почему 7 мая, получа с курьеров неаполитанского двора Лучиано Спирадаро от полномочного венского посла графа Разумовского депеши к адмиралу, с девятью бокезскими судами, сдав свой пост кораблю «Елена», пошли обратно в Катаро для доставления сих сведений главнокомандующему.

Ветры тихие и переменные позволяли иметь на воде вооруженный двумя пушками баркас, который, не задерживая в ходу фрегата, входил в мелкие гавани Далматских островов, где малые суда в безопасности стояли от больших наших кораблей. Сим средством взяли еще несколько судов. Прошед Истрию, поставили все паруса и скоро скрылись от девяти купеческих судов, которые до сего места шли с нами вместе.

Густой верховой ветер, при ровной поверхности моря, весьма нам благоприятствовал. Солнце, коего последние лучи озолотили запад, медленно опустилось в море, и прекраснейший вечер заступил место дня: ветер утих, море сделалось мертвым. Вокруг было так тихо, что ходя вдоль фрегата с рупором[43] в руках, то переходя с одной стороны на другую, с беспокойным ожиданием смотрел я на небо, которого прекрасную лазурь не затмевало ни одно облако; то с скукою взирал на спокойное зеркало вод, при ясном свете луны блистающее, как неизмеримое поле, усыпанное алмазами. Совершенная тишина недолго продолжалась, легкий ветер начал навевать; с радостью свесив с кормы голову, любовался я длинной огненной чертой, которая, как бы привязанная к рулю, тащилась за фрегатом и ярким своим блеском означала след его. Уже рассчитывали мы, как скоро можем прийти в Кастель-Ново, но ветер непостоянный только на минуту повеял и снова затих. Наконец, прежний свеженький ветер подул, облака сгустились, небо померкло, ветер начал усиливаться и скоро принудил нас остаться под малыми парусами. Фрегат, гонимый крепкими порывами, скользил по ровной еще поверхности моря, которое носу его не представляло большого сопротивления.

Около полуночи, когда мрак был непроницаем, восточный горизонт вдруг осветился блестящим огнем. Малый ог-

---

[43] Командная труба.

ненный шар медленно склонялся влево от нас к берегу, по мере падения свет распространялся, а скорость увеличивалась, наконец прибавившись до величины луны, влек за собою хвост наподобие кометы, а скорость движения равнялась падению блуждающих звезд. В средине полета шар сыпал вокруг искры столь яркие, что ночь на несколько секунд в той стороне обратилась в день, и когда шар с великим треском рассыпался, видимый его поперечник казался имеющим около 50 сажен. Сие явление, происходящее от земных испарений и электрической силы, другие называют огненным летающим змеем; и здесь простой народ верит, что он любит хорошеньких женщин, и в который дом спустится, приносит туда богатство и счастье. Последнее сбылось с нами в самом деле; мы быстро промчались мимо Лезино, где на крепости с пушечным выстрелом поднят был трехцветный французский флаг; два часа после прошли крепость Курсало, где развевало российское знамя; тут стояли корабль «Азия» и бриг «Летун»; к вечеру того же дня, когда прошли мы фрегат «Михаил», стоявший в Каламонте, крепость Новая Рагуза салютовала нам из 11 пушек, и 12 мая под всеми парусами при свежем ветре, когда фрегат лежал совсем на боку, под самой кормой адмиральского корабля, отсалютовав ему 9 выстрелами, проворно (что называют морские «на хвастовство») убрав паруса, бросили якорь у Кастель-Ново.

Кастельновский рейд, столь прежде уединенный и пустой, представлял теперь на пространстве шести верст прекрасную картину. Огромные линейные корабли, малые легкие бриги и множество разного роду и названий купеческих судов, все под российским флагом, в таком отдалении от отечества льстили гордости русского сердца. Там отзывались отрывистые крики матросов, подымались на корабли тяжести; тут пронзительный звук дудочки призывал людей к получению порции вина и обеда; а здесь раздавались сладостные звуки огромного ор-

кестра, сливавшиеся с слышимыми в отдалении веселыми солдатскими песнями: все вместе привлекало слух и утешало сердце. Везде было движение и суета, у пристаней густой дым клубился к облакам, там от горящей смолы поваленный на бок корабль объят был огнем[44]. Тут несколько раскрашенных шлюпок пестрили море и мелькали в глазах. Казалось, что две под парусами, сойдясь, ударятся одна об другую и люди погибнут; но нет, одним малым движением руля они минуют и так близко, что с шлюпки на шлюпку можно подать руку. Вот одна, неся большие паруса, лежит совсем на боку, вода плещет через борт и кажется ее заливает; но к сему нужна одна только привычка, а не излишняя смелость; это обыкновенная забава молодых офицеров; они катаются и утешаются, по-видимому, столь опасным положением.

Освобождение задержанных судов в Триесте 21 мая

По прибытии фрегата в Кастель-Ново, на другой день, 13 мая, вице-адмирал с кораблями «Селафаилом», «Св. Петром», «Москвой» и фрегатом «Венус» отправился в Триест, как для освобождения задержанных австрийцами судов, так и для проводу их мимо Истрии, в портах которой французы усилили свою гребную флотилию. 14-го числа у острова Меледо встретились с кораблем «Елена» и семью корсарами под военными флагами, кои сопровождали 38 бокезских судов. «Елена» отсалютовала адмиралу 9 выстрелами, подошла к кораблю его под корму для переговору. После оного на «Селафаиле» поднят сигнал поставить все возможные паруса, но 15-го у острова Лиссо ветер переменился и сделался противный. Тут встретились с нами 5 английских транспортов с войсками, без успеха покушавшимися взять остров Тремити.

---

[44] Для конопачения подводной части обыкновенно, поваля корабль, обжигают оную.

Тихие переменные ветры удержали эскадру в море по 20 мая; сего же числа в полдень нашел сильный попутный шквал с дождем; корабли полетели, и скоро по обходе Истрии, при пушечных выстрелах подняты сигналы приготовиться к сражению и стать на якорь со шпрингом[45]. Едва в Триесте заметили наши корабли, как эскадра в боевом порядке остановилась под самыми батареями города. Вскоре триестский военный комендант фельдмаршал-лейтенант Цах прислал своего адъютанта поздравить с прибытием и просить, чтобы эскадра, в силу повеления императора, отошла на пушечный выстрел. Вице-адмирал отвечал на сие: «Стреляйте! я увижу, где ваши ядра лягут и где мне должно стать». Адъютант, не ожидавший такового ответа, раскланялся и уехал. Во всю ночь палубы кораблей были освещены фонарями, люди стояли у пушек, фитили курились и вооруженные шлюпки разъезжали вокруг гавани. Задержание наших судов и грозное положение эскадры подали справедливую причину гражданам города опасаться худых следствий. Они в боязливом недоумении ожидали утра, мы с своей стороны желали знать, чем кончится столь неприятное обстоятельство.

Ночью фельдмаршал-лейтенант Цах доставил повеление австрийского императора о закрытии портов его для российских и английских кораблей. Главнокомандующий утром 21 мая отвечал на оное в сих кратких словах: «Объявление ваше получил и оставлю порт, как только исправлю некоторые повреждения моих кораблей». После сего начались переговоры, чиновники беспрестанно то приезжали на «Селафаил», то возвращались в город. Австрийские дипломаты, продолжавшие переговоры во всю ночь, старались

[45] Стать на шпринг — значит поставить корабль на якорь таким образом, чтобы помощью канатов мог он обращаться во все стороны.

уверить вице-адмирала, что постановление о запрещении входа последовало по настоянию Наполеона, который, в противном случае, дал повеление занять Триест и Фиуме, единственные гавани, оставшиеся Австрии; уверяли, что 20-тысячный французский корпус стоит в близком расстоянии и уже два генерала прибыли в город с тем намерением, если российская эскадра не удалится, то завтрашнее утро войска вступят в Триест.

Потом, ссылаясь на искреннюю дружбу и твердый союз наших дворов, просили и надеялись, что российский адмирал, конечно, не решится без особого повеления своего императора поступать так, как французские генералы, которые требования свои и во время мира приводят в исполнение штыками и насильственными мерами. «Положение ваше затруднительно, — отвечал Сенявин, — а мое не оставляет мне ни малейшего повода колебаться в выборе. Поступок ваш, мне как генералу, а не политику, кажется не соответствует дружеству и союзу, в которых вы меня уверяете. С долгом моим и силой, какую вы здесь видите, не сообразно допустить вас унижать флаг, за что ответственность моя слишком велика; ибо сие касается чести и должного уважения к моему Отечеству».

В продолжение сих сношений в полдень прибыл на рейд фрегат «Автроил» с известием, что французы заняли Старую и Новую Рагузу и угрожают нападением на Катаро. Сие новое нарушение прав народных побудило вице-адмирала принять решительные меры. Корабль «Петр» и фрегат «Венус» получили повеление, по причине совершенной тишины, тянуться завозами, первому к батареям нового Карантина, второму к С. Карловской пристани, так что корабль и фрегат, вошед в самую гавань, находились бы в тылу главной и сильной батареи, находящейся на мели, к старому Карантину примыкающей, у которой адмиральский и корабль «Москва» стояли на

пистолетный выстрел. На последнюю ноту генерала Цаха главнокомандующий вручил австрийским чиновникам следующий, достойный замечания, ответ:

«ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО!

В ответ на письмо ваше сего дня я приказал одному из кораблей моих, который, может быть, находился ближе пушечного выстрела, отойти — и вы это видите. Корабль же, на котором я нахожусь, хотя и не думаю, чтобы был ближе выстрела, также отойдет, если ветер и жестокие шквалы то мне позволят. Впрочем, как вы уверяете меня, Г. Генерал-лейтенант в постоянной дружбе Августейших наших Дворов и согласии о запрещении входа в ваши порты Российским кораблям; хотя и я не имею на сие повеления моего Императора, но с моей стороны желая избегнуть недоброжелательства, я запретил моим офицерам съезжать на берег, и вам известно, что сие исполнено. Чрез час, я надеюсь, как к вашему, так и к моему совершенному удовольствию, отправиться отсюда в дальнейший путь.

Дм. Сенявин. Генерал-Лейтенанту Цаху, Военному Коменданту Триеста. 21 Мая 1806 года Корабль "Селафаил"».

Отпуская австрийских чиновников, главнокомандующий сказал им: «Теперь нет времени продолжать бесполезные переговоры. Вам должно избрать одно из двух: или действовать по внушению французских генералов, или держаться точного смысла прав нейтралитета. Мой выбор сделан и вот последнее мое требование: если час спустя не возвращены будут суда, вами задержанные, то силой возьму не только свои, но и все ваши, сколько их есть в гавани и в море. Уверяю вас, что 20 000 французов не защитят Триеста. Надеюсь, однако ж, что чрез час мы будем друзьями, я только и прошу, чтоб не было и малейшего вида к оскорблению чести российского флага, клонящегося и собственно для вашей же пользы, чтобы не осталось и следов неудовольствия. Скажите генералу Цаху, что теперь от него зависит сохранить дружбу августейших наших монархов, которая столько раз была вам

полезна и впредь пригодиться может. Уверьте его, что чрез час я начну военные действия».

Грозное движение эскадры, несмотря на угрозы французских генералов, гораздо скорее, нежели дипломатические убеждении, принудили генерала Цаха и триестского губернатора графа Бриджидо вполне удовлетворить требованию Сенявина. Когда уже все было готово, и мы ожидали, признаюсь, с великим нетерпением первого выстрела адмиральского корабля, как в назначенный для начатия боя срок в гавани раздались громкие восклицания: «Vivat!», и мы с удовольствием увидели на задержанных судах поднятые российские флаги. В ту же минуту корабли «Селафаил» и «Петр» вступили под паруса. Капитан корабля «Москвы» получил повеление, в ожидании прибытия курьера в Триест, блокировать Венецию и провождать мимо Истрии освобожденные суда, которые фрегаты «Венус» и «Автроил» должны были препроводить в Катаро. Отшествию адмирала купеческие наши суда приветствовали пальбой из пушек и ружей и криками ура! На «Селафаиле» отвечали им музыкой, которой согласные звуки по тихости ветра далеко были слышимы. В сие время на Триестской цитадели подняли флаг, в городе пронесся слух, что российский адмирал посетит губернатора, отчего множество народа покрывали набережную.

Таким образом, Сенявин сделал первый шаг на дипломатическом поприще и, можно сказать, первый из генералов законных держав, показал средство, коим можно воздержать неслыханную наглость требований французских генералов и агентов, которые во время мира не менее, нежели в продолжении войны, стараются уничижать достоинство тех, кои боятся их угроз. Сим решительным поступком Сенявин разрубил Гордиев узел, хитро связанный рукой Наполеона, и тем прекратил и уничтожил то неудовольствие, которое могло бы произвести не только охлаждение, но и самую

войну. Уже считали ее верной, но ошиблись. Сенявин своей твердостью успел поддержать союз наш с Австрией и не оставил ни малейшей причины для дипломатической переписки.

Ночью, по причине штиля, течением приблизило корабли «Селафаил» и «Петр» к крепости Капо д'Истрии. Две канонерские лодки, вышедшие оттуда, на безобидном расстоянии сделали несколько выстрелов на воздух. Корабли им не отвечали, ибо ядра их далеко не доставали. На другой день наш консул Пелегрини прислал следующий монитер: «Храбрая флотилия королевства Итальянского мужественно напала на огромные российские корабли и меткими выстрелами принудила оные отступить далее в море. Сражение происходило близ Капо д'Истрии. Потеря неприятельская должна быть значительна, мы узнал (от кого?), что одним ядром, пущенным с лодки "Баталья де Маренго" убило адмирала Сенявина».

По отшествии главнокомандующего, дабы, с одной стороны, удовлетворить настоятельные требования французских генералов, а с другой, под благовидной причиной не пустить нас на берег, объявили нам карантин, однако ж мы остались на якоре в самой гавани и чрез брантвахту получали все нужное. Чрез два дни, вероятно, по отъезде французских генералов, офицерам, но только во фраках, позволили съехать в город. В театре нам дали кресла gratis. Купечество, которое составляет большую часть населения Триеста, превозносило похвалами поступок нашего вице-адмирала; ибо лишиться торговли не для одних их, но и для всей Австрии было бы весьма чувствительно и, конечно, по сей же причине единственное сообщение наше чрез Триест с Россией осталось свободным.

На пути от Триеста до Катаро. — Тифон

25 мая, стоя на триестском рейде и увидев, что одна канонерская лодка вышла из Капо д'Истрии, снялись мы с якоря и, скоро заштилев, пошли к оной буксиром; но лодка, заметив наше движение, возвратилась назад. 26-го, когда все 17 судов, долженствовавших идти под нашим конвоем, были готовы, капитан корабля «Москвы», пришедший с моря, сделал сигнал сняться с якоря; вышед из Триеста, по причине штиля в сей день принуждены были два раза вступать под паруса и ложиться на якорь, но 26-го небольшой попутный ветер подул, и конвой благополучно прошел Истрию; неприятельская флотилия из-под крепостей не выходила. 29 мая корабль «Москва», оставя конвой, возвратился для блокады Венеции; на другой день в сей стороне слышали мы пальбу. После мы узнали сему причину. 30 мая, пользуясь штилем, большой конвой малых купеческих судов под прикрытием многих французских канонирских лодок вышел из Венеции, желая пробраться в Истрию. Корабль «Москва», получа маленький ветер, стал к ним лавировать, сделал по ближайшим несколько выстрелов, конвой тотчас возвратился назад, зашел за мели и стал там на якорь.

Суда конвоя нашего представляли образцы древнего и нового кораблестроения. Тартаны с наклоненной вперед мачтой, пинки с высокими кормами; прекрасной наружности полаки с мачтами из одного целого дерева, шебеки с треугольными парусами, притом беспрестанные веселья и заунывные песни славян, напоминали то самое время, когда Игорь или Олег плыли для покорения Царяграда. Мы шли очень тихо, и точно так, как бы были в гавани, принимали посещения и гостей, которые часто оставались обедать. В воскресенье к обедне приехали почти все шкиперы.

Дни были очень жаркие. Легкие ветры, обыкновенно в полдень дующие с моря, а в полночь с берега, постоянно нам

благоприятствовали. Ночной ветер приносил с собой теплые удушающие земные испарения, от чего в полночь терпели от зноя столько же, как и в полдень. 30 мая после полудня, на высоте острова Агосто, при наставшем довольно свежем северном ветре, воздух наполнился тонким туманом, и скоро в недальнем от нас расстоянии, на пространстве 4 верст, море с чрезвычайным шумом начало кипеть, и вдруг во многих местах вода винтом стала подыматься к небу, а облака опускаться к ним длинным рукавом. Вода, с неимоверной скоростью вращаясь кругом, рассевала вокруг крупный дождь, шум производимый сим движением, уподоблялся клокотанию расплавливаемого металла. Наконец море соединилось с облаками, множеством конусов, кои острыми своими вершинами касаясь небес, с великим шумом начали вертеться, толстеть и двигаться. 11 огромных тифонов быстро мчались на нас, конвой рассеялся от них в разные стороны, но как некоторые суда, не имея пушек, были от них в опасности, то мы, поставив все паруса и приведя к ветру, подобно Дон Кихоту, сражавшемуся с ветряными мельницами, принуждены были вступить в бой с водяными столбами. Залп с правой стороны разорвал два тифона. Несколько выстрелов с левой обрушили еще один, который в падении увлек за собой и другой. Любуясь уничтожением сих гигантов, мы увидели прямо перед носом и уже гораздо близко еще один, второпях фрегат не поворотил, целый залп пролетел мимо, нечего было делать, как, положа все паруса против ветра, остановить тем фрегат на месте. Тифон уже был так близко, что многим было не до смеху, к счастью, одним верным выстрелом с носу, повалили и этот колосс, брызги рассыпались перед нами и чуть только не задели. Наши конвойные суда также удачно сражались с тифонами, которые, как нарочно, шли на нас с трех сторон и беспрестанно упадали, другие снова подымались. Чрез полчаса все исчезли сами собой. Сего лета один тифон упал возле корабля «Св. Петра» и, прикоснувшись

только брызгами, оборвал все паруса и сломал нижний рей. Можно себе вообразить, какой бы вред мог произойти, если бы такой водяной столп упал прямо на корабль.

Тифон, или иначе морская труба, притягивает к себе окружные пары, течение к нему воздуха от сего бывает так сильно, что птицы, близко летящие, увлекаются водой к облакам, даже не столь быстрые в плавании рыбы подъемлются к небу. Когда солнце случается сзади тифона, то весь столб горит разноцветными огнями, вода видимо переливается в нем и кипит точно так, как в водопадах. Тут должно себе представить большую реку, быстро несущуюся из моря в небеса и сыплющую вокруг себя жемчужный дождь.

Происхождение тифонов и смерчей физики приписывают электрической силе. Они говорят, что когда сильно наэлектризованное облако в приличном расстоянии от моря находится, тогда между сим облаком и морем начинаются два противные течения электрической материи, одно — из облака вниз, другое — от моря вверх. Ежели первое течение сильнее второго, то частицы паров, из коих состоит облако, увлекаемые текущей из него материей, образуют водяной столп, или тифон. Если же поток, стремящийся из воды в облако, сильнее того, который течет из облака в море, тогда вода, увлекаемая сильнейшим потоком, поднимается к облаку обращенной воронкой; наконец, также составляется столб, который называется уже смерч. По образовании столпа не одно только верхнее облако или море, но весь тифон получает силу притягивать другие соседние пары и воду, отсюда рождается сильное воздуха движение, весьма быстро весь столб кругом обращающее и приобретенной сим центробежной силой, подымающее воду вверх к облакам. Мореходцы водяные столбы обоих родов называют одним именем: тифон; смерчью же называют тот быстрый вихрь, который крутит воду на небольшую высоту, но силой одного венгра,

принявшего круговое обращение, подымает вверх паруса, не причиняя дальнейшего вреда. Тифоны обыкновенно после зноя случаются и жарким климатам особенно свойственны, потому-то в северных морях они редко бывают видимы. Смерчи же обыкновенно случаются после бурных погод или предвещают оные. Вихрь, подымающий на земле вверх крутящуюся пыль, есть также смерч.

Проходя Старую Рагузу за островами, Петине называемыми, корабль «Уриил» и два корсара палили по берегу, где, полагать надобно, происходило сражение. 31 мая к вечеру конвой вошел в Катарский залив, в котором стояли корабли «Селафаил», «Параскевия» под флагом контр-адмирала Сорокина, «Петр» и «Елена». Еще в Триесте лейтенант Н., раздавая шкиперами сигнальные книги, подозревал на одном судне пассажира, назвавшегося российской службы капитаном. Лейтенант, говоря с ним по-итальянски, заметил в нем нечто особенное, почему и приказал шкиперу наблюдать его поведение. Когда фрегат лавировал пред входом в Катаро, дабы пропустить конвой вперед, шкипер привез несколько писем, порученных сим пассажиром для отдачи в Перасто, Катаро и другие католические коммунитаты; шкипер к тому же объявил, что пассажир его имеет с собой много денег и все ночи, запершись в каюте, занимался писанием, почему лейтенант Н., отправившись с шкипером на его судно, отобрал бумаги, по коим и открылось, что он был шпион, подосланный неприятелем. Адмирал приказал тот же час отправить его в крепость Эспаньолу.

Некоторые бумаги я отвез на корабль «Селафаил» и адмирал оставить меня у себя ужинать. Тут в первый раз узнал я своего начальника и, признаюсь, считал себя счастливым, что несколько минут был с ним вместе. Прием его ласков и ободрителен, обращение столь просто и благородно, что он, так сказать, вдруг дает доступ к своей славе. За столом

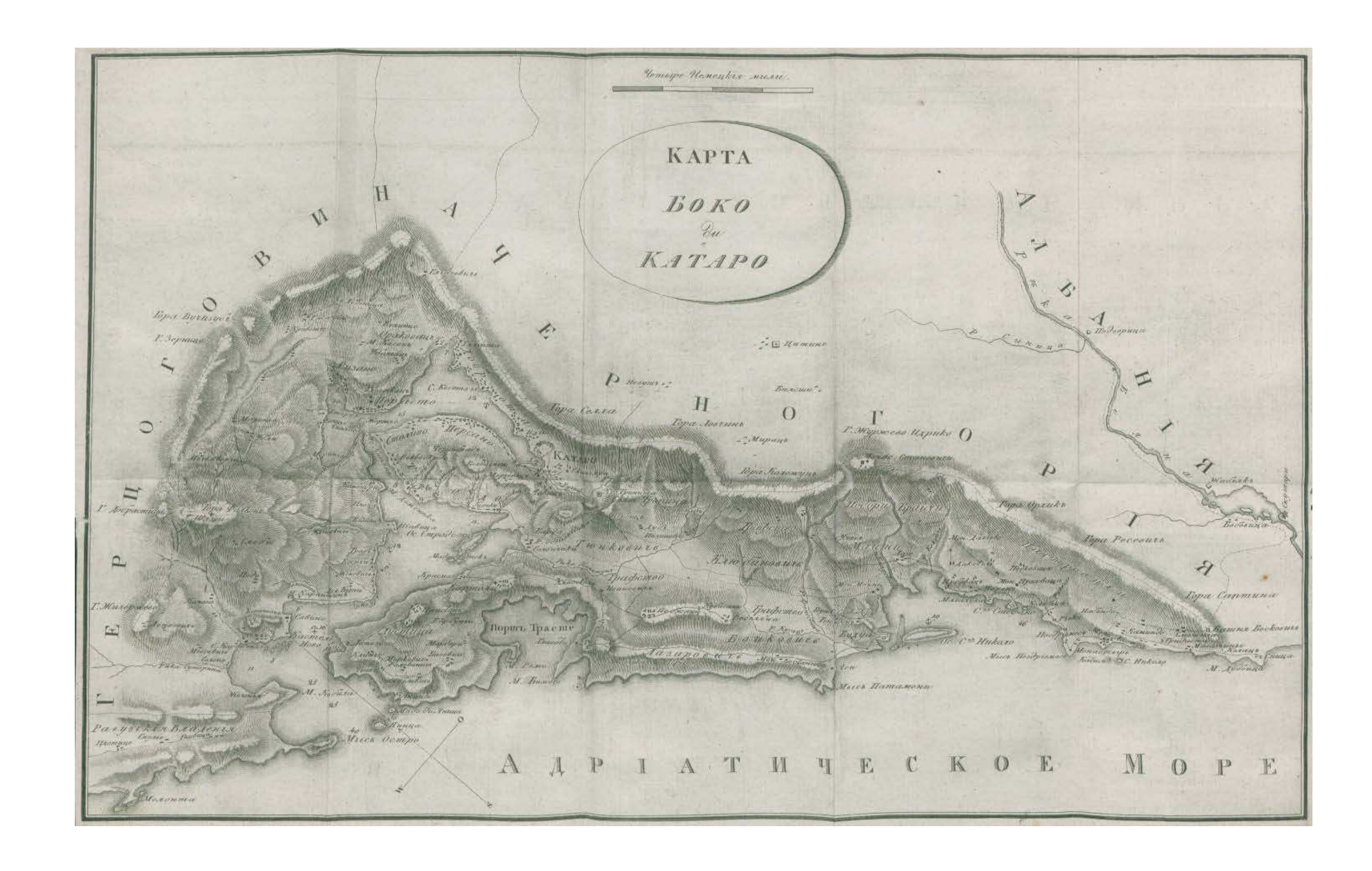
Дмитрий Николаевич казался быть окруженным собственным семейством. Беседа его была разнообразна и для всех приятна, каждый в ней участвовал, ибо он разговорами своими обращался к каждому, так что казалось, забывая себя, помнил только других, и я, последний из гостей, не остался без внимания. В нем виден был навык такого человека, который много видел, много читал и часто размышлял о пользах, слабостях, страстях и недостатках человеческого сердца. Когда кто из собеседников обращал разговор на прошедшие политические происшествия, он предоставлял свои мнения с такой скромностью, как бы они не были собственные его мысли, а того, с кем он говорил. Когда же разговор переходил к России, взор его оживлялся; все слушали со вниманием и, казалось, только в сем случае опасно было противоречить его мнению.

Взгляд на приготовление к войне черногорцев

1 июня со всего флота отправлены были гребные суда для перевоза черногорцев из Катаро в Кастель-Ново. Множество народа толпилось по улицам. На площади у гоубвахты раздавались черногорцам первой дивизии небольшие флаги, которые предпочитались народом настоящим знаменам потому, что на них был андреевский крест. Каждое селение составляло партию или роту, смотря по многолюдству своему, числом людей не ровную. Каждый округ составлял корпус, которым командовал сердарь. Всеми приморскими и черногорскими ратниками предводительствовал сам митрополит. Таковое разделение, как мне кажется, подстрекает соревнование и утверждает согласие, ибо в одной роте все воины большей частью родственники. Роты и корпус, принадлежа разным деревням, городу или округу, соревнуя, опережают друг друга и в сражении было бы стыдно остаться позади. Выбор начальников рот заслуживает внимание. Ратники од-

ного села, ставши в кружок, избирают между собой кандидатов; сии по старшинству лет рассказывают подвиги свои, исчисляют сражения, свидетельствуются ранами, которые при сем и открывают, оспаривая друг друга, что не без шума бывает. По общему согласию избирают, наконец, самого достойного и храбрейшего, снимают с него оружие, дают ему клятву повиноваться, и где он ляжет, там и свои головы положить. После сего начальник сей принимает флаг, со всеми идет в церковь, служат молебен, дают присягу и, вышед опять на площадь, снова становятся в кружок, вынимают мечи и, потрясая ими, все вокруг кричат: за крест, за веру, за матерь пресвятую Богородицу, за Царя Белого и Отечество, клянемся костями предков, славой их служить до последней капли крови, не просить и не давать пощады, умереть или победить. Признаюсь, таковое приготовление потрясает душу. Но глашатаи еще более возбуждают ярость сего полудикого народа, они усталым, осиплым голосом, не умолкая, кричат: «К оружию, храбрые славяне! Старые изменники рагузинцы обманули нас, отдали французам свои крепости, и как некогда сожгли они в церкви христиан, так и теперь, надеясь на помощь безверных, угрожают опалить землю нашу и истребить нас огнем и мечом. Кровь сожженных братий вопиет! Ступайте, мстите убийцам, изменникам и врагам вашим». Сии слова исторгли злостные ругательства: черногорцы, вращая в воздухе кинжалы, кричали: «Копсить поганых дуброников, удрить главы пасьей виры», то есть бить рагузинцев и французов. Я не мог усадить черногорцев на свою шлюпку, один войдет в нее, другой выйдет; это не такие войска, чтобы можно было подчинить их, они повинуются, и то не во всем, только тогда, когда видят пред собой неприятеля.

Конец первой части,
Заключающей происшествия от августа 1805по 1 июня 1806 года.


Четыре Немецкія мили
КАРТА
БОКО
ди
КАТАРО
ГЕРЦОГОВИНА
ЧЕРНОГОРІЯ
АЛБАНІЯ
АДРІАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
Катаро
Портъ Трасте
Рагузскія Владенія
Гора Селла
Гора Ловчинъ
Г. Журжево Цырико
Гора Сартина
Гора Россовичъ
Мысъ Патамони
Мысъ Остро

Часть вторая

1806 год, кампания против французов на Адриатическом море

Посылка брига «Летуна» в Превезу

По извещению министра при Ионической республике графа Моцениго, вице-адмирал Сенявин дал повеление командиру бригу «Летуна» взять французский корсар, захвативший российское судно в Превезе. Начальник брига, лейтенант Ив. Будаков, 8 февраля прибыв к устью Превезского залива, потребовал, чтобы российское судно было возвращено. Корсар, по настоянию правительства оставя российское судно, отошел в противолежащую бухту и на другой день напал на бриг; сражение продолжалось полтора часа и ядрами корсара город немало поврежден был. Хотя французская шебека была сильнее нашего брига, однако ж, пользуясь тишиной, принуждена была отойти на веслах во внутренность губы, где, выгрузив с одного борта пушки и поставив оные на две батареи, стала на мелководии между оными. По возвращении брига «Летуна» с российским судном в Корфу, командир брига «Феникса» капитан-лейтенант Сулменев, вместе с Будаковым, получил повеление истребить французский корсар. Оба брига 13 февраля пустились в губу; при входе их вышел им навстречу турецкий бриг о 14 пушках и следовал за ними; неприятельский корсар стоял при местечке Салагоре, в устье реки Луру и, как выше сказано, защищался двумя батареями. Бриги по мелководию не могли подойти на решительную дистанцию, ядра их едва доставали; почему и оставили нападение, а корсар вошел далее в реку. Во время сражения турецкий бриг был спокойным зрителем. Вице-адмирал представил турецкому начальству, что если они позволяют неприятельскому корсару строить батареи на

их береге, допускают задерживать суда, нагруженные разной провизией для российской эскадры, и впредь не примут надлежащих мер для удержания своевольства неприятельских судов, то принужден будет взять строгие меры, коими может прекратить подобные злоупотребления власти начальников союзной с Россией державы. В сем происшествии видны происки неприятеля, но Али паша, знакомый с вице-адмиралом, по первому сему опыту узнав, что невыгодно ему будет делать подобные неприятности, воспользовался первым случаем уверить Сенявина в своей дружбе и расположении. Паша по турецкому обычаю прислал адмиралу некоторые подарки, за которые, должно полагать, получил гораздо значительнейшие, ибо, невзирая на умыслы неприятеля, искавшего лишением подвоза съестных припасов вредить нам в Корфе, Али паша во все время был добрым соседом и хорошим приятелем вице-адмиралу.

Действия эскадры капитана 1-го ранга Белли

Вице-адмирал прибыл 15 марта в Катаро и лично удостоверился в преданности к государю императору бокезцев, объявивших чрез депутатов готовность свою жертвовать не только собственностью своей, но и жизнью. Уважая такую искреннюю приверженность народа, в коей не было никакого сомнения, положил защищать и помогать им сколько возможно. Учредив полицию и конвой до Триеста и Константинополя, выслав 30 судов, вооруженных от 8 до 20 пушками, для блокады портов неприятельских в Адриатическом море, предписал капитану Белли с кораблями «Азией», «Еленой», «Ярославом»; фрегатами «Венусом», «Михаилом»; бригом «Летуном», шебекой «Газард» и шхуной «Экспедицион», стараться овладеть островами, лежащими против Далмации.

Взятие крепости Курцало

Вследствие сего повеления капитан «Белли» с кораблем «Азией», «Ярославом», «Еленой» и 9 купеческими судами 29 марта вышел из Катарского залива. В канале Каламота присоединил к себе шхуну «Экспедицион» и шебеку «Газард», а 30 марта в полдень «Ярослав», «Экспедицион», «Летун» и «Газард», положив якорь на пистолетном выстреле от крепости, открыли по оной сильный огонь. Менее, нежели в полчаса, пушки на стенах были сбиты, и неприятель защищался только ружейной стрельбой. Когда корабль «Азия» становился на якорь, а десант, состоявший из 2 рот морского полка и нескольких матросов, на гребных судах повезли прямо к крепости, то неприятельский комендант, видя себя атакованного с моря и сухого пути, и полагая, что корабль «Елена» с 9 купеческими судами, приближавшимися к крепости, имеют другие высадные войска, которых в самом деле не было[46], спустил на крепости флаг, вышел из оной с гарнизоном, положил ружье и сдался без условий на власть. В плен взяты подполковник — 1, капитанов — 2, офицеров — 5, унтер-офицеров — 20, барабанщиков — 5, рядовых — 227, убитых было 85. В крепости досталось пушек медных разного калибра 12, в магазинах же достаточное количество амуниции и запасов. В приз взято 9 судов.

По взятии острова Курцало капитан Белли, узнав, что на острове Лиссе (разночтения) находится несколько французских солдат, послал туда немедленно «Экспедицион» и «Газард», чтобы взять их. Командир шхуны, быв против порта Луке, и, увидев 3-мачтовое судно под парусами, догнал и взял на оном 39 французских солдат с офицером и некоторыми военными припасами. Лейтенант Сытин, командир шебеки,

---

[46] Суда сии долженствовали идти в Триест и находились при эскадре единственно для того, чтобы тем обмануть неприятеля.

взял еще в крепости Лисса несколько человек и 7 медных пушек, а 5 апреля из крепости Камиссо, что в порте С-т Жоржьо на том же ос. Лисса, взято медных пушек 12 фун. калибра две и одну 8 фун. После сего крейсеры наши, продолжая поиски над неприятелем, перехватили еще несколько солдат, взяли значительное количество амуниции и провианта и тем принудили оставить во власть нашу все острова, которые довольно были удалены от матерого берега Далмации. Мелкими судами эскадры Белли только по 9 апреля взято 14 судов.

17 апреля капитан Белли прибыл к крепости Лезина; 19-го числа, пользуясь темной ночью, послал построить батарею на небольшом островке, лежащем против устья гавани. Как скоро приметил неприятель, что занят островок, открыл сильный огонь из ружей; но вооруженная требака под командой мичмана Харламова, шебека «Газард», бокезский корсар Лазаря Жуановича, баркас с 24 фун. каронадом и два катера с фальконетами картечными выстрелами скоро их прогнали. Несмотря на перестрелку, продолжавшуюся всю ночь, 20 апреля к 5 часам утра матросы под командой мичмана Милона и артиллерии унтер-лейтенанта Палеологи, устроив батарею из двух 12 фунтовых и одной 6-фунтовой пушек, открыли пальбу. Неприятель, отпаливаясь несколько, вскоре замолчал. В половине 7 часа повезли с острова десант на берег, состоявший под начальством штабс-капитана Скоробогатова из 100 солдат и 42 матросов под командой мичмана Башуцкого. Оный десант под прикрытием наших судов, вышед на берег, ударил в штыки и скоро занял ограду католицкого монастыря; но французский гарнизон, вышед из крепости в превосходных силах, по долгом сопротивлении вытеснил наших из ограды и принудил отступить на суда. Урон наш состоял: убитых — 11, раненых — 33, в плен попавшихся: штабс-капитан Скоробогатов, гардемарин 1 и 32 нижних чинов, кои, защищая ретираду, не могли на кате-

ре, ставшем на мель, отвалить от берега. Неприятель должен иметь значительнейшую потерю, ибо, пока не смешались французские войска с нашими, тогда действовали по ним в продолжении двух часов со всех судов не только ядрами, но и картечью. 25 апреля капитан Белли заметил, что неприятель очень усилился людьми, и, поставив большие пушки на выгодных местах, начал вредить корабли наши, потому и решился он оставить предприятия свои на крепость Лезино, а продолжать поиски в других местах, где, по неимению большого числа высадных войск, можно ожидать успеха.

Главнокомандующий, сделав нужные в Корфе распоряжения для защиты республики против неприятеля предприимчивого и утвердив Али пашу в тех мыслях, что ему выгоднее остаться с нами в добром согласии, нежели помогать видам Наполеона, с большей частью флота прибыл в Катаро 19 апреля и, получив рапорт об успешных действиях эскадры Белли, отправился к острову Курцало с кораблями «Селафаилом», «Петром» и фрегатом «Автроилем». 27 апреля адмирал, подходя с эскадрой к крепости, удивился, не видя на оной никакого флага. Вскоре потом показались несколько французских часовых, почему сигналом приказал он кораблям лечь на якорь. Весьма свежий ветер препятствовал в то же время сделать десант. К вечеру адмирал узнал, что в ночи на 26 число прибыли из Макарска на 7 судах около 350 человек французов, напали невзначай на оставленный капитаном Белли при подпоручике Воейкове малый отряд солдат, полонили их и заняли крепость. Из семи тех судов два еще до прибытия эскадры ушли обратно, а прочие пять взяты фрегатом «Автроилем», одно из них имело две 18 фунт. пушки. К вечеру ветер утих, гребные суда посланы были в разъезд около крепости, а пред светом сделан был десант, но французы также пред светом оставили крепость и бежали с разных мест острова на обывательских лодках на супротивный рагузский берег, откуда нейтральными владениями республики

без сопротивления возвратились в Далмацию. Гребные суда успели перехватить одну только лодку с 16 французскими солдатами. Сверх крепостных пушек найдено еще семь и достаточное число провизии и военной амуниции. Солдаты наши, бывшие в плену, кроме подпоручика, возвращены.

29 апреля, оставив у острова Курцало фрегат «Автроил», адмирал отправился к острову Лезино. Около полудня, быв между островами Лезино и Лиссою, корабль «Азия» соединился с эскадрой. Адмирал, получив рапорт от капитана Белли о положении неприятеля в крепости Лезино, усмотрел, что с малой силой, по настоящим обстоятельствам, трудно удержать остров за собой, ибо французы из Италии в Далмацию переходят чрез владения австрийские беспрепятственно и каждый почти день умножают свою силу; следственно, завладев оным, должно будет оберегать большим числом военных судов и гарнизона, а неприятель, по близости острова к Спалатро, всегда может напасть на крепость с превосходной силой. По сей причине адмирал возвратился с эскадрой к ос. Курцало, где, оставив для охранения корабль «Азию», шебеку «Газард» и три канонерские лодки, обращенные из призовых судов, отплыл в Рагузу. По желанию жителей Курцало, утвердив графа Гризогона гражданским начальником острова, который и при австрийском правлении управлял сей частью, адмирал не только не потребовал от жителей никакой подати, но все доходы предоставил в их же пользу.

Генерал Лористон занимает Рагузу и уничтожает республику

Рагузский сенат, узнав о прибытии главнокомандующего в Катаро, отправил сочлена своего сенатора Владислава Сорго изъявить ему свое почтение и просить о благодушном покровительстве республики. Адмирал на возвратном пути из

Курцало в Кастель-Ново 6 мая принят был в Рагузе с великими почестями и торжеством. Он, желая отвратить от республики неприятности, коим она ежедневно подвергалась по злостным распоряжениям неприятеля, всегда ищущего случая притеснять те независимые области, которые по слабости своей не могут делать им никакого сопротивления, не только предал забвению нарушение нейтралитета свободным пропуском чрез свои владения бежавшего из Курцолы французского гарнизона, но приказал консулу Фонтону отступиться от требования приза, взятого французским корсаром в Рагузском порту, и сверх того, снисходя на просьбу сената, позволил 10 республиканским судам идти в блокированные порты Пулли для покупки там пшеницы и деревянного масла. Таковой знак великодушия и снисхождения сенат принял с признательностью, но вслед за сим в порте Зулиани неприятельский корсар взял бокезскую требаку, и как по прошению ректора французский генерал с нарочно посланным даже не отвечал на письмо его, то и должно было думать, что неприятель не намерен щадить республику, состоящую под покровительством Оттоманской Порты, столь же им, как и нам дружественную. Почему главнокомандующий принужден был дать приказание равномерно брать французские суда не только близ берегов, но и в самых портах Рагузы. Сей мерой все неприятельские корсары были взяты или истреблены, и рагузцы остались спокойными. Во время пребывания в Рагузе адмирал сделал с сенатом следующее условие: при первом получении известия о вступлении французских войск в республиканские земли главный город и крепость Новая Рагуза примет российский гарнизон, и правительство вооружит тогда граждан, дабы действовать соединено с нашими войсками. С сим намерением фрегат «Михаил» поставлен был в канал Каламото. После такового соглашения можно было ожидать, что ректор и сенаторы, видя различность поступков

российских и французских генералов и не имея возможности сохранить нейтралитет, должны были решиться принять еще скорее сторону России, ибо, приняв сторону Франции, не имеющей морской силы, они лишились бы торговли, без которой существовать не могут. Притом зная, с какой милостью поступлено с бокезцами и даже с покоренными силой оружия жителями Курцало, и противного тому ожидая от владычества Наполеона, должны бы не нарушить своего условия, но два или три сенатора, соблазнясь обещаниями французских агентов и полагая, что Франция имеет более способов защищать их от неприятелей, нежели российский флот и войска, предала республику во власть французов. Политика с покорностью принимать повеления сильного, которая до сего времени сохраняла существование Рагузы, на сей раз не удалась, и республика погибла. 14 мая, в то самое время, как адмирал накануне отправился в Триест, генерал Лористон с 3-тысячным корпусом перешед чрез Турецкую границу, прибыл в Слано, а 15-го числа занял Новую Рагузу. 16 мая французский генерал именем Бонапарта объявил, что не прежде независимость и нейтралитет Рагузской республики будет признан, пока российские войска не оставят Катаро, Корфу (?) и другие прежде венецианские острова! И пока российская эскадра не удалится от берегов Далмации! А как российский адмирал не намерен был исполнять желаний неприятеля, то республика присоединена к Франции. Таким образом, хотя сенаторы скоро увидели ошибку свою, но народ лишился уже своей вольности, торговли и благосостояния.

Взятие Старой Рагузы. — Сражения в горах. — Разбитие генерала Лористона и осада Новой Рагузы

Узнав о занятии Рагузы французскими войсками, митрополит Петр Петрович с черногорскими и приморскими

своими войсками, с двумя ротами Витебского и одной 13-го егерского полков под командой майора Звягина, пошел навстречу неприятелю. 21 мая французы совокупно с рагузскими жителями встретились с войсками нашими в пяти верстах от Старой Рагузы, и началось сражение. Передовые посты тотчас были сняты, неприятель, устроившись в линию баталии, не мог выдержать быстрой атаки нерегулярных войск, был расстроен и прогнан в Старую Рагузу. При сем случае с нашей стороны убит егерь — 1, раненых — 5, черногорцев и приморцев — 9, раненых — 7; а французов и рагузинцев побито до 250 человек. Один французский офицер бросился в море и утонул. 22 мая майор Забелин с 4 ротами Витебского и 4-ю егерей соединился с митрополитом, а французы ночью оставили Старую Рагузу с 4 заклепанными пушками. Наши войска тотчас заняли их место! 23, 24 и 25 чисел черногорцы и приморцы с подкреплением наших войск имели беспрестанные стычки с неприятелем, всегда прогоняли его назад и заняли все пространство, находящееся между Старой и Новой Рагузой. Как сражения сии происходили у морского берега, то корабль «Уриил», бокезский корсар, канонерские лодки и вооруженные гребные суда, поставленные тут контр-адмиралом Сорокиным, помогали черногорцам картечными выстрелами. В сражениях сиих убито и ранено: черногорцев — 13 человек, а неприятеля побито: офицеров — 8, солдат — до 300 человек. 25 мая черногорцы взяли знамя, барабан и 150 ружей. После сего французские генералы, устрашенные храброй встречей войск наших, особенно дерзостью черногорцев, которых мужество возросло от удачи и которые не давали пощады и не брали в плен, сделали пред Новой Рагузой на горе Баргарт в разных, почти неприступных местах, укрепления и не выходили далее оных. Передовые посты их, несмотря на храбрость французских вольтижеров, всегда были побиваемы черногорцами.

Главнокомандующий, узнав в Триесте о занятии французами Рагузы, прибыл 27 мая в Катаро, а 28-го в Старую Рагузу, и, получив полное сведение от митрополита, принял намерение простирать поражение далее. 31 мая, сделав в Катаро нужные распоряжения, 11 июня со всем флотом и бокезскими вооруженными судами возвратился к Рагузе. 2 июня адмирал обще с митрополитом положил отнять у неприятеля два пункта: гору Баргарт и остров Сан-Марко, и, если откроется возможность, и силы наши будут соответствовать силам и положению неприятели, то взять крепость Новую Рагузу. Вследствие сего 3-го числа митрополит, предводительствуя черногорскими и приморскими войсками с отрядом майора Забелина, двинулся к Новой Рагузе. Дойдя к

передовым постам, сбил французов с места, убил 80 человек, принудил
бежать в укрепление и в близком от них расстоянии расположил свои и наши регулярные войска. К 4-му числу генерал-майор князь Вяземский, шеф 13-го егерского полка, с батальоном своего имени, прибыл из Корфы, и вместе с пришедшими с ним из Катаро нерегулярными войсками перевезен на гребных судах из Старой Рагузы в лагерь перед Новой, где принял регулярные войска в свою команду. 4 июня главнокомандующий, митрополит и князь Вяземский осматривали положение неприятеля с моря и сухого пути.

5 июня весь день погода была ясная и весьма тихая. В 4 часа утра по сигналу стали верповаться[47] к Новой Рагузе корабли «Селафаил», «Параскевия», «Св. Петр», «Елена» и фрегат «Венус», а шебека «Азард» и пять канонерских лодок шли на веслах. Чтобы узнать, где и какие на острове Сан-Марко и в крепости находятся сильные и слабые стороны, контр-адмирал Сорокин с отрядом, на сей случай ему препорученным, открыл пушечную перестрелку и стал на якорь против высот, где стояли войска наши. Того же числа произошло в виду флота весьма важное и славное для храбрых войск наших сражение. Невзирая на палящие лучи солнца, несмотря на неравенство сил и неприступное положение, избранное неприятелем, битва сия справедливо уподобиться может переходу чрез Сент-Готард, ибо и здесь должно было сражаться с самой природой и надлежало взбираться на крутые голые утесы, защищаемые пушками.

Неприятель расположился на неприступных каменистых высотах рагузских, устроил там батареи на выгоднейших местах и готов был к принятию атаки. Он занимал линию от моря до турецкой границы, не весьма пространную, и тем она

---

[47] Тянуться завозами.

была крепче. Природа и искусство обеспечивали его совершенно. Правое крыло его прикрыто было морем и крутым берегом; левое — турецкой границей, где не надлежало быть сражению. Пред фронтом его отвесные высокие скалы; занимаемые им четыре важнейшие пункта, были один за другим сомкнуты и соединены так, что каждый из них мог защищать один другого. Число неприятеля простиралось до 3000 регулярных и до 4000 рагузцев, исправных и хорошо вооруженных стрелков. Наших регулярных войск было 1200 человек, да черногорцев и приморцев до 3500. С таким числом весьма трудно было атаковать неприятельский фронт; ибо известно, как французы умеют укреплять места и как искусно выбирают выгодное положение для батарей. Несмотря на все сии с нашей стороны невыгоды, главнокомандующий положил сделать нападение, и рано поутру 5 июня митрополит отрядил на перестрелку часть черногорцев, дабы захватить передовые французские поста. Черногорцы бросились храбро и пред самым важным пунктом на самокрутейшей горе тотчас взяли один передовой пост и, ободряясь сей удачей, напали на другой с запальчивостью. Князь Вяземский, заметив, что неприятель предпринимает заманить черногорцев, отрядил для подкрепления их три роты егерей под командой капитана Бабичева, который с чрезвычайной поспешностью взошел на гору, сколь ни препятствовала ему крутизна ее. Неприятель, усилясь, прогнал было черногорцев, но прибытие Бабичева удержало его стремление. Черногорцы, соединяясь с егерями, вступили храбро в бой. Положение сих трех рот и отряда черногорцев было опасно, они стояли на краю пропасти.

В сие время князь Вяземский, имея в виду повеление главнокомандующего непременно овладеть высотами, обще с митрополитом приступил к исполнению оного. И тем более поспешил начать атаку, что в ту минуту турецкий паша уве-

домил, что неприятельское подкрепление приближается. Митрополит с нерегулярными войсками тотчас взошел на занятую высоту. Изумленный неприятель, не ожидая атаки с сей стороны и считая сие невозможностью, весьма отчаянно защищал сию позицию, и, усилившись, устремился на отряд капитана Бабичева, но три его роты и черногорцы, ободренные личным присутствием митрополита, не уступили ни шагу отчаянному неприятелю. Между тем, как митрополит сражался на краю пропасти против превосходных сил, на него устремленных, князь Вяземский, разделив малый отряд свой на две колонны и выслав пред оными охотников под командой храбрых офицеров Красовского, Клички, Ренненкампфа и Мишо, пошел на неприступную высоту, укрепленную батареями, с решительностью, свойственной герою и возможной только для русского воина. Лористон, заметив общее движение, всей силой теснил охотников наших и ударил на митрополита, которого особа была в крайней опасности; колонны восходили на крутизну и были уже близ вершины. В сем положении отступление было уже невозможно; шаг назад и все потеряно. Мы, смотря с кораблей, с которых место сражения было видно, не смели спустить глаз и в мучительном беспокойстве ожидали, чем кончится. Наконец на вершине горы показались наши знамена, эхо повторило громкое: «Ура!», и войско наше, подвинувшись вперед, скрылось в ущельях.

Неприятель, будучи вытеснен из-за каменьев, остановился между своих батарей. Обе наши колонны, соединившись с митрополитскими войсками, после малой перестрелки пошли на штыки; французы защищались упорно, но принуждены были отступить. Митрополит и князь Вяземский, не давая опомниться неприятелю, теснили его беспрестанно нападениями. Офицеры наши, будучи всегда впереди,

оказали себя достойными сподвижниками Суворова[48]. Черногорцы соревновали нашим солдатам и с таким жаром бросились штурмовать первое укрепление, что редут с 10 пушками был немедленно взят открытой силой. Таким образом, преоборя укрепления, природой устроенные, и, несмотря на картечи, коими искусственно хотели отразить хитрые храбрых, французы уступали одну за другой три свои линии и батареи, оные защищавшие; тут генералы их старались показать свое искусство, обходили наши фланги, но ничто им не помогало, они везде были предупреждены, русский штык и дерзость черногорцев повсюду торжествовали. Будучи преследуем по пятам, неприятель успел, однако ж, остановиться сзади четвертой своей позиции на самом хребте горы над Рагузой, но и тут не мог удержаться ни десяти минут, совершенно разбитый и расстроенный обратился в бегство; черногорцы, приморцы и все охотники спешили отрезать его от города; страх родил в нем быстроту, темнота и стены крепости скрыли беспорядочное его отступление. В сие время прибывший неприятельский сикурс хотел остановить победителей, но при первом натиске обращен был в бегство. Проворные черногорцы, забежав вперед и залегши по обе стороны дороги, поражали неприятельский арьергард даже на самом мосту под картечными выстрелами крепости. Кроме перестрелки нерегулярных войск, начавшейся с утра, сражение при палящем зное продолжалось от 2 часов пополудни до семи, последние выстрелы умолкли в 8 часов вечера. И так помощью Всевышнего горстью людей одержана достославная победа над неприятелем превосходным, предводимым искусным генералом Лористоном, и укрепленная неприступная гора Баргарт над Рагузой занята.

[48] 15-я дивизия, находившаяся в Средиземном море, служила под предводительством Суворова в Турции, Польше и Италии.

В сем сражении взято пушек разного калибра — 19; убито: генерал Дельгог (Delgogue), штаб и обер-офицеров 18, в том числе полковник адъютант Лористона, рядовых — до 400, пленных взято 23, да на другой день скрывшихся в пещерах и ущельях горы — 68 человек. Рагузцы потеряли убитыми и ранеными до 400 человек. С нашей стороны урон состоит в убитых: портупей-прапорщик — 1, рядовых — 16, раненых: офицеров — 3, солдат — 30, без вести пропавших — 1; черногорцев и бокезцев убитых и раненых около 100 человек.

Пленные сохранены нашими войсками. Черногорцы, невзирая на то, что адмирал обещал им за каждого пленного по червонцу, столь озлоблены были, что не давали французам пощады и тотчас резали им головы, в том числе не пощадили и генерала Дельгога. Впрочем, должно отдать им справедливость за редкую неустрашимость и должно упомянуть об отличившихся, которых рекомендовал митрополит. Брат митрополита Савва Петрович, секретарь его Владевич, губернатор Черногорский Вуколай Радонч, протоирей Иоанн Пророкович, священник Лазаревич, черногорцы Вуко-Юра и Мило.

6-го числа пред светом высажен был на остров Сан-Марко десант до 600 морских солдат с матросами и рота егерей, под командой 2-го морского полка полковника Буаселя. Корабли «Параскевия», «Петр», фрегат «Венус», шебека «Азард» и 5 канонерских лодок, приблизившись к острову на пристойное расстояние, действовали по укреплению из пушек. Десант во всем порядке, разделясь на три колонны, скорым шагом подошел к подошве весьма каменистого, заросшего колючим кустарником высокого кургана, на вершине которого стояло укрепление, обнесенное довольно высокими каменными стенами и защищаемое 5 большими пушками.

Неприятель начал стрелять по колоннам из 3 пушек, сперва ядрами, потом картечами, а наконец, когда наши

рассыпались и окружили укрепление, открыл сильный ружейный огонь. Егери и матросы, подбежав под самые стены и скрыв себя за каменьями и кустами, наносили немалый вред неприятелю. Наши наступили было с чрезвычайной храбростью штурмовать укрепление, но положение места, весьма выгодное для неприятеля, и возвышенный бруствер, окопанный рвом, остановили их. Адмирал, имея в предмете сделать только рекогносцировку и увидев невозможность без чувствительной потери овладеть сим редутом (ибо остров не представлял удобного места для построения батарей против города, откуда ядра палили навесными выстрелами, а французы из города свободно могли получить помощь), поспешил сам на остров и приказал отступить; войска во всем порядке, не будучи преследуемые неприятелем, сели на гребные суда и возвратились на корабли. Дабы более притеснить город с занятой уже позиции, 4 роты морских солдат подкрепили отряд князя Вяземского. Во время приступа было убитых у нас 13, да раненых 57 человек.

Князь Вяземский в тот же день отрезал воду у города, в котором, кроме чистерн, оной не было. Дабы обеспечить правый фланг наш от нечаянных нападений и открыть сообщение с морским отрядом, находящимся в порте Санто-Кроче, нужно было отнять у неприятеля одну высоту. Для сего того же 6 июня в полдень отправлен был майор Забелин с двумя ротами и частью черногорцев. Наши, подошед к высоте, ударили на неприятеля в штыки, принудили отступить и гнали до самых ворот крепости, убив до 80 человек. В то же время капитан 2-го ранга Михайла Быченский немедленно удалил от берега все суда, стоявшие в порте, и таковой поспешностью предупредил намерение неприятеля сжечь оные. Кроме 69 пушек взято 20 больших купеческих судов совсем вооруженных, верфь и морской арсенал с значительным количеством всякого рода запасов. Сверх сего немалое число требак и малых грузовых лодок.

Таким образом, заключив неприятеля в одной Рагузе, обложив город с моря кораблями, а с берега — войсками, лишив его воды и подвозу съестных припасов, адмирал, осмотрев 7-го числа положение вокруг крепости, приказал устроить две батареи на средине высоты, занимаемой нашими войсками. Два картаула и две 24-фунтовые коронады доставлены были с кораблей с чрезвычайной трудностью. 500 матросов тащили их верст 10 по скалам и крутым горам. Первая батарея из двух коронад окончена 10-го, а последняя 12-го, и сего числа начали действовать весьма исправно, так что каждый выстрел причинял вред неприятелю, ибо город находится у подошвы горы весьма крутой, откуда было очень удобно стрелять. Оные батареи вскоре усилены были еще 3 мортирами.

Батареи действовали беспрестанно с отменной исправностью. Искуснейшие черногорские стрелки, засев в развалинах домов, под самыми стенами бывших, наносили величайший вред неприятелю, который высылал малые отряды для удаления их от крепости. С первых дней осады жители начали чувствовать во всем недостаток. Никогда еще рагузцы за политическую ошибку или, лучше сказать, неудачный расчет, не были наказаны так жестоко. Черногорцы и бокезцы по своим обычаям и правам войны взяли все, чего не успели унесть или истребить рагузцы. Ни убеждения митрополита, ни власть главнокомандующего не могли спасти тех, кои сражались против них вместе с французами. Мщение храбрых, но не знающих никакой подчиненности черногорцев, было неумолимо и ужасно. После сражения 5 июня жители, скрывшиеся в крепость, нашли там новые утеснения от своих друзей, с которыми они надеялись весьма легко покорить Катарскую область и разорить черногорцев. Лишась торговли, утратив вольность, они принуждены были заплатить контрибуцию и уступить французам богатую казну респуб-

лики. Генерал Лористон, по похвальной привычке своего правительства жить на чужой счет, не имел никакого запаса; почему при начале осады принужден был отобрать от жителей хлеб, сколько его нашлось, и чистерны с водой берёг только для гарнизона. Таким образом, угнетенные мстительной рукой древних своих врагов и соперников и в призванными ими друзьях не нашед добрых защитников, а властителей жестоких и корыстолюбивых, слишком уже несчастные рагузцы умирали от меча, огня, голода и жажды. Только те из жителей, кои по счастью не успели уйти в город, нашли благодушное, истинно христианское покровительство у своих неприятелей. Как нельзя было сохранить оставшуюся часть республики от набегов черногорцев, то адмирал предложил жителям удалиться на острова Рагузские, к которым капитанам кораблей не приказал допускать бокезцев и черногорцев, и объявил их под покровительством императора Всероссийского. Рагузцы, поздно раскаявшись, хотели дать присягу в верноподданстве; но адмирал, не желая подвергнуть их гонению французов, отвергнул оное, но позволил, однако ж, пользоваться торговлей и, к изумлению их, особенно французов, не только не требовал контрибуции, но избавил их от всякой подати.

Плавание к берегам Далмации

Капитан «Венуса» получил повеление идти вдоль берегов рагузских для поиска над неприятелем, почему 17 июня перешли мы в Каламоту, откуда на другой день, вместе с шебекой «Азард», пошли сим каналом близ берега и у Станьо соединились с фрегатом «Автроилем». Капитан оного Бокман вчерашнего числа поутру высадил несколько матросов для разведывания, которые у Слано встретились с французами, идущими из Станьо числом до 500 человек, с коими перестреливаясь, отступили без потери. Черногорский отряд имел в тот же день сражение с сими французами, которые, по

уверению жителей, отошли к Станьо, где, как думают, соединятся они с большим число войск, назначенных для освобождения Рагузы.

К вечеру 18-го отряд наш прошел весьма тесный пролив, между двумя высокими островами, крутые берега коих, почти сходясь, составляют род разрушенных ворот. День был очень жарок, и к вечеру сделалось безветрие. Голубые облака, украшавшие небо, отражались на светлом зеркале воды; море было совершенно спокойно; солнце на чистом горизонте, какого на земле никогда не можно видеть, являло взору великолепную картину захождения. Длинные лучи, осыпая черту, где небесный свод соединялся с морем, позлащали близкие к горизонту облака; море горело пурпуровым огнем; огромный золотой шар, постепенно понижаясь, опустился наконец в море и алый цвет неба, мало-помалу бледнея, потушил блеск зари. Ночь наступила, небо украсилось новой одеждой, луны вышла из-за высоких гор, и неисчислимые миллионы ярких звезд возжглись и изобразились на спокойной, чуть колеблющейся поверхности моря. 19-го числа при тихом ветре отряд наш мало подвинулся вперед, с полуночи же подул свежий ветер, и мы поутру 20 июня положили якорь у крепости Курцола.

Остров Курцола

Входя в пролив, увидели на Рагузском берегу несколько солдат; ударили тревогу, зарядили пушки картечью и уже готовы были дать полный залп, как капитан приказал бить отбой: это были австрийцы. Комендант острова Курцолы прислал уведомить нас, что 3000 солдат под командой фельдмаршала-лейтенанта графа Беллегарда, по соизволению государя императора, идут принять Катаро для сдачи оной области французам. 23 судна под конвоем двух военных бригов стояли у Рагузского берега в Порте Розе. Граф Беллегард

скоро прислал к нам своего адъютанта спросить, не имеем ли мы от адмирала каких к нему бумаг. Лейтенант Насекин, по болезни капитана, ездил к австрийскому генералу и объяснил, что нет никакого повеления от главнокомандующего, а потому конвой не может продолжать далее своего пути, ибо Рагуза находится в осаде, и все порты республики блокируются; австрийцы принуждены были согласиться дожидать повеления адмирала.

Остров Курцола, в древности известный под именем Черной Корциры, отделяется от полуострова Сабиончелло, принадлежавшего рагузской республике, проливом того же названия. Ширина его версты 4, а местами не более версты. Зимой, хотя и дуют здесь боры, но, как на глубине от 25 до 11 сажен, грунт везде ил, то рейд и для больших кораблей довольно удобен. Курцола представляет небольшие горы, покрытые дубовым лесом и кустарником. Сей остров производит знатное количество хорошего красного вина, а лов анчоусов и сарделей составляет главную ветвь торговли. Сверх сего он отпускает много дров, и жители особенно занимаются строением небольших судов. Крепость Курцола лежит на мысу, плохая высокая четвероугольная стена заключает в себе несколько домов и лежит при подошве возвышений, командующих крепостью. Город, полагают, построен Диоклетианом. Положение его близ неприятельских портов и возможность при нашей морской силе защищать одной ротой солдат делают его для нас весьма важным пунктом, ибо корабли, имея у него пристанище и получая тут вино и дрова, которых нет в Катаро, могут во всякое время блокировать порты Далмации. Жителей на всем острове 6000.

Ровное прибрежие Сабиончелли, где в древности находился город Онеум, осеняется высокими бесплодными скалами; прекрасные сады, лежащие у подошв их, и прохлада вечера побудила нас съехать на берег. Не удивляйтесь, что так смело выходим на неприятельскую землю.

Славяне и вообще другие здешние подданные Франции почитают нас своими друзьями, ибо по милосердию российского монарха они имеют в нас истинных своих покровителей. Сколько ни старались внушать им недоверенность к россиянам, сколько ни уверяли их в счастье принадлежать великой и просвещенной нации, однако ж одних русских принимали они с уважением, а французов боялись, как чумы. Лишь вышли мы на берег, хозяин первого сада пригласил нас в свой дом; оный стоял на покате зеленого холма, в средине плодовитых дерев, рассаженных широкими рядами. С одной стороны плющ и мирт покрывал стену дома, с другой — виноградные лозы осеняли вход в него, одна крытая аллея вела к морю, другая к деревне. Недалеко от дома, мелкий ручеек, пробираясь с журчанием между миндальных, фиговых, рожковых и шелковичных дерев, то показывается, то опять теряется в густой тени. Уютный домик представлял во всем приятную простоту сельской жизни: мебель была грушевого дерева на образец английской, в углу стояла ручная мельница, в другом девушка, одетая довольно щеголевато, разматывала шелк на самопрялке. Розина (так звали девушку), по приказанию отца, вышла и скоро принесла кофе и подала каждому по трубку табаку, потом потчевала ликером и плодами, только что снятыми с дерева. Девушка была очень пригожа и потому мы не хотели, чтоб она была нам служанкой. Догадливый рагузинец, приноравливаясь к нашим обычаям, приказал ей что-нибудь спеть. Опустив вниз глаза, дрожащим, но весьма нежным голосом, начала она итальянский романс (Vieni o nice! amato bene), аккомпанируя себе на гитаре. Подумать можно, что отец ее богат. Напротив сад, несколько птиц и коз, прыгающих по утесам, составляют все его имущество. При сем справедливо можно заметить, что рагузцы много упредили в просвещении соседей своих, одного с ними происхождения, славян. Несмотря на то, что небо

покрылось тучами, приятность местоположения и свежесть воздуха поощрила нас идти на гору. Древний монастырь Св. Франческо, окруженный стенами и печальными кипарисами, весьма украшает вершину дикой голой скалы, но как стало очень темнеть и вдали блистала молния, то мы, немного не дошед до вершины, воротились назад. Сошед вниз, гора, которая ниже других, казалась им равной и закрыла собой гораздо ее высочайшие. Не так ли и в свете ничтожный и порочный кажется равным добродетельному человеку? Не так ли дерзкий льстец и невежда затмевает достоинства скромного неискательного человека?

Крейсирование у Далматских берегов. — Взятие двух шебек и возвращение в Катаро

По прибытии нашем на фрегат, рагузские пастухи, вслед за нами приехавшие, объявили, что они видели пред захождением солнца несколько французских военных судов, остановившихся в бухте по северную сторону Сабиончелло. По причине темной ночи и проливного дождя два офицера, посланные на вооруженных баркасах осмотреть положение неприятеля, воротились без успеха. Комендант Курцолы прислал подтверждение первого известия, почему отряд на рассвете 21 июня снялся с якоря. Лавируя, благополучно вышли мы из пролива и в 10 часов утра близ песчаной отмели мыса Гомена увидели 11 французских шебек и канонерских лодок.

Неприятель, отрубив канаты, пошел на веслах против ветра и, обогнув длинный мыс, не преставая грести, распустил паруса, направляя путь свой к Спалатре. В то время, как мы при небольшом противном ветре принуждены были для обхода отмели сделать несколько оборотов, флотилия, идущая уже попутным ветром, успела удалиться от нас на довольное расстояние. Войдя в большой плес, называемый малое море,

находящийся между рагузским берегом, Далмацией и островом Лезино, фрегаты начали нагонять флотилию. Но в то самое время, как «Венус» был немного далее пушечного выстрела, ветер стих, фрегат остановился и мы, имея пред глазами неприятеля, ничего не могли предпринять. Французы, убрав паруса, опять пошли на веслах и скоро совершенно от нас скрылись. Штиль продолжался до вечера.

К ночи заметив по компасу положение неприятеля и воспользовавшись легким ветром, вместе с «Автроилем» лавировали успешно; шебека, по тяжести хода, далеко отстала. На рассвете 22 июня вновь открыли флотилию, под берегом у местечка, Подгорье называемом, между Макарском и Нарентой. Утренний, довольно свежий ветер наполнил паруса, фрегаты двинулись, полетели и не более, как чрез полчаса, «Автроил» открыл огонь. Вскоре потом и «Венус» вступил в сражение. Неприятель рассеялся во все стороны; три к нам ближайшие лодки бросились к берегу; погнавшись за другими двумя, одну пустили ко дну, а другая села на мель. Тут подошли мы близко к берегу и за тихостью ветра принуждены были бросить якорь. Неприятельские суда, воспользовавшись сим, успели на веслах и бичевой одни уйти в Спалатро, другие в устье реки, при Наренто в море впадающей. «Автроил» также стал на якорь; оба фрегата послали шлюпки взять оставленные неприятелем суда. Шебека, именуемая «Генрих», с 14 медными пушками, взята «Автроилем», а «Венусу» досталась полушебека, именуемая «Тременда» с 2 медными пушками.

Осматривая потопленную «Венусом» лодку, нашлось, что, хотя оная и не годилась к продолжению службы, но можно было снять с нее пушки. Капитан поручил мне поднять их. Едва водолазы успели достать несколько ружей и другого мелкого оружия, а боцман приступил к поднятию пушек, вдруг из дома и из садовой стены сделали по нас несколько

выстрелов, мы им отвечали картечью с баркаса, и скоро французы, бежавшие со взятых судов, сильно нас атаковали; продолжая работу, мы перестреливались и уже одну пушку достали из воды. Во время сильной пальбы с обеих сторон вышел на набережную поселянин и смело пошел между двух огней к шлюпкам. Люди наши, заметив, что он был безоружен и беспрестанно крестился, пропустили без вреда. Французы обратили на него все выстрелы, старик бросился в воду, начал тонуть, но как он был уже недалеко от потопленной лодки, то работавшие на ней люди спасли его и представили ко мне. Я спросил, что побудило его подвергнуться такой опасности. «Господине! — отвечал славянин, — я не боюсь смерти и пришел просить вас пощадить дом мой; в нем все мое состояние. Оно неважно, да далматины ожидают от вас своего спасения, неужели вы первый шаг свой желаете ознаменовать угнетением того народа, который по крови, вере и предкам вам родные братья; мы и без того слишком несчастливы!» При сем он залился слезами. Хотя он был весьма просто одет, но объяснение его на итальянском языке понудило меня спросить, кто он таков? «Я — граф Ивечевич и гражданский начальник сего округа», — отвечал он, показывая на горы. Поезжайте скорее на фрегат, сказал я ему, конечно, капитан прикажет мне отступить; мы имеем повеление щадить во всех случаях далматцев; будьте уверены, что дом ваш будет цел. Чрез полчаса, как граф отправился на фрегат, сзади садов я услышал пальбу. Французы побежали, а капитан в то же время прислал мне сказать, чтобы я, не преследуя их, поспешил доставить пушки на фрегат.

Едва французы оставили сад и дом, как множество народа вышло на набережную. Тот же граф предложил мне помочь поднять лодку, и действие вдруг переменилось. Мы окружены были добрыми поселянами, на лицах коих сияла искренняя беспритворная радость. В несколько минут последовала

полная доверенность; женщины и дети без робости смешались с матросами. Слыша еще в первый раз иностранцев, говорящих понятным для них языком, они улыбались от восхищения. Старушки, стоя в отдалении, творили молитву; старики, с любопытством осматривая нас с ног до головы, плескали руками и с восторгом произносили: «Вот наши братья-христиане». Между тем как работа продолжалась, гостеприимные славяне принесли вина, хлеба и плодов и разложили костры, дабы лучшим, что они имели, угостить нас. С сердечным удовольствием видел я, как добродушно люди наши общались с жителями, и можно сказать, что ни одно сражение, ни одна знаменитая победа не кончилась лучшим и приятным сельским пиром. Не должно ли сожалеть, что народ, столь нам приверженный и однородный, повинуется чуждому властителю?

К вечеру возвратились те далматы, кои напали на французов, и объявили, что они успели сжечь еще одну лодку, которая также была повреждена и стояла на мели. Люди, при оной бывшие (так они нас уверяли) вместе с теми, которые бежали со взятой нами лодки и шебеки, все побиты. Когда пушки и другие военные снаряды потопленной лодки, называемой Battaglia di Marengo (Баталья ди Маренго), подняты, а лодка подарена жителям, отряд снялся с якоря и 23 июня лейтенант Насекин, назначенный командиром шебеки «Генрих», на острове Лезино у селения Св. Георгия взял на батарее 2 медных пушки и судно с вином, собранным на острове для французов.

24 июня, прибыв к Станьо, отряд расположился так, что неприятель не осмеливался перевозить войск своих из Далмации в сей рагузский город, а принужден был обходить по берегу и по крутым горам, где нет дорог, перевозить провиант на ослах. От Станьо перешли мы к Наренто, где успели перехватить несколько судов с провизией. 29 июня, получив

известие о снятии осады Рагузы, при свежем ветре, прибыли мы в Курцолу, а оттуда 3 июля — в Кастель-Ново. Пленные шебеки, имея российский вверху, а внизу французский флаги, салютовали адмиралу каждая по 9 выстрелов. При осмотре их адмирал переименовал «Генрих» «Забиякой», а «Тременда» названа «Ужасной».

Снятие осады Новой Рагузы

Когда 4 июня получено высочайшее повеление сдать Боко ди Катаро австрийцам, то до того времени, пока можно было содержать сие в тайне, войска черногорские и приморские весьма дружно и храбро содействовали нашим; но после, когда стат. сов. Санковский, как доверенная особа от двора, начал приготовлять народ к принятию с повиновением решения Его Императорского Величества, то народ, пребывая в совершенном унынии, не оказывал уже прежнего усердия. Узнав же, что австрийцы должны передать их французам, они потеряли всю свою бодрость. В таковом состоянии, имея надежду на одни регулярные войска, совершенно нельзя было ничего предпринять в рассуждении штурмования Рагузы, крепости довольно сильной, и такой, которая имеет превосходный гарнизон, считая одних французов, кроме жителей, хорошо вооруженных и готовых защищаться до последних сил своих. По сим обстоятельствам должно было заниматься одной только осадой, во ожидании, не сдастся ли неприятель, истощив свой запас или по недостатку воды. Здесь надобно отдать справедливость неутомимым войскам нашим, которые, быв всегда на открытом воздухе, почти непрерывно под ружьем, могли с достойным истинных героев терпением держаться столько времени в совершенном бдении.

Линия, занимаемая регулярными войсками, подкреплена была еще одним батальоном 13-го егерского полка, доставленным из Корфы; сия линия весьма пространна была для

2300 человек, из чего весь отряд состоял, но за всем тем оставалось одно только опасение, чтобы турки не пропустили неприятеля чрез свои земли, откуда можно поставить войска наши между двух огней; но они уверяли, что без кровопролития никак не пропустят. Каждое ядро и бомба с батарей наших причиняли некоторый вред в городе. Неприятель, приноровив все свои пушки на оные, только повредил у нас один картаул, попав ядром в средину дула, и убил одного морского канонира и двух черногорцев. Во уважение несчастного положения городских жителей, которые по причине, что французы отняли от них хлеб и воду, истаивали от голода и жажды в разрушенных бомбами домах своих, адмирал предложил французам капитуляцию, и два раза были переговоры, но Лористон, не имея нужды в продовольствии и ожидая с часу на час своего сикурсу, никак не хотел сдаться, а склонял переговоры к тому, чтобы оставить нам Боко ди Катаро, а он оставит Рагузскую республику.

16 и 21 июня французы делали вылазки. В первый раз в полночь числом до 350 человек напали они на наш правый фланг, но тотчас были прогнаны с потерей 10 убитых и 23 раненых, в плен попавшихся. Во второй раз, перед вечером, митрополит послал отряд черногорцев зажечь в предместье ближайшие в крепости дома, из коих французы обеспокоивали их, что ими и учинено; по сей причине французы выслали человек до 400 под прикрытием картечных выстрелов с крепости. При сем случае, как по взятым черногорцами ружьям полагать можно, потеря неприятеля простиралась до ста человек, наша же в оба раза состояла в 5 рядовых морского полка и 8 черногорцев. После сих неудачных покушений французы не выходили из крепости, и в таком состоянии осада продолжалась до 24 июня.

В ночь с 23 на 24 июня посланные для разведывания положения неприятеля 250 черногорцев встретились с францу-

зами в 8 верстах от Рагузы. Невзирая на превосходное число, черногорцы напали на французов и, перестреливаясь, отступали. В 4 часа утра 24-го числа получено известие, что неприятельский сикурс около 500 человек идет от Станьо к Рагузе. Митрополит отправил часть черногорцев к речке занять неприятеля перестрелкой, а князь Вяземский послал полроты мушкатер в редут для наблюдения движений неприятельских. Черногорцы лишь только успели прийти к речке, как неприятель (кроме тех, кои только для виду шли от Станьо, дабы сим уверить нас, что сикурс не придет чрез турецкую границу) в трех колоннах, числом до 3000 человек, под начальством генерала Молитора, показался на высотах, принадлежащих султанскому владению. Он шел около самой их крепости, поднявшей в сие время турецкий флаг, прямо на нашу линию в тыл. Главнокомандующий, видя превосходного неприятеля в тылу нашего отряда, дал повеление митрополиту и князю Вяземскому отступить к Старой Рагузе. Черногорцев и приморцев, сколько можно было собрать, с двумя ротами 13-го егерского полка, под командой капитана Бабичева, отправили навстречу идущему неприятелю. Черногорцы предупредили нападением, прогнали передовых неприятельских вольтижеров и остановили первую колонну. Молитор, удивленный мужеством малого числа нерегулярных войск, двинул против них всю свою силу. Приморцы и черногорцы, по вышеприведенным причинам, не оказали тут прежней своей отважности и начали отступать к Старой Рагузе. Осталась малая часть ризанотов с графом Ивеличем и несколько черногорцев с губернатором Радоничем. Сей отряд, подкрепленный капитаном Бабичевым, на выгодном положении мужественно сопротивлялся до последних сил, наконец, после упорнейшего сражения, отступил во всем порядке к Старой же Рагузе. Храбрый капитан Бабичев, прикрывая отступление, успел взять еще 30 человек в плен. Между тем князь Вяземский, дабы Лористон не мог приме-

тить его движения, оставя несколько часовых по хребту горы у батарей, сомкнул войска налево в две колонны на покатости; узнав же, что Молитор отрезал ретираду к Старой Рагузе, князь Вяземский, по предложению митрополита, сделал славный маневр, избавивший войска наши от очевидной и неизбежной опасности. Дабы уверить Молитора, что он предпринял ретироваться к Старой Рагузе, и дать то же мнение гарнизону в крепости, оставил он на высотах егерский батальон под командой майора Велизарева для прикрытия отступления от Лористона, выходившего из южных ворот города; прочие войска, сделав контрмарш, пошли по лощинам, скрытым от неприятеля, на север к порту Санта-Кроче. Французские генералы, полагая напасть на наши войска с трех сторон, вышедшие из крепости на правой, а пришедшие на левый фланг и тыл, обманулись вышеописанным маневром и, ожидая войска наши со стороны Старой Рагузы, не нашли их там. Князь Вяземский, пришед к Санта-Кроче и не видя никакого помешательства, начал садиться на присланные с флота гребные суда. Таким образом, войска сели на суда в двух верстах от неприятельской крепости и в виду со всех сторон неприятеля. Когда уже войска наши были на кораблях, то передовой неприятельский отряд напал на майора Велизарева, но сей храбрый офицер штыками обратил оный в бегство и под прикрытием канонерских лодок и вооруженных гребных судов без потери сел на другие. Когда митрополит и князь Вяземский при громком «Ура!» уже последние отвалили от берега, тогда Молитор и Лористон с двух сторон приблизились к пристани, и капитаном 2-го ранга Мих. Быченским, под распоряжением которого садились войска наши на суда, встречены были картечным залпом.

При сем славном отступлении потеря с нашей стороны оказалась в одном раненом и 10 егерях, оставленных у батарей на часах. Дабы не потерять большого числа людей и не сделать остановки в отступлении, 4 орудия, из которых один

картаул был уже разбит, а прочие совсем расстреляны и три мортиры оставлены заклепанными. Сие приобретение дорого стоило неприятелю: потеря его, в продолжение осады с 5 до 24 июня и в сей последний день, считая в том числе и рагузцев, по показаниям пленных, простиралась до 2000, но вероятно, что он потерял более 3000, ибо жители умирали от болезней и изнурения.

Великодушное намерение бокезцев

25 июня главнокомандующий послал в порт Санта-Кроче контр-адмирала Сорокина с 3 кораблями для порядочного размещения войск, а сам на корабле «Селафаиле» отправился прямо в Катаро для сделания там распоряжений и предупреждения всяких беспокойств по случаю известной уже жителям сдачи области их австрийцам, а потом и французам. По прибытии его в Кастель-Ново народные депутаты от 8 коммунитатов подали письмо следующего содержания:

«Ваше Превосходительство!

Наш препочтенный Начальник и Покровитель!

Услыша, что Государю Императору угодно область нашу отдать Французам, мы именем всего народа объявляем: не желая противиться воле Монарха нашего, единодушно согласились, предав все огню, оставить отечество и следовать повсюду за твоим флотом. Пусть одна пустыня, покрытая пеплом, насытит жадность Бонапарта, пусть он узнает, что храброму Славянину легче не иметь отечества и скитаться по свету, нежели быть его рабом. Тебе известна любовь и преданность наша к Монарху нашему, ты видел, что мы не щадили ни жизни, ни имущества для славы России; к тебе же благодушный великий Амирант наш (так обыкновенно называли адмирала), именем старцев, жен и чад наших прибегаем и просим, предстательствуй у престола Монарха милосердого и сердобольного, склони его к молениям нашим, да не отринет от народа ему верного, народа, жертвующего достоянием и отечеством, любезным каждому гражданину, для малого уголка земли в

обширной его Империи. Там под его державой в мирном и безопасном убежище уверены будем, что святотатственная рука грабителей Европы не коснется праха костей наших, и там, посвятив себя службе нового, но родного нам отечества, мы утешимся, позабудем потери наши и вовеки благословлять будем имя его. Если же противно ожиданию и надежде, мы должны повиноваться злейшим нашим врагам, врагам веры и человечества, если ты не можешь позволить нам следовать за тобою, то останься спокойным зрителем нашей погибели. Мы решились с оружием в руках защищать свою независимость и готовы все до единого положить головы свои за отечество. Обороняя его, пусть кровь наша течет рекой, пусть могильные кресты свидетельствуют позднейшему потомству, что мы славную смерть предпочли постыдному рабству и не хотели другого подданства, кроме Российского».

Уже многие семейства отплыли в Корфу, другие перебирались на суда и готовили дома свои к сожжению; несколько корсаров предположили напасть на 3000 австрийцев в Курцоле, защищаемых только двумя военными бригами. Ужасное мщение их некоторым образом отнеслось бы к нам. На столь редкую решимость, конечно, равнодушно смотреть было невозможно. Отовсюду слышен был вопль женщин и детей; приморцы в глубоком унынии смотрели на адмиральский корабль, который, как думали они, пришел проститься с ними, а флот с войсками отправился уже прямо в Корфу. Главнокомандующий был в затруднительнейшем положении. С одной стороны, в деле толико важном, обращавшем на себя внимание многих держав, собственная безопасность его требовала, чтоб повеленное немедленно исполнить; с другой, толь решительная отчаянность и погибель целого народа, столь преданного России, налагали на него долг человечества и любви к славе отечества, не приступать к сему без нового донесения о сих повстречавшихся обстоятельствах. Сенявину предстоял подвиг смелый, благо-

родный, и он недолго колебался в выборе. Депутаты, подав ношу, стояли пред ним, заливаясь слезами и, рыдая, неотступно просили быть заступником их пред государем. После краткого размышления, адмирал сказал им: «Пошлем к государю избранных из именитейших граждан[49], будем вместе надеяться на его милосердие или на перемену неприятного положения политических дел. До тех пор, сколько мне будет возможно, не оставлю вас, храбрый и великодушный народ, я приемлю на себя всю ответственность, готов защищать вас всей силой и охотой, успокойтесь и не предавайтесь отчаянию». Сей подвиг Сенявина вывел его из чреды обыкновенных людей и поставил наряду с теми, кои не страшатся жертвовать собой пользе и славе Отечества. С сего времени имя его сделалось известным Европе, и может, более, нежели собственному его Отечеству; ибо скромность, чуждая самохвальств, всегда была добродетелью великих мужей, утешающихся правотой знаменитых дел своих, не заботясь о том, больше ли они или меньше известны.

28 июня контр-адмирал Сорокин с флотом пришел на рейд, и по мере, как корабли становились на якорь, войска немедленно свозились в крепости Касталь-Ново и Эспаньолу. На другой день главнокомандующий сам сделал распоряжения, назначил некоторые работы, дабы крепость Кастель-Ново привести в порядочное оборонительное состояние. В Катаро и Ризано поставлены были только 3 роты; сами жители вызвались защищать их. Войска поставлены были в таком положении, что в случае надобности могли идти навстречу неприятелю; флот в тот же день снова вышел для притеснения неприятеля с моря. Народ, видя с нашей стороны таковую деятельность и усердное попечение на

---

[49] Архимандрит Вукотич с тремя депутатами милостиво и благосклонно были приняты государем императором.

оборону их, уверившись, что россияне всегда будут с ними неразлучны, приняли прежнюю свою бодрость. Все дороги впереди наших постов заняли отборные отряды приморцев и черногорцев, партии их снова появились под стенами Рагузы. Благодарность и усердие бокезцев были беспримерны: вся область представляла военный лагерь, и везде раздавалось: «Да здравствует Сенявин!» Где бы он ни показался, многочисленные толпы с почтением сопровождали его, кланялись до земли и лобзали прах ног его. Черногорцы в знак почести беспрестанно стреляли и сколько ни убеждали их, чтобы берегли патроны для французов, они добродушно отвечали: «У нашего батюшки государя больше червонцев, чем фиис (патрон)». Дмитрий Николаевич, в душе кроткий, уклонялся от почестей и от всех изъявлений любви и благодарности к нему народной. Подчиненные его, на опыте познав личное его мужество, беспримерную справедливость, не могли не удивляться благородной его решимости, и, смею сказать, сия эпоха в жизни адмирала представляла истинное торжество гражданских и военных его добродетелей.

Лористон и Молитор, хотя и получили еще помощь, умножившую число их войск до 8000, но не осмелились выйти в поле и по-прежнему сидели, запершись в крепости. Усердные им рагузинцы не могли похвастать пребыванием у них французов. Лишившись торговли, они не имели, чем себя содержать, быв принуждены платить беспрестанные контрибуции, и, раздевая себя, одевать нагих пришлецов. Они испили всю чашу горести; большая часть судов их, находившаяся в портах, России и Англии подвластных, были задержаны, другие достались в руки их крейсерам. Бокезские корсары обогатились на счет тех, кои искали их разорения. С другой стороны, французы брали все, что только им оставалось. Научась таким печальным опытом, многие из капиталистов бежали из отечества и только у неприятелей своих нашли покой и покровительство.

Крейсирование в малом море. — Ветер Сирокко

По новому распоряжению, сделанному для пресечения сообщений неприятельских войск из Далмации в Рагузу, корабли «Ярослав», «Венус» и шебека «Забияка» 5 июля отправились в крейсерство в малое море или, иначе, Нарентский залив. Настало то жаркое время, которого, конечно, не превзойдет и палящий зной Африки. Роса и легкий ветерок нимало не прохлаждали воздуха ночью, духота заменяла огненные лучи полуденного солнца. После штиля подул довольно свежий юго-восточный ветер, который скоро наполнил воздух влажными парами. Берега покрылись мглой. Лучи солнца, проникая и преломляясь в туманных облаках, золотили края их и являли взору черные тучи, с краев зажженные. Вся атмосфера казалась пламенеющей и представляла удивленным глазам нашим обширный с погасающими углями горн, с коим горящие по краям и черные в средине облака совершенное имели подобие. Сильно дующий ветер, называемый итальянцами сирокко (shirocco)[50], скоро преобразился в знойное удушающее дыхание. Жар сделался так велик, что до крашеных стен фрегата и чугунных пушек дотронуться было невозможно, смола, как бы разогретая, капала со снастей. Самун, как сказывают путешественники, имеет свое действие в 2 футах от земли, дуновение его сходно с шумом пламени, выходящего из тесного жерла; оный ветер продолжается не более 10 минут. Человек, умерщвленный огненным сим вихрем, походит на покоящегося сладким сном. Поелику Аравия и песчаная степь Саара, где свирепствует самун, лежит от Италии на юго-восток и юго-юго-запад (SSW)[51], то, конечно, проходя великое про-

---

[50] По итальянскому произношению «широкко».

[51] В Сицилии и Италии широкко дует с сей последней стороны горизонта и прямо от залива Сидро, за коим находятся песчаные степи.

странство моря и напитавшись испарениями вод, здесь теряет он смертельность свою. Несмотря на сие прохлаждение, сирокко, порождение самуна, особенно в Сицилии, Мальте и Корфе причиняет великий вред. К счастью, не каждый год оный бывает и продолжается не более часов двух; но есть продолжится он сутки, что иногда случается, то поля засыхают, растенья пропадают, древесные листья и плоды увядают, желтеют и опадают, стены каменных домов раскаляются, малые источники высыхают и, наконец, вода повсюду делается теплой. Скот предчувствует приближение сирокко, он бежит и укрывается в прохладных пещерах или в тени лесов, где тотчас ложится или стоит, повесив голову. При появлении первых знаков сего ветра в городах спешат запирать ворота и ставни, прячутся в погреба и в самые прохладные покои. Пыль, поднятая на улицах, проходит в самомалейшие скважины, портит в несколько минут мясо, овощи, хлеб и все съестное. В людях особенно тучных и полнокровных сирокко производит болезненные припадки, при изобильной испарине бросает в жар, кружится голова, краснеют глаза и непреодолимо клонит ко сну. Уснувший обливается потом, спит беспокойно и встает, чувствуя слабость, как бы после горячки. Хотя в море сирокко меньшую имеет силу и не слишком ослабляет здорового человека, но крайне нужно преодолевать сон, не делать большого движения и строго запрещать людям спать на палубах, открывшись, ибо изобильная роса, падающая в следующую ночь, производит опасную простуду.

С небольшим час продолжался сирокко, потом небо прочистилось, ветер стих и к вечеру воздух прохладился. У Меледы нашли шебеку «Азард», остров сей лесист и изобилует вином. Аббат Лавока полагает, что тут, а не у Мальты, апостол Павел претерпел кораблекрушение, но сие несправедливо, ибо апостол, построив новый корабль, отплыл в Рим и на пути проходил Сиракузы и Мессину, что и доказывает

ошибку Лавока, которая, конечно, произошла от того, что Мальта и Меледа в древности назывались Мелита. 8 июля простояли мы в Курцоле, где нашли корабль «Петр» и также 23 судна с 3000 австрийских войск; 9-го же числа прибыли на назначенный пост в малое море.

Отряд расположился так, что сообщение Рагузы с Далмацией и сей с островами, к ней прилежащими, совершенно прекратилось; корабль, фрегат и шебеки попеременно находились под парусами. В первые дни перехватили несколько судов, а напоследок и рыбаки, которым мы не препятствовали заниматься их ремеслом, не показывались. Французские войска занимали берега вокруг, беспрестанно ходили взад и вперед и по малейшему подозрению притесняли приверженных к нам жителей. В один день шебека «Забияка», проходя близ монастыря Заострог, была атакована французами, засевшими в садах. «Венус», пришед к ней на помощь, картечным залпом прогнал их, и за сие взяли они с монахов контрибуцию! Собранная и на малом пространстве расположенная 20-тысячная армия, опасаясь высадки и бунта народа, стояла под ружьем и терпела крайний недостаток в продовольствии, ибо доставление из Италии берегом было крайне затруднительно, а Далмация бесплодная, существовавшая только торговлей и ныне лишенная оной, не имела хлеба и для продовольствия жителей. Французы брали контрибуции до тех пор, как уже нечего было брать. От жару, изнурения, в продолжение сего лета, по уверению жителей, умерло солдат до 8000 человек; таким образом, тесная блокада стоила гораздо более, нежели самые сражения, и сила наша, столь не значащая, имела преимущество над превосходным числом французов. Бонапарт, которому ничего нет невозможного, дабы облегчить доставление провианта берегом, приказал сквозь цепь кремнистых гор пробить дорогу. Несчастные жители, не различая никакого состояния, были

собраны и, подобно невольникам, провожаемые солдатами, сделали оную до Зары, и сия-то дорога названа Наполеоном «путь». Путь сей, сделанный незаплаченными трудами жителей, сверх сего тягостные налоги, конскрипция и всякого рода угнетения довели бедных далматцев до самого бедственного состояния. Негодование сделалось повсеместно, и в некоторых местах народ взялся за оружие, деревни пылали, и возмутители, так французы обыкновенно называют истинных сынов отечества, расстреливались. Сие принудило генерала Мармонта объявить Далмацию в военном состоянии, и бедствия народа еще более увеличились.

От жаров вода испортилась, и сей смрадной воды выдавалось матросам и офицерам по стакану в день. Во все плавание в Средиземном море только здесь мы имели крайний недостаток в оной. Открывши в пустом месте ключ, послали, под прикрытием шебеки, гребные суда с бочками; неприятель пришел воспрепятствовать, но поручик Вечеслов с 80 морскими солдатами, заняв выгодную высоту, не допустил их вредить рабочим людям, кои без потери, по налитии водой, возвратились на фрегат. 31 июля французы известили нас о мире, заключенном между Россией и Францией, а 1 августа получили повеление прекратить военные действия; почему отряд прибыл 2 августа в Курцолу, где, соединясь с кораблем «Петром» и забрав гарнизон, прибыли в Катаро 5 августа, куда к 11 числу и весь флот собрался.

Переговоры о сдаче Боко ди Катаро

4 июня фельдмаршал-лейтенант граф Беллегард и полковник граф л'Эпин, полномочные австрийские комиссары, доставили адмиралу высочайшее повеление, которым государь император, во уважение дружбы к австрийскому императору, приказал для передачи французам сдать Катаро цесарцам. Главнокомандующий, рассуждая, что государь еще

не получил уведомления о новом нарушении прав народных завладением Рагузской республики, бывшей под покровительством Турции, союзницы России, объявил обоим графам, что «пока Рагуза не оставлена будет французскими войсками и независимость республики не будет обеспечена верным споручительством, до тех пор Катаро не будет сдана австрийцам». Вследствие сего граф л'Эпин старался склонить генерала Лористона оставить Рагузу, но он отклонил сие не совместным предложением «ему занять Катаро, а русским Рагузу». Поелику же бокезцы клятвой между собой обязались не отдаваться ни австрийцам, ниже французам, и отправили о том прошение к нашему двору, то адмирал нашел новую причину до вторичного повеления на многие отношения австрийских полномочных не дать решительного ответа. 19 июля граф л'Эпин, описав стесненное положение своего двора удержанием крепости Браунау и угрожением занять Триест и Фиуме, предложил, чтобы французские войска отступили до Станьо, австрийцы же заняли бы Новую Рагузу и, находясь, таким образом, между нами и французами, подали бы нашим войскам возможность безопасно опорожнить Боко ди Катаро, после чего французы примут область от цесарцев. Адмирал, дабы выиграть время, и зная, что и оное предложение не могло быть исполнено, согласился для одного вида. Между сим временем прибыл из Анконы французский капитан Техтерман с письмом от статского советника Убри с приложением выписки из мирного договора, подписанного им 8 июля в Париже между Россией и Францией. Как сей офицер не имел никакого виду от г. Убри и необыкновенным образом спешил возвратиться в Анкону, а бывши отпущен и воспользовавшись штилем, на своей требаке вошел в Рагузу, то сей поступок внушил адмиралу подозрение касательно достоверности бумаг, ими привезенных, и понудил ответствовать графу л'Эпину, что до получения новых повелений

государя Катаро не может быть сдана. Австрийские полномочные, огорченные, может быть, безуспешными переговорами, объявили, что они имеют повеление силой занять Катаро, жаловались на умышленное промедление, огорчались, что наши гребные суда ходят дозором около австрийского брига, и заключили ноту свою тем, что не вступят ни в какие дальнейшие рассуждения. По причине сих угроз капитану Белли приказано препятствовать высадке австрийских войск и наблюдать их как неприятельские. А как в числе судов, на которых войска привезены были из Триеста, нашлось несколько бокезских, принужденно там взятых, то, пока продолжались переговоры о сем новом оскорблении российского флага, генерал Беллегард совершенно лишен был способов приступить к насилию.

27 июля артиллерии штабс-капитан Магденко, находившийся в плену, прибыл из Люневиля с дупликатом мира и изустным подтверждением от Убри поспешить сдачей Катаро. С ним приехал французский капитан с письмом адмиралу от вице-короля Итальянского; на другой день от него же полковник Сорбье доставил другое письмо и третью депешу г. Убри, подтверждавшую мир, им подписанный. Не зная полномочий, какие даны были сему министру, адмирал, хотя не мог более сомневаться о точности мира, однако ж, желая дождаться, как оный будет принят государем, предположив медлить сдачей до точного повеления двора, приказал, как и французские генералы, прекратить военные действия, единственно с тем только намерением, чтобы обеспечить на всякий случай отступление, быть готову с большой силой противостоять наступлению, чего от французов и во время мира можно всегда ожидать. По новому требованию австрийских полномочных, которые по случаю мира с Францией думали, что нет уже препятствия приступить к сдаче им области, адмирал отвечал, что оная сдача по сему миру

остановлена, и ничего не упомянул, что следует отдать ее французам; встревоженные сим, они требовали объяснения. Адмирал поручил отвечать г. Санковскому, которому по гражданской части дано было повеление сдать Катаро австрийцам, но г. Санковский сказался больным и не хотел вступить ни в какие переговоры.

30 июня прибыл в Кастель-Ново генерал Лористон с поручением от главнокомандующего генерала Мармонта для распоряжений касательно опорожнения провинций. После обыкновенных приветствий начались переговоры. Лористон просил уверить бокезский народ, что Наполеон обещает забыть все прошедшее. Адмирал отвечал, что лучший образец успокоить жителей был бы тот, чтобы торжественно обнадежить, что они не будут обременены налогами, контрибуциями, деланием дорог, поправлением крепостей без платы, избавлены будут конскрипций, словом, что они будут наслаждаться тем же спокойствием и благоденствием, каким пользовались под управлением российским. Лористон дал слово, конечно, не с тем, чтобы его исполнить, ибо правительство его приняло систему содержать солдат на счет жителей. С своей стороны Лористон требовал, чтобы возвратить все взятые рагузские суда, поелику республика пребывала будто бы всегда нейтральной; на сие адмирал отвечал, что сам он издал прокламацию и объявил, что глава французского народа, присоединяя республику к своим владениям, не прежде признает нейтралитет ее, как когда российские войска оставят Катаро и Корфу, да к тому ж само французское правительство незадолго пред тем повелело считать доброй призой суда ионические именно за то, что оная республика занята российскими войсками. Вследствие многих сему подобных переговоров, адмирал положил срок сдачи 15 августа, уповая до того времени получить подтвердительные наставления от графа Разумовского из Вены, и по наружности сделал приготовление и вид согласия на опорожнение области.

Потом объявил австрийским полномочным, что Катаро, во исполнение статьи мира, сдана будет прямо французам, а не им. Встревоженные таковым объявление, они 31 июля прислали ноту, в коей сильными и справедливыми доводами протестовали против непосредственной сдачи Боко ди Катаро французам. Вслед за нотой сами приехали на адмиральский корабль, прежние угрозы переменив на ласковые убеждения, признались откровенно, что причина, для коей они столь сильно настаивали на сдачу, была та, что Мармонт и Лористон уверяли их и честью своей ручались, будто бы адмирал пригласил англичан для занятия Катаро.

Адмирал, получив столь нужный ему протест, объявил Лористону, также и господин Санковский, что до получения высочайших повелений никогда и не думано приступить к опорожнению провинций, тем более, что еще нет примеров в истории, чтобы выполнение мирных статей когда-либо могло иметь место прежде размены ратификаций. Лористон, удивленный такой переменой, прекратил переговоры и, свидетельствуя личное свое уважение адмиралу, сожалел о потерянном времени, и, прощаясь, по обычаю французских дипломатов, сказал, что он от сей остановки опасается весьма бедственных для Европы следствий, и что адмирал сим отлагательством навлечет государю своему и отечеству большие неприятности.

Австрийские дипломаты благодарили адмирала за участие, принимаемое им в трудном их положении. Однако ж, хотя и прибыл 13 августа от посла графа Разумовского курьер с депешей министра морских сил, в коей содержалось подтверждение воли государя относительно сдачи Боко ди Катаро австрийцам; но как депеша сия была отправлена до получения донесения о заключении Убрием мира, то адмирал отвечал им, что решился ожидать новых повелений императора, и прежде получения оных Катаро не будет сдана ни французам, ни австрийцам.

Митрополит, известный своей тонкостью в политических делах, представлял в сие время, хотя и стороной, немаловажную особу и не допустил обмануть себя, ни ласкательством, ни щедрыми обещаниями. Французы, кроме гласных переговоров, употребляли все тайные способы. Митрополит нужен им был как для удержания в повиновении бокезцев, так и для будущих их видов на Герцеговину и Албанию, где он по духовному своему сану имел великую власть. Митрополит хитро узнал о намерении французского правительства, открыл глаза соседственным пашам, что значительные подарки, данные от французов скутарскому и требинскому пашам, не послужили ни к чему. Лишь только адмирал возгласил к жителям Герцеговины, депутаты их явились с предложением услуг, а паши, подобно Али паше Албанскому, остались добрыми нам приятелями и ничего, по внушению французов, ко вреду нашему не предпринимали.

По отъезде Лористона австрийские полномочные снова подали несколько нот, просили, убеждали, настоятельно требовали, снова потеряли границу умеренности и позволили себе неприличные выражения; адмирал нашел благоразумным не входить с ними ни в какие дальние пояснения. Наконец, 26 августа фельдъегерь привез высочайшее повеление от 31 июля о всемерном продолжении военных действий и, если Катаро сдана, взять и занять все прежние позиции, какие до мира, подписанные Убрием, но не утвержденного императором [52], флот и армия наши имели. Должно себе представить, сколько обрадован был адмирал таким повелением, которое оправдывало его осторожность и

[52] Государь император, не утвердив сего мира, повелел предложить французскому правительству возобновить негоциацию на новых условиях, в числе коих состояли, чтобы Далмация и Боко ди Катаро не были во владении Франции.

все распоряжения, предпринятые им по собственному усмотрению. Дабы иметь время собрать нерегулярные войска, адмирал, пригласив митрополита и всех частных начальников, объявил им волю государя, и на другой же день часть флота и все корсары отправились в море, имея повеления в отдаленных местах от Рагузы брать неприятельские суда.

Таким образом, усиленное троекратное приглашение Убри, лестные убеждения Евгения, вице-короля Итальянского, настояния Лористона, Беллегарда и л'Эпина не поколебали твердости Сенявина и доказывали притом, коликую важность Бонапарт приписывал удалению нас от Далмации и занятию войсками его Катаро. Цель его при заключении мира, конечно, была только та, чтобы обмануть бдительность Сенявина, занять Катаро и усилить прочие пункты, приближающие его к Герцеговине и Албании, а потом, наводнив Далмацию войсками, открыть явно свои виды на владения Порты, завладеть оными, либо заставить державу сию содействовать ему в злобе его против России, но осторожное и благоразумное поведение адмирала поставило непреодолимую препону всем его замыслам. Старание французов разгласить скорее о мире, заключенном между Россией и Францией, в другой стороне доставило им великую пользу. Неаполитанский двор почитал себя совершенно оставленным Россией и англичане, думая то же, оставили Калабрию мщению французов, и мир сей для несчастных калабрийцев имел действия весьма противные тем, которые Сенявин умел отклонить от бокезцев. Наполеон, узнав о нападении на его войска, как сие видно будет, негодовал, гневался и ложь «Монитера», изобличая его неудачу, каковую он не привык переносить, служила Сенявину наилучшей похвалой и наградой. Напрасно наемные журналисты старались всех уверить, что Катаро взята, о чем в Венеции в театре при ба-

рабанном бое объявили, напротив того, скоро везде узнали, что Сенявин, не дав обмануть себя переговорами, разбил славных его генералов и остался спокойным обладателем провинции Катарской.

Журнал военных действий от 2 по 25 сентября

По заключении мира еще с половины августа месяца французы начали строить батареи при самом входе в залив Катарский на мысе Остро. По получении же повеления о продолжении военных действий, адмирал, желая собрать более нерегулярных войск и сделать нужные приготовления втайне, ожидал, когда батареи будут кончены, дабы, взяв готовые, не иметь труда строить их своих людьми. Французские генералы, несмотря на мир, без помешательства продолжая укреплять вход в Катаро, осмелились весьма близко приблизить передовые посты свои к нашей границе; посему адмирал просил генерала Мармонта, чтобы он ввел войска свои в ту позицию, в коей они находились при первом получении известия о мире, именно 2 августа, как вначале условлено было; в случае же отказа, так сказано в письме Сенявина, я принужден буду употребить другие меры. Мармонт, чего точно и желал Сенявин, отвечал колко, и в ответе своем, между прочим, сказал, что он такого характера, что никто не может устрашить его, и потому войска его не отступят ни на шаг. На другой день тезоименитства государя императора, который провели в радости и веселии, весь флот, кроме адмиральского корабля, вышел из залива и о начатии военных действий было объявлено. Контр-адмиралу Сорокину с 4 кораблями и фрегатом поручено блокировать порты Рагузы. «Венусу» достался пост от Будуа до Молонты.

В то же время 2 сентября отряды нерегулярных войск под начальством графа Воиновича и Вуко Юро напали на французскую колонну и прогнали ее с большим уроном от гра-

ницы. Мармонт, удивленный таким нападением, переменил прежний свой тон и в другом письме своем к Сенявину объявил, что он решился оставить укрепления и желает отступить в позицию 2 августа, но уже было поздно, неприятельские действия были начаты. 7 сентября корабль «Петр» и фрегат «Венус» сбили на низменности мыса Остро 10-пушечную батарею, и с сего дня по 13-е число корабль, стоя на якоре, у оконечности мыса, фрегат под парусами, а канонерские лодки от стороны залива, беспрестанно беспокоили неприятеля ядрами и картечами, мешали ему в продолжении работ и убили у него много людей.

9 сентября капитан Белли, стоявший в Рагузском заливе, на двух требаках взял в плен 17 штаб и обер-офицеров, 46 рядовых и довольное число военной амуниции и шанцевых инструментов. 12 сентября «Венус» не допустил другие два неприятельские судна, шедшие с провизией к мысу Остро, и прогнал их в порт Молонты, куда с 3 гребными вооруженными судами послан был офицер взять оные. Но как стояли они на мели, то после сильной перестрелки с французскими стрелками, разбив оные ядрами, офицер, без потери, отступил.

13 сентября, когда собралось довольное число приморцев и черногорцев под предводительством митрополита, регулярные наши войска выступили из Кастель-Ново, и как в то же время батареи на Остро решительно были атакованы кораблями, то лишь войска показались на вид, французы поспешно оставили все укрепления и сомкнулись от Дебелого брега (урочище в 12 верстах от Кастель-Ново) до порта Молонта, а ввечеру того же дня по кратком сопротивлении, оставили ретраншамент, в сем порте вновь сделанный. В обоих укреплениях взято 38 орудий, в том числе 5 мортир, и по числу оных достаточное число снарядов; в порте же Молонта взято 10 судов с провизией.

14 сентября неприятель продолжил отступать по высотам Виталино вдоль по каналу к Старой Рагузе. Митрополит преследовал его неослабно и занял весь Дебелый брег. 15-го числа сражение, как и в прежние два дня, не умолкало ни на минуту. Французы отступали шаг за шагом. В сей день неприятельская флотилия, состоящая из 10 лодок и брига, стоявшая в порте Старой Рагузы, выслав наперед под переговорным флагом большую требаку с 180 тяжелоранеными, вознамерилась прорваться в Новую Рагузу; но, когда фрегат «Венус», по сигналу капитана Белли, вступил под паруса, флотилия возвратилась, а требака взята в плен.

16-го числа, в присутствии главнокомандующего, приморцы и черногорцы, имея при каждом отряде плутонг егерей, оказали редкую неустрашимость и, соревнуя друг другу, принудили французов оставить укрепленный их лагерь в Виталино. В сей день граф Савва Ивелич особенно отличился, он с своими ризанотами напал и отнял урочище Волчье жерло. После сего неприятель отступил в главный свой лагерь при Старой Рагузе. К сожалению, всегда храбрый черногорский воевода Ускокович убит; потеря наша, впрочем, маловначаща, а неприятель одних убитых потерял 340 человек. Флотилия вновь хотела пройти в Новую Рагузу, но фрегат «Венус» подошел ко входу в Старую Рагузу воспрепятствовать сему. По причине тишины не можно было предпринять атаки, и фрегат без дальнего вреда перестреливался с лодками и батареями, а к ночи отошел на пушечный выстрел.

Как к 20 сентября ожидали прибытия войск из Корфы, и к тому же времени долженствовало собраться большее число черногорских ратников, то в сей день адмирал положил решительно напасть на неприятеля с моря и сухого пути, но 17-го числа генерал-майор Попандопуло посредством легких перестрелок открыл, что неприятель очень усилился; пленные показали, что вчерашнего числа прибыли из Далмации

2 полка, и все войска собралися в одно место. Мармонт, считая малочисленный отряд наш верной жертвой, предпринял отрезать его от крепостей и истребить в поле. 18 сентября на рассвете предупредил он наше нападение своим наступлением, сбил передовые посты и атаковал главную квартиру митрополита, стоявшую при реке Лютой, и овладел оной. Митрополит был в великой опасности; однако ж, сражаясь с превосходной силой, хотя с потерей, но со славой отступил к урочищам Модези каменной и Мокрино. Еще до сражения один французский генерал с 2 адъютантами наткнулся на партию ризанотов под командой графа Саввы Ивелича и были убиты. Генерал Попандопуло, по отступлении митрополита, увидев 7 неприятельских колонн, каждая сильнее его в два раза, устремленных на войска наши с трех сторон, и стоя на невыгодном положении, в ночь отступил к Модези и занял выгоднейшую позицию на границе бокезской, а митрополит с большей частью своих войск стал в других проходах, ведущих к Катаро. В сие время доставленные из Корфы 2 батальона Колыванского и Козловского полку и 4 роты Витебского, смененных в крепостях морскими солдатами и матросами, присоединились к отряду генерала Попандопуло. Адмирал, прибыв в лагерь пред светом, расположил войска в наилучшей обороне и, удостоверяясь в чрезмерном превосходстве сил неприятельских, предположил заманить его под крепости и там, собрав весь народ, дать ему решительную битву; почему и приказал генералу Попандопуло держаться на сем месте столько, сколько силы позволят, а потом отступить. Адмирал, возвратившись в Кастель-Ново, собрал в оную все войска, поставил 2 линейных корабля по обе стороны крепости и разместил другие вдоль берега, потом чрез телеграфы известил жителей о приближении неприятеля. Всю ночь и день матросы, свезенные с кораблей, приготовляли крепость к обороне и в скрытых местах ставили батареи. Народ, обод-

ренный таковой деятельностью, не унывал и готовился к отчаянной защите.

К достохвальным примерам геройских подвигов отечественная история приобщит сражение 19 сентября, бывшее в окрестностях Кастель-Ново, где 3500 наших войск с 2000 жителей устояли против 20 000 французов, предводимых одним из лучших их генералов. Блистательное мужество малого сего отряда приобрело новый лавр непобедимой нашей пехоте.

С рассветом неприятель атаковал наши передовые посты на всех пунктах, и скоро сражение сделалось общим. Генерал Лористон сделал первое нападение, но не мог устоять против нашего огня и был обращен назад; другая сильная колонна имела ту же участь. Мармонт, устраивая сзади своих линий расстроенные колонны, беспрестанно вводил свежие отряды в огонь; наши же войска, отражая их сильным ружейным огнем, картечами горных орудий, возимых на лошаках, и обращая в бегство штыками, возвращались на свои места; и таким образом семь часов сряду выдерживали все усилия храбрости французской. Когда день клонился уже к вечеру, мужественный генерал Попандопуло, выслав 13-й егерский полк для прикрытия, отступил в порядке на другую позицию, им избранную. Здесь неприятель напал на левый наш фланг, который, однако ж, с чрезвычайной твердостью удержал стремление его; но, как место позволяло ему окружить отряд наш и оный почти уже был обойден, то генерал Попандопуло, отступая мало-помалу, поддерживал себя то чрез маневры, то чрез небольшие атаки. В сем случае Мармонт в донесении своем похваляет мужество и стойкость нашей пехоты; тут наша рота сражалась с батальоном и один наш егерский батальон обратил в бегство целый французский полк. За всем тем неприятель преследовал войска наши весьма близко и надеялся ворваться в крепость на плечах; но как скоро приблизился к морскому берегу, у речки Сатур-

нино картечный залп с канонирских лодок и баркасов остановил его. Под таковым прикрытием наши спокойно вступили в крепость, а французы остановились там, где была наша последняя позиция.

20 сентября главнокомандующий обще с митрополитом положил допустить неприятеля, даже поощрить его к штурму крепостей; между тем, для истребления его конвоев, послать сильные отряды черногорцев на дорогу в Старую Рагузу и выслать к Кастель-Ново всех воинов, могущих несть оружие, что поручено г. Санковскому и исполнено им со всей деятельностью. Народ нимало не унывал, даже женщины не стенали и не плакали, и все от старого до малого вооружились.

20 сентября Мармонт, не видя с нашей стороны никакого препятствия, переменил позицию, стал от крепости в 3 верстах и тотчас выслал две сильные колонны. Одна шла по берегу, другая, обходя крепости, подвигалась к Каменной и Мокрино; первая сделала вид приступа, последняя показывала, будто хочет прорваться внутрь провинции к Ризано, но оба сии виды были обманные; ибо французы знали, что тому гарнизону, который мог стоять против них в поле, не имея артиллерии, нельзя ничего сделать в крепостях, знали также и то, что в Ризано с таким числом им пройти невозможно. Цель их состояла в том, чтобы осмотреть силу крепостей, выманить регулярные войска и, если удастся, то отрезать и потом истребить их. Первый неприятельский отряд зажег загородные дома бокезцев и одно турецкое пограничное селение за то, что жители сего последнего не подняли против нас оружие. Сия жестокость была наказана и стоила им великой потери. Когда первая колонна приблизилась к крепостям, корабль «Ярослав» вместе с оной, картечным перекрестным огнем, рассеял ее, и едва малые остатки успели соединиться со второй. Пушечные громы были сигналом общего нападения. Не можно было черногорцев и примор-

цев, при виде пылающих домов их, удержать на своих местах, как то было предполагаемо. Они с ужасным криком высыпались из скрытых мест, бегом спустились с гор и напали на колонну со всех сторон так удачно, что тотчас ее расстроили и гнали до самого лагеря. Мармонт выслал другую для подкрепления, маневрировал, употреблял все хитрости искусства, но ничто ему не помогло. Приморцы и черногорцы, ободренные присутствием адмирала и митрополита, пользуясь удобным для них местоположением, удачно поражали неприятеля сильным и верным своим ружейным огнем. Битва сделалась общей, со всех сторон стекался храбрый народ и, умножая число сражающихся, оказал необыкновенные порывы храбрости. Наши войска поддерживали их только в нужных случаях. От полудня до 5 часов сражение продолжалось с чрезвычайной жестокостью с обеих сторон. После сего Мармонт отступил к лагерю, но и тут не остался в покое, перестрелка горела всю ночь. Партии приморцев и черногорцев, вновь приходящих и вступающих в огонь, возбуждали ревность утомленных сражением прошедшего дня; почему неприятель принужден был всю ночь стоять под ружьем.

21 сентября Мармонт, обманувшись в надежде, что между бокезцами найдет сильную себе партию; узнав на опыте, что и в лагере своем без сильной артиллерии, которой при себе не имел, не может быть безопасен от дерзости нерегулярных ратников и получив известие, что герцеговинцы в отмщение за сожженное свое селение, соединившись с отрядом Мило, сердаря Черногорского, взяли Виталино, отбили наших пленных и истребили два обоза; опасаясь притом, что адмирал по собрании большого числа вооруженных жителей, может не только разбить, но и истребить его армию на месте, и потому решившись, ничего не предпринимая, отступить, столь поспешно оставил лагерь с 7 пушками, найденными им в разоренных домах, и бросил все тяжести, своих и 25 наших

раненых, что только митрополит с легкими своими войсками преследовал его до Старой Рагузы, где неприятель остановился в укрепленном лагере.

22 и 23 сентября большие партии черногорцев, прошед мимо крепостей, вокруг Старой и далее Новой Рагузы, предали все огню и мечу и с добычей, без малейшего помешательства от французов, возвратились в дома.

24-го наши войска стали по квартирам. Храбрые солдаты, утомленные в продолжение 10 дней беспрестанными сражениями и маршами, награждены были редким вниманием главнокомандующего. Для всего наличного числа приготовлен был сытый обед, и на двух выдано по осьмухе виноградного вина.

Потеря наша только 19 сентября была чувствительна, убитых и без вести пропавших было 175 человек, раненых штаб- и обер-офицеров 12 и 276 рядовых черногорцев и приморцев, во все продолжение военных действий убитых и раненых до 800 человек. Неприятель потерпел значительнейший урон, у него убито: генерал — 1, штаб- и обер-офицеров — 18; ранено: генерал Молитор и 37 офицеров; в плен взято 47 штаб- и обер-офицеров, 18 и 1300 рядовых; сии последние перехвачены крейсерами и бокезскими нашими корсарами. Офицеры были инженерные и артиллерийские, посланные в Боснию и Албанию для укрепления некоторых там мест. По отобранным у них планам и бумагам открылись и во время мира предприемлемые злые замыслы Наполеона против России. Вся потеря неприятельская состояла в 50 пушках и в 3000 человек убитых и раненых. Сверх того, в сие краткое время флот приобрел более, нежели на миллион рублей, призов и знатное количество военных и съестных припасов.

Здешние народы со всей их способностью к горной войне не в состоянии отправлять ни дальних экспедиций, ни продолжительных действий; и потому храбрость и ревность их в

содействии с нашими не доставляли всего желаемого успеха. Случалось, что они подвергали регулярные войска опасности потому, что, будучи обязаны хозяйственными упражнениями, они возвращались в свои дома и победа по сей причине не приносила большей пользы. 3000 регулярных войск весьма недостаточны были для защиты провинции; малейший урон в оных, по отдаленности от Отечества, не мог быть вознагражден; посему адмирал предложил образовать некоторое число черногорцев для постоянного отправления службы, на таком точно содержании, каковое получает Албанский легион стрелков в Корфе. Сколь ни труден был сей оборот для черногорского народа, по обычаям своим не терпящего и малейшего вида подчиненности, но неограниченная доверенность и высокое уважение к адмиралу, при помощи митрополита побудила их принять императорскую службу, и в скором времени 2000 черногорцев и 1000 бокезцев начали подобно регулярным отправлять действительную службу и приучились к некоторым егерским маневрам[53]. При такой силе и особенной способности народа к войне партизанской адмирал, сберегая регулярные войска, выслал сильные отряды на все сообщения французов. Истребляя обозы, нападая на конвой и передовые посты, сии храбрые воины беспрестанно приносили в лагерь свой у монастыря Савина богатую добычу, (где, к удивлению нашему, они не строили шалашей, а жили под открытым небом) и каждый почти день приводили пленных. Французы, запершись в стенах Рагузы, лишены были всякого сообщения с моря силой флота. Никакое вспоможение не доходило к ним из Отечества. А как у них нет обычая довольствоваться своим, то, уже совершенно истощив жителей поборами, приступили они к последнему средству; ограбили церкви, обобрали все серебро и золото от граждан,

[53] Вскоре после оное число увеличено до 5000 человек.

что у кого оставалось, и обратив оное в монету, думали отворить деньгами двери к турецким областям и даже в Катаро, но Сенявин обратил внимание пашей на сожженные дома турецких подданных, открыл им глаза, к чему клонятся замыслы Наполеона, и тем, несмотря на все тайные, коварные происки французских агентов, преклонил корыстолюбивых пашей на свою сторону. Прокламация Сенявина к герцеговинским славянам при помощи епископа их Арсения принята с восторгом, и народ сей прислал депутатов изъявить добрую волю соединить оружие свое с нашим, но адмирал при сем счастливом для него обстоятельстве не переменил своего положения потому, что, лишив французов подвозу съестных припасов из Герцеговины, нашел гораздо выгоднейшим утомлять их голодом и партизанскими партиями и притом желал, чтобы они еще раз решились выступить; тогда, напав на них в поле с помощью герцеговинцев, мог он отрезать их от Рагузы, которой завоевание в таком случае было удобнее и легче. Таким образом, Сенявин при весьма ограниченных способах сделался мощным защитником края сего и, действуя мечом и пером с равным успехом, победил французских генералов и дипломатов.

Прокламация к бокезцам и черногорцам, свидетельствуя их заслуги по отношению своему к тогдашним обстоятельствам, заслуживает быть здесь помещенной.

«Благородным и почтенным господам князьям, судьям и всему народу

В продолжение военных действий я имел удовольствие видеть опыты усердия народа, оказанные в содействии с войском, мне порученным, из единой ревности к славе и беспредельной приверженности к Его Величеству Государю Императору Александру Павловичу, Самодержцу Всероссийскому, истинному благодетелю, защитнику всех верных сынов Святой Церкви.

Воины! Вы оказали отличное мужество, храбрость и исполнительность при совершенно добропорядочном поведении. Дерзость врага, осмелившегося ступить на землю вашу, наказана. Неприятель удивлен вашею твердостью и столько потерял людей, что не скоро может собрать новую силу и опять выступить. Поздравляя вас с победою, благодарю за хорошее обхождение с пленными и всячески желаю, чтобы человечество и впредь не было оскорбляемо.

Таковые добрые поступки, о коих представлено мною Государю Императору, приобретают вам, почтенные господа и народ, наипризнательнейшую благодарность мою, которую сим изъявляя, надеюсь и впредь на ваше истинное усердие и храбрость во веки неугасаемые. При похвальной ревности к добродетельным подвигам Богу угодным, пребываю к вам с моим почтением и доброжелательством навсегда. Корабль «Селафаил» в Боко ди Катаро 24 сентября 1809 года».

Дмитрий Сенявин.

Плавание вдоль берегов Эпира до Корфы

25 сентября фрегат, оставив пост свой у Старой Рагузы, прибыл в Кастель-Ново. Я спешил осмотреть поле сражения. Зрелище ужасное! Тела убиенных разбросаны были в различных положениях, иной лежал ниц, другой бледным лицом обращен был к солнцу. Тут враг лежал на враге, черногорец и француз лежали тихо, как друзья. Жены, отыскивая тела супругов, с воплями, с распущенными волосами бродили вокруг бывшего неприятельского лагеря и на пожарищах. Военные громы умолкли, гласы молитвы и смирения заменили их, унылый звук колокола принудил меня обратиться к церкви, и я увидел погребение: несли 5 гробов; тихое шествие, унылое пение со святыми упокой, соучастие, изображенное на лицах солдат, коих оружие преклонено долу, и растерзанная горестью мать, неверными, колеблющимися стопами идущая за гробом единственного сына, тронули бы и того ожесточенного тирана, который для лич-

ной выгоды, для собственного возвышения не престает лить кровь себе подобных.

30 сентября капитан получил повеление отправиться в Сицилию, Мальту и Сардинию для доставления пороха в Катаро. Ветер был очень свеж, фрегат, распустив паруса, подобно лебедю, взмахнул крыльями и полетел изгибаясь между множества тесно стоящих на рейде судов. Наклонившись на бок, прошед весьма близко под кормой «Селафаила», отдали честь адмиралу, и едва эхо последних выстрелов утихло в горах, фрегат был уже в море, все многолюдство рейды заменилось свистом ветра и шумом волн, разбивающихся о дикие скалы, которые закрыли от нас город, корабли и залив. Миновав крепость Будуа, с веющим на ней российским флагом, мы держались близ берега, и множество городов, рек, селений, заливов, крепостей с кораблями, спокойно стоящими у пристаней, грозные дикие скалы и прелестные, покрытые зеленью долины показывались, скрывались и переменялись одно за другим, как бы в искусственной фантасмагории. Берега Эпира на каждом шагу представляют любопытные исторические воспоминания. Дурацо, древняя Диррахия, построенная коринфянами, стоит на низком мысе; здесь Цицерон провел время своей ссылки. Кроя, к северу у реки Дрино лежащая, славное Отечество Скандерберга, бича оттоманов, восстановителя Эпирского царства, ныне представляет одни развалины. Валона, пристанище морских разбойников, известна тем, что Цезарь и Помпей вышли тут на сухой путь, первый для угнетения, а последний для защиты своего Отечества. За Валоной стоят Акроцеравнские горы, ныне Химера называемые: ужасный вид и высота их, конечно, дали им сие имя. Здесь находился Додон, славный своим прорицалищем, и отсюда вытекали баснословные реки Ада: Ахеронт и Коцит. Неприступность гор сих сохранили остатки независимости храбрых албанцев и поколение сулиотов, наводящих, подобно черногорцам, ужас жестоким властите-

лям своего Отечества. Сражения и битвы, какие мужественные сии воины выдержали против Али паши, не устыдили бы и самый Лакедемон. Женщины не уступают в храбрости мужчинам. В одной жаркой битве пал молодой предводитель сулиотов, смерть его поколебала воинов, они забыли о сражении и с воплем собрались вокруг тела. Тут прибежала мать убитого, покрыла передником лицо сына, взяла его оружие и, заступив место его при малой толпе воинов, прогнала победоносного неприятеля, потом возвратилась, открыла лицо сына, поцеловала и с сильной горестью вскричала: «Я отмстила за смерть твою». Сантикваранта, Орхино и Бутринто принадлежали венецианам, в последнем был дворец Пирра, сына и наследника храбрейшего из греков Ахиллеса. Крепость Парга, одно из венецианских владений на берегах Албании, принадлежит ныне Ионической республике. Женщины сего города славятся красотой. Албанцы или, как турки их называют, арнауты, известны отличной храбростью, они составляют лучшую пехоту оттоманов, и у всякого паши служат телохранителями. К несчастью, жестокое их мужество угнетает собственное Отечество.

Нечто о Али паше

Али паша помощью албанцев сделался независимым; он повинуется султану только тогда, когда хочет, и задавил уже несколько добрых чаушей, которые приносили к нему золотой снурок повелителя правоверных. Прадед его Али был грек, отпадший от веры. Дед и отец его, начальствуя многочисленной шайкой разбойников, опустошали Эпир. Ихлаус, начальник греческий, умертвил отца его. Али оказал многие опыты мужества, приобрел благосклонность эпирских проестосов, или старейшин страны, и чрез их предстательство у Порты сделался начальником всех входов в Грецию, умертвил

убийцу отца своего, чрез происки доставил себе пашалык[54] Делвино, потом Трикальский и Янинский, и с 1787 года начал управлять Грецией самопроизвольно. С того времени Али старался угождать грекам, позволяя им строить новые церкви, убивал богатых турков и, в одно время избавясь опаснейших своих соперников, привязал к себе народ, который, не имея лучшей надежды, предпочел господина снисходительного тиранам утеснителям. Али украсил Янину четырьмя пышными дворцами на европейский образец, укрепил ее цитаделью и на три года приготовил военных и съестных припасов. На случай несчастья он имеет надежное, непреодолимое убежище. На острове среди озера построили ему французские инженеры замок, который, по положению своему будучи неприступен, защищается еще гребной флотилией. В сем замке хранятся все его сокровища, которые, говорят, весьма значительны. Он получает ежегодно до 4 000 000 пиастров, да два сына его по 2 миллиона. Число войск его, во всякое время готовых, простирается до 16 000 человек; в военное время он может умножить оное до 30 000.

Крепкий попутный ветер изменил нам у Страды Бианки, мы вошли как бы в очарованную округу, где ветры тихие и сильные дули с разных сторон, четыре судна шли по противным направлениям, идучи каждое на фордевинд. Прошед сию полосу, мы достигли северного пролива, где за штилем провели ночь; а наутро, по отправлении из Катаро, чрез 30 часов 2 октября бросили якорь в Корфе.

Корфа

В прежнее кратковременное мое пребывание в Корфе я ничего не мог заметить, но теперь дам отчет в моих замечаниях, собранных в разное время. Город невелик, улицы узки и

[54] Область, губерния.

кривы. Кале д'Аква, лучшая из них, во время жаров закрывается парусиной, натянутой с кровли на кровлю, а галереи, в нижних этажах находящиеся, поддерживаемые некрасивыми колоннами, придают ей особенный вид и уподобляют венецианской площади Св. Марка. В казино (кофейный дом) под павильоном всегда собираются офицеры и лучшее общество. Ввечеру спьянадо (площадь) наполняется прогуливающимися; оттуда идут в театр. Одна часть города очень нечиста, и в минуту догадаться можно, что тут живут жиды, которые, как и везде, составляют класс богатейших купцов.

Церковь Святого Спиридония, в коей лежат мощи сего святого, заслуживает особенное внимание. Иконостас украшен старинными, весьма плохой работы образами. Плафон также уставлен оными в богатых золотых рамах, резьба на них дурного вкуса. Посреди церкви висит золотое, а по сторонам огромные серебряные паникадила, последние два принесены в дар от Венецианской республики, и войска под предводительством графа Шуленбурга, отразившего сильное нападение турок на Корфу в 1716 году. По обе стороны церкви сделаны род высоких кресел, в которых не сидеть, а весьма покойно прислониться можно. В Греции и у всех славянских поколений они предпочтительно уступаются старцам. Церковь Св. Спиридония почитается богатейшей на Востоке, ибо не только греки, но и католики присылают в нее вклады; ни один мореходец, ни один земледелец не пускается в море, не предпринимает никакого дела, не помолившись мощам и не принесши чего-либо в дар. 12 декабря в честь св. Спиридония, как покровителя Корфы, бывает великое торжество. Открытые мощи, поставленные на ногах в золотом кивоте, при громе артиллерии с кораблей и крепостей носятся вокруг города. Некто монах Калокерети в 1489 году перевез мощи

сии из Кипра у Корфу, и в 1512 году отдал оные в приданое[55] племяннице своей Ассимине; а сия по духовной как церковь, так и мощи, завещала потомкам мужа своего Стамателло Булгари, по мужескому и женскому колену в вечное и потомственное владение. По сему праву, в протопопы сей церкви всегда посвящаются из фамилии графов Булгари, также и несколько священников, сан которых почитается почетнейшим и весьма прибыльный. Церковные доходы состоят под распоряжением особого комитета, в коем один из графов присутствует; часть оных употребляется на украшение и содержание храма, на остальное же затем покупаются земли для церкви, следственно, в частную собственность, графам принадлежащую. По желанию сей фамилии, храм и мощи св. Спиридония в 1801 году принят под особое покровительство России, в знак коего над западными вратами поставлен императорский герб, таковой же находится над местом, где, как победитель, сел адмирал Ушаков, пред ними беспрестанно теплятся лампады. К сему подвигу графы, как из усердия и преданности к России, так и для польз своего отечества, побуждены были той причиной, чтоб навсегда и при всяком политическом обороте дел сохранить влияние России не только на Ионические острова, но и на всю Грецию. В чем, конечно, и не ошиблись, ибо вера всегда была и будет проч-

---

[55] В свадебном контракте Ассимины с Булгари между прочим сказано: «Parimente gli da in dote & in nome di dote (ardisco die con divota circospezione) l’onorabile e santa Religia del Miralocoso Spiridion tutto come si trova. Также даю ей в приданое и в звании приданого (с должным благоговением дерзаю сказать) честныя, святыя и чудотворныя мощи св. Спиридония, точно в том виде, в каком они есть. Обычай сей, освященный временем и привычкой, и доныне в употреблении». Сии подробности сообщены от графа Як. Н. Булгари.

нейшей связью народов, и никакая сила случаев и обстоятельств не может ее ослабить. В другой церкви хранятся мощи св. Феодоры: у нее нет головы.

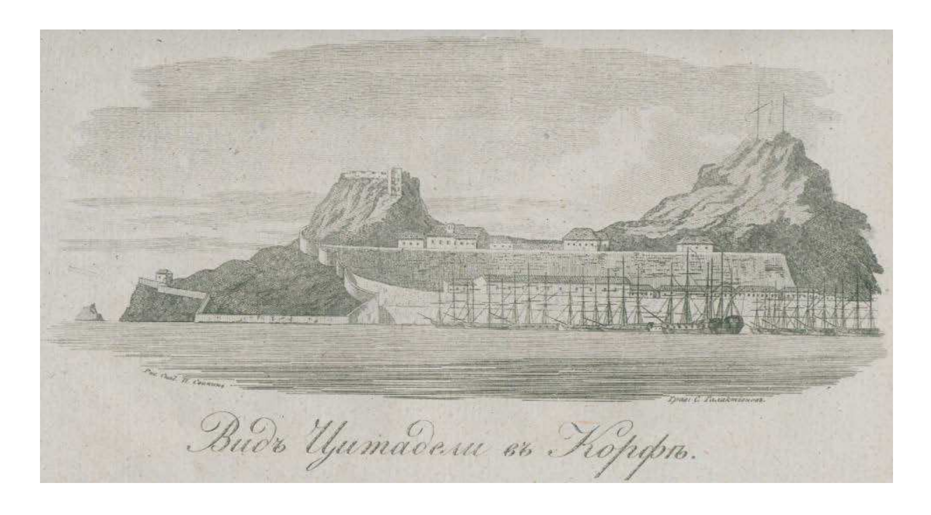
Укрепления

Корфа почитается в числе первостатейных укреплений и состоит из пяти крепостей, из коих три стоят к морю, а две к сухому пути. Они поставлены так, что если неприятель завладеет передовой, то все другие обращают на нее свои пушки. Главная крепость, в коей расположен город, имеет от берега два вала и сухой ров. Старая крепость[56] отделяется от города спьянадом (площадью) и весьма глубоким и широким рвом, посреди коего канал воды делает мыс, на коем стоит крепость, островом. Мыс сей весьма высок и крут; вершина его разделяется на две круглые сопки, из коих на одной батарея, на другой телеграф. Чрез подъемный мост входят в крепость. Прямо против ворот на площади представляется дом коменданта, самой великолепной наружности. Возле оного стоит мраморный монумент графа Шуленбурга, освободителя Корфы от турок. Статуя представляет римского воина. Чрез прекрасные сквозные сени вошел я в тесный и темный коридор, который вывел меня на небольшую площадь, а там чрез подъемный мостик к воротам, над коими написано: «Цитадель Сан-Анжело». Оная занимает вершину горы и служит последним и надежным убежищем гарнизону. В ней видно несколько развалившихся домов, разрушенных при взятии Корфы русскими бомбами. Я всходил на холм, где поставлен телеграф, и откуда видел все расположение крепости в плане; стены ее обделаны плитой, весьма прочно складенной. Чрез порт Рочеле (Porte-Rocele) таким же тесным и темным коридором сошел я вниз, в ту часть крепости, где

---

[56] Смотри картинку.

построены казармы и другие здания. Пороховые погреба и магазины высечены во внутренности горы. Большой коридор, просеченный от казарм насквозь к подошве горы, удивителен; оный служит для схода в гавань и адмиралтейство, называемое мандраки. Старая крепость была первое укрепление Корфы, построенная генуэзцами, и теперь еще виден герб сей республики, вставленный в стенах, заросший мхом и изглаженный временем.



Новая крепость построена по другую сторону города; чтобы иметь о ней понятие, должно себе представить глубокие подземелья, высокие стены и, наконец, вообразить крутую гору, обложенную толстыми стенами, отчего и составляются огромные воды, внутри крепости находящиеся. Из города входят в нее подземельем, где на небольшом пространстве находятся несколько домов частных людей. Потом лестница приведет вас к женскому монастырю. От монастыря, по другой лестнице, опираясь о стену, которой верха, не сняв шляпы, не увидишь, выйдете на площадь, на коей раскиданы пушки; только бруствер к городу недавно исправлен. Тут сделано несколько чистерн. Отсюда опять подземельем

придешь как будто на балкон, ведущий подле стены крепости, и снова по крутой лестнице выйдешь на новую площадь, обставленную пушками и застроенную казармами и магазинами. На площади пробиты отверстия для освещения подземных сводов. Город показывается отсюда расположенным на отлогости, улиц в нем не видно, а дома кажутся очень малыми. Я всходил на самую вершину стены, и загородные крепости казались насыпями. Вид окрестностей Корфы не представлял ничего приятного: повсюду развалины и запустение. Рейд со множеством кораблей казался очень тесным, а снегом покрытые Албанские горы очень близкими. С новой площади есть подземные ходы в поле и в загородные крепости. Чудный, впрочем бесполезный, вымысел построения крепости должен удивить каждого. Я не мог понять, какой силой венециане встащили на такую высоту огромнейшие пушки, и не хотел верить своим глазам, чтобы искусство было тут помощью природе. Основание крепости положено в исходе XIII столетия.

Остров Видо, лежащий от города ближе пушечного выстрела, при первом на него взгляде обещает удобность, взяв его, стеснить Корфу; но батареи его, будучи ниже бруствера трех крепостей, не представляют неприятелю, завладевшему оным, больших выгод. Адмирал Ушаков, окружив остров кораблями, сбил все батареи, коими он был усеян, не более, как в полчаса, и такой отважностью взяв его, устрашил гарнизон, который вскоре положил ружье пред горстью солдат и матросов. Корфа, имея от 10- до 15-тысячного гарнизона, иначе не может быть взята как голодом и жаждой, ибо главное неудобство состоит в том, что продовольствие большей частью получается с албанского берега, а дождевой и привозной воды, наливаемой для запаса в чистерны, не всегда бывает достаточно.

Гуви

Гуви, где было Адмиралтейство, в котором венецияне содержали свой линейный флот, французы разорили до основания; остались только три сарая, где хранились леса. Прочие строения представляют одни стены, в коих я находил много надписей; одна свидетельствует, что адмиралтейство основано в 1734 году. Прекрасная покойная губа, окруженная развалинами, за ними готической архитектуры монастыри и маленькие мызы в новом вкусе, наконец широкая дорога, вымощенная плитой и обсаженная деревьями, ведущая в Корфу, представляет вид уединенный и прелестный. Нельзя не удивляться искусству французов все разрушать и невозможно не пожелать, чтобы строения сии, стоившие миллионов, были возобновлены.

Развалины древней Корциры

У ворот крепости, где мыс, на котором стоит Корфа, суживается, начинаются наружные наблюдения, большей частью построенные нашими инженерами. Отсюда по долине, ведущей чрез деревни, на расстоянии трех верст попадаются развалины домов — память милосердых французов. В одном запустелом монастыре монах с тарелкой в одной руке, а другую приложа к сердцу, с низким поклоном встретил нас, и когда дали две-три монеты, он не преминул сказать несколько ругательных слов господам французам. Монах вызвался показать нам развалины древней Корфы, однако ж, кроме высокой травы и больших куч каменьев, я ничего не видал. Но когда я осмотрелся, место сие мне полюбилось. С одной стороны, представляется огромная церковь с пятью куполами, окруженная мраморными колоннами. Дубрава вековых дубов осеняет оную; с другой, в тени апельсинных, лимонных и масличных дерев, раскинут был лагерь Куринского полка. Сей вид невольным образом напомнил мне, где я стою, что вижу под ногами моими, и вспоминая славу греков,

убедил себя, сколь превратна и непостоянна судьба царств и народов! Монах уверял нас, что видимую нами церковь построил сам Петр Апостол и в ней проповедовал веру в Христа. Бродя по развалинам, видел я две редкости: пальмовое и столетнее дерево; листья последнего бывают в длину около трех футов, а в толщину дюйма по два. Жители варят их для пищи, вкусом они походят на тыкву. На сем-то месте острова Улисс, спасшись от кораблекрушения, встречен был прекрасной Навзикаей и дружески принят царем Алкиноем. Гомер, воспевая сады Алкиноевы, присоединил к ним много чудесного и стихотворного; теперь, хотя нельзя надеяться отыскать чертоги царя Схерийского, медную стену, их окружавшую, золотые двери и собак, сделанных руками бога Лемноского, но ученый итальянец Бота, с «Одиссеей» в руках, поверил предметы и нашел совершенное сходство местоположений. Он говорит: время, истребляя дела рук человеческих, щадит творение природы, и, описав следы древнего здания и найденные тут монеты, заключает из того, и довольно правдоподобно, что речка Мессонжи есть тот источник, где царевна Навзикая мыла платье, где она встретила нагого Улисса, а дубовая роща, и ныне существующая, есть та самая, куда Улисс скрылся в ожидании возвращения царевны.

Беличе

Кто был в Корфе и не посетил Беличе (Belice), тот должен сожалеть, что не имел свободного времени или им не воспользовался. Слыша многие похвалы, я искал случая видеть оное местечко, и случай сей скоро представился. Знакомцы наши, армейские офицеры, которые служили у нас на фрегате и с которыми мы вскоре свыклись, предложили ехать в Беличе, и мы, в числе 8 человек, сев на катер, отвалили от фрегата. Обойдя утесистый мыс, на коем стоит старая крепость, пустились вдоль берега. С сей стороны остров Корфа

представлял природу и самые строения во всем их блеске и лучшем виде. Зелень была гораздо свежее и нежнее; дома простой приятной архитектуры. Кардаки, где флот наливается водой, заметен по утесистому холму, на вершине которого стояла полковая палатка, а у подошвы его покачнувшаяся в море башня; далее светлая небольшая речка, на одной стороне коей раскинут был лагерь; все сие вместе обратило на себя наше внимание, и мы, чтобы насмотреться на сие прелестное место, приказали матросам перестать грести. Наконец, проехав около 17 верст, пристали к Беличе и прямо пошли в дом богатейшего в Корфе дворянина Андрея Калоера. Как дорога ни была трудна и жар солнца несносен (в октябре), но мы без усталости прошли верст пять между садами к дому Калоера, которого сад почитается лучшим в Корфе; дорога идет между двумя высокими стенами, покрытыми виноградной зеленью. На дворе замка представляется множество строений. Поднявшись по каменной, совершенно от дому отделенной лестнице, мы очутились на небольшой террасе или лучше — столбе; пред нами опустился подъемный мостик, и мы вошли в верхний этаж дома, где хозяин, благовидный старик лет шестидесяти, принял нас очень ласково. Верхнее жилье представляло одну залу, разгороженную на три комнаты, которых стены увешаны ружьями, кинжалами и саблями дорогой цены: в простенках между окон сделаны прорезы для ружейной обороны. Такой странный вход в дом, такое количество оружия и любезность веселого старика дали нам повод спросить, что за причина такой строгой его осторожности. Прежде, отвечал хозяин, боялся я алжирцев, потом французов, а теперь боюсь только гадов и потому от прежней привычки отстать не могу. Старик показал нам свой сад, в которое самое лучшее есть выдумка бассейнов для купания, в коих можно прибавлять воды, сколько кому угодно; потолок оных составлен из сплетшихся

ветвей плодовитых дерев, так что, купаясь, можно рвать свежие плоды. Гостеприимство сего мечтателя грека нам очень понравилось; он, зная наш обычай, позабывал свой и беспрестанно предлагал нам то или другое; мы, однако ж, не остались у него обедать, поблагодарили, расстались с ним и возвратились в Беличе. Там, на берегу моря, в густой тени дерев, весело и на воле обедали и, пережидая жар, отдыхали на мураве; уже ночью пристали мы на фрегат. Воздух, вода, земля и плоды в Беличе почитаются лучшими; красивое же местоположение привлекает сюда богатых господ, и мызы их представляют взору приятное разнообразие.

Разные замечания

Кроткий климат, сады лимонные и померанцевые, испещренные цветами луга, оливные рощи и виноградники, где царствует вечная весна, делают Корфу одним из наилучших мест в Средиземном море. Плодоносные деревья всякого рода растут на открытом воздухе; цветы и плоды спеют попеременно, так, что во всякое время года можно иметь и зрелые овощи, и молодую зелень. Винные ягоды, называемые фракацони, почитаются лучшими в Леванте; хлеб здесь мало сеется, ибо масло, которое предпочитается прованскому, особенно отправляемое с острова Паско, вино, соль и плоды доставляют более выгоды. Свободная торговля и около 12 000 000 рублей, издерживаемых в Корфе ежегодно для содержания войск и флота, обогатили жителей, но они, по привычке ли к умеренности или по склонности к притворству, кажутся по наружности бедными. Русская щедрость нимало не изменила их, и сколько правительство ни старалось об уменьшении числа бедных, их было очень довольно.

Говорить о жарах, здесь бывающих, было бы повторить уже многими сказанное, к сему я только прибавлю, что жары сии всегда прохлаждаются морскими ветрами. В сентябре и

октябре яд скорпионов и сороконожек смертоносен. Уязвленный человек умирает в сутки, но опасность от них не так велика, как обыкновенно думают: если помазать вскорости маслом, в котором заморен был скорпион, как известно, содержащий в самом себе и противоядие, то уязвления делаются безвредными. Зимние месяцы приносят скучную погоду: мелкий дождик почти беспрестанно накрапывает, а нередко несколько дней сряду льет, как из ведра. Северо-западные ветры носят тучи и производят ужасные грозы, иногда сопровождаемые землетрясением. К громовым ударам и блеску молний никак привыкнуть не можно; они и твердую душу приводят в содрогание. После сих грозных явлений и в глубокую зиму бывает погода приятная, даже жаркая; воздух освежается и земля, опаленная знойным солнцем лета, вновь покрывается зеленью. Посему климат здешний очень здоров и солдаты наши не были подвержены особенным болезным.

Вот один пример здешнего правосудия, который случиться может везде, где закон лежит только на столе, а не на совести судей, и где преступления их оставляются без внимания. Один богатый дворянин, секретарь сената, вздумал у соседа своего мужика, имевшего порядочное состояние, известного своей честностью и усердием к республике, отнять сад, главное его имущество. Вздумал, и вот таким средством исполнил желание свое. Он нанял одного стихотворца от имени мужика написать пасквиль на сенат, и сам подал на него донос. Мужика арестовали и осудили расстрелять. Накануне исполнения приговора объявили о том в городе; некто из сострадания вступился за него и ясно доказал, что мужик не умет писать; по счастью, отыскали того, кто сочинил пасквиль; он повинился и показал на секретаря. Чем же, вы думаете, дело кончилось? Поэта расстреляли, мужика

освободили, а имение его, отданное секретарю, предоставили искать судом!

Республика управляется аристократическим советом или сенатом. Председатель оного называется Principe (князь). Законы заимствованы из венецианских уложений. Сенат состоит из 140 членов и депутатов, избираемых из дворян, купцов, ремесленников и народа. Семь островов, составляющих республику, Корфа, Кефалония, Санта-Мавро, Итака, Занте, Паксо и Цериго, каждый три года сменяют своих депутатов. Власть сената такой слабой республики не очень значительна; что же касается до граждан, они имеют свои личные выгоды, и польза бедной их республики до них не касается. Они не думают о будущем, хладнокровны к настоящему и довольны только прошедшим.

Дворянство отдает земли свои на откуп и беспрестанно ропщет на леность и нерадение мужиков, будучи не в силах принудить их к трудолюбию, ибо мужики до срока условий остаются полными хозяевами и не платят своих повинностей; посему помещики издавна почитаются у них врагами. Французы, обнадежив дворянство привести в послушание народ, были приняты в Корфе с радостью, но они ничего не сделали кроме того, что некоторым, кои более им помогали, дали лучшие земли, отнимая оные по праву завоевания у тех, которые им не казались; посему несколько дворян выехали в Россию и просили защиты. Когда Корфа была нами покорена, тогда вместе с французами и преданные им оставили свое отечество. Таким образом, между дворянством осталось семя вражды, которое нескоро может быть истреблено, потому-то каждый желающий найдет в Корфе свою партию, но, по справедливости сказать должно, мы имеем большую, лучшую и благороднейшую. Несмотря, что арендаторы приведены были в повиновение, и тем одно зло было нами излечено, народ предан одним только русским, ибо влияние наше не зависит от частных случаев и обстоятельств времени.

На всех островах республики число жителей простирается до 300 000 греческого исповедания; часть дворянства последует католическому; все веры терпимы. Языки греческий и итальянский в равном употреблении. Здесь ходят турецкое серебро и венецианские червонцы; прочие деньги принимаются на вес.

История

Корфа в древности называлась Корцира, Феакия, Схерия и Кассиопея. Мятежи корцирские, по описанию Фукидида, известны были в самой отдаленной древности. В Корцире Аристотель ссылкой заплатил за заблуждение, которое и философия не всегда превозмогает. Симонид и Поликлет, граждане сего острова, получили бессмертие: первый — стихотворениями, второй — статуями. Корцира, населенная феакиянами, во время греческого величия воевала с Коринфом, Сицилией, Афинами и Сиракузами и наконец была позорищем славы и несчастья римлян. Корциряне отличались в легионах римских и брали сторону то одного, то другого триумвира, и здесь-то, после Фарсальской баталии, Катон встретился с Цицероном. Первый, не могши перенести неблагоприятного удара судьбы, умерщвляет себя в Утике; другой, приняв начальство над последними легионами республики, ослабевает духом, предается во власть Кесарю и потом теряет жизнь. Смертью сих великих людей римляне утратили навсегда свободу. Скоро после того Антоний с Октавией праздновали в Корцире пагубный брак свой, стоивший толиких слез целому свету; и едва полвека протекло, как Агриппина прибыла туда явить похороны Германика.

В средние времена корциряне, принадлежа Восточной империи, служили в войсках Константина Великого, Констанция и других греческих императоров. Под начальством Велисария защитили они Рим от готов и Константинополь от турок. Крестовые рыцари собирались в Корфе для отплытия

на завоевание Гроба Господня. Замечательно, что одна корфская церковь избегала гонений Диоклетиана. Епископы Корцирские, Аполидор и св. Арсений, известны своими христианскими поучениями и участием во Вселенских соборах. Когда Рожер основал Неаполитанское королевство, Корцира и Эпир соединены в герцогство и отданы Алексею, побочному сыну Эммануила. В сие время генуэзцы по договору для торговли имели в Корфе пристанище и построили старую крепость. После того герцогство было завоевано Неаполитанским королем Карлом, но иго сие скоро было свергнуто. Корфиоты, ослабленные сим усилием, угрожаемые покушением генуэзцев и не имея сил защитить себя, решились избрать себе покровителя довольно странным образом. Они положили провозгласить повелителем своим того, кто с депутатом их на Адриатическом море встретится первый. Встретилась венецианская военная галера, капитан оной объявлен был владетелем, но он отказался и сложил сие на республику, которая, заплатив малую сумму неаполитанскому двору, в сем новом приобретении осталась спокойной. Венециане построили новую крепость и все другие укрепления, кроме генуэзской цитадели. Турки, осаждавшие Корфу несколько раз, никогда не могли ее взять, и стены ее были пределом побед их. Последняя осада, в 1716 году под предводительством Солимана, была славнейшая. Турки уже взяли город; войско и народ держались еще в старой крепости, как граф Шуленбург прибыл с помощным войском, и неприятель отступил. Столь внезапным избавлением корфиоты почитают себя обязанными св. Спиридонию и уверяют, что и турки с сего времени веруют в него, присылают мощам его дары.

В 1797 году, по Кампоформийскому трактату, коим уничтожена Венецианская республика и разделена между Австрией и Францией, Корфа с семью островами досталась во владение последней. Важное для Франции сие приобретение вскоре потеряно было нападением на Египет и разбитием их

флота при Абукире. В 1799 году, когда Суворов освободил Италию, адмирал Ушаков, начальствуя над соединенным российским и турецким флотом, покорил Корфу, дотоле никем не побежденную. Вице-адмирал Сенявин, служивший тогда капитаном, особенно отличился взятием крепости Санта-Мавры.

1801 года марта 21, на Амьенском конгрессе, признана независимость Ионической республики под покровительством России и Турции. Последней каждые три года платит она по 750 000 пиастров, и за сим может почесться не принадлежащей Турции и пользующеюся всеми правами ее подданных. В последнее время, когда шесть островов, кроме Корфы, были завоеваны англичанами, на Венском конгрессе Ионическая республика признана состоящей под покровительством Великобритании.

Плавание от Корфы до Сиракуз

Получив провиант и налившись водой, 4 октября оставили мы Корфу. Ветер крепкий и противный дул во все сие плавание. Небо было пасмурно, и к ночи, когда ветер несколько стихал, начиналась гроза, дождь лил как из ведра, волнение было сильно, и беспрестанно рвало то паруса, то снасти. К неприятному сему плаванию прибавилось новое беспокойство. Течение вместе с ветром удалило нас от берегов Италии. Неизвестная скорость оного делала счисление пути сомнительным, поверить его помощью астрономических наблюдений не представлялось случая, постоянная мрачность скрывала от нас солнце и звезды. И так уже несколько дней блуждали мы, подобно страннику, потерявшему дорогу в темных бесконечных лесах. От качки усилилась течь. Капитан столько был сим озабочен, что офицеры беспрестанно должны были находиться на палубе. Никто не имел времени

переменить мокрое платье, палубы рассохлись от жаров и всюду текло. Внизу, на кубрике[57], пронзительный скрип переборок, действия помп и удары работающего конопатчика отзывались, как в пустой бочке и ни на минуту не давали покою. Пассажирам нашим, не привыкшим к сему смятению, казалось, что фрегат близок к потоплению. Когда кто, сменившись с вахты, сходил в свою каюту, то докучали они смешными вопросами, и ничего не понимая, что вокруг них делается, хотели знать всему причину.

Наконец небо прочистилось, ветер несколько утих, и мы увидели «Катансаро», на котором развевал флаг короля Фердинанда. Калабрийцы, как новые вандейцы, мужественно стоят за права его. Гаэта, под щитом героя герцога Гессен-Филипстальского защищается упорно. Массена, сей сын счастья, достойный поборник Наполеона, потеряв у Гаэты 20 000 солдат, не успел покорить и Калабрии. Глава патриотов Фра Диаволо (брат черта), заслуживший сие прозвание смелостью, сражаясь рассеянными толпами, мало-помалу истребил почти всю его армию. Английский генерал Стюарт, высадив 5-тысячный корпус в заливе Санто-Ефемии, разбил генерала Ренье, находившегося там с 7000 человек; заключенный Убрием мир побудил англичан возвратиться в Мессину, и новые усилия опустошителей Европы, ярость и огорчение жителей дошли до высочайшей степени. Французы жгли города и селения и расстреливали попавшихся в плен, называя верных сынов отечества бунтовщиками. Фра Диаволо жег и вешал французов и называл их разбойниками. С обеих сторон не было пощады. Плодоносная Калабрия покрылась пеплом и развалинами.

---

[57] Отделение под нижней палубой, где хранится провиант и находятся каюты для офицеров.

Лавируя близ берега, чем ближе подходили мы к Мессине, тем ветер более усиливался. В самом проливе волнение уменьшилось и в первые сутки фрегат довольно подвинулся вперед; но на другой день сделался шторм, капитан принужден был спуститься по ветру и идти в море. Без парусов, в одни снасти, по течению и ветру, фрегат полетел, как из лука стрела. Удалившись от берегов, волнение увеличилось, стремление боковой качки было столь сильно, что, не державшись за веревки, нарочно для сего протянутые, не можно было стоять на ногах. Ванты и штаги[58] ослабли, и мы опасались потерять мачты. Волны со всех сторон вливались, фрегат, как малый челнок, нырял, шел весьма быстро, зарывался в волнах, и весь состав его от сильного хода и трения близ руля дрожал. Небо, покрытое рассеянными тучами, скоро совсем потемнело, солнце скрылось, и ветер обратился в бурю, какой мне еще не случалось видеть. Течь увеличилась, почему в море остаться было опасно. Капитан, пригласив офицеров на совет, положил идти в Сиракузы, ибо при северном ветре в Мальту, по причине великого в порте волнения, входить невозможно. Проходя Катаньо, мы были свидетелями несчастного случая. Купеческий бриг, шедший из Мессины, может быть, по тем же причинам, как и мы, желал войти в порт; но лишь привел в полветра, поставил стаксели[59], как обе мачты упали, судно легло набок, в минуту было залито, поглощено волнами, и ниже обломка не осталось на поверхности. Пассажиры, устрашенные таким зрелищем, закрыли руками глаза, один из них, более набожный, желал исповедаться и причаститься. Добродушный монах наш пришел спросить меня: может ли он оказать сию услугу католику?

---

[58] Ванты и штаги — толстые веревки, держащие мачты с боков и спереди.

[59] Нижние косые паруса.

14 октября, подходя к Сиракузам, приготовили поставить фок и два марселя рифленые; офицеры с рупорами в руках поставили людей по местам и растолковали каждому свое дело. Капитан, опытным глазомером расчисливший расстояние, на котором должно было приводить в полветра, приказал ставить паруса. Когда лейтенант спросил: «Готово ли?» Когда закричал: «Отдавай! Тяни шкоты! Лево руля!» — то, признаюсь, в сие время и у самых опытных мореходцев дрогнуло бы сердце. Фрегат лег набок, черпнул воду подветренным бортом, фок взорвало, мачты нагнулись, затрещали, фрегат быстро двинулся ко входу, и тут наступила решительная, опаснейшая минута. Вход в Сиракузы не шире 2 ½ верст, стесненный с обеих сторон грядами каменьев, представлял столь узкую, так сказать, тропинку, что малейшее уклонение от пути, медленность, нерасторопность, ошибка управляющего парусами могла бы бросить нас на тот или другой мыс. Всякий может себе представить, с каким ожиданием и какими глазами смотрели мы на приближавшийся город. Ужасный бурун справа и слева крутился на отмелях, пенящиеся волны, вздымаясь на стену, заливали высокую башню крепости, от которой мы шли не более 60 сажен. Зритель, будучи вне опасности, конечно, не мог бы сохранить равнодушия, взирая на фрегат, идущий между каменьев, совсем на боку, особенно, когда он, с высоты волнения спускаясь в глубину, казался падающим прямо на башню. Напротив того, нельзя представить и описать ту радость, когда фрегат, миновав рифы, входил в порт, где корабли стояли спокойно и безопасно как на реке. Море, минуту прежде изрытое в хляби и пропасти, вдруг как бы сверхъестественной силой стало в заливе совершенно ровно и тихо. Убрали паруса, бросили якорь, думали, что беда прошла и чуть-чуть не погибли. Хотя волнение у города было не чувствительно; но ветер, подобно громовым отголоскам, гремел в верху между мачт и снастей.

Два якоря не могли держать, фрегат тащило с них к южной стороне залива, усеянного каменьями, и, пока успели спустить стеньги и реи на низ, бросить третий якорь и приготовить последний четвертый, фрегат был уже от берега не более 100 сажен. Чтобы облегчить верх его, должно было срубить мачты, но в сию бедственную минуту якоря, скользя по дну в гору, задержались, фрегат остановился, и волнение, отражаясь от берега, отталкивало его вперед на канаты, так что посреди ужасного буруна, возле камней, в крайней опасности нашли свое спасение. Всю ночь буря свирепствовала с равной силой, и, если б не успели засветло войти в Сиракузы, то, по всем вероятностям, сей ночью потонули бы в море; ибо фрегат, пробитый ядрами в подводной части, потек и имел многие другие повреждения в корпусе и мачтах.

Сиракузы

Сиракузский порт, как бы нарочно руками человеческими сделанный, представляет почти круглый бассейн, имеет надежное иловатое дно, и на всем своем пространстве якорные места на глубине от 5 до 11 сажен. Вход его между двумя мысами открывает только часть бухты восточным ветрам, и потому Сиракузский порт покоен и безопасен. По берегу, окружающему залив, не видно никаких остатков древней Сиракузы, а далее в прекрасной перспективе горы начинают постепенно возвышаться. Между ими Этна, как исполин, возносит вершину свою к облакам и в темные ночи освещает тихие воды Сиракузской гавани неподражаемым светом. Малый порт, где пристают шлюпки у небольшой Мулы, и доселе называется Мармора, ибо в древности весь устлан был мрамором, которого плиты и теперь кое-где видны.

К полудню 15 октября буря умолкла, фрегат завозами перешел к городу, и потом приступили мы к исправлению повреждений оного. Карантинный чиновник, сделав не-

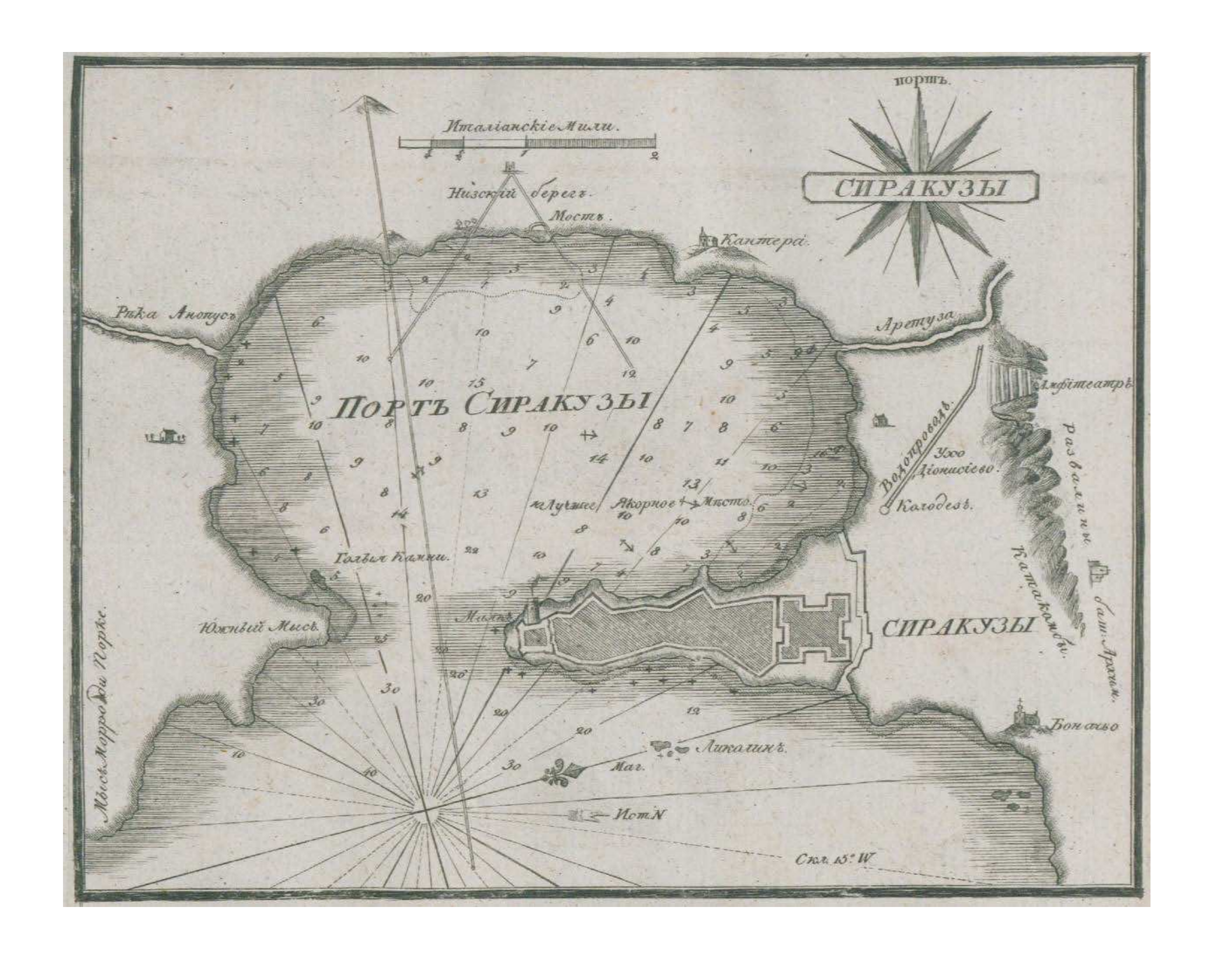
сколько вопросов: «Откуда пришли? Нет ли опасных больных?» — объявил свободу и поздравил от имени губернатора с прибытием. Капитаны военных английских судов и полковник горного шотландского полку сделали нам посещение и последний на другой день пригласил на обед. Губернатор Сиракузский оставил нас у себя обедать. Седые волосы совсем противоречили проворным его телодвижениям, быстрый взгляд показывал всю пылкость молодости, а наружность обещала мужество и твердость духа. К столу собралось многочисленное общество. Губернатор представлял нас знатнейшим особам в парчовых и шелковых, шитых цветами кафтанах с большими стразовыми пуговицами. Все они имели пышные титулы герцогов, принцев и маркизов со многими испанскими прилагательными именами, даже названиями святых, например: Don Francesco, Conte de Sto Giovanni. Стол был самый роскошный на итальянский вкус: везде ароматы и пряные коренья, мяса было мало, большая часть блюд состояла в зелени, рыбе, плодах, пирожном и мороженом. Каждое блюдо провозглашаемо было хозяином многосложным титулом, означающим качество и достоинство его, Bef alla Mode! Bombe de Sardanapalo, La piatanza di Frederico Grande! Одно советовал он кушать старым мужьям, другое молодым дамам и девицам. Мальвазия ди липари, лакриме кристи, славное сиракузское и марсала стояли не тронутые: вина употребляли очень мало и пополам с водой; но веселость и удовольствие видны были на всех лицах. Гибкость и приятность сладкозвучного языка, при редком даровании говорить замысловато и остро, делают вообще итальянские беседы (где никогда не употребляется иностранный язык) веселыми и забавными. Хотя шутки большей частью бывают двусмысленные, а иногда и соблазнительные, но дамы и кавалеры равно умеют отражать и нападать с таким же оружием. Разговор быстро переходил от одного предмета к другому — анекдоты, любовные приключения,

ученые споры, экспромты в стихах, политика Европы и новости всего света — одно другое заступали. Каждое слово влекло за собой шутку, и каждая речь обращалась в смех; в колких эпиграммах, тут же сочиняемых, смеялись над мишурным своим королем Иосифом Бонапартом и, по-видимому, не огорчались утратой своего отечества. После обеда губернатор показывал нам свой гренадерский полк, стоящий здесь гарнизоном. Генерал-майор Бахметев, научив неаполитанскую армию русской экзерциции, оставил свою память и соединил, так сказать, русского с итальянцем. В маневрах каждый солдат ясно обнаруживал, что он разумеет, равно, как и его полковник, для чего каждое движение полезно и в каком случае одно должно предпочесть другому; словом, итальянский солдат, не имея столь воинственного вида, кажется, понимает свое ремесло лучше, нежели думает о наружности.

Город Сиракузы не велик, стоит на полуострове, которого перешеек перерыт каналом и обнесен кругом каменным бруствером; сие наружное правильное укрепление составляет наилучшую его защиту с сухого пути; с моря же обнесен стеной и у маяка поставлены тяжелые орудия. Башня на мысу служит для маяка. Высокие, старинной архитектуры дома, площади, украшенная водоемом, улицы не слишком узкие, вымощенные плитником, мраморные и лавные тротуары делают Сиракузы довольно красивым городом. Театр не велик, актеры же еще менее заслуживают внимание. Лучшие здания суть монастыри и церкви, монахов и нищих столько в городе, что из 15 000 жителей, по наружности (разумею по одежде) едва видишь порядочных граждан, впрочем, весьма достаточных. Соборная церковь (il Domo) украшается крыльцом, которого прекрасные колонны обращают на себя взор. Я входил в храм во время обедни, служение епископа, оперная музыка и певицы не столько привлекали мое внимание, как изящное зодчество архитрава и хоров. 34 колонны дориче-

ского ордена, вмазанные в стены, почитаются остатками древнего храма Минервы. В сокровищах сей церкви хранится антик, на коем весьма искусно вырезаны три бюста римских воинов, один из них белый, другой багряного, а третий телесного цвету. В другом доме показывают четыре колонны, которые, как говорят, принадлежали Дианиному храму.

На другой день пребывания в Сиракузах смотрели мы ученье Шотландского полка; одежда воинов, подобная римской, сохранилась от древнего времени и странный вид пестрых юбок привлекает взор особенно зрительниц. Солдаты все очень молоды, белокуры, свежи лицом, можно сказать, молодцы. Лорд Дуглас, наследник великого богатства, капитан, юноша в 18 лет, совершенный красавец, составляет предмет разговоров здешних дам. Золотой шишак его, бриллиантовая пряжка, держащая мантию, белая, как снег, шея и юбка, когда он бежал перед фрунтом, открывающая всю стройность ног, уподобляли его вместе Марсу и Адонису. Ученье меня удивило. Артикул весьма прост и короток, кидают его без флигельмана, солдаты забавляются ружьем, как дети, но стреляют проворно и в цель весьма верно. Полковник хотел знать мнение нашего армейского офицера; и сей сказал ему: «Стрельба, очень хороша, но фронт худо равняется, криво заходит, и держат ружья слишком заваливши назад». Последнее от того, отвечал полковник, что приклады кривы, а в первом вы правы. После маневров началось особого рода ученье: ружья поставили в козлы, одним раздали камышовые тросточки, на которых солдаты бились как на саблях и шпагах; другие, рассыпавшись по площади, ловили друг друга, прыгали через головы, гонялись, увертывались и делали разные гибкие телодвижения; после стали во фрунт и, делая обороты направо и налево, сопровождали каждое движение голосом и хлопали в ладоши и в такт с ногой.


портъ.
СИРАКУЗЫ
Италіанскіе Мили
Низскій берегъ
Мостъ.
Кантера.
Рѣка Анопусъ
Аретуза
ПОРТЪ СИРАКУЗЫ
Амфітеатръ
Водопроводъ
Ухо Діонисіево
Колодезь.
Развалины
Лучшее Якорное мѣсто.
Голыя Камни.
Катакомбы.
бат: Архим.
СИРАКУЗЫ
Южный Мысъ.
Мысъ Морро ди Порке.
Ликалинъ.
Маг.
Бонаньо
Ист.N
Скл. 15°. W.

В шесть часов сели за стол, ели хорошо, пили еще лучше; блюда подавали не по порядку, а каждый брал, что ему угодно; те, кои были застенчивее других и не знали сего обыкновения, принуждены были начинать пирожным, а потом кушать бифстекс, конфекты, редис, пудинг и черепаший суп. При начатии тостов являлись музыканты: тамбур-мажор, бронзового цвета американец в богатом одеянии, с перяной короной на голове, ходил вокруг стола впереди волынщика, который надувал свою волынку изо всей силы, что повторялось при каждом тосте. Музыканты играли между тем народные шотландские песни, имеющие в себе нечто меланхолическое, сродное обитателям севера; простые тоны их трогают душу. Английский обычай сидеть долго за столом употребляется и шотландцами. После обеда слуга поставил на стол сыр, никольсы, дьявольскими называемые, ибо они приготовляются из самого едкого гвинейского перцу, орехи и каштаны, как вещи, наиболее возбуждающие жажду, и наконец каждому по две бутылки на стол и по одной в запас под стол, поклонился, вышел, двери заперли, и тут-то без свидетелей начали пить. «Sir! your health! (Ваше здоровье!)» — повторяется со всех сторон, рюмки опоражниваются, разговор оживляется; Бонапарт является на сцену и тот, кто прежде наблюдал глубокое молчание, поднимает голову и вместе с прочими кричит: «God demn!» Наконец чрез целые два часа встали и, к удивлению, пошли твердым шагом. Я должен был согласиться с моим соседом Пикнем, что можно сделать привычку пить много и никогда не быть пьяным.

Лорд Дуглас пригласил нас на чай. Пикней, полковой квартемистр, человек характерный, лет под 50 — и все еще поручик, пошел со мной. Идучи по улице, я просил его: «Отчего полковник и капитаны так молоды, а субалтерн офицеры так стары?» «От того, — отвечал он, — что у нас чины покупаются; от того, что у лорда 10 арабских лошадей

на конюшне, а у меня один лошак». «Какое злоупотребление, какая несправедливость», — сказал я; «Не так много, как вы думаете», — продолжал Пикней. «Государству легче, когда дети вельмож на свой счет формируют полки. Вы согласитесь, что богатый человек более имеет средств быть полковником, нежели бедный, не имеющий предварительного воспитания. К тому ж наша фрунтовая служба проста, никогда не изменяется, ее можно знать в несколько недель». «Чем же отличается у вас храбрость? Ничем! Каждый сын отечества должен служить ему без видов какой-либо награды. У нас орденов за то не дается, и чин, по окончании войны, когда войска распустятся по домам, не доставляет особенного преимущества. Тот, кто ранен и беден, получает пансион, не по чину, а по увечью». Я не противоречил, но не мог согласиться, чтобы продажа чинов без заслуги могла иметь свою пользу, и разговор обратился к содержанию офицеров. Пикней уверял меня, что армейские офицеры, подобно морским, имеют, когда только позволяет возможность, общий стол. Превосходное заведение! Ибо тут молодой человек всегда находится под надзором начальника, не заботится, что ему завтра есть, и не имеет излишнего скарбу, коим наши пехотные офицеры по необходимости обременены бывают.

Прекрасный капитан угощал нас, как богач. Ученый доктор, наставник лорда, обходился с ним как с другом. К чаю вышла прекрасная англичанка в пунцовом спенсере. Она поклонилась нам низко, по моде прищурила голубые свои глазки, потом вдруг покраснела и в скромном замешательстве села на свое место. «Кто это такая? — спросил я Пикнея, — жена или сестра его?» «Ни то, ни другое», — отвечал шутливый старик вполголоса... Возвращаясь на фрегат, тихий прохладный вечер побудил нас сделать несколько шагов по улице. Разноцветные фонарики освещали преддверия домов, у коих слышимы были звуки гитары и пение. Сии серенады

при чуть блистающих звездах и сумраке вечера, делали пение сирен слишком опасными для мореходцев. Большие шаги их уменьшались, они шли тише и тише, потом один уходил направо, другой потихоньку косвенными шагами склонялся налево, и когда я пришел к пристани, то остался с одним только товарищем.

В свою очередь и мы пригласили гостей на завтрак, день был прекрасный. Под павильоном, составленным из английских, неаполитанских и российских флагов, накрыт был стол на шканцах. Три повара готовили кушанья на вкус каждого из гостей, но все требовали русских блюд. Шотландцы находили их вкусными; а итальянцы утверждали, что от наших щей и гречневой каши можно умереть от несварения в желудке. В вине не было недостатка и скоро искреннее обращение без всякой затейливости сблизило гостей столь различных наций и характеров. Головы разгорячились у военных, начались и разговоры военные, полетели ядра, бомбы, пули и картечи; у морских началась буря и паруса летели на воздух. Театр войны в Египте, обеих Индиях, Америке и Европе перешел на малое пространство, заключенное между двумя мачтами. Шум и крик постепенно увеличивались, не знающие иностранных языков говорили неумолкно; итальянцы знаками объяснялись лучше прочих; англичане и русские, не останавливаясь на маловажных вещах, говорили все вдруг. После обеда просили заставить петь матросов, 20 отборнейших певцов, с помощью кларнета, рожка, бубна и барабана начали веселые песни, зазвенело в ушах. Шотландцы были довольны, итальянцы молчали; я спросил у одного сидевшего возле меня дворянина, нравятся ли ему наши песни? «Сильный народ!» — отвечал он, всплеснув руками. Но когда начали петь тихие протяжные песни, когда явились поддельные крестьянин и крестьянка, когда начали они плясать, то все гости пришли в удивление, стеснились вкруг, и сие так по-

нравилось всем вообще, особенно итальянцам, что плясуны принуждены были плясать до упада.

Развалины Сиракуз

Древние Сиракузы состояли из четырех частей: Аркадина, Тихи, Неаполис и Ортигия, которые разделялись тройными стенами и защищались тремя крепостями. Город имел в окружности 20 миль и граждане его были так богаты, что вошло в пословицу: «Богат, как сиракузянин». Построение его приписывают коринфянину Архиасу в 448 году после Троянской войны. При владычестве Дионисия карфагенцы осаждали город без успеха и Амилькар, полководец их, был убит. Впоследствии времени афинский флот также был истреблен и все войско, бывшее под начальством Никия, взято в плен. Наконец, в 542 году от построения Рима Сиракузы, защищаемые машинами, изобретенными Архимедом, были взяты римлянами под предводительством Марцелла. Нынешний город стоит на месте Ортигия, прочие же части города представляют едва приметные развалины.

Прошед подъемный мост, на канале перешейка находящийся, в нескольких шагов от гласиса показывают колодезь (Pescina), имеющий вид погреба, в который сходят по лестнице. Внутри оного сохранились шесть мраморных столбов. Отсюда начинается тот славный водопровод, который сарацинами, обладавшими Сицилией, проведен от древнего, начинающегося от речки Анапо, где она впадает в море между двух болот Сикаро и Лизимеле, из коих первое, вероятно, дало название городу. Взор поражается длинной аркадой, которой начало теряется из виду. Аркада сия или, лучше сказать, мост длиной в 14 миль, поддерживаемый толстыми столпами и сводами, постепенно понижаясь с гор, в свинцовом ящике проводит целую реку к колодцу, от которого город, помощью подземных труб, получает воду.

Проходя садами близ водопровода, в двух верстах от города, стоит обрывистый утес, подошва коего имеет множество пещер и гротов. Один из сих гротов называют Дионисиево ухо. Он высечен весьма гладко в горе, состоящей из крепкого камня. Отверстие грота или вход, вышиной около 80 футов, имеет фигуру двух букв S, верхними концами соединяющихся, а к низу постепенно расширяющихся до расстояния 30 футов; черта, образующая пол, также имеет подобие буквы S, сходящейся в одну точку в углублении горы. Сия последняя точка, с той, которая составляется соединением букв S, на внешней стене горы находящейся, соединяется параболической кривизной, откуда идет слуховая трубка в кабинет. Ухо или, лучше сказать, коридор, простирается вовнутрь горы на 250 шагов. В стенах видны остатки колец и цепей, коими приковывались узники. Слуховая труба ныне частью сломана, самый кабинет также разрушен, стена, которая закрывала отверстие, не существует более; однако некоторые свойства механизма еще сохранились. Если разорвать лоскуток бумажки, то в ухе повторяется сие очень громко. Двое, став в 50 шагах один от другого, говоря тихим шепотом, слышали слова весьма внятно. Обыкновенный разговор отзывается громко, отголоски повторяют речь до нескольких раз. Пистолетный выстрел произвел гром, от которого вся внутренность горы, казалось, колебалась, и эхо, постепенно умолкая перекатом, продолжалось минут пять. Прибавив заряд и стоя вне уха, выстрел подобен был залпам стопушечного корабля, кончившимся ружейной перестрелкой. Любопытно было бы послушать здесь музыки. Рассматривая устроение уха, полагать должно, что повторение в оном звуков происходит от соразмерной вышины и ширины, а более от сходства с ухом: малейшее движение в таком роде строения сотрясает воздух. Дворец Дионисия находился на горе над самой тюрьмой. Дабы видеть кабинет, тимпаном

прежде называемый, куда приходил тиран подслушивать несчастных, должны мы были, ухватившись за веревку, продетую в блок, над самым окном утвержденный, позволить подымать себя на высоту 200 фут. Сквозной ветер, чрез окно и разруб слуховой трубы, с конца осыпавшейся, причиной, что слова в кабинете хуже слышны, нежели в тюрьме. Уверяют, что когда сие Дионисиево ухо было цело, то главное достоинство механизма состояло в том, что в тюрьме слова не повторялись, а только слышимы были в слуховой комнате тирана.

Рядом с Дионисиевым ухом показывают преогромные пещеры, поддерживаемые толстыми столпами. Отсюда ломали камни для строения домов. Во время тиранов оные глубокие пещеры служили для заточения преступников, а ныне вываривают в них селитру. Утес, кажется, нарочно был обтесан для пристройки к нему домов, в некоторых местах видны на оном остатки извести и камней, от стен оставшихся.

По левую сторону пещер находится амфитеатр. При первом на него воззрении нельзя не удивиться смелости и прочности строений древних архитекторов. Представьте себе целую гору, в виде полукруга разделенную на три террасы или перехода, или галереи, назовите, как угодно, соединенные несколькими сотнями ступеней, где помещались зрители. По обе стороны амфитеатра видны остатки восьми лестниц для входа, балюстрады коих были мраморные. Нам показывали остатки надписей, коих буквы так изгладились, что ничего разобрать нельзя, но ученый граф Гаетано, уроженец сиракузский, по долгом изыскании и труде открыл, что письмена на одной стороне, Василиссас филистидос, означают имя царицы, во владение которой построен театр, а другая надпись, Аглсос, полагает он именем архитектора. На верхней и средней террасе видны две мельницы, стоящие одна над другой; оные действуют посредством древнего во-

допровода, который в сем месте, шумя, падает с ступени на ступень. Вид от мельниц бесподобен: сиракузский порт представлялся обширным и спокойным озером; город, стоящий на узком полуострове, в то время покрытый легким туманом, казался плавающим. Аретуза, славный в древности источник, который протекал посредине древнего города, извивался в недальнем расстоянии от амфитеатра. Вспомнив приключение Актеона и Алфея, хотя мы и уверены были, что нынешние нимфы, приходящие к сему ручью мыть платье, не были бы так к нам жестоки, однако ж мы не пошли смотреть чистых вод его и приказали вести себя на развалины города.

Где некогда возвышались Сиракузы, теперь обширное поле на пространстве трех миль представляет одни кучи камней. Колонны, капители, мраморные плиты с надписями, разбитые и в беспорядке лежащие, кое-где валялись в садах и огородах, все это место занимающих. Вот печальные остатки одного из лучших городов в древности. На месте дворца, рассматривая несколько обломков от крылец и карнизов, уже вросших в землю, мы негодовали, видя, что позволяют похищать редкие мраморы и драгоценные памятники. С сердечным прискорбием прошли мы сию пустыню от одного края до другого и чрезмерно радовались, если где под терновником или под корнем смоковничного дерева усматривали часть стены, имеющей на себе печать всеразрушающего времени. Не так ли слава великих завоевателей, слава варваров, истребивших целые племена, должна пасть! Не так ли должны исчезнуть и истребиться, подобно великолепным Сиракузам, все новейшие памятники, воздвигаемые тщеславием.

Приближаясь к морю, увидели мы остатки бойницы, с которой Архимед бросал камни на флот римский. Тяжелые каменья, сложенные весьма плотно без связи, цемента или извести, составляют фундамент бойницы, которая от всех

развалин Сиракуз одна хорошо сохранилась, ибо хищники не знали, каким средством поднять огромные камни, кои Архимед снес и положил в основание здания.

Оставя развалины и сойдя с возвышения на равнину, проводники привели нас в монастырь. Капуцины показали нам свою церковь, в которой ничего нет замечательного. Вышед из церкви, зажгли нам несколько факелов, отперли огромную дверь, по узкой лестнице мы ступили несколько шагов вниз и очутились в подземелье, которому нет конца, как уверял один из наших вожатых. Нельзя не удивиться, видя в утробе земли улицы, жилища, церкви, целый город, и невозможно исчислить, сколько времени употреблено и сколько тысяч рук работало, дабы камень обратить в длинное, безмерное подземное здание. По обе стороны галереи или улицы, довольно широкой, находятся комнаты, одна возле другой. Промежуточные стены служат подпорами сводов. В каждой комнате или нише посредине стоит стол, в углу камин, а вокруг трех стен широкие лавки с небольшими углублениями, служившими вместо постелей для всякого возраста. Все сие, даже стол, высечено из камня желтоватого и мягкого, из которого состоит почва земли. Прошед некоторое расстояние, представляются несколько столпов, поддерживающих кругловатое здание церкви, имеющей три входа. Остатки престола, креста и образов, высеченных выпукло на камне, во многих местах очень заметны. На среднем своде каждой церкви, для сообщения воздуха и света, пробито на поверхность земли большое отверстие, такие же сделаны в равных расстояниях, и в галерейных сводах. В сих-то храмах чистейшие моления первых христиан восходили до престола Небесного Царя, и Бог, во время жестокого гонения, даровал им терпение и мужество переносить мучения. Здесь-то, благословляя, молясь о мучителях своих, умирая под секирой убийц, христиане, по благочестию своему, расставались с

жизнью равнодушно. Даже матери не стенали, не жаловались, а изливали скорбь свою в усердных молениях и посте. Монах рассказывал нам, что один из властителей сиракузских, злобный гонитель христиан, приказал воинам своим зажечь подземное сие здание, и несколько тысяч, в оном скрывавшихся, были задушены дымом. Катакомбы сии, как уверял нас капуцин, простираются до самой Катаньи, что составит 60 миль, однако ж до сего времени ни один путешественник не исследовал, где оные в самом деле оканчиваются. Третий выход церквей, против алтаря находящийся, коридором ведет к катакомбам. Зрелище гробниц и костей, в сих темных переходах лежащих, возносит мысль к Богу, в лоно коего все мы рано или поздно должны возвратиться. Набожные люди, почитая кости сии телами мучеников, собирая прах пострадавших за веру, уже после гонений некоторую часть предали погребнию. Пришед к первому отвалу, где можно выходить на поверхность земли, подземелье всюду было одинаково, кроме того, что главная улица, идучи прямо, поворачивалась от церквей вправо или влево. Достигнув второго отвала, находящегося не ближе 3 верст от первого, проводник предупредил нас, что тут своды не крепки и часто падают; несколько монет убедили его идти далее, но догоравшие факелы принудили нас вскоре возвратиться назад и чрез второй по дурной лестнице выйти на поверхность земли. Мы опять были посреди развалин и, устав, расположились немного отдохнуть. Один сел на расколотое подножие, другие поместились на ступенях развалившегося крыльца. Светлая ночь, блистание звезд, тишина и прохлада, лазуревые волны моря, чуть плескающиеся у берега, подземелье, церкви, катакомбы и столько костей, устрашая воображение и увлекая душу от мирских попечений, обращают ее к размышлению о будущей жизни.

Прогулка в окрестностях

Пикней по службе должен был ехать в Катаньо; он предложил мне осмотреть Этну; доктор и капитан вызвались нам сотовариществовать, но как фрегат был уже готов, то я удовольствовался проводить их только за несколько миль. Мы сели в коляску, двое слуг поместились в кабриолет. Проехав равнину, поворотили на небольшие пригорки и, пробираясь с холма на холм, везде видели обработанные поля и сады, везде малые ручьи, по отводным каналам текущие во все стороны, и множество водометов. Бедные каменные хижины поселян, под тенью каштанов и шелковиц, окруженные овощниками, не соответствуют изобилию земли. Помещичий дом на горе, в прекрасном положении, возбудил наше любопытство, оставив экипаж на дороге, мы пошли к нему пешком. Дорожка, обсаженная индейскими фигами, кустарниками роз и мирт, вела нас с уступа на уступ и наконец чрез грот, увитый плющем, вышли мы на обширную террасу, посреди коей стоял летний дом, окруженный регулярным садом. Помещик в городе, и дом заперт, сказал нам садовник. По большим стеклам, бронзовым рамам и парчовым занавесам можно было судить о великолепии внутренности. Проспекты, вытянутые по шнуру, деревья, подстриженные по моде, цветы, рассаженные по узору, фонтаны, бросающие воду вензелями, при первом взгляде поражают нечаянным своим появлением, но искусство в расположении садов, без выбора природных красот, при всей своей замысловатости скоро утомляет и наскучивает.

Возвращаясь к экипажам, мы переправились вброд чрез реку, миновали луг и увидели множество поселянок, собирающих плоды и поющих веселые песни; тут представилась нам крутая гора, покрытая лесом, дорога была трудна, мы всходили пешком. Сплетшиеся верхи дерев местами составляли крытую аллею; непроницаемая их густота и ветерок

укрывал и прохлаждал нас от жара. По опушке леса в смешении представлялись дуб, кипарис, тополь, фиговые и миндальные деревья; дикий виноград и жасмин переплетали их своими лозами; почти все деревья были с плодом. Спустясь у подошвы, проезжали мы померанцевую рощу: деревья, начинавшие цвесть, освежаемые небольшим ручьем, катящимся с горы, услаждая обоняние, обольщали взор. Воображение переносилось в золотой век, в счастливую Аркадию, и природа, представляя на каждом шагу изобилие и роскошь, наполняла душу приятным чувствованием.

Перед вечером остановились в небольшой деревне Мелилли, недалеко от моря находящейся. Мне не удалось осмотреть здешнюю сахарную плантацию. Пока я заботился о приготовлении ужина, товарищи мои с балкона любовались местоположением. Посмотрите, сказал мне доктор, как прекрасно заходит солнце, посмотрите, как лучи его играют на снегах Этны. Давно не видев снега, с великим удовольствием смотрел я на его белизну. Сосны и кедры, растущие близ вершины, колеблемые ветром, напоминали о нашем северном Отечестве.

Погруженные в сладкую задумчивость, в глубоком молчании устремляли мы взоры на вершину вулкана. Ночные мраки густели от дыма, который, скопляясь более и более и расстилаясь вокруг жерла, взвивался толстым столпом в необозримую высоту. Позади Этны закатывающееся солнце последними исчезающими лучами слабо освещало скат ее и длинный амфитеатр гор, лежащих во внутренности острова, и вскоре с отсутствием его все видимое нами пространство покрылось сумраком. Между тем от востока, где море терялось в бесконечности, луна взошла в тучах, и тишина вечера скоро нарушилась ветром и дождем.

Нечистота гостиницы принудила англичан перейти из неё в конюшню, где на сене они расположились спать, а я, по-

благодарив их за приятное сообщество, закутавшись шинелью, сел в кабриолетку. Дождь и холодный ветер понудили меня ехать скорее. Итальянец гнал лошадь в галоп, наскучил мне своими разговорами, я закрыл глаза, притворился сонным, он начал петь театральные арии и скоро сказал мне: «Вот и Сиракузы». Фрегат снимался с якоря, я нанимаю ялик и догоняю его уже выходящего из залива.

Плавание от Сиракуз до Палермы

В полночь с 19 на 20 октября, оставя Сиракузы, с тихим ветром в ночь мало подвинулись мы вперед, рассвело. Этна как исполин, открылась взорам нашим и свежий ветерок подул. Мы были против Агосты, в пристани ее стояло несколько малых судов. Отсюда к северу и югу видны были разные заливы, гавани и мысы. Катаньо, лежащий при подошве Этны, славится красотой женщин, которые, говорят, столь же опасны, как и извержения ее. Пользуясь удобным случаем, помощью октана измерили мы высоту Этны и нашли оную 3 версты 65 сажен: на плодоносном ее пепле у основания растет сахарный тростник и всякий хлеб. Средина покрыта виноградниками, масличным и плодовитым лесом. Выше растут яблони и грушевые деревья, а на вершине лежит вечный снег.

Ужасные извержения сделали ее знаменитой. В 1693 году Катаньо была истреблена, 18 000 жителей погибло, и лава покрыла лучшие ее улицы. Землетрясение, бывшее в 1763 году в Сицилии и Калабрии, в несколько часов погубило 40 000 народа. С сего времени из Этны не было сильных извержений, однако ж она беспрестанно горит и угрожает. Если б Италия не имела Везувия, Этны и Стромболи, сих отдушин горящей под ней земной утробы, то или должна бы лишиться своего плодородия, или надлежало бы ей погибнуть. Бытописания наполнены разрушениями, причиненными землетрясением. Оно творит новые, опрокидывает или переносит

на другие места старые горы, поглощает целые города, поднимает из недр моря новые острова и реки совращает с прежнего пути. В 1538 году у Неаполя поднялась из ровной земли новая гора (monte nuovo) вышиной в 67 сажен. В 1707 году остров Санторин в архипелаге вышел из волн морских. Многие из Липарских островов одни погрузились на дно, а другие появились на поверхности моря. Сицилия, по свидетельству Плиния, Виргилия и Овидия, соединена была с Калабрией, но неизвестным нам землетрясением отторгнулась от нее. Весьма также вероятно, что Гибралтарский пролив и Дуврский канал занимали место неизвестной поглощенной области. Сие опустошающее явление природы происходит от горючих веществ, кои от смешения их сами собой возгораются. Сей огонь раздражается воздухом и еще более усиливается водой. Сила огня столь велика и извержения столь жестоки, что действием своим производят землетрясения. Крепкие металлы превращаются сим огнем в жидкость, называемую лава, которая при извержениях кипит, вздувается, восходит к жерлу горы и оттуда огненной рекой течет и истребляет все встречающееся на пути ее. Суеверие приписывает сим естественным действиям баснословное начало. Отверстие Этны сицилийцы почитают вратами ада, подземный шум и клокотание приписывают они стонам грешников.

Не доходя Мессины, местоположение небольшого городка Скалеты поражает взор. Камень, имеющий вид сахарной головы, от низа до верха обстроенный домами, разделенный тремя стенами, представляется конусом, как бы нарочно поставленным у берега моря. Здесь делается славное масло из жиру маленьких птичек бекафигов и других. 21 октября прошли Фаро и с умеренными переменными ветрами, держа между Сицилией и Липарскими островами, при захождении солнца, 23 октября, вошед в Палермскую гавань, положили якорь возле английского корабля «Помпея», на котором был флаг славного контрадмирала Сиднея Смита.

Палермо

Несмотря на небольшой дождик, тот же час как бросили якорь, офицеры, свободные от должности, поехали в город. Фонари, освещавшие большую улицу, открытые лавки и кофейные дома, иллюминованные лампами; стук карет и фаэтонов, скачущих сквозь толпу пешеходов с разноцветными фонариками и факелами в руках[60], обращали ночь в день и представляли прекрасное зрелище. По музыке и пению тотчас догадаться можно, что находишься в одной из столиц Италии. Едва ступили мы несколько шагов по набережной, как толпа полунагих мальчиков нас окружила. Они предлагали нам совсем неожиданные по их летам услуги. Ни днем, ни вечером не дают они иностранцам покою и делают им самые наглые предложения с таким же покойным духом и совестью, как у нас в гостином дворе купцы спрашивают проходящих: «Сахару, кофию не угодно ли?»

Положение Палермо представляет самый живописный вид. Он лежит на низкой ровной долине, обложенной вдали холмами и горами, покрытыми вечной зеленью. На вершине одной горы виден древний город Монт-Реале, на других показываются в облаках загородные дома с беседками и бельведерами, откуда богачи вельможи наслаждаются видами долины, города, гавани, кораблей и моря.

Толедо и Кассаро, две главные улицы, накрест пересекающиеся, разделяют Палермо на четыре квартала. Первая начинается у морской набережной и, простираясь от востока к западу около четырех верст, оканчивается у Королевского дворца готическими воротами с высокой над ними башней, которая от набережной, в узком конце перспективы кажется

[60] В 9 часов вечера, по распоряжению палермской полиции, жители не иначе могут выходить из дома, как с фонарем или с факелом.

игрушкой, изображающей китайский дом. Если кто хочет иметь понятие о прекраснейшей в свете улице, то должен посмотреть в Палермо Толедо. На двух широких линиях, пересеченных площадью с Арабским водоемом, на мраморной и частью лавной мостовой, все дома равной вышины с террасами, украшены статуями и вазами цветов. Сии, так сказать, воздушные на крышках сады, вместе с портиками и с порфирными колоннадами, составляют такую совокупность, что один взгляд на фасады приводит уже в изумление. К сожалению, крыльца, подъезды и сени наполнены толпами безобразнейших нищих. С жалобными стонами преследуют они всякого, и неопрятность их, рубища, покрывающие только некоторые части тела, делают отвратительную с первым приятным впечатлением противоположность.

Хотите ли иметь понятие о внутреннем убранстве их палат? Водите со мной в дом княгини де Бутиро, богатейшей особы в Палермо. Свод ворот унизан жемчужными раковинами и зеркалами; ночью, когда зажигается большая люстра, огонь, отражаясь от зеркал, освещает подъезд самым ярким светом. Фонтан с фигурами наяд, сирен и тритонов, стоящий посреди двора, вымощенного белым мрамором, открывает за собой перспективу парадной лестницы. С одной стороны — небольшие статуи, поставленные на столбиках бронзового балюстрада; с другой — мраморные вазы, в кои падает вода в виде кристальных колпаков, привели меня к портику, состоящему из четырех колонн черного мрамора с золотыми искрами. Чрез огромную дверь вхожу в средний этаж. Крупный тосканский мозаик украшает стены, пол и потолок обширной залы. Вторая комната убрана желтым атласом. Голубой бархат с серебряной бахромой и кистями составляет убранство приемной. За ней ротонда. Посреди порфирного помоста бассейн с несколькими ступенями вниз, окружен серебряной решеткой. Венера с амурами и нимфами состав-

ляет прекрасную группу фонтана, разливающего прохладу в сей комнате, убранной малиновым бархатом. Потолок в столовой, изображающий собрание богов на Олимпе, стоит один, как говорят, около 40 000 рублей. Лепная работа и живопись, богатая мебель, множество бронзы, фарфора и серебра останавливают на каждом шагу[61]. Наконец поворотив в другой фасад дома, должно идти по длинной зеркальной галерее к небольшой круглой комнате, занимающей место между первым и вторым двором дома. С конца галереи комната сия представляется в виде храма, которого зеркальный потолок, большие кругом окна и большое зеркало, утвержденное между двух лазуревых колонн, шелковые ковры и несколько ступенек для всхода, приятным образом поражают зрение. В сем последней убежище вкуса и роскоши приняла меня хозяйка, женщина лет около тридцати. Она еще и теперь хороша, а была, говорят, красавица. Мне подали парчовый табурет; я сел между нею и туалетным столиком, на котором вместе с молитвенником лежали Метастазиевы оперы, Боккаччо, «Орлеанская девственница» и еще многие, подобные сим книги. Мощи и мозаическое распятие также смирено покоились между помадой, духами и другими, подобными тому вещами. В гетрурских вазах курились аравийские благовония. Высокий араб и три прекрасные служанки составляли ее прислугу. Тут еще был миловидный барон, которого рекомендовали мне за домашнего друга. Он, не обращая внимания на разговор наш, насвистывал известную арию: se tu m’abandoni, mio dulce Amore! Я, выпив чашку шоколада,

---

[61] Достойно замечания, что в Италии полы делаются из композиции, которой по желанию дают все роды цветов и которая, будучи покрыта лаком, делается твердой, как кремень. В строение домов почти не входит лес: полы, лестницы все мраморные; рамы же большей частью бронзовые.

поданного на золотом подносе и в японском фарфоре, раскланялся, вышел, но воображение мое осталось в сих чертогах солнца, которых великолепие не уступило бы и самым богатым восточным дворцам.

Фонтаны

В центре города находится прекрасный фонтан, сохранившийся от владычества сарацинов, восемьдесят фигур беспрестанно льют каскадами воду. Нельзя не сожалеть, что площадь, в средине города находящаяся, очень невелика, а фонтан поставлен в углу оной. Фонтан на Королевской площади также имеет прекраснейшую мраморную группу новейшего резца. Каждая площадь снабжена водоемом, в каждом доме, в каждом этаже неумолкно слышно журчание и падение воды. Палермо не имеет реки[62], откуда же, спросите, берут воду? В 25 верстах от города сарацины ископали на горах обширное водохранилище; несколько ключей и дождей, бывающих здесь зимой, содержат его всегда полным. Отсюда, помощью водопровода, протекая под землей, вода очищается, делается холодной и сообщается покрытым каналом в город. От фонтанов, по законам гидравлики (что угол падения равен углу отражения), подымается вода и на самые террасы. Вечное движение воды, стремящейся из пастей животных, рыб и чудовищ, в сребристых переливах, в виде снопов и пирамид, делая удовольствие взору, в жарком климате, в полдневный зной доставляет истинную отраду. В ясный день солнечные лучи, касаясь падающих кристаллов, производят прекрасные радуги. Когда же ночью ставят позади воды плошки, то они горят разноцветными огнями.

---

[62] Ручей Орето, текущий по южную сторону города, большую часть года не имеет воды.

Церкви

На всякой улице монастырь или церковь, но ни одной нет посреди площади, где бы можно было видеть всю красоту их. Наружность большей частью готической архитектуры; внутри же самый изящный вкус соединен с удивительным великолепием. Портик соборной церкви украшается колоннадой и статуями четырех евангелистов. В притворе, из двух прекрасных водоемов неумолкаемо журчат кристальные воды. Вошед в храм, при первом взгляде удивляешься богатству. Открытые алтари с серебряными и бронзовыми колоннами; обширные своды и хоры церкви, поддерживаемые гранитными столпами; порфировые гробницы королей и вицероев; прекраснейшая живопись образов; множество эмали, золота и мраморов составляют вместе чудное велелепие. Тут взор блуждает, душа чувствует священный восторг. Гажини, почитаемый Мишель-Анжелом Сицилии, украсил хоры соборной церкви прекраснейшими статуями, недостаток оных состоит только в том, что они поставлены высоко и от того кажутся малыми. Мощи св. Розалии в золотом ковчеге, также кости св. Петра и рука Иоанна Крестителя хранятся здесь на главном алтаре, который украшен двумя колоннами в 15 фут вышиной из чистого лапис-лазури. В сокровищах храма сего показывают крест, принесенный в дар св. Розалии одним испанским королем, оный осыпан бриллиантами, из коих пять величины необыкновенной.

После соборной по богатству своему и украшениям может почесться второй церковь Св. Филиппа. Музыкальная зала обращает на себя внимание. Она имеет особый вход и занимает с правой стороны всю длину церкви. Галерея вокруг залы поддерживается колоннами розового цвета. Хор, подобный круглому храму, стоит особо в конце залы; полукупол его, лежащий на широком карнизе, утвержден на двух рядах колонн. Свод хора изображает лазоревое небо. Богоматерь в

облаках представлена в таком положении, что, простирая руку вниз, кажется, нисходит с неба. Всевидящее око, окруженное золотыми лучами, помещено в противном от зрителей краю хора. Большое увеличительное стекло, обращенное к востоку и находящееся сзади всевидящего ока, принимает лучи солнца, которые, отражаясь от зеркал, вделанных в своде, разливают ослепительный блеск по всей зале. Оптическое действие стекла, лазури и золота столь необыкновенно, что Божия Матерь с парящими вокруг нее ангелами окружена истинно небесным сиянием. Ночью с внешней стороны увеличительного стекла ставятся лампы, и зала еще лучше, нежели днем, освещается. Художник, при сей замысловатой выдумке, скрыв музыкантов за карниз хора, соединил с оным свод залы таким образом, что эхо, постепенно раздаваясь, доходит до слушателей, помещенных внизу, в таком удивительном согласии, что музыка и пение кажутся сходящими с небес.

«Как бы мне хотелось послушать музыки в этой прекрасной зале», — сказал я, выходя оттуда. Учтивый, тучный, распрысканный духами прелат подал мне билет на ораторию, назначенную в день Рождества. Она началась громкой симфонией, постепенно ослабевающей, и когда почти утихла, тогда отдаленное пение, сопровождаемое гобоями и флейтами, достигает до моего слуха; я ищу глазами, откуда оно исходит, и, между тем как оно приближается, явственно слышу: слава в вышних Богу. Это поет хор ангелов, изображенных на куполе, не удивляюсь более согласному пению и радуюсь, что силы небесные столь ко мне близки. Прекрасное хорное пение волхвов: «Приидите поклонимся», после восхитительного пения ангелов, не произвело почти никакого надо мной впечатления. Волхвы умолкли — и один нежный, сладостный голос восхитил вновь мои чувства; не смею пошевелиться, не смею перевести дыхания — душа и взор об-

ращается к небу — вслушиваюсь и не постигаю, как смертный может соединять столь согласные звуки с такой неизъяснимой выразительностью и нежностью. Не могу прибрать выражения, чтобы сказать что-нибудь о сем неподражаемом голосе молодой монахини, которая, невзирая на недавнее и глубокое впечатление, произведенное ангельским пением, восхитила всех слушателей новыми умилительнейшими звуками. Все головы невольным движением обратились к хору; но она кончила, кончилось все, и я, выходя из залы, исполненный благоговейными чувствованиями, сказал сам себе: «Хвалите Господа в тимпане, гуслех и органех, ибо ничто так сильно не возвышает душу, как музыка и подобное пение».

Не только лучшие церкви, но и малые часовни украшены трудами искуснейших художников. Рафаэль, Мишель-Анжело, Корреджио даже и в копиях показываются необыкновенными творениями искусства живописного. Рассмотрев со внимание копию Рождества, где Корреджио окружил младенца Иисуса неподражаемым светом, я остановился в изумлении при образе: снятия с креста. Один неизвестный копиист столь удачно списал сей образ с подлинника, что и самые знатоки не могут отличить копии от оригинала. Тело Иисуса, как человека, являет истинную смерть. Богоматерь, на коленях коей положен Спаситель, наклонила к нему свою главу и распростерла в отчаянии руки; одно сие положение потрясает уже душу. Сильная горесть, изображенная на утомленном лице Божией Матери, иссушила ее слезы, и они от чрезмерной скорби не текут уже более из полузакрытых очей ее. ««Как исполину, — говорит дю Пати, — невозможно делать малые шаги, так и Мишель-Анжелу невозможно было избрать что-нибудь посредственное». Воображение его представило ему Богоматерь в тот самый момент, когда при виде язв и смерти, покрывающих тело ее сына, с стесненным сердцем вопиет она: «Увы мне! Свет мой и радость моя во

гроб зайде. Чадо мое и Бог мой! Прорцы слово да спогребуся тебе»[63]. И здесь, на сем образе, лицо Божией Матери изображает еще более, нежели она сказала. Два ангела, сидящие у ног, рыдают; слезы их катятся крупными жемчужинами, и рыдания сии, глубокая печаль Богоматери, смерть Спасителя, привлекая взор, поражая чувства, извлекают невольно слезы из глаз зрителей. Если бы Мишель-Анжело написал один только этот образ, то и тогда имя его дошло бы до позднейшего потомства.

В кармелитском монастыре образ, закрытый занавесом, возбудил мое любопытство. Отдернув покров, смотрю, удивляюсь и спрашиваю: «Что это такое?» Монах, улыбнувшись, отвечал: «Святая Женевьева». «Хорошо делаете, что закрываете ее», — сказал я, опуская занавес. Вольность итальянских артистов, кажется, уже переходит черту пристойности и должного уважения к изображениям святых. В католических церквах много такой живописи, от которой набожные отвратят взор; а прочие с удовольствием долго и пристально смотреть на нее будут. Мария Египетская, Богоматерь, питающая младенца Иисуса, св. Тереза и ангелы суть копии греческих Венер и Амуров. Однако я видел в образе Благовещения красоту и непорочность девы, истинно божественную; в образе же Успения, изображенном альфреско в куполе церкви монастыря Св. Цецилии, истинных ангелов. Все они вообще прелестны и между ими есть такие маленькие, что большие подают им руку, дабы они могли за ними следовать. Это производит приятное впечатление. Сожалеешь, что некоторые, возносясь выше и выше, скрываются уже в облаках.

В церкви Св. Франциска образ ангела-хранителя бессмертной кисти Рафаэля показывают за редкость. Одежда ангела, белейшая снега, и свет, окружающий его, неподра-

---

[63] Смотри плач Богородицы.

жаем; взор его, кажется, дышит жизнью и во всех чертах его видно божество.

Монахи

В Италии иностранцы удивляются великому числу монахов. Особенно в Мессине так их много, что на улицах, в садах и на гуляньях надобно искать между ними светских людей. Причиной такого их множества суть государственные постановления. Поелику воспитание детей обоего пола предоставлено духовенству, и так как воспитанники и воспитанницы носят обыкновенно черные рясы, то число монахов и монахинь по наружности от того увеличивается. Преимущества духовенства чрезмерны. В Сицилии суд и расправа большей частью в руках аббатов. Богатые монастырские поместья не платят никаких повинностей. Монахи не только лично, но даже родственники их, т. е. целые семейства, избавлены от всех податей. Дворянские фамилии, не имеющие в роде своем ни одного члена, посвятившего себя служению церкви, покупают привилегию от безродного монаха. Некоторые приходы и даже частные дома имеют право салвогардии, право, по коему убийца с дымящейся еще на руках своих кровью, скрывшись в церковь или один из таких домов, избегает наказания гражданской власти. Сии монахи, обладая великим богатством, имя все средства вести спокойную и роскошную жизнь, отрекшись от света в юношеских летах, будучи безбрачны и по обыкновению приняты во всех домах благосклонно, часто делают величайшие расстройства в семействах, где они весьма скоро умеют сделать себя необходимыми. Каждый порядочный дом имеет своего духовника и аббата-наставника, которые входят во все домашние распоряжения: воля главы семейства находится большей частью в их руках. Щедрые их подаяния нищим, вместо добра, производят величайшее зло, умножая до чрезмерности класс сих несчастных тунеядцев.

Нищие

Безобразные получеловеки — нищие — бродят и ползают здесь такими толпами, что сей час родится вопрос: от чего так их много? Набожность здешних католиков, почитающих первейшей добродетелью не отказывать просящему милостыни, сделали нищенство прибыточным ремеслом. Вообще большая часть народа, по известному в Италии выражению, il Dolce, fare nient! работает ни больше, ни меньше, сколько надобно, чтобы не умереть с голода, на что при изобилии и дешевизне съестных припасов потребно очень мало; но чтобы не работать и ничего не делать, в чем итальянская чернь полагает все свое счастье, нищие с намерением растравляют у себя на теле раны, радуются, если сделались они неизлечимыми, и в сем случае состояние нищего несравненно лучше обеспечено, нежели трудолюбивого поденщика. Всего неприятнее видеть их на морской набережной, куда лучшее общество перед вечером выходит для прогулки: тут открывают они застарелые раны, исковерканные члены, снедаемые насекомыми, покрытые грязью и отвратительной нечистотой; жалобными страдальческими воплями вымучивают они подаяние. Нижние жилья больших домов, из человеколюбия, оставляются для убежища этих лазаронов, но они ночью, и даже в дурную погоду валяются по улицам и скрываются в портиках и подъездах. Один раз, идучи в театр, подал я нищему полталера; бывший со мной английский офицер сказал: «Конечно, вы не знаете, что сии несчастные существа не имеют нужды в подаянии; я могу вас уверить, потому что знаю это по опыту. Один нищий казался мне совсем умирающим; вынув испанский дублон (32 талера), спросил я у него: если у тебя такая сдача, так вот тебе талер. Казалось, прежде едва мог говорить он, а тут твердым голосом просил меня дойти до его жилища, и когда я согласился, то побежал впереди меня, хотя за минуту пред тем ноги у него были

ужасно скорчены. Еще более удивился я, когда этот нищий вынес из своего подземелья четыре довольно больших мешочка, полных червонцами. Здесь есть такие, которые собирают по десяти тысяч червонных и более: недавно один из них перед смертью отказал своей дочери 10 000 талеров, а 5000 положил на украшение церкви своего прихода».

Плуты

Здесь почти каждый день находят то убитых, то убийц. Воровство предоставлено черни, а убийства производятся порядочными людьми. Плуты из сословия лазаронов составляют другой класс нищих. Их разделить можно на плутов, убийц и так называемых благоразумных разбойников. Первые, под именем баронов без баронств, всегда хорошо одеты. В кофейных и картежных домах, в театрах и везде, смеючись, обманывают они друг друга, и если удастся им вытащить часы у иностранца, то похваляются этим точно так, как бы сделали доброе дело. Дерзость их невероятна. Один раз, когда шел я к министру обедать, встретился со мной такой барон верхом на прекрасной лошади, сказав, что он три дня не ел, просил у меня на шоколад; я предложил ему идти на мою квартиру, где не только могу накормить его, но надеюсь сделать ему некоторую помощь; плут, приметив, что одна рука была у меня ранена и на перевязке, как бы в знак благодарности сжав крепко другую, начал обыскивать мои карманы, вытащил талер, дал шпоры и ускакал.

Нищий, ожесточенный сердцем, еще имеющий телесную силу, среди дня не успев украсть потихоньку, часто убивает человека, не находя у него в карманах ни копейки. Кинжалы сих убийц служат тайному мщению за весьма умеренную плату. От них должно очень остерегаться, и потому даже с позволения правительства многие носят пистолеты и палки с кинжалами. Здешняя чернь почитает воровство проворством; посторонние, если и видят, никогда не мешают: это воровство

стоило жизни лучшего из матросов наших. Вор, выдернув из кармана платок, побежал по улице; другой, стоявший за углом дома, поразил матроса кинжалом в сердце. Убийца скрылся в монастырь, имеющий право салвогардии. Полицеймейстер ничего не мог сделать, но по ходатайству министра нашего король приказал выдать убийцу; а монахи выпустили его и дали способ уйти, за что лишены сего права. Эта необыкновенная строгость удивила духовенство, и гвардия после сражения с разбойниками привела всю шайку их и с атаманом.

Последний класс, благоразумные разбойники, составляют многочисленное сословие. Рассеянные по всему острову, они повинуются атаману; нынешний, под именем графа, скорым и неукоснительным мщением приводил всех в трепет. Он до того распространил власть свою, что покупали у него предохранительные билеты, с которыми в городе, в дороге и в замках были уже безопасны. Притесненные в судах, доказав ему справедливость своего дела, также получали удовлетворение. Судью убивали на улице или отравляли ядом; в первом случае обыкновенно прикалывали к кафтану его записку, за что он убит, и большей частью лаконическим словом: за взятки! Словом, излишняя власть дворянства, ненаказанность их преступлений, медленность и трудность правосудия воздерживалась карательным кинжалом его атамана. Правительство, слишком слабое и кроткое, кажется, не имеет уже ни силы, ни воли истребить столь глубоко вкоренившееся зло. Хотя во всех округах содержится достаточное число сбиров, так называемых полицейских сыщиков, но об них только три слова: они богаты, толсты и ленивы.

Сады

Флора, публичный сад, составляет наилучшее украшение Палермо; двумя проспектами разделяется он на четыре куртины. Одна представляет несколько островов с беседками и

разных видов китайскими мостиками. Другая, английский сад, где дубы, кипарисы, платаны сочетаны с плодовитыми деревьями и благоухающими кустами роз, лаванды, лилий и ясминов. Третья насаждена редкими деревьями других частей света. Последняя куртина еще не кончена, она назначена для развалин. Восемь проспектов выходят из центра и в конце всех видны беседки или какое-либо иное здание; по сторонам оных крытые померанцевые аллеи, множество цитронных и апельсинных дерев, вместе с душистыми цветами, наполняют воздух благовонием. В центре сада, на восьмиугольной площади, обставленной клетками певчих птиц, и прекраснейшими статуями, стоит прекрасный фонтан, в мраморном бассейне коего плавают золотые рыбки. Другой фонтан в конце аллеи представляет Панорму (древнее название Палермо) в виде коронованной женщины, у которой внизу орел (герб Сицилии) и эмблема верности в подножии; древняя, превосходной работы группа.

В день рождения королевы сад и город был иллюминован. Померанцевые проспекты являли взору темно-зеленого цвета стену, усыпанную блестящими звездочками, между коими чрез некоторые расстояния поставлены были пирамиды, горящие белым огнем. Крытые аллеи, увешанные разноцветными фонарями, изображали, как на декорации, перспективу аркад. Фонтаны в чистых хрусталях дробили розовые, синие и фиолетовые огни. Вдали духовая музыка, вблизи грустная гармоника, и дамы в белых одеждах, как тени, гуляющие в Елисейских полях, представляли прелестное разнообразие, и Флора была в таком виде и убранстве, в каком стихотворцы описали нам волшебные сады. На набережной многолюдство кипело подобно волнам моря. Кареты, фаэтоны кружились и едва могли двигаться, смешавшись с народной толпой, дома на набережной горели соединенным огнем. Прекрасная Толедо украшена была прозрачными

картинами. Палермо, объятый пламенем, казалось, погибал. На каждом шагу взор останавливался; но зритель от тесноты волей и неволей должен был идти вперед. Галантерейные лавки, модные магазины и кофейные дома, находящиеся в нижних этажах, столь разнообразно освещены были, что Тодело являлась в блистательнейшем своем виде. Лампы, граненых хрусталей люстры, зеркальные подсвечники, шары с водой бросали свет свой на бронзы, серебро, искусно развешенные ткани, и вместе с разноцветными фонарями, помещенными на сводах ворот и на колоннах крылец и подъездов, дробя, преломляя, отбрасывая множество лучей, распространяли блеск и представляли миллионы светил, как бы силой чародейства сведенных сюда с небесного свода.

Королевский Ботанический сад, находящийся сзади Флоры, не обширен, но все лекарственные произведения четырех частей света в нем помещаются.

Палермо славится садами, он окружен ими, ни одна столица не может похвалиться лучшими; принадлежащие вельможам не уступают в великолепии царским. Они все регулярны, подстрижены, наполнены статуями, водометами, и вообще представляют более блистательности, нежели приятности. Дом Дюка де Бельмонте, занимающий дикие утесы при подошве горы Пеллегрино у моря, скоро садом своим, разводимым в английском вкусе, лишит славы прочие, чрезмеру правильные сады.

Бегария

Бегария, славная своими садами, отстоит от Палермо в 12 верстах и занимает всю длину мыса Собрано, образующего к востоку Палермский залив. Сие-то место богатейшие дворяне, как бы по общему плану, украсили чудным смешением палат, древних замков, триумфальных ворот, мавзолеев, беседок и домиков всех родов архитектуры. В счастливом кли-

мате, под ясным небом, сады Бегарии всегда покрыты зеленью, цветами и плодами. Прекрасная природа, раскрытая рукой вкуса и искусства, представляется здесь в полном великолепии.

Монастырь молчания, который прежде всего показывают, заслуживает особенное внимание. Он обнесен стеной с четырьмя по углам башнями. Стукнули кольцом, является привратник с тяжелой связкой ключей и молча отпирает. Ворота скрипнули, и мы, пройдя двор, взошли на крыльцо к кельям. В коридоре босой монах в ветхой рясе, подпоясанный волосяным поясом, взявшись за веревку колокола в намерении звонить, при появлении нашем остановился и, обратя к нам голову, смотрит с любопытством. На повороте, в другом конце коридора, служка в светской одежде подметает пол; но, когда нас увидел, поднимает голову, опирается на щетку, и, кажется, удивляется нашему одеянию. Отворяют первую келью. Молодой монах, сидя за столом с рюмкой вина и с веселой улыбкой, кажется, подчивает и подносит. Хочу взять рюмку, но рука его не разжимается: она холодна, как лед — очарование исчезает, и я вижу пред собой восковой истукан. Разрезанный апельсин, гранаты и финики возбуждают аппетит: беру и чувствую в руке один только воск. Во второй келье старый монах лежа читает. При входе нашем он тихо отводит книгу от глаз и усиливается подняться; но как при сем его движении невозможно, чтобы не сказать ему: не беспокойтесь, то он и остается в том же положении. В третьей Элоиза в глубоком и сладком размышлении, с пером в руке, сидит за письменным столом. Сие положение и прелестные умильные черты лица изображают несчастную ее страсть. В четвертой келье умирающий Абелард. Бледность лица и томный взор показывают человека, уже ступившего одной ногой в гроб. Бедственная любовь его, кажется, еще не угасла.

Правая рука его приложена к сердцу. Монах, стоящий на коленях с распятием пред постелью Абеларда, читает ему с набожным видом отходную. Сии восковые статуи столь превосходно отработаны, что нельзя не ошибиться и не принять их за живых. Механизм, который приводит их в движение и тем делает обман совершенным, к сожалению, большей частью испортился.

Дом Княгини Паторне величественной наружности. В нем есть хорошие и даже редкие картины. В первой зале собраны портреты государей, покровительствовавших наукам и художествам. Пробегая их глазами, взор мой остановился на лице величайшего из царей. «Вот наш ПЕТР!» — невольно воскликнул я, и все русские, сколько нас тут было, подошли к портрету, устремили на его благодарные взоры, и ничего, кроме лица Его, не видели в этой зале. В другой три картины во всю длину и высоту стен представляют сражения при Гранике, Иссе и Арбеллах. Несколько фигур в настоящий рост изумляют своей живостью. Александра Великого можно узнать по легкому шишаку; лошадь его имеет жизнь: она скачет, хвост и грива летят в воздухе. Нельзя смотреть без содрогания, как скифская конница врубается в греческие ряда, и как македонская фаланга опрокидывает персидскую пехоту. Ужасное кровопролитие изображено с удивительной точностью. Потребно несколько дней, чтобы рассмотреть все картины со вниманием. Я упомяну только о самых лучших. 1. Венера и Марс представлены в то время, когда Вулкан намеревается покрыть их сеткой. Невозможно постигнуть, какими красками живописец изобразил прелести богини любви. Алые уста ее, кажется, дышат розами. Смесь стыдливости и страсти видны во всех чертах лица ее; она слабо отталкивает от себя рукой Марса. Марс, прекраснейший мужчина, стоит перед Венерой на одной колене и наклонившись. Шлем, сброшенный второпях, еще катится по траве.

Нельзя не позавидовать этому счастливому богу. Амур, прислонившись к дереву и слегка опершись правой рукой на колено, с хитрой улыбкой указывает пальчиком левой руки на угол картины, и в тени показывается голова ревнивого Вулкана. Стоит и ожидать, чем кончится такая неприятная встреча. 2. Армида под тенью дерев покоится с Ринальдом. Картина небольшая, но прекрасная. В жаркий день пожелаешь быть в этой прекрасной роще и на берегу этого ручья. 3. Спящая красавица, неосторожно раскрывшаяся, всегда будет привлекать взоры, а может быть и руки зрителей. 4. В Вернетовой картине море волнуется, тучи бегут, но безобразные его корабли почти неподвижны. 5. Вергилий напрягает последние силы души и пишет себе эпитафию. 6. Взятие Мессины, большая картина. Буря, утопающие и горящие корабли представлены столь естественно, что, кажется, сам находишься в опасности. 7. Мазаньело, простой рыбак, предводитель недовольных, в красном колпаке своем отличается от прочих бунтовщиков. Исступление в его глазах и кинжал в руке показывают, чего ожидать от него должно.

Поблизости дома княгини Паторне увидели мы принадлежащее князю Палагонию чудное здание или лучше замок, окруженный невысокими стенами, на коих поставлены уродливые статуи, невозможно пройти мимо них и не рассмеяться. Лошадь с бычачьей головой, осел с головой индейского петуха, арлекин, квакер и француз в модной одежде; царь Мидас с ослиными ушами; и наконец человеческая фигура с волчьим рылом, в мундире и в треугольной шляпе, столь похожая[64], что нельзя ошибиться, чье это изображение. Ворота замка сего и площадка пред домом уставлены урод-

[64] На того волка, который лютостью своей и смелым хищничеством наводил тогда многим народам страх и ужас, а теперь пойман и лишен средств вредить.

ливыми изображениями всяких животных, каких нет в природе. Парадная лестница прекраснейшего сицилийского мрамора, ведущая в дом, украшена фамильными бюстами.

В первой комнате потолок составлен из четырех больших зеркал, соединенных углами, так что когда войдут пять человек, то вверху показывается их двадцать. Все двери дома выложены битыми стеклами, перемешанными с хрусталем; все стекла разноцветные: синие, зеленые, красные, желтые и фиолетовые. Другая комната украшена китайского фарфора колоннами; некоторые из них составлены из разбитых чайников, кофейников, чашек и даже горшков. Мраморные столы распещрены стеклом, черепахой, перламутром и даже дорогими каменьями. Весь дом наполнен пресмыкающимися, демонами, уродливыми куклами, из фарфора и разных цветов мраморов сделанными. Словом, волшебный сей замок представляет не только Овидиевы превращения и любовные приключения языческих богов, но чудные мечты расстроенного воображения и, наконец, одну из них самую нелепую: большая голова на тощем туловище, верхом на крокодиле, плывет чрез пролив к острову и тащит за собой на веревках флотилию уродливых лодок! Но что меня более всего удивило, то это церковь сего чудака хозяина. Первый предмет, который изумит вошедшего в оную, есть представление ада, где изуродованные болваны валяются, жарятся на огне или повешены за ребра. В раю св. Розария представляет главную фигуру, по сторонам ее Христос и Богородица, а выше полуангелы и полудемоны. Посреди церкви поставлены четыре крылатых животных, означающих, как мне сказали, четырех евангелистов. На плафоне, к деревянному распятию повешен на веревке св. Франциск, а к ногам святого подделано паникадило. Непонятно, как такие вольности, особенно между католиками, терпит правительство.

Оставя дом странностей, сад, в который мы вошли, начинается виноградной крытой аллеей, где по бюстам можно познакомиться с знаменитыми греками, римлянами, папами и королями. Обширный сад сей представляет чудную роскошь, великолепие и порядок. Беседки, сделанные из кипарисных дерев, летние домики, искусственные развалины, гроты и подземелья, все стоят в симметрии. Узорчатые цветники с фонтанами, шары, конусы, пирамиды из обстриженных дерев утомляют взор. Целые шпалерные аллеи вырезаны гирляндой. Единообразие и неестественный вид предметов делают то, что в регулярном саду, сколь бы он велик ни был, стоит только взглянуть на одну сторону и все увидишь; стоит сделать несколько шагов и незачем идти далее. В таком саду нельзя наслаждаться удовольствием прогулки; ибо утонченное искусство, обезображивающее природу, не может поражать воображения, когда на всяком шагу видишь один великий и бесполезный труд.

Ворота, которых свод начал уже разрушаться, обращают на себя внимание своей древностью. Два из черного мрамора льва лежат по обеим сторонам ворот, и из отверстых их пастей обширных жерлом течет вода. Чрез сии ворота входим мы в английский сад. Множество дорожек, усыпанных песком и пробитых на траве, сцепляясь и пересекаясь во всех направлениях, идут по долинам и холмам. Плодовитые деревья, до которых не прикасались ножницы, в смешении с дубами и тополями представляли для нас, жителей севера, такое зрелище, что мы почитали себя перенесенными в страну очарования. Лимонные и апельсиновые деревья наполняют воздух своим ароматом; фиговые и миндальные обременены плодом. Перешед ручеек, едва текущий по песку, увидели мы шумящий ключ, который бьет с стремлением из-под корня утлого пня. В этом саду, кажется, нет ничего поддельного; природа, в полном своем величестве, щедрой

рукой предлагает дары свои, и душа, теряясь в наслаждениях, встречает каждый предмет с новым удовольствием. Тут на каждом шагу думаешь остановиться и все идешь далее.

Взошед на горку, покрытую дубами, кедрами и орешником, увидели мы овощник, а за ним прямой померанцевый проспект, в конце которого, как в волшебном фонаре, показывается маленький с зеленой крышей домик. Мы спустились с горы и пробежали проспект. Домик светлый, чистый, стоит на площадке, испещренной цветами. Пред скромным его фасадом фонтан бьет воду в виде снопа. Несколько проспектов от домика, как от центра, ведут в разные стороны. Мы избрали ясминную аллею и пришли к мраморному бассейну. Четыре обнаженные нимфы, заметив сатира, выглядывающего на них из-за розового куста, погружаются в воду, но в робком замешательстве, становясь одна за одну и как бы чувствуя, что прозрачная вода не может скрыть их, обращаются к сатиру спиной и тем еще более раскрываются спереди. Это прелестное замешательство изображено так хорошо, что кажется самый мрамор краснеет. В другом бассейне прекрасная вакханка подает в раковине пить чудовищу. Весь этот сад наполнен фонтанами, в которых не игра воды, но прекраснейшие статуи обращают на себя внимание. Тут целая мифология богов и богинь; от множества их и воды, и леса кажутся одушевленными. Там тритоны, сирены и наяды плещутся в кристаллах; тут Пан, нифмы и амуры покоятся в тени или играют на мураве. Некоторые из них сделали бы честь и греческому резцу. Я упомяну о тех только, кои более мне понравились. 1. Дафна, преследуемая Аполлоном, бежит между лавровых и миртовых кустов, цепляется и падает. Аполлон спешит и скоро ее настигнет. Бедная Дафна! По страху, изображенному на лице твоем, вижу, что если бы ты была живая, то лучше бы выбрала эту битую дорожку, а не бросилась бы в кусты, которые изорвали твое платье и так

немилосердо исцарапали ноги. 2. Девушка в коротком и легком платье, танцуя с бубном в руках, остановилась в самом лучшем положении. Мрамор этот кажется прозрачным. Складки платье и покрывала так хорошо опускаются, что, раскрывая всю стройность стана, показывают и всю гибкость тела. 3. Леда и лебедь. Работа, искусство чрезвычайное! Взглянув на Леду, захочешь обратиться в лебедя.

По шуму воды пришли мы к прекрасному водопаду. Он пущен с дикой скалы, на которой видны изредка кривые деревья. Низвергаясь с ужасным стремлением, раздробляется он в брызги, кипит, несется одной пеной; но протекая далее, катится с тихим журчанием. Пробираясь по берегу сего ручья, на каждом шагу встречали мы новые предметы. Тут полузасохшая маслина стояла над вросшими в землю развалинами; там Нептун плыл в своей раковине, а там на холме густая тумба дерев осеняла гробницу; плачущий Гений осыпал ее цветами.

Уже солнце зашло, и мы, не осмотрев и трети садов, принуждены были оставить прогулку. Возвращаясь к коляскам, прошли сахарную плантацию и поле хлопчатой бумаги; перебрались чрез китайский мостик, который соединяет две искусственные горки одной аркой, и, наконец, взглянули на храм славы, стоящий на обрывистой скале мыса Собрано, у подошвы коего шумит море.

Плавание от Палермо до Мальты

6 ноября, не без сожаления, оставили мы столицу, где богатство, роскошь, празднолюбие и нищета представляется в странной совокупности. Ветры переменные и тихие благоприятствовали нашему плаванию. 7-го ввечеру мы находились в проливе между Егатскими островами и Сицилией. Остров Маритимо с замком, куда ссылаются преступники, напоминает о казнях ужаснейших, о мучениях лютейших.

Одни, как уверял наш лоцман-неаполитанец, осуждены сидеть на бревне и над водой, другие опускаются в подземелье; иные, определенные к голодной смерти, закладываются живые в стену; отцеубийцы бросаются в море на растерзание акулам. Чад французской революции, заразивший неаполитанцев, наполнил замок Маритимо целыми семействами якобинцев, из коих большая часть погибла, и немногие, по восстановлении порядка, возвратились в свет. Мучение пытки, четвертование, колесование, растерзание на хвосте не уменьшали преступлений. Приговоры уголовного суда Неаполитанского королевства представляют злодеяния неимоверные. Одна палермитанка, известная под именем Адской ведьмы, из белил извлекала яд, не оставляющий на теле никаких признаков. Она торговала оным в продолжение 40 лет, наконец открылось ее злодеяние. Жена, желая отравить мужа, положила яд в макароны, поставила их на стол и, сказав, что она уже отобедала, пошла в другую комнату. Оставшись наедине, ужаснулась она преступления и хотела предупредить оное, но, вбежав в залу, увидела, что единственный сын ее, 10-летнее дитя, съел уже половину тарелку, она схватывает ребенка, падает на пол без чувств, открывает глаза и видит сына, в мучительных конвульсиях испустившего дух на руках ее. Несчастная мать признаёт свое злодеяние и требует смерти. Старуха, давшая ей яд, в суде подала список 5000 человек, таким образом отравленных ею.

Город Трапани, где Эней лишился отца своего Анхиза, стоит на низком мысе, за ним Марсала и Мацара, окруженные зелеными горами и морем, изобилующим кораллами и жемчугом, представляют взору приятные виды, где редкое изобилие земли соединено с чудным богатством моря. 9 ноября крепкий от юго-востока ветер принудил нас лавировать и быть в осторожности от весьма опасных подводных камней, Скверес называемых, лежащих посреди моря между Сици-

лией и Африкой и неверно положенных на карту. На камнях сих 11 фут глубины, почему в тихую погоду малые суда проходят чрез них без вреда. 11-го западный горизонт покрылся тучами, облака обратились к нам, два сильных ветра сражались; в ожидании, чем оное кончится, мы убавили парусов; скоро попутный с дождем и громом ветер превозмог и обратился в бурю. Как мы уже были близко Мальты, то на ночь легли в дрейф. На рассвете же 12 ноября, когда не имели надежды войти в гавань, ветер утих, и мы под всеми парусами прибыли в Мальту.

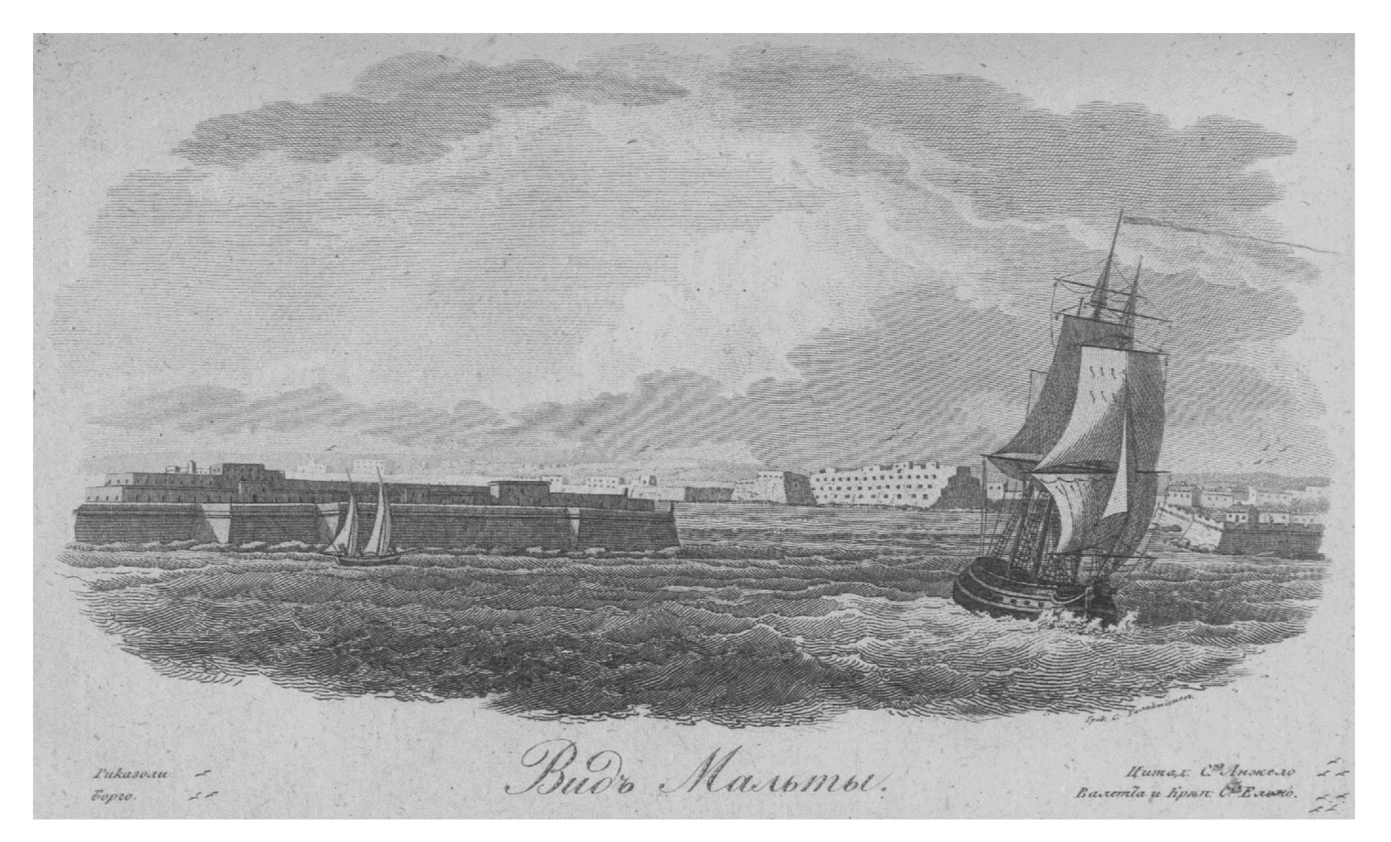
Лишь бросили якорь и привязались канатом к стенам Валетты, ветер с прежней жестокостью начал дуть. Если б мы не успели войти в порт, то принуждены были бы на море выдержать бурю, продолжавшуюся двое суток.

Мальта. Порт и укрепления

Мальтийский порт состоит из двух заливов: первый, на восток от города Валетты, разделяем на многие малые бухты, где на глубине от 6 до 12 сажен, корабли стоят безопасно от всех ветров, кроме, однако ж, тех, кои стоят у Валетты, ибо тут северный ветер разводит большое волнение, а от запада бывают жестокие порывы; другой залив, на запад от города, называемый Марца-музетто, имеет посреди остров с крепостью Мануэль, служащей для очищения товаров, пришедших из зараженных мест. В сем заливе корабли совершенно отдельно от прочих выдерживают карантин. При входе в Мальту должно придерживаться правой стороны, ибо у левого мыса есть небольшой каменный риф. Ширина входа не более 125 сажен.

Мальта почитается одной из сильнейших крепостей в свете. Она состоит из следующих 9 крепостей, окружающих залив: 1. *Валетт*, названа по имени магистра Жана ла Валетт, построившего ее в 1566 году. 2. Крепость *Сант-Эльмо* на око-

нечности полуострова, где стоит город Валетта, защищает вход в гавань. 3. *Флориана*, на том же полуострове сзади города. 4. *Витториоза*, то есть победоносная, названа так в ознаменование упорной битвы против турок; прежде называлась Борго. 5. Цитадель *Санто-Анжело*, защищает вход в порт трехъярусной батареей. 6. Крепость *Сан-Маргарет*. 7. Город *Синглея*. 8. Крепость *Котонера* стенами своими ограждает с сухого пути последние пять крепостей. 9. Крепость *Риказоли* лежит по левую сторону при входе в гавань, по другую же сторону построены сильные батареи. Стены тесаного камня и все укрепления в наилучшей исправности. При входе в гавань вид такого множества крепостей удивит каждого; но, судя по обширности, едва ли 40 000 гарнизона будет достаточно для защищения оных, и потому все сии башни и бастионы, кажется, почти бесполезны, и весь остров не стоит издержек, потребных для содержания гарнизона и починок стен и других зданий. Магистр Виньякур провел воду от Читта-Векиа. Славный сей водопровод существует с 1616 года. Мальта непреодолима; ее покорить можно только тому, кто возьмет Лондон. Без сильного флота и осадить ее невозможно. По выгодному своему положению в руках англичан Мальта сделалась средоточием торговли Средиземного моря. Имея в ней безопасное пристанище, английский флот, отрядив эскадры в Мессинский пролив и к острову Фавоньяно, пресекает сообщение французских и испанских портов с Левантом. В Валетте, для сохранения хлеба в зерне, сделаны в горе, состоящей из мягкого камня, обширные подземные магазины, в которых чрез посредство труб, выведенных на поверхность, нет никакой сырости. Правительство скупает весь хлеб, идущий из Сицилии и России, и уже на нейтральных судах отпускает в Италию.


Рикасоли
Борго.
Видъ Мальты.
Цитад: Ст. Анжело
Валетта и Крѣп: Ст. Ельмо.

Валетта

Город Валетта, или как обыкновенно называют его Мальта, имеет отличный вид от всех, какие видел я доселе. В нем нет улиц, кроме только одной с площадью находящейся на хребте горы, прочие суть лестницы, по крутому скату высеченные из камня. Дома высоки, без крыш и вообще старой итальянской архитектуры; окна все с балконами и деревянными решетками, выкрашенными красной краской. Стены кладутся здесь очень толсто; ибо камень так мягок, что его топорами вырубают из горы и оный уже после на воздухе твердеет. Лавки наполнены колониальными товарами и город так чист, что легко догадаться можно, что тут владычествуют англичане.

Лишь положили мы якорь, капитан над портом с адъютантом генерала Балла поздравили нас с прибытием, последний от имени своего генерала и коменданта Мальты пригласил капитана с офицерами к обеду. Хотя мне и очень не хотелось, однако ж должен был пудриться, надевать башмаки и ехать терпеть скучную принужденность. Сверх чаяния недолго сидели мы за столом, но это было только для того, чтоб вывести дам в другую залу, кавалеры возвратились, слуги вышли и начали пить. Если англичане исключают из общества своего дам, когда не желают быть трезвыми, то, конечно, избавляют они их самого неприятного препровождения времени. Ставши из-за стола, дамы занимали особые комнаты, куда кавалеры входили только по позыву. Меня ввели туда, представили миледи Элиот, которая хотела, чтоб я с дочерью ее поговорил по-русски. Я обратился к ней, взглянул, смешался и позабыл по-русски. Мисс Элиот покраснела и, подумая и опуская глаза, кажется, хотела сказать: «Пожалуйста, начинайте говорить». Наконец несколько слов, довольно хорошо произнесенных ею, удовлетворили мать и прочих. Разговор прервался приглашением в театр. Дамы

встали, оставили рукоделия, которыми они занимались, и отправились в театр, который мал для здешней публики, но очень чист для Италии, музыка превосходна, балет прекрасный. Буф, настоящий шут, актрисы и танцовщицы, не искусством, а красотой заставляли рукоплескать партер.

Первое, что мы пошли на другой день осматривать, была церковь Святого Иоанна Иерусалимского. Наружность ее готическая и ничего не имеет привлекательного, внутренность же оной такова, что нельзя не отдать справедливости искусству зодчего и вкусу богатых украшений. Мозаический пол достоин особливого внимания и почитается богатейшим на свете. Оный представляет надгробные камни с надписями и изображениями подвигов кавалеров, умерших в Мальте. Драгоценный порфир, мрамор, лапис-лазури, агат, яшма и другие, немалой цены каменья входят в состав мозаики, которой работа, конечно, стоила великих сумм. На одном представлено морское сражение, на другом переломленная пирамида, на иных гербы и трофеи, словом, всю различность мозаиков, коих число простирается до двух тысяч, трудно выразить. По сторонам церкви восемь алтарей украшены памятникам гроссмейстеров, наиболее оказавших услуг ордену. Заметим лучшие из них: в пределе Св. Георгия два арапа поддерживают белого мрамора гробницу, на которой поставлен бюст, не помню какого магистра; чистота мрамора, форма сего монумента и работа во всех отношениях превосходны. В приделе Св. Екатерины мозаический портрет другого гроссмейстера никак нельзя отличить от живописного, цветы камней и тени подобраны весьма искусно. Из церкви спустились мы в подземелье, где покоятся кости гроссмейстеров, отличившихся мирными подвигами. Небольшая зала получает свет то сверху, по обе стороны оной стоят гробницы. На крыше высечена из того же куска мрамора статуя в монашеской одежде. Оный памятник поставлен Филиппу Лислей

Адаму (Philip Lislei Adam), основателю братства кавалеров Иоанна Иерусалимского. Гробница Жана де Валетта вылита из меди. Он представлен в рыцарской одежде со сложенными накрест руками, которые трясутся, если к оным коснешься. Жан де Кагьера (Juan de Cachiera) в кардинальской одежде сделан из глины и также на крышке гроба. Первый, как известно, основал город, а последний построил сию церковь; другим гроссмейстерам поставлены бюсты с надписями. Из подземелья привели нас в настоящую церковь Иоанна Иерусалимского. Оная состоит из зала с окнами вверху. Большие картины, представляющие отличные деяния кавалеров, украшают стены оной; лучший из образов мне показался усекновение главы Иоанна Предтечи. Зверство Иезавели и ужас служанки, держащей блюдо с отсеченной главой, изображены с отменным искусством. Богатейший из всех придел Магдалины украшен серебряной литой решеткой выше человеческого роста и огромным паникадилом; другие же три золотые и все утвари из сего металла и серебра набожными французами отправлены во Францию. Сей великий народ повсюду оставляет по себе подобную память. В сем же приделе показывают образа греческой живописи весьма плохой работы, все их достоинство в том, что они рисованы тому 300 или 500 лет.

К вечеру пошли мы за город, в сад, вновь разводимый; он невелик, состоит из двух аллей, трех беседок и, кажется, назначен только для цветов. Сильный ветер и тучи понудили нас поспешить возвращением. Едва вошли в улицу, пошел проливной дождь, вода стремилась вниз с чрезвычайным шумом и несла опрокинутые на рынке скамейки, лотки, зелень и плоды. Мы вошли в английский трактир, развели в камине огонь, спросили кофе и трубки и смеялись приключению товарища, на скользком тротуаре споткнувшегося и упавшего в воду. Отворяются двери и с таким же смехом

входят несколько английских морских офицеров. У одностихийных знакомство делается в одну минуту. Мы предложили им обсушиться, подали чай, разговор начался, подали пунш и оный не прерывался. Ветер шумел, дождь бил в окна и мы, положив провести время вместе, не без спора согласились издержки заплатить каждому за себя. Одни пошли в театр, другие остались приготовить хороший ужин. Театр кончился, трактир наполнился посетителями, товарищи наши собрались, и мы пошли в залу, где особенно для нас накрыт был стол, и к удивлению, нашли его занятым. Театральный царь в короне и мантии, Диана с нимфами громко повелевали слуге подавать кушанье. Хозяин вошел и объявил им, что стол не для них, актеры встали, извиняясь, нам вздумалось пригласить их. Ловкость и изученные выражения актеров скоро умели оживить разговор. Скромность актрис скоро обратилась в непринужденную веселость. Раздалась музыка, чем содержатель театра желал заплатить учтивость за учтивство и сделать нам приятную нечаянность. После ужина актеры с своей стороны предложили услуги. Танцовщицы, легкие, как зефир, стройные как грации, танцевали тарантеллу, эспаньолу и другие национальные пляски. Певцы пели несколько лучших арий. Между тем стаканы звенели, вино лилось, и многие, повеся голову, рассуждали сами с собой; наконец тем, у коих голова была не так тяжела, захотелось отдохнуть. Тут начался спор: кому какую занять комнату, бросили жеребий и не были довольны. Предоставили хозяину назначить каждому спальню, и на это не согласились. И так, кто мог идти, занял лучшую. Мне досталась прекрасная, пол парке, одеяло атласное, зеркало над постелью, и бедный амур, безжалостно прибитый к потолку, держал, надувши щеки, шелковый занавес. Я бросился в постель, но сон уже прошел, и встал, не уснув и часу.

Читта-Веккиа

По приглашению нашего консула Каркаса, отобедав у него на даче, поехали в Читта-Веккию, отстоящую от Мальты в 15 верстах. Мы не ехали, а катились по прекрасной, высеченной в камне дороге, стенки огораживают ее с обеих сторон. По положению острова, от средины к берегу покатого, стенки сии, возвышаясь одна за другой, представляют Мальту с моря кучей белых камней. В самом деле почва состоит из меловатого камня, во многих местах покрытого землей не толще двух вершков. Трудолюбие 100 000 жителей, население по пространству чрезмерное, землю, по-видимому, осужденную на вечное бесплодие, обратило в сады. Обрабатываемые земли требуют необыкновенных трудов. Камень сначала разбивают на мелкие куски, потом толкут и мешают с землей, для деревьев высекают ямы. Мальтийский камень имеет в себе такую влажность, что, несмотря на большие жары, все растения прозябают лучше, нежели в Сицилии. Для обрабатывания хлопчатой бумаги, растущей здесь в изобилии, заведены фабрики. Кроме апельсинов[65], предпочитаемых португальским, другие плоды, особенно дыни, на земле, привозимой из Сицилии, растут самые вкусные. Жители Мальты большую часть съестных припасов получают из Сицилии. Проехав несколько загородных домов, построенных в английском вкусе, которые тем более нравятся, что здесь их мало, мы увидели Читта-Веккию, стоящую на горе не высокой, но крутой. Город обнесен стеной, уже совсем запущенной, на воротах показывали нам арабскую надпись, в городе же в одном доме, называемом Palazzo de Giurati, сохранилась надпись пунического языка, но ни ту, ни другую никто истолковать мне не мог. При владычестве арабов он назывался

[65] Здесь апельсины прививают к гранатовому дереву, отчего они имеют красного цвета внутренность.

Медина, а когда принадлежал кавалерам и был столицей острова, Читта-Нотабиле. В городе было тихо, улицы заросли травой, не встречая ни одного по ним идущего человека, дома казались пустыми. Нас привезли к соборной церкви Св. Павла, при которой хранятся древние сосуды и одежды. К сожалению, смотрителя не было дома, и мы должны были удовлетворить любопытство одной церковью. Врата оной отлиты из меди, дурные изображения из истории Священного писания показывают, что оные сделаны в средних веках, при упадке наук и художеств. Церковь огромна, в два яруса, стены обиты парчой уже очень ветхой. Алтари украшены кривыми колоннами, два образа древней греческой работы обращают на себя внимание. Настоятель монастыря вызвался показать нам пещеру апостола Павла. В версте от города посреди кладбища стоит часовня, закрывающая вход в нее. Сошед несколько ступеней вниз, мы вошли в святое жилище. Оно состоит из трех комнат, в одной высечено на стене распятие, в другой видно подобие одра, третья не докончена и, кажется, служила кухней, ибо одна стена черна от дыма. Апостол Павел, претерпев кораблекрушения у остр. Мальты, вышел в пристани Деталасус и, копая сию пещеру, был уязвлен змеей, которую, сотрясши с руки в огонь, благословил землю, покрыл ею рану, и с тех пор, как вверял нас монах, нет на острове змей, а земля имеет силу излечать от ядовитых угрызений. То и другое справедливо, ибо в самом деле в Мальте нет никаких пресмыкающихся, а мальтийская земли, мягкая, желтая, подобная мелу, на пальцах липнущая, производит пот и укрепляет желудок. Грот, который называют Калипсиным, находящийся на восточной стороне острова, мы не успели осмотреть. Итак, пещера апостола Павла и грот Калипсин, по мнению ученых, вероятно, сличавших положение мест с описаниями древних, находятся на острове Мальте, а не на островах Меледо и Фано, как другие думают.

История Мальты

В отдаленные века Мальта управляема была африканским князем Баттю. Гомер упоминает о сем острове под именем Гиперии и говорит, что на нем обитали феакийцы. Финикияне, поселив на нем колонию, назвали его Огигией. Греки завладели оным в 736 году до Р. Х. и дали острову имя Мелиты или потому, что на нем находили тогда мед, или же в честь нимфы Мелиты, дочери Дорисы и Нерея. От греков остров сей достался карфагенянам, многие надписи пунического языка найдены на нем Родосскими кавалерами. В продолжение войны за Сицилию римляне выгнали карфагенян и подчинили Мальту претору Сицилии. После падения Римской империи в половине V века по Р. Х. владели им вандалы, потом готы. В конце девятого столетия арабы сделались ее обладателями. В конце XI века норманны под предводительством графа Рожера выгнали аравитян, и Мальта с 1190 года принадлежала Сицилии. Карл д'Анжу, брат св. Людовика, присоединил ее к своим владениям. Думают, что Жан Порцида положил на сем острове основание заговору, следствием которого была Сицилийская вечеря. После сего Мальта досталась королям Кастильским и Арагонским, и Карл V, испанский король, в 1630 году подарил ее изгнанным из Родоса кавалерам Иоанна Иерусалимского. С помощью христианских держав кавалеры укрепились, храбро защищались от турков, и впоследствии флот их с успехом защищал торговлю от хищничества варварийских морских разбойников. В 1798 году генерал Бонапарте на походе в Египет, как, вероятно, по тайному условию, высадил часть войска, и после нескольких выстрелов, столь сильные крепости сданы французам. Английская и российская эскадры блокировали Мальту два года. В продолжение блокады кавалеры, желая приобрести потерянную независимость, послали депутатов в С.-Петербург.

Император Павел I, приняв, по желанию кавалеров, титло гроссмейстера, имел в виду благие намерения. Изгнанные из Франции роялисты в звании рыцарей нашли бы в Мальте убежище и, будучи таком образом отчуждены своего отечества, могли бы сопротивляться честолюбивым видам революционного правительства. Обет кавалеров покровительствовать мореходству христианских держав против турок, вероятно, переменил бы свое назначение. Введение греческого языка восстановило бы упадший орден, а Греция и Славония, получа сильное в европейской политике содействие, конечно, скоро возникли бы из своего ничтожества. Сильный российский флот сделал бы Мальту непреодолимой твердыней, свобода Италии в ней имела бы всегда готовых защитников правды, и если бы свершилось то, чего предвидящий монарх желал, то с достоверностью сказать можно, что Европа избавлена была бы от многих бедствий, которые она испытала в наше время. Как известно, Мальта за недостатком съестных припасов принуждена была сдаться англичанам прежде, нежели депутаты могли уведомить о снисканном ими высоком и надежном покровительстве. Орден короткое время пользовался своими преимуществами, потом уничтожен и теперь, хотя и сохранил еще своего гроссмейстера, но оный, кроме титула не имеет никакой власти и как частный человек живет в Палермо. Мальтийцы отличаются нравами и обыкновениями, которых не изменили ни время, ни обстоятельства; они храбры, трудолюбивы, и, хотя с неудовольствием, но терпеливо сносят свое порабощение. Учтивы к иностранцам и в образе жизни сходствуют с сицилийцами. Народ говорит испорченным арабским языком, дворянство же употребляет итальянский. Воздух, прохлаждаемый ветрами, здоров, но в городе летом бывают чрезмерные жары.

Российские пленные

Немалое число наших пленных и дезертиров, большей частью принужденно, служат почти во всех государствах, более же в Австрии. Невзирая на трактаты, заключенные для освобождения их, великое еще число остается в неволе, ибо Бонапарт силой помещает их в свои Польские легионы, австрийцы в кроатские полки, англичане отсылают в свои колонии, шведы и датчане делают то же, и можно сказать, что сии несчастные рассеяны по всему земному шару. Англичане в особенности употребляют все средства удержать в своей службе русских, но кому не любезно отечество? При удобном случае они бегут, в отвращение чего, лишь только приходит в порт российский военный корабль, русские сменяются с караулов и не выпускаются из казарм, но при нашем прибытии, видно, не успели взять сей осторожности и 8 человек явились на фрегат. На другой день адъютант губернатора просил без дальнего неудовольствия и розысков возвратить их беглых солдат. По препоручению капитана я отвечал ему, что у нас нет обыкновения принимать иностранцев, и можем поручиться, что на фрегате нашем нет ни одного англичанина; «Но, может быть, противу того числа, какое вы объявили при входе на брандвахте, вы имеете лишних», — сказал адъютант. «Если и есть, то разве в полках ваших, вы удерживаете русских?» «Конечно, нет», — отвечал адъютант, уехал и после ни слова о сем не упоминали. Таким же образом и в Мессине взяли мы несколько человек. К сожалению, нельзя тут умолчать, что консулы наши, в силу договоров и данной власти, будучи гражданами тех городов, где они представляют столь важное лицо, по имуществам своим завися от правительств, не зная языка, а что всего важнее, не будучи русскими, как кажется, слабо домогаются об освобождении пленных, которые, переходя из службы в службу в намерении приблизиться к границам отечества, везде задерживаются и не

находят должного покровительства. Напротив того, где консулы были русские или, по крайней мере, из подданных иностранцев, не имеющих там собственности, мы нередко получали от них законным образом освобожденных, и вообще в их городах не находили пленных; а в 1807 году, как всем известно, полк, составленный в Мальте из русских, славян, поляков и греков, при отправлении их в Ост-Индию взбунтовался, заперся в одной крепости и после храброго защищения зажег пороховой магазин; вместе с ними несколько жителей и один корабль взлетел на воздух.

Плавание до Калиари

19 ноября мы оставили Мальту; в самом узком месте входа ветер переменился, зашел, и фрегат чуть не бросило на берег, однако ж, сделав два поворота, вышли в море. Ветры крепкие и противные продолжались все плавание до Калиари. Лавируя вдоль Сицилии к западу, тихо подвигались мы вперед, но имели удовольствие обогнать военный американский бриг, который славился легкостью хода. В Мальте я нарочно ездил на оный. В Мессине видел шхуну. Не только наружный вид американских военных судов, но удобное расположение, механизм оснастки, прочность и даже чистота много преимуществуют над английским. Кажется, недалеко уже то время, когда повелители морей найдут опасных соперников в Соединенных Штатах. Зеленые берега Сицилии представляли нам на каждом шагу прекрасные места. Жерженти, стоящий на месте древнего Агригента, и ныне отправляет значительную торговлю хлебом и солью; на горе пред городом видно несколько бедных хижин, а между ними остатки стен Юпитерова храма. При проходе пустого и необитаемого острова Пантелярии, посреди моря между Сицилией и Африкой, пред опасным местом Скверес, ветер к вечеру 22 ноября усилился, черные облака неслись с чрезвычайной скоростью,

солнце опустилось в море в пурпуровом зареве, и ночь наступила самая темная. Вдали блистала молния, в 9 часов, когда ветер был очень крепок, вдруг с дождем с подветру ударил другой, паруса легла на мачты, фрегат с одной стороны опрокинулся на другую, в то же время началась гроза, молнии одна за другой сходили по отводу в море, электрические искры рассыпались по палубам. Весь экипаж выскочил наверх, всей силой на силу могли обрасопить рей[66]. Сильный смрад и серный запах показал, что фрегат где-нибудь должен загореться, опасность сия увеличивалась тем, что 200 пудов пороха, взятого в Мальте, за неумещением в пороховом погребе, лежало в трюме. Капитан и офицеры с фонарями в руках бегали, осматривали везде и, к счастью, нигде не открыли огня. Гроза прошла, но небо горело еще молниями, впереди нас была непроницаемая мрачность, сзади пламенел небесный свод, море кипело, как в котле, и белые, на краю горизонта более освещенные вершины валов, воздымаясь, казалось, заливали пожар небесный. Чрез час проливной дождь угасил сие величественное огнесияние, наступила ужасная темнота, и фрегат в полветра летел по 17 верст в час; но как Скверес на карте был близок, почему до свету легли в дрейф и тем потеряли очень много, ибо утром ветер сделался опять противный.

Наконец 26 ноября, пред восхождением солнца, при том же северо-западном ветре, все тучи, омрачавшие столько дней небо, обратились назад, и мы быстро мчались навстречу солнцу, которое, проникая их своими лучами, мало-помалу показывалось яснее, облака скрывались за горизонт, мрак исчез, небо прочистилось, и солнце в полном великолепии осветило вдали на правой руке берега Сицилии. Высокие горы казались небольшими синими холмами, колеблемые

---

[66] Перевести на другую сторону.

волны то скрывали, то открывали их. Ветер начал упадать и скоро заменился тихим и попутным от востока. Море успокоилось, чрез час все приняло веселый вид, день сделался прекрасный, к вечеру открылась Сардиния, и 27 ноября прибыли мы в Калиари.

Приключение пленного русского офицера

Лишь только положили якорь у стен Калиари, как некто бедно одетый, истомленный приехал с берегу и, взошед на шканцы, с радостным взором перекрестился и дурным русским выговором сказал: «Слава Богу! Кончились наконец мои несчастья». После сего он спросил он о капитане и подал ему бумагу. Министр наш предлагал оного явившегося из плена Санкт-Петербургского драгунского полку поручика Степана Яшимова принять на фрегат для доставления его к адмиралу. Я ввел его в кают-компанию и представил бывшим там офицерам. Будучи родом из Кизляра, он почти забыл и с большой трудностью объяснялся по-русски, мешая слова турецкие, французские и итальянские. Мы старались его обласкать и в первый же день общими силами снабдили его всем нужным. Яшимов скоро ознакомился с нами и с новым родом своей жизни; в короткое время отличной остротой ума и веселым расположением духа заслужил он от всех любовь и почтение. Служа при главной квартире князя Репнина, Потемкина и быв покровительствуем гр. Орловым, он хотя и не имел порядочного воспитания, но особенный навык в обхождении делал его весьма приятным в беседах. Продолжительное несчастье не омрачило его любезности, и опыт 50-летнего старика привлекал к нему общее уважение. Приключения его в течение семи лет, которые рассказывал он нам со всей откровенностью, хотя имеют нечто в своем роде необыкновенное, но, судя по характеру его, оные, конечно, не выдуманы им, и потому я предлагаю их в том виде, как слышал от него.

Яшимов служил в первую Конфедерацкую войну, в обе Турецкие и последнюю Польскую, наконец 10 сентября 1799 года по Цюрихом, получив две раны, взят был в плен и отведен в Марсель. Не стану повторять того, что он претерпел на дороге: кто по несчастью был в руках французов, тот знает, как они обращаются с пленными. Генерал Д. прибыл в Марсель для пополнения своего Польского легиона русскими солдатами. Для сего не давали им положенной порции хлеба, из казарм, или лучше сказать, из тюрьмы никуда не выпускали. Убеждая, угрожая, обещая и благовидным способом муча и томя голодом, принуждали, как благодеяние, принимать службу. Непокорных же продавали как невольников в Испанию. Не щадили даже и офицеров; Яшимову также предложено было вступить в Польский легион. Он нашел случай видеть генерала Д., жаловался на дурные поступки, смело сказал ему правду и, будучи огорчен ответами генерала, назвал его изменником отечества, был брошен в тюрьму и отдан под военный суд. Не ожидая следствий своего неблагоразумия и неуместной горячности, Яшимов решился бежать. Предлагает бывшим в одной с ним тюрьме 30 австрийским солдатам, в том числе был один русский, и все с радостью соглашаются. Яшимов успел убедить тюремного стража, который из единого сострадания не только дал им способ к побегу, но в пристани приготовил им лодку, и несчастные в полночь, при проливном дожде на рыбачьей лодке, сами не зная куда, пускаются в море. Боясь погони, усердно гребли во всю ночь; поутру, когда рассвело, Марсель чуть уже была видна. Тут начали думать, как и куда править. Не имея никакого понятия о мореходстве, не зная даже географического положения земель, окружающих Францию, долго спорили они, куда держать; наконец, отдавшись на волю и благоразумие Яшимова, положили идти по той черте, которая наиболее удаляла их от Франции. Неведение неко-

торых простиралось до того, что они, видя небо, касающееся моря, говорили: «Конечно, тут уже край света». В управлении лодкой они находили многие затруднения, однако ж, подобно Робинзону Крузо и наши плаватели научились, как поворачивать рулем и держать парус полный ветра. Впрочем, не видя вокруг себя никаких предметов, они не могли знать, в какую сторону ветер переменялся, и потому правили всегда по оному. К счастью их, в Средиземном море ветры летом постоянно дуют от севера и всегда почти тихие. В один день ветер несколько усилился, лодку начало качать, неопытные плаватели убрали парус, стали грести; но весла выбивало из рук, и лодка колебалась еще более, так что краями стало черпать воду. Яшимов, не более прочих сведущий, но более смелый, несмотря на противоречие, поднял парус, лодка полетела и качка уменьшилась. Единообразный вид неба и воды, неизвестность, ненадежность на самих себя, мало-помалу и самых бодрых привело в уныние. На четвертые сутки не стало воды и кончился запас хлеба, который добрый тюремщик не забыл положить для них в лодку. В сем положении вдали показывается нечто белое; смотрят, узнают на всех парусах плывущий корабль, произносят радостный крик, принимаются за весла, усиливаются догнать корабль, кричат все вдруг и изо всей силы, машут шляпами и платками, но все напрасно; с корабля не видят их, оный проходит мимо, удаляется и скрывается за горизонт. Все хотят идти за кораблем; один Яшимов думает, что благоразумнее держать по прежней черте, спорят; не могут согласиться, Яшимов убеждает, грозит, наконец сам подымает парус, и лодка плывет по прежнему пути. Голод, жажда и истощение сил привело всех в отчаяние; один Яшимов, сохранив присутствие духа, ободряет прочих и бессменно управляет лодкой. По отплытии из Марселя в седьмые сутки, к неизъяснимой всех радости показался берег, и Бог невидимой рукой привел несведущих

плавателей в пристань спасения. Им представился большой город, высокая крепость, на стенах коей развевал кровавый флаг с изображением руки, вооруженной мечом. Утомленные плаватели выходят на пристань, хотят облобызать землю, но им предстоят бородатые люди в длинных платьях и чалмах. «Где мы?» — спрашивают они друг друга. «В Африке, в Алжире!» — отвечает Яшимов, и все от страха цепенеют и потупляют взоры. Их оступает толпа вооруженного народа, любопытствуют, откуда они приехали, и как Яшимов, будучи родом из кизлярских татар, знал несколько по-турецки, то он и отвечал за других. Варварийцы, которых нам описывают столь черными красками, услыша, что несчастные пришлецы трое суток не пили и не ели, одни вынимают деньги, другие подают хлеб и плоды; даже спорят, кому скольких пригласить в свой дом. Страх, что попали к разбойникам, скоро миновался; всякий нашел гостеприимство в доме, куда был приведен.

На третьи сутки Яшимов представлен был янычар-аге, а после и самому дею. Боясь сказаться русским, назвал он себя татарином и вследствие сей лжи принужден был вступить в гвардию дея янычаром, скоро потом сделан был чаушем и начальником небольшой крепости, в недальнем расстоянии от Алжира лежащей. Подчиненные его, имея свою шебеку, взяли христианскую бригантину, принадлежавшую далматским славянам. Яшимов, услышав понятный для него язык, обрадовался и, притворившись их не понимающим, тотчас решился освободить их и себя. На бригантине, стоявшей близ берега, был только один часовой. Русский солдат, разделявший несчастья Яшимова от самого плена, уговаривается с шкипером и людьми, и ночью, когда сам стоял на страже, не быв замечен никем, выводит их из тюрьмы и перевозит на бригантину, часовой был схвачен и связанный спрятан в трюм. Когда бригантина была под парусами, в крепости де-

лается тревога, и как ветер был тих, алжирцы на двух лодках догоняют и хотят взять ее абордажем. Яшимов ободряет славят, рубится впереди всех, теснит нападающих и прогоняет их с судна. Алжирцы удаляются. Солдат, товарищ его и друг, был в сем случае убит, сам он получил легкую рану. Славяне, увидев несколько лодок, отваливших от берега, робеют, не слушают Яшимова и, поспешно севши на баркас, оставляют его бригантине одного; к счастью, оставался еще маленький ялик; Яшимов бросается в него, отваливает, распускает парус и, вышед из залива, держит близ берега. Турки, задержав бригантину, не рассудили гнаться за бежавшими. На другой день, когда ветер сделался Яшимову противный, он пристал в одном пустом месте и, дождавшись вечера, оставя ялик, пошел искать селения. Оное было недалеко от берега, он вошел в первый дом, выдумал причину своей раны и был принят с состраданием. Наведавшись, далеко ли Тунис и где к нему дорога, он купил тут лошадь и рано поутру пустился в путь. На четвертые сутки, не быв никем обеспокоен, благополучно достигнул тунисских границ.

В Тунисе никто не спрашивал, кто он такой и имеет ли паспорт. Пользуясь свободой и живучи по ханам[67], Яшимов скоро принужден был продать свою лошадь. Деньги, которыми успел запастись, будучи чаушем, также вышли и ему должно было помышлять о дневном пропитании. Не могши сыскать случая определиться на какой-либо христианский торговый корабль, он принужден был для куска хлеба заниматься поденной работой, сделался болен и доведен до унижения просить помощи у сострадательных людей. В таком положении ему предлагают записаться в матросы на шебеку о 16 пушках, отправлявшуюся в море. Против воли, по стечению обстоятельств сделавшись морским разбойником, и

---

[67] В Турции так называются постоялые дома.

боясь более всего обагрить руки в крови христиан, набожный Яшимов от глубины души втайне молил Бога избавить совесть его от сей необходимости. Искренняя его молитва была услышана: корсары, целый месяц крейсируя в море, не видали ни одного судна и, наконец, в пустом месте пристали к одному острову. Ужасаясь имени разбойника и не могши ничем себя успокоить, Яшимов сыскал случай ночью съехать на берег и, уклонившись от товарищей, пустился по дороге. Скоро увидел огонек, по оному пришел в хижину, где турецкая его одежда привела всех в трепет. Яшимов, чтобы успокоить их, отдал свое оружие и просил отвести его в город. Тут он узнал, что находится в Корсике.

Чрез несколько дней Яшимов представлен был коменданту крепости Бонифаччо, который, сделав ему вопрос, и несмотря, что он объявил себя русским офицером, приказал надеть на него солдатский мундир. Спустя год генерал Д. прибыл в Корсику для осмотра полков. Испугавшись такой вести и боясь быть узнанным, Яшимов переодевается в крестьянское платье, нанимает лодку и чрез пролив достигает в Сардинию. Там также не поверили, что он русский офицер, и также записали в гарнизонный полк, который употребляем был для поиска над разбойниками. 20 раз Яшимов сражался с сими отчаянными головорезами и, наконец, судьба его переменилась, полк его получил повеление идти в Калиари. Он тотчас явился к нашему министру г. Лизакевичу и семь лет беспрерывных бедствий, нужд и несчастий Яшимова кончились.

Несчастья кончились, но неумолимая судьба не допустила старика умереть в своем Отечестве. Яшимов был принят главнокомандующим благосклонно. Когда флот отправлялся в Архипелаг, ему должно было остаться в Корфе, дабы при первом случае ехать в Россию. Будучи вне себя от радости, однако ж, по движению благороднейшего чувства, Яшимов решился отказаться от милости адмирала и просил взять его

в Архипелаг, дабы он мог заслужить его внимание и ласки. При взятии Тенедоса, в Дарданельском сражении и защищении крепости Тенедоской, Яшимов оказал отличную храбрость, деятельность и, можно сказать, искал смерти. Он во все время оставался на нашем фрегате, терпел с нами равную участь, из Лиссабона был с нами в Палермо и, наконец, из Триеста отправился сухим путем в Россию. В Лемберге, когда колонне должно было выходить, Яшимова не нашли на его квартире, искали по всему городу и не было никакого о нем слуха. Хозяин дома сказывал, что он, ночевав у него одну ночь, на другой день утром просил, как можно скорее исправить его пистолеты и, в полдень получа оные, больше не возвращался. В городе же носился слух, что один русский офицер в трактире поссорился с двумя польскими уланскими офицерами, приехавшими в отпуск из Варшавы. Итак, весьма вероятно, что несчастный Яшимов убит на поединке. В недальнем расстоянии от Родзивилова, в селении Колки, квартировал С.-Петербургский драгунский полк, я, любопытствуя знать, точно ли он служил в сем полку, нашел одного рейтара, который очень его помнил и служил 5 лет в его эскадроне.

Калиари

Посланник Лизакевич посетил фрегат и после представлял капитана и офицеров королю. Его Величество имел на себе орден Андрея Первозванного; при входе нашем в приемную залу он взял со стола шляпу, сделал навстречу к нам несколько шагов и весьма милостиво удостоил каждого нескольких слов. По его повелению отпущено на фрегат 500 пудов пороху, и как оный был лучше английского, то, по прошению капитана, переменили взятый в Мальте. Порох привозили к нам тайно ночью. Сия осторожность задержала нас в скучной столице более двух недель. Кроме бульвара длиной в сто шагов, огражденного кольями, от которых давно

ожидают тени, и театра весьма малого, где копоть от деревянного масла скрывала дурных актеров и заставляла зрителей выходить с головной болью, не было никаких других предметов, достойных любопытства, ниже никакого другого приятного занятия.

Плавание до Палермо

Приняв столько пороху, сколько можно было поместить, 15 декабря оставили Калиари. Ветер был тихий, погода прекрасная. Но лишь только вышли мы в море, то оный несколько посвежел. Сардиния начала скрываться, а Сицилия возникать из моря. Напрасно думают, что плавание морем исполнено одних бедствий, могущих и самого любопытного путешественника повергнуть в скуку и утомление. Любящий созерцать величественные, приятные, грозные и ужасные явления, должен переплыть океан, чтобы видеть их в полном великолепии и блеске. Если буря приводит в трепет, то легкий умеренный ветер и ясная погода сколько напротив представляет прелестнейших картин. Корабль рассекает тогда волны, одушевленные миллионами рыб, и воздух наполняется множеством пернатых. После долгого, беспокойного плавания, когда несколько дней и месяцев не видишь земли, что может сравниться с восторгом мореходца при внезапном оной появлении, которая, как бы для его удовольствия, представляет ему различные виды и положения. Как медленно, кажется, плывет корабль, горы и долы едва движутся, и самое нетерпение, рождая новые мысли, увеличивает удовольствия, которыми наслаждаются гораздо в высшей степени, потому единственно, что редко и непродолжительно они ему представляются. При тихом обходе нескольких высоких мысов, «Вот Палермо», — вскричали несколько голосов. Прелестная столица, окруженная садами, в очаровательном положении, явилась взорам нашим; забыв труды, заботы службы, каждый

спешил обдумать, расположить свои занятия, и прежде, нежели бросили якорь, пошли переодеваться и готовиться ехать на берег.

Палермо. Спасение американского корабля

21 декабря, при ясном небе, вдруг нашел шквал от севера; в полчаса развело такое волнение, что фрегат начало гораздо более, нежели в море. Ночью ветер обратился в бурю, а по рассвете американское трехмачтовое судно, пришедшее из Бразилии с богатым грузом, потеряв три якоря в нескольких саженях от берега, остановилось на одном. Американцы палили пушка за пушкой, просили помощи, махали шляпами, подымали руки к небу; но, казалось, невозможно было спасти их. В гавани толпился народ, и полиция уже готовилась спасать людей, но с нашего фрегата отваливает баркас с якорем. Боцман Васильев с 20 лучшими матросами, удерживаясь на бакштове[68] фрегата, бросает якорь перед носом американского судна и с крайней опасностью передает канат. Американцы были не в силах вытянуть его, а нашим людям по причине великого волнения к борту судна пристать было невозможно. Опытный боцман придумывает средство. Спустившись на бакштове как можно ближе к носу судна, требует тонкую веревку, опутывается ею и, дав знаками понять, что намерен делать, отважно бросается в воду. Американцы догадываются, тянут и таким образом подымают на корабль. Шкипер был в городе, почему Васильев вступает в распоряжение как начальник. Вытягивает на шпиле канат, крепит его за мачту и, невзирая на ужасное волнение, спускает стеньги и реи.

На третий день буря умолкла, шкипер спешит на корабль. Жмет руки матросам, подает боцману большой кошелек с червонцами, но, к чести Васильева, он отозвался, что не может

---

[68] Канат, которым гребные суда держатся за кормой корабля.

принять без позволения начальника. Шкипер вместе с нашими людьми приезжает на фрегат, благодарит капитана и предлагает за спасение двойную сумму, следующую по их закону. Капитан уверяет его, что у нас нет этого закона, и за данную помощь терпящему бедствие ничего не требует. Шкипер, удивленный, тронутый, упрашивает, но, когда он уверился, что ничего не примут, сходит на палубу, видит образ и священника, отправляющего службу, останавливается, дожидается окончания, тогда, по нашему обыкновению, кладет три земных поклона и высыпает в церковный ящик 600 червонцев. Боцман и матросы с позволения капитана награждены им щедро и отпущены к нему на корабль на трое суток. Потом приглашает он капитана с офицерами обедать. По приезде нашем выкинули на мачтах российские флаги, все американские суда, бывшие в гавани, расцветились оными и палили во весь день из пушек. С некоторым обрядом шкипера американские прибили на корме следующую золотую надпись: «“Тритон” спасен 1806 года декабря 21-го дня».

Кораблекрушение английского 80-пушечного корабля «Вильям Тель».

Сколь мореходцам необходимо нужно брать все осторожности, не надеяться на удачу и не полагаться на самое верное счисление, доказывает несчастье «Вильяма Теля». Капитан сего корабля, известный в английском флоте своими познаниями и отважностью, сам прошедшего лета описал и утвердил на карте положение подводных камней Скверес, и прошедшего месяца, при крепком западном ветре, идучи в Мальту, не успев за туманом по берегу Сицилии определить место по пеленгам, положась на верность своей карты и думая, что находится в 20 милях от Скверес, в темную ночь при 10 узлах хода, нашел на них и погиб, только 2 офицера и 137 матросов спаслись. Обедая у адмирала Сиднея Смита, я

познакомился с лекарем, чудным образом избавившимся от сего кораблекрушения. В 9 часов сошел он в свою каюту на кубрик, лег спать, как вдруг в самом глубоком сне выбрасывается из койки, чувствует себя в шумящих волнах, хватается за нечто плавающее и видит себя на обломке юта, на котором вместе с другими на другой день прибивается к Сицилии близ Марсалы. Достойно замечания, что спавшие в нижних палубах и кубрике некоторые спаслись, а бывшие на верху у управления парусов, все потонули.

Театр

В Палермо четыре театра. Известно, что неаполитанский двор имел лучших актеров в Европе, но здесь ни славного огромностью Сан-Карло, ниже певцов и певиц нет, однако же опера Буфо и Арлекин превосходны, балет также хорош, но трагедий, особенно трагических опер, можно сказать, нет. В Королевском театре, называемом Сан-Фердинандо, я видел «Дидону», сочинения славного Метастазия. Актриса в первых действиях играла слабо, но в последнем превозшла себя и столь разительно представила отчаяние оставленной Энеем царицы Карфагенской, что все зрители разделяли с ней ее страдание. Особливо же с великим выражением и жаром произнесла она последний монолог, когда отчаянная Дидона восклицает: «Che dei! (какие боги!)», и потом, укоряя себя за нечестивое изречение, продолжает:

Ah che dissi, infelice! a qual eccesso
mi trasse il mio furore?
Oh dio, cresce l'orrore! ovunque io miro,
mi vien la morte, e lo spavento in faccia:
trema la reggia, e di cader minaccia.
Selene, Osmida! Ah! tutti,
tutti cedeste alla mia sorte infida:
non v'è che mi soccorra, o chi m'uccida.

Vado... ma dove? oh dio!
Resto... ma poi... che fo?
Dunquè morir dovrò
senza trovar pietà?
E v'è tanta viltà nel petto mio?
No no, si mora; e l'infedele Enea
abbia nel mio destino
un augurio funesto al suo cammino.
Precipiti Cartago,
arda la Reggia; e sia
il cenere di lei la tomba mia[69].

Сказав сие, бежит в чертоги, объятые пламенем, и в искрах, огне и дыме падает и исчезает.

Декорации вообще превосходны, но последняя удивительна. Грозное движение волн, шум и белеющие их вершины, пожар, гром и молния, жестокое действие воды и огня столь близки к природе, что мне казалось видеть их на самом деле. Наконец, громкая симфония переменяется на тихую музыку, Нептун в блестящей колеснице, окруженный плавающими сиренами и тритонами, показывается, и занавес опускается. Выхожу из театра и вижу в природе представленное декорациями. Дождь, ветер, гром, молния и колеб-

---

[69] Вот слабый сего перевод: «Увы! что я сказала, несчастная! к какой крайности подвигло меня мое неистовство? о Боже, ужас растет! куда ни обращусь, везде вижу страх и смерть пред собою: чертоги колеблются и грозят падением. Селена, Осмида! ах все, все оставили меня в злой участи: нет никого, кто бы меня спас или убил. Пойду... но куда? о Боже, останусь... но потом... что сделаю? Итак, должно умереть, не находя никакой жалости. Но неужели столько в груди моей малодушия? Нет-нет, умру; пусть смерть моя бегущему от меня вероломному Энею предвестит злосчастье. Разрушайся, Карфаген, пылайте чертоги; и да будет пепел ваш моей гробницей».

лемые в порте корабли представились точно в том виде, как я их сей час видел на сцене.

Импровизатор

Молодой бедный человек, воспитанный в Академии музыки, прославился здесь необыкновенной способностью говорить стихи без приготовления. Я имел случай его слышать. Ему задали, что б последовало с обществом людей, если б женщины лишены были скромности, стыдливости и должны бы искать любви в мужчинах. Он взял гитару, начал громкой симфонией, потом пропел куплет о сотворении Адама и Евы, после оного продолжал играть, и сие служило ему пособием для образования многих мыслей, кои ясно изображались на его лице. Подобно Пифии, он приходил в восторг, стихи вместе с музыкой, только что составленные, изменялись, переходили из тона в тон, иногда выражения его были простонародные, означающие природного поэта без воспитания, иногда же они были сильны и приятны, наконец он кончил всякой смесью и смешными стихами, ибо для итальянцев как воздух, так и смех равно нужны. Он пел полчаса, и слушатели были в восхищении. За столом импровизатор на имя каждого собеседника говорил приветствие, что называют они Бриндизи. Услышав мое имя, он наморщился и сказал, это пахнет Севером, однако ж сочинил три стишка, которыми сам был недоволен. Наконец, вызвался сказать на имя императора Александра.

Сравнивая государя с Титом и Александром Македонским, он произнес такую оду, что общество было вне себя. Просили, чтоб он повторил, и чудной этот поэт сказал совсем другое, другой мерой и гораздо лучше. Хотели, чтоб сие последнее отдать в печать, и к великому удивлению моему, он не мог припомнить связи первых стихов и, извиняясь в дурной памяти, продолжал говорить стихами.

От импровизатора нельзя требовать высоких чувствований, особенно потому, что многие из них не имеют воспитания, но обыкновенные из них, равно как и славные, какова была увенчанная в Риме Коринна, не могли бы ни на каком другом языке достигнуть сего искусства. Сей способностью, конечно, обязаны они своему языку, столь сладкозвучному, что самые испорченные наречия оного, как то венецианское, медиоланское и неаполитанское, остаются еще довольно гибки и мягки. Сицилийское же, смешанное с арабским и греческим, получило особенную способность к скорому сложению стихов, и потому Сицилия имеет более импровизаторов, нежели вся Италия.

Тасс, Ариост, Петрарк и Метастазий умели язык итальянский, сам по себе гибкий, приятный и звучный, возвысить до всякого рода стихотворений. Упрекают итальянских писателей в излишней изнеженности, но Петрарка, сей сладкопевец, нежность умел сочетать с силой и краткостью. Метастазиевы оперы почитаются из всех лучшими: «Фемистокл», «Регул», «Дидона», «Титово милосердие» сделали славу его бессмертной. Он соединил в них красоту высокого трагического слога с красотой героических чувств. Многие мелкие стихотворения его, а особливо арии в операх, дышат анакреонтической нежностью. В поэме «Освобожденный Иерусалим» бессмертный Тасс, на своем так называемом слишком нежном языке, умел сравняться и превзойти многих эпических поэтов и самого Мильтона. Описание ада есть некий исполинский вымысел. Вольтер по справедливости удивлялся, отколе для изображения оного мог он в нежном языке итальянском найти столько громких и суровых слов. Армидин сад, очарованный лес, единоборство Танкреда с Аргантом, смерть Клоринды, любовь Эрминии, нападение Солимана и многие другие места суть образцы неподражаемого витийства. Наконец «Неистовый Роланд», столь критикованный и столь

превозносимый, также, хотя в другом роде, навсегда останется неподражаемым. Ариост в своей поэме изображает попеременно то звук оружия, то благовонные луга и рощи, то роскошные чертоги Алцинои, и в самых ужасах своих он представил природу прелестной. Все живет, все дышит под его пером, везде видно дарование и прекрасный вымысел. Читатель без малейшего усилия следует за чародеем, странствует с ним из края в край, поднимается на воздух, сражается на крылатых чудовищах. Невероятно, чтобы на другом языке тот же певец Роланда мог написать что-нибудь подобное.

Народные игры

Сражение с быками принадлежит к числу любимых забав народа. Для сего зрелища чернь собирается на площадь. Один раз проходя мимо, я остановился посмотреть, но не мог выдержать виду мучительной смерти бедного животного и никогда более не ходил близ сей площади, где всякий день вместо бойни убивали быков для забавы. Вместо сих отвратительных удовольствий есть здесь и благороднейшие, состоящие в танцах. В Палермо от утра до вечера слышна музыка. Здесь множество наполненных народом танцевальных зал, где готов завтрак, вино и охотницы танцевать. Кроме национальных плясок танцуют кадрили, в которых па совершенно театральные. Для черни это много.

Кукольная комедия и балет, китайские тени, Арлекин и Паяцо весьма обыкновенны. Сверх оных сказочники забавляют народ смешными рассказами, часто замысловатыми. Составляют из скамеек квадрат, слушатели садятся, а сказочник, став посредине, начинает громким голосом, и, сопровождая каждое слово движением рук и ног, объясняет происшествие настоящим действием. Например, если говорит: «Он упал в грязь», сам падает. Если нужно представить драку, он дерется с паяцем, своим всегдашним помощником.

В праздники рассказ его обыкновенно начинается житием святого, а кончится смехом. В последнюю неделю поста страсти Христовы представляют на самом деле, и в сие время рассказчики, говорящие с большим жаром и обливаясь слезами, получают много денег, ибо народ, не понимая, что по-латински читают в церкви, тем охотнее их слушает.

К числу карнавальных увеселений принадлежит конское ристание особенного рода. Один раз, подходя к Толедо, вижу множество народа, окна увешаны были коврами и шелковыми материями; балконы, окна и террасы заняты дамами и другими зрителями. Слышу барабан, выстрел из пушки и вижу 8 лошадей с высокими резными седлами, покрытых богатыми чепраками, гривы и хвосты переплетены лентами, во весь дух несущихся по улице — без седоков.

Статистика Сицилии

Сицилия, по плодоносию своему, в древле почиталась житницей Италии. Плодородие ее и ныне удивительно. Зерно, брошенное на едва обработанную землю, дает сторицей. Горы ее, возвышаясь амфитеатром, от вершин до основания покрыты плодовитым лесом, внутренность их содержит серебро, золото, прекраснейший мрамор, агат, яшму и лазуревый камень. Везувий, пеплом своим оплодотворяя землю, сверх того дает множество серы, пемзы и лаву Долины на всем острове, никогда не оскудевают и дают в год четыре жатвы. Вечное лето способствует произрастанию вкуснейших плодов, самые редкие, приличные странам под экватором лежащим, с некоторым присмотром растут здесь на открытом воздухе. Изобилие ключей, источников, небольших рек и вообще вод на всем острове удивительно; реки и море изобилуют всякой рыбой. Море, кроме множества безопасных гаваней, как бы находясь в соперничестве с землей, доставляет другого рода богатства: кораллы и жемчуг. Словом, воздух,

вода, земля и утроба ее наполняют лоно сего благословенного острова всеми потребностями для жизни, Прозерпина и теперь еще могла бы рвать прекрасные цветы, Пиндар и Феокрит и теперь еще могли бы воспевать стада, пасущиеся на тучных лугах сицилийских. Пчелы на горе Везувии и ныне еще сосут сок из чабера, который сообщает меду приятный запах.

При владычестве римлян в Сицилии процветали науки и художества. Арабы украсили ее славными водопроводами; повсюду видно древнее ее благосостояние и великолепие во многих оставшихся памятниках. Доселе земля сия, при малом ее населении и будучи до сего времени предоставленной полной власти вицероев, которые допускали морских разбойников грабить беспрепятственно прибрежные ее селения, во многих местах дурно была обработана; но пребывание короля и переселение богатых вельмож возбудили спящую промышленность; силы ее начали развиваться, и прошедшего года собственных произведений продано вдвое более, нежели, когда двор был в Неаполе. На полуденных берегах начали разводить сахарный тростник и кофе. Нет ни малого сомнения, что чрез 10 лет не будут иметь в них надобности. Скоро, может быть, изобилуя во всех произведениях, при оживлении земледелия и торговли, сицилиянцы сделаются соперниками в торговле англичанам, ибо они перевозят товары на своих судах.

Во внутренности острова бывают чрезмерные жары, на берегах же воздух, прохлаждаемый морскими ветрами, умерен и здоров. Исключая жары в июне, июле и августе, в прочее время года царствует вечная весна, и засохшие произрастания вновь облекаются зеленью.

В летние месяцы небо всегда ясно, зимой дуют сильные ветры и часто бывают дожди и грозы, но кратковременно, и в полдень случается так жарко, что должно искать тени. Снег

редко, и то на несколько часов, падает в горах. Несмотря на богатство, народ живет весьма неопрятно, в бедных каменных домах, работает мало и питается большей частью плодами и овощами. Рыбу и морские раковины предпочитает он мясу, которое в жары совсем не употребляется в пищу.

История

По причине треугольного вида Сицилии Фукидид именовал ее Тринакрия или Трикетра. Сикулы, народ, вышедший из Италии, дали ему название Сицилии. В разные времена населяема она была греками, пришедшими из Наксоса, Колхиды, Коринфа и других стран. Большая часть острова принадлежала карфагенцам, а остальной владели независимые цари. Римляне, призванные мамертинами против Гиерона, царя Сиракузского, и карфагенцев, его союзников, победив последних, покорили весь остров. При падении Римской империи Генсерик, король Вандальский, опустошил его. Велизарий, полководец Вандальский, в 535 году по Р. Х. возвратил его Восточной империи. В девятом столетии Сицилия сделалась добычей сарацинов, коих эмиры обитали в Палермо до 1074 года. Нормандцы выгнали арабов, а Рожер в 1139 году основал в Сицилии новое королевство, бывшее причиной продолжительных войн. Рожер, победитель мусульман в Сицилии, с помощью греков завоевал Неаполитанское королевство. Констанция, дочь Рожера, по браку с императором Генрихом IV в 1186 году доставила корону Обеих Сицилий Швабскому дому. Впоследствии Монфруа, побочный брат внука Конрада, был призван наследником, но граф д'Анжу, с благословения папы Климента IV, опустошил королевство и в 1266 году убил Монфруа. Петр III, король Арагонский, женившись на дочери Монфруа, сделался королем Сицилии, и в 1282 году, в день Пасхи, по первому звону колокола, все французы были уби-

ты. Сие ужасное злодеяние, известное под именем Сицилийской вечери, было причиной ссоры, кончившейся истреблением французов.

История сих времен представляет две трагические кончины двух королев — Иоанны первой и второй. Первая в день брака убила мужа своего Андрея II. Молодость, красота и политика папы оправдали ее, но брат Андрея сорок лет гнал ее, и Иоанна, состарившись в несчастье и угрызениях совести, под железом мщения пала с своей короной. Вторая имела судьбу Елизаветы, королевы Английской.

В 1713 году по Утрехтскому миру Сицилия под именем королевства отдана герцогу Савойскому. В 1718 году Филипп V, король Испанский, послал флот и сухопутную силу взять ее, но английский адмирал Бинг, разбив оный, принудил испанцев возвратиться без успеха. Лондонским миром Сицилия отдана императору Карлу IV, а герцог Савойский получил взамен Сардинию. В 1733 году испанцы, в соединении с французами, возвратили Сицилию, но в следующем году, по заключении мира, Сицилия вместе с Неаполем отдана дон Карлосу, старшему сыну Филиппа V, короля Испанского. Когда дон Карлос по наследству взошел на престол испанский, то третьему сыну Филиппа, ныне царствующему Фердинанду IV, досталась корона обеих Сицилий. Фердинанд, увлеченный чрезвычайными происшествиями наших времен, два раза терял Неаполь, два раза великодушной помощью российского императора возвращал его, и ныне снова изгнанный, со стоической твердостью переносит свое несчастье, не оставляя надежды на союзника своего. Фердинанд, по местному положению острова, не боится грозных сил Наполеона. Что бы он ни предпринял, утвердительно сказать можно, что остров, хотя и не имеет флота, но защищаемый королем и древней ненавистью народа к французам, будет им камнем преткновения. Узы, связывающие сицилийцев с неаполитанцами, не

могли уменьшить ненависти, они всегда оставались чуждыми друг друга, и вот другая причина, по которой Наполеон найдет сильное сопротивление. А как Неаполь и Мальта не могут обойтись без Сицилии, откуда получали они хлеб, то по сему отношению Сицилия опаснее Неаполю, нежели Неаполь острову, которого независимость необходима англичанам, ибо без Сицилии они не могут властвовать в Средиземном море.

1807 год

Плавание от Палермо до Мессины

6 января ночью оставили мы Палермо и на всех парусах при умеренном ветре поплыли навстречу солнцу. Туман лежал над столицей, но, когда солнце стало восходить, туман поднялся, и Палермо виден был на горизонте, как будто бы вполовину погрузившийся в море. При восхождении свет востока и сумрак запада производили удивительные в тенях перемены. Ночь была темная, луна в облаках, звезды не блистали; но, когда лучи солнца, по приближении его к краю горизонта, отделили волны от небес и осветили одну сторону амфитеатра сицилийских гор, восток позлатился пурпуровым блеском, а запад между тем был еще во мраке, который, постепенно уступая свету, с появлением солнца вдруг исчез.

Сильный северный ветер способствовал нашему плаванию, которое доставляло нам еще и то удовольствие, что шли близко берега. Липарские острова и Сицилия, между которыми мы держали, на каждом шагу представляли новые предметы и картины. Ветер, дувший от островов, приносил нам запах померанцевых и цитронных дерев, но к вечеру ветер несколько усилился, сделался крут, и мы должны были лавировать. В полночь, когда подошли к крепости Мелаццо, ветер вдруг упал, фрегат от боя волн не поворотил и, спуска-

ясь по ветру, прошел в нескольких только саженях от берега. Вышедших на набережную с фонарями людей можно было различать по лицу. Перед светом показался пожар Стромболи. Мы в сие время находились от него в 30 милях и слышали подземный глухой шум.

7 января прошли благополучно пучины Скиллу и Харибду и бросили якорь в Мессине. Частые разбития кораблей, слабо построенных и еще хуже управляемых, придало сим пучинам сверхъестественную силу, и воображение греков, любящих говорить баснословно, изобразили их следующей аллегорией. Гомер и Вергилий под видом двух жестоких нимф красноречиво описали их. Скилла Форкова (сына Нептунова) дочь, говорят они, любила Главка. Кирка, другая нимфа, видя, что любовь ее платится презрением, в источник, где ее соперница имела привычку умываться, набросала ядовитых трав. Скилла, вышед из воды, сделалась столько безобразной, что, устрашаясь самой себя, в отчаянии бросилась в море. Боги превратили ее в камень, а море в пучину, ее именем названную. Шум воды стихотворцы приписывают лаю собак и вою волков, которые Скиллу в море окружают.

Мессина

По мнению Страбона Мессина в древности называлась Занкле (Zankle). Выгнанные из Пелопоннеса мессинцы, поселившись в нем, дали городу нынешнее название. Осада карфагенцев вместе с Гиероном, царем Сиракузским, была безуспешна, но Пирр, взяв, разорил город до основания. Римляне, призванные на помощь против карфагенян, удержали Мессину за собой, что и было причиной Пунических войн.

За два дня до нашего сюда прибытия появилось в порте множество акул. Одна из них схватила мальчика, мывшего ноги на набережной, чрез несколько секунд возле английского фрегата мальчик без ноги всплыл.

Послали шлюпку спасти его, но лишь начали подымать, акула с яростью выпрыгнула из воды и в одно мгновение вырвала и проглотила. В городе показывали одну недавно пойманную. Длина сего чудовища была несколько более 6 сажен, подпертая багром пасть его, представляла шесть рядов зубов числом до 200, они весьма крепки, трехгранные и очень острые, последние четыре ряда лежат, загнувшись назад, наподобие листов артишоковых, зубы верхней челюсти проходят в промежуток нижней. Горло так обширно, что нет никакого сомнения, что акула, а не кит, у которого горло узко, проглотила пророка Иону. В желудке акулы, пойманной в Марселе, нашли целого человека в полном вооружении, почему французы и назвали ее ле Рекен (le Requin). Акула часто гоняется за кораблем, хватает все, что с него бросают, и мертвые тела проглатывает вдруг. Она беспрестанно гоняется за рыбой, прожорлива как гиена, дерзка, смела, как тигр. Акула опустошила бы моря, если бы зрение ее не притуплялось перепонкой, закрывающей глаза, а верхняя челюсть, будучи длиннее нижней, не препятствовала бы ей хватать добычу. Отворяя пасть, акула должна оборачиваться вверх брюхом, вспрыгивать или ложиться на бок, причем она не может плыть, а рыба имеет время спастись. Сии недостатки заменяются острым слухом и проворством в плавании.

Для ловли акул употребляется толстый железный крючок с цепью в три аршина. Цепь прикрепляется к надежной веревке, завязанной на корме судна. На крюк насаживается кусок солонины и с поплавком, не допускающим цепь упасть на дно, бросают в море. При падении акула бежит к месту по слуху и с жадностью проглатывает приманку, тогда выбрасывают веревку. Когда почувствует она, что ее тянут за кораблем, с остервенением грызет зубами цепь, бросается вперед, опускается в воду, снова появляется, прыгает, кружится и извергает все, что находилось во внутренности ее. Не

прежде подымают ее на корабль, как когда она совершенно утомится и изойдет кровью, ибо она весьма живуча и разрубленные ее члены шевелятся как змеиные и, умирающая, ударом хвоста может убить человека. Мясо ее отвратительного вкуса, трудно для варения желудка, однако ж итальянцы почти согнившее едят его; твердая кожа употребляется на чистку мебелей, а из жиру вытапливается худое ворванное сало.

При появлении акул обитатели вод бегут, рассеиваются в разные стороны. Прилипало, здесь называемая ремора, одна не боится их, всегда предшествует и играет безопасно близ сих истребителей рыбного рода. Прилипало длиной не более аршина, имеет на голове иглы, обращенные острыми концами к хвосту, сей-то частью впивается она в большие рыбы, даже нападает на акул и прицепляется к камням. Основываясь на сей способности ремор, древние писатели думали, что галера, на коей находился Антоний во время сражения под Акцией, была ими остановлена; равномерно и корабль Периандра Коринфского, отправившего в Книд триста юношей для сделания их скопцами, не мог также двигаться, несмотря на благоприятство ветра; почему в Книде в храме Венеры сих ремор (названых кораблеудержателями) чествовали, полагая, что они сотворили сие чудо. Свойство прилипалы преследовать всякую рыбу, впиваться в нее подало повод употреблять ее для ловли других рыб, которая известна была древним, и ныне, как меня уверяли, употребляется в Архипелаге. Ремора так крепко впивается в рыбу, что даже большие не могут от нее вырваться и, утомившись, всплывают вместе с ней наверх.

Плавание от Мессины до Кастель-Ново

Приняв от консула свинец и бумагу для патронов, оставили Мессину 11-го января. У мыса Спартивенто дожидал нас английский фрегат «Сигорс», построенный по образцу «Ве-

нуса»; мы его обогнали при тихом ветре, когда же оный посвежел, то ушли из виду. 13-го с сильным северо-западным ветром приблизились к южному проливу Корфы и уже готовились часа через два увидеть своих знакомых, но здесь мы испытали, что в море вперед располагать не можно, и вместо Корфы против воли и желания угнало нас в Кастель-Ново. Захождение солнца предвещало бурю, черные облака неслись со всех сторон, луна скрылась за облаками, ни единая звезда не сверкала, вдруг сильный шквал от юго-востока принудил нас взять рифы и лавировать, к полуночи поднялась буря, ночь сделалась мрачна и ужасна. При рассвете выбило из парусов, и мы, не могши войти ни в северный, ни в южный пролив Корфы, принуждены были пуститься по ветру в Адриатическое море.

По восхождении солнца небо прояснилось, море было бело, как снег, синий пар носился над Албанскими горами, коих снежные вершины превышали течение облаков, фрегат под одним фоком шел по 22 версты в час и от столь большого хода казался утопавшим в волнах. Купеческие суда, шедшие с нами по одному направлению, отставали точно так, как бы они стояли на месте, всем мы желали доброго пути и неслись мимо, как из лука стрела. Ничто не может сравниться с удовольствием скорого плавания, предметы показываются, идут навстречу, летят и скрываются, новые заступают их место и также скоро утопают в море. Прошед Валлону, северо-восточный переменился на прежний юго-восточный ветер и дул с жестокими порывами; у Дураццо, идучи в полветра, ночью быстро промчались мы мимо нашего флота, по числу фонарей[70] узнали мы адмиральский корабль, но как порох

[70] Флагманские корабли ночью освещаются положенным числом фонарей, по оным всегда можно узнать, какого чину на оных кораблях находится адмирал.

должно было доставить в Катаро, то мы продолжали тот же курс и, несмотря на бору, темноту и камни, лавируя под рифлеными марселями, ночью 15 января бросили якорь у Кастель-Ново. Тут нашли мы корабли «Петр», «Москву» и «Параскевию» с 3 мелкими судами, под командой капитана 1-го ранга Баратынского, которому поручено защищать Катаро. Эскадра, состоящая из 5 кораблей, под командой капитан-командора Игнатьева, в начале сего месяца прибыла из Кронштадта на здешний рейд и вместе с адмиралом отправилась в Корфу. Сим усилием флота желание государя императора всемерно продолжать покровительство сего края весьма обрадовало народ и утвердило в непоколебимой преданности и усердии к России.

Взятие островов Курцало и Брацо

Неприятель после неудачного покушения взять Кастель-Ново, стоял у Старой Рагузы и ничего не предпринимал. Адмирал при наступлении ненастного времени, оставив 2300 нерегулярных войск, прочие распустил, но в случае нужды оные помощью телеграфов могли узнать об опасности и в 24 часа собраться. Оставленные на службе приморцы и черногорцы, при каждом байраке, для руководства в движениях имели по одному офицеру и несколько рядовых. 4 октября, дабы увериться, в каких силах находится неприятель, и, если слухи справедливы, что оный отступает, занять Рагузу, митрополит, взяв нерегулярные войска и 13-й егерский полк, выступил к Старой Рагузе; адмирал с 4 кораблями туда же прибыл, но французские войска в тех же силах стояли в укрепленном лагере; почему митрополит, в легких перестрелках взяв несколько пленных, без потери возвратился в Кастель-Ново. Впрочем, по близкому пребыванию неприятеля происходили частые стычки и беспрестанные упражнения войск, в которых наши имели преимущество и всякий

почти день приводили пленных. Малое число войск наших, отдаленность от отечества, откуда не было надежды скоро получить помощь, не позволяли предпринять что-либо важное; нельзя было помышлять о приобретениях; сбережение сил для защиты провинции было лучшим и необходимым средством, но как в Далмации искра возмущения тлела под пеплом, то и французы опасались напасть на нас, и как война в Пруссии уже началась, то оба войска оставались в бездействии, ожидая решения участи юга от событий на севере.

Французский посол при Порте, генерал Сабастиани, успел воспользоваться заключенным Убрием миром. Диван, вопреки договору с Россией, сменил господарей Молдавии и Валахии; сие могло сделаться поводом новой войны, и положение войск наших в Катаро было бы гораздо затруднительнее; однако ж, когда государь не утвердил Убриева мира, а Сенявин разбил Мармонта, то Порта, удовлетворив справедливое требование нашего Двора, еще на некоторое время удержалась с Россией и Англией в союзе. Адмирал, полагаясь на сей союз, усилив гарнизоны Катарской области 6 ротами 14-го егерского полка, предложил сделать экспедицию, не возможно ли будет овладеть островами Курцало, Лезино, Браццо и утвердить там пост, дабы жители Далмации, желающие и давно ищущие быть подданными российского императора, не могли перейти в чужие руки в таком случае, когда французы не получат успеха в Пруссии и должны будут оставить Далмацию.

Вследствие сего 26 ноября главнокомандующий, посадив на корабли «Селафаил», «Елену», «Ярослав», фрегат «Кильдюин», на 2 транспорта и 5 бокезских корсаров два батальона егерей с 150 человеками лучших черногорских и приморских стрелков, отправился к острову Курцало. Чтобы не вредить домов и не убивать безвинных жителей, адмирал приказал, проходя крепость, не начинать прежде пальбы, пока не от-

кроет оной неприятель; но коль скоро 27 ноября первый корабль поравнялся с крепостью, французы открыли огонь. Каждое судно, проходя, выстреливало по крепости по два и по три заряда на пушку. Пройдя за выстрел, эскадра стала на якорь. 28-го предложена была капитуляция, но французский комендант не согласился и сказал, что жителей не он, а мы должны беречь.

29-го числа на рассвете, войска числом 1019 человек высажены в 4 верстах от крепости. Составя три колонны под командой полковника Боаселя, Бобоедова и подполковника Велисарева, под личным предводительством адмирала, войска напали на редут, стоявший при монастыре Сент-Биаджио, прикрывающий крепость. Сей редут с одной стороны, откуда был несколько приступнее, защищался 2 пушками, с другой — крепостными батареями. Французы, отойдя от редута шагов на 300 вперед, залегли за каменьями; черногорцы подползли к ним, первые открыли огонь и по обыкновению своему тотчас отступили; французы устремились за ними, но, приметя, что наши егеря старались напасть на них во фланги, остановились, построились и отважно бросились на первую колонну. Храбрый полковник Бобоедов принял их сильным огнем, ударил в штыки и, в то же время подкрепленный колонной морских солдат, обратил их в бегство. При сем случае полковник Бобоедов, роты его штабс-капитан и поручик были ранены, и, как рота несколько от сего расстроилась, то французы, искавшие уже убежища в редуте, устремились опять на нас, но брат митрополита Савва Петрович с черногорцами, приморцами и несколькими егерями отменно храбро и скоро ударил неприятелю в левый фланг и заключил его в редут. Французы защищались в нем сильным ружейным огнем и картечью. Матросы втащили на высоту два горных орудия, коими по немногих удачных выстрелах подбили у обоих неприятельских пушек станки; тогда

рота Морского полка полковника Боаселя, у которой в ту минуту убило капитана, с яростью бросилась на редут, потом и прочие с усилием вломились в ворота и тем довершили дело. Французы бежали в крепость. Морской роты фельдфебель Харитонов первый вошел в редут.

30 ноября корабль «Ярослав» с вооруженными гребными судами открыл огонь по крепости, в то же время и войска напали с сухопутной стороны. Французы ответствовали пушечными и ружейными выстрелами, но чрез несколько минут замолчали, спустили флаг и подняли белый. По сигналу пальба прекратилась. Французский гарнизон вышел, положил ружье и сдался на власть. Затем наши войска вошли церемониально в крепость и подняли императорский российский флаг [71] . В плен взято: полковник Орфенго, 13 штаб- и обер-офицеров и 389 рядовых 8-го полка, убитых на месте 6 офицеров, 150 солдат, раненых офицеров — 3, нижних чинов — 45, всего 607 человек. Потеря наша убитыми: офицеров — 3, солдат и черногорцев — 21, ранено штаб- и обер-офицеров — 9, нижних чинов — 66. В крепости получено в добычу пушек 14 с довольным количеством пороха и снарядов. Во избежание затруднения в содержании пленных отправлены они на честное слово не служить до размена находящихся во Франции чин за чин, здоровые в Анкону, а раненые в Спалатру.

2 декабря корабль «Москва» доставил еще 100 человек черногорцев. Главнокомандующий, оставя в крепости 2 роты и для прикрытия корабль «Елену», прочие войска забрал на корабли и 8-го с попутным ветром, обошед остров Лезино, между оным и островом Брацо 10 декабря стал на якорь. Корабли, проходя батарею, находившуюся на мысу против

[71] Всем нижним чинам за взятие острова Курцало государь император соизволил пожаловать по рублю на человека.

острова Сольта, сделали несколько выстрелов. Тотчас высажено было 400 человек егерей, под командой 14-го егерского полка капитана Романовича. Черногорцами и приморцами командовал мичман Фад. Тизенгаузен. Французы заняли два высокие холма близ батареи. Капитан Романович, разделив отряд на четыре части, напал на неприятеля столь быстро, что французы, видя себя отрезанными, после малой перестрелки положили ружье. Дело кончено без всякой с нашей стороны потери. В плен взято: офицеров — 4, солдат — 79, на батарее получено пушек 18-фунтовых — 4. Здесь должно заметить, что черногорцы отличились не только храбростью, но повиновением и человеколюбием. Они первые, по известной их расторопности, подобрались к французам, которые хотя были их бессильнее, но дерзнули открыть огонь; в сем случае по правам их войны черногорцы могли поступать с ними жестоко, но оказали удивительную кротость, и так что, взяв нескольких в плен, в том числе командовавшего французским отрядом капитана Бюре, ни одного не убили и ничем не обидели. Сей поход сделался сказкой между черногорцами, и они, до сих пор не видев более воды, кроме одного Скутарского озера, получили охоту на кораблях плавать в море; сии избранные возвратились домой, рассказали чудеса своим друзьям, и ласки адмирала к ним, во время похода оказанные, еще более привязали к нему весь народ. Поэты их составили на сей случай песню, в которой имя Сенявина и других храбрейших начальником передается потомству и соединяет, так сказать, имя русского с славянским.

Завладение островом Лезино, сильно укрепленным и имеющим достаточный гарнизон, стоило бы большей жертвы. Но когда адмирал готовился приступить и к нему, бриг «Бонасорт» доставил от гр. Моцениго уведомление, что али-паша занял Превезу, призвал к себе эскадру Шеремет-бея и движениями войск своих угрожает Корфу. По стечению

таковых обстоятельств адмирал принужден был оставить намерение свое соединить силы для защиты Ионической республики, почему 11 декабря, разорив батарею на Браццо и утвердив тут морской пост, как ближайший к Спалатро, возвратился в Курцало.

Сражение брига «Александра» с французской флотилией

Бриг «Александр» оставлен был у острова Брацо для наблюдения неприятеля и для прекращения сообщения Спалатры с островом Лезино. Генерал Мармонт, узнав, что один бриг, имеющий двенадцать 4-фунтовых пушек и 75 человек экипажа, занимает столь важный пост, выслал из Спалатры 3 канонерские лодки, одну тартану, именуемую «Наполеон», и одну требаку, посадив на оные столько солдат, сколько поместить было можно. Лодки вооружены были двумя орудиями 18 фун. калибра и несколькими фальконетами; тартана «Наполеон» одна была сильнее нашего брига, она имела на носу две 18-фунтовые пушки и шесть 12-фунтовых по бортам.

16 декабря доброхотные к нам жители, узнав о намерении неприятеля, предупредили командира брига лейтенанта Ив. Сем. Скаловского и обещали ему на берегу острова Сольта зажечь столько огней, сколько лодок выйдет из Спалатро. Для сделания сего сигнала они оставили в Спалатро двух своих товарищей. Получа сие известие, бриг приготовлен был к принятию неприятеля как должно, особенно на абордаж. Около полуночи гардемарин, бывший на объезде, объявил, что от стороны Спалатро идут несколько судов, и в то же время на берегу зажгли пять огней. Дабы предупредить неприятеля нечаянным нападением, бриг вступил под паруса. Ночь была прекраснейшая, небо ясно и светлая луна была во всем блеске. К сожалению, ветер был очень тих, и бриг наш, не успев обойти западной оконечности острова Браццо,

встретился с неприятельской флотилией. Скаловский приказал придержаться к оной как можно ближе и, обратившись к людям своим, сказал: «В числе лодок есть по названию „Наполеон“. Ребята! помните, что вы имеете честь защищать имя Александра. Если я буду убит, не сдавайтесь, пока все не положите свои головы! С богом, начинай!» Храбрый Скаловский, пустив по лодкам полный залп, приказал остановить пальбу; неприятель, сим поощренный, на парусах и веслах, произведя жестокий огонь из ружей и пушек, шел прямо к борту, дабы взять бриг абордажем. Скаловский, подпустив французов на ближний свой картечный выстрел, открыл беспрерывный огонь, и лодки тотчас стали отходить, стараясь держаться за кормой брига, но оный, обращаясь к ним то одной, то другой стороной, поражал их сильным картечным и ружейным огнем, что по причине многолюдства произвело на лодках большое смятение. Чрез час по начатии сражения сделалось совсем тихо: бриг не мог маневрировать, а лодки при помощи весел напали на него с кормы, где два фальконета и несколько стрелков противопоставляли самое слабое сопротивление. Сие невыгодное положение не могло поколебать мужественного Скаловского, он приказывает мичману Л. А. Мельникову баркасом буксировать бриг и обратить его бортом к неприятелю. Под градом пуль и картечь, в продолжение двух часов Мельников с точностью исполняет опасное и смелое сие поручение. Лодки, будучи очень близки, несколько раз покушались пристать к борту, но всякий раз были отражаемы и продолжали сражаться в самом близком расстоянии. Наконец после трех часов упорнейшей битвы «Наполеон» потерял грот-мачту (большую), другая лодка со всеми людьми пошла ко дну, прочие, также весьма поврежденные, начали отступать; бриг помощью буксира преследовал их, пока они на веслах не вышли из его выстрелов. Если б не совершенный штиль, флотилия непременно была бы

истреблена или взята. Храбрый Скаловский, все его офицеры и команда получили отличное монаршее награждение. На бриге убитых было 5, раненых — 7 человек; корпус его, паруса и снасти были избиты, как решето. Неприятель, по верным сведениям, потерял 217 человек убитыми, ранеными и потонувшими. Остальные 4 лодки, особенно «Наполеон», так были повреждены, что если б из Спалатро не высланы были навстречу гребные суда, то они не дошли бы до порта.

Мармонт столько уверен был в победе, что он предупредил дам, бывших у него на балу, чтобы они не пугались пальбы, что он завтра сделает им нечаянный подарок «Александром», российским бригом, и все его гости пили за здоровье французских войск. Но по рассвете несчастный его «Наполеон» с 3 лодками пришел весь избитый и в гавани потонул. Он столько огорчен был сей неудачей, что командора флотилии артиллерии капитана и всех офицеров арестовал, посадил в крепость и отдал под суд.

Из экипажа сего брига матросы Устин Федоров и Иевлей Афанасьев особенно отличились. Первый, будучи ранен пулей в ногу, не хотел идти к лекарю и, перевязав рану платком, продолжал стрелять до тех пор, пока другая пуля не пробила ему левую руку. «Нет, ничего, — сказал Федоров, — у меня есть еще правая рука» и, перевязав раны, вышел наверх, взял саблю и оказывал великое желание, чтобы французы отважились на абордаж. Афанасьев был ранен картечью в ногу; когда ему рану перевязали, хотя он и ослабел от истечения крови, но, возвратившись к своей пушке, сказал удивленным товарищам: «Стыдно сидеть внизу, помните, что сказал Иван Семенович: не сдаваться, пока не положим своих голов, а у меня она, слава богу, еще цела»; но с словом сим он поражен был щепой в голову и упал без чувств. Юнга (к сожалению моему, не сообщено мне имя его), мальчик лет 12, во все сражение заряжал свою пушку, стоя за бортом совершенно от-

крыт, с такой веселостью, как бы это было в простом учении. Капитан заметил сие и, после сражения похвалив его храбрость, спросил, неужели он ничего не боялся? «Чего бояться, ваше благородие, — ответил юнга, — ведь двух смертей не бывает, а одной не миновать; если бы французы не бежали, мне бы своей не уберечь».

Анекдоты и военный пир

Великодушие и примерная честность 13-го егерского полку, роты капитана Товбичева рядового Ивана Ефимова обратили на себя внимание неприятельского начальства. В сражении 5 июня 1806 года под Рагузой французский солдат, взятый нашим егерем в плен, был отнят черногорцами, которые, по своему обыкновению, хотели отрезать ему голову. Егерь бранился, просил, уступал даже им пленного с тем, чтобы они оставили его живым, и уверял, что за него, по обещанию адмирала, дадут им в главной квартире червонец. Все напрасно, сняли с француза галстук, положили на землю и уже меч блеснул над головой несчастного. Великодушный Ефимов, видя, что не может один защитить его, употребляет последнее убеждение, снимает с креста свои деньги, отдает их и говорит: «Вот вам все, что у меня есть, но, если кто из вас осмелится зарезать моего пленника, того первого посажу на штык; вы должны будете убить после него и меня. Подумайте только, какой грех убить своего брата: митрополит проклянет вас!» Набожные черногорцы содрогнулись при сих последних словах, взяли деньги и полумертвый от страха француз сдан егерем в главную квартиру. Пленный сей содержался на корабле «Св. Петр». Спустя некоторое время егерь приезжает на этот корабль к землякам в гости. Француз встречается с ним, узнает его, бросается к нему на шею, обнимает, называет своим избавителем, потом оставляет его, бежит вниз и, возвратившись в минуту, убеждает принять в знак благодарно-

сти выработанные им на корабле два талера. Егерь не принимает их; никто не может понять, что это значит; наконец призывают гардемарина, говорившего по-французски, который объясняет все дело. Егерь, не утверждая и не отрицая, что заплатил за француза свои деньги, сказал только: «Может быть, он и ошибается». Француз клянется, что он и в сорока миллионах русских узнал бы его; что лицо его избавителя столь же ему памятно, как и лицо его любовницы. Тогда егерь сказал со всей скромностью: «Если я спас его от смерти и заплатил за то кровные свои деньги, то не с тем, чтобы думал воротить их назад; теперь он пленный и имеет в них гораздо более нужды, чем я. Я доволен и тем, что он меня помнит; когда же ему случится взять пленного, то пусть поступит так, как русский поступил с ним». По размене пленных избавленный егерем французский солдат, увидев, что русские содержатся у них не лучше преступников, явился к Мармонту и сказал: «Генерал! Я был в плену у русских и могу уверить вас, что они нас содержали точно, как своих, или лучше, мы были у них в гостях; сверх того один егерь избавил меня от смерти, заплатил за меня черногорцам все свои деньги, а от меня не хотел взять ничего». Мармонт, желая поощрить и впредь к таковым поступкам, прислал для вручения егерю 100 наполеондоров. В приказе по армии объявлено было: если кто заплатил за пленного несколько своих денег, то с верными доказательствами явился бы для получения оных. Прошло два месяца, и никто не являлся; наконец приходит корабль «Св. Петр», отыскивают егеря и представляют адмиралу. Дмитрий Николаевич спросил: почему он не пришел прежде? Егерь отвечал: «Я не имел доказательств, когда отдал деньги, кроме Бога, никого не было свидетелей; впрочем, я был уверен, что Ваше Превосходительство сыщете меня». Адмирал похвалил его поступок, отдал ему в свертке сто наполеондоров и сказал: «Французский генерал прислал это

тебе в награждение». Егерь принял, развернул и спросил у адъютанта, что это за деньги и сколько в одном золотом червонцев? Адъютант отвечал ему: два. Егерь попросил разменять ему один, потом, взяв из своей суммы 13 червонцев и обратившись к адмиралу, сказал: «Я беру только свои деньги, а чужих мне не надобно». Адмирал, тронутый таковой честностью и благородством, заменил наполеондоры червонцами, прибавил к 200 несколько своих и сказал: «Возьми, не французский генерал, а я тебе дарю; ты делаешь честь русскому имени; ты достоин сей награды и сверх того жалую тебя в унтер-офицеры».

19 сентября, при отступлении к Кастель-Нову, подпоручик Витебского полку Арбенев был взят в плен французским штаб-офицером, который вел его в сторону от сражающихся. На дороге, в кустах, лежал раненый гренадер Колыванского полка. Французский офицер просил Арбенева, чтобы он приказал ему бросить ружье, но солдат вместо ответа прицеливается и убивает неприятеля. В сие время егерский полк, прикрывавший отступление, остановился; Арбенев имел время и хотел отнести гренадера в безопасное место. «Не беспокойтесь, Ваше Благородие! — сказал гренадер, — я тяжело ранен и чувствую, что скоро умру; не мешкайте напрасно: неприятель близко, спасайте себя, а за мою душу отслужите панихиду». Арбенев побежал назад, собрал несколько людей своего полка, встретился по счастью с лекарем, воротился с ним и нашел на том же месте своего избавителя, от истечения крови лишившегося уже памяти. Лекарь перевязал рану, Арбенев, положив раненого на шинель, приказал отнести в свою квартиру и после сам за ним присматривал. Адмирал, узнав о сем, удостоил Арбенева своим посещением, поручил солдата искуснейшему врачу, и, хотя он имел две тяжелые раны, однако выздоровел.

Лейтенант Н. В. Коробка, отправленный от Капо-Често (что между Себенико и Спалатро) на одной призовой требаке в Катаро, 16 ноября 1806 года встретился с двумя французскими корсарскими лодками близ гряды островов, составляющих канал Каламото. Ни бежать, ни защищаться не было возможности. Груз судна стоил 80 000 рублей, а потому и должно было ожидать, что хозяин оного не упустит столь удобного случая к своему освобождению. Лейтенант полагал себя на верное пленным и хотел было уже приготовить шесть человек своих матросов покориться судьбе. Шкипер Пауло, заметив его смятение и послушав совета товарища своего Наталь Калагариса, подошел к Корбоке и сказал: «Возвратите мне мои бумаги, а сами, с людьми вашими, спрячьтесь в трюм и положитесь во всем на меня». Между тем корсар приближался, сделал выстрел и Пауло отправился к нему на лодку. Начальник оной, посмотрев паспорт, советовал Пауло беречься русских, потом отпустил его и сам возвратился к берегу. Пауло с радостным лицом входит в каюту, где сидел лейтенант, бросается к нему на шею, целует у него руку и говорит: «Я беспокоился больше о вас, нежели сколько думал о своих выгодах. Слава богу! Вы теперь свободны, а я опять ваш пленник». При сих словах подал он лейтенанту полученные от него бумаги. «Лучше, — продолжал шкипер, — хочу зависеть от великодушия вашего начальника, нежели быть освобождену французским корсаром». Сенявин, умеющий ценить благородные и великодушные поступки, получив о сем происшествии рапорт, тотчас на обороте оного написал: «Требаку с грузом возвратить шкиперу, отдать на волю его выбрать порт, в коем мог бы он выгоднее продать оный; за освобождение офицера и людей выдать в награждение 200 червонцев и дать открытый лист для свободного пропуска во все блокированные гавани, куда бы шкипер ни пожелал».

Сей поступок адмирала скоро сделался известным во всей Италии. Одно рагузинское судно, возвращаясь из Смирны, встретилось с австрийским. Шкипер последнего, уведомив рагузинца, что Рагуза осаждена нашими войсками, советовал ему отдаться добровольно неприятелям русским, нежели идти к друзьям французам. Рагузинец пришел прямо в Кастель-Ново, спустил флаг, отдался в плен и не ошибся в своем расчете. Адмирал и его судно, стоившее около 300 000 руб. освободил, приказал отыскать и доставить к нему его семейство, удалившееся на острова.

При взятии острова Курцало корвет «Днепр» под командой лейтенанта Бальзама был послан в Спалатро для отвоза раненых французов с таким от адмирала повелением, чтобы под разными предлогами не сниматься с якоря и, ежели будет возможность, взять приверженного к России славянина. По прибытии в Спалатро, командир корвета, сдав пленных, просил позволения налиться водой и купить для экипажа свежих запасов, которыми тот же вечер и был снабжен, а воду обещались доставить на другой день. На утро, у острова Брацо, показался наш флот. Мармонт, чрез начальника своего штаба призвав к себе г. Бальзама, спросил: какие это суда и какое их намерение. На ответ, что то был российский флот, Мармонт с сердцем объявил ему, что сделает его военнопленным, потому что Сенявин нападает в том самом месте, где находится переговорное команды его судно. Однако великодушный французский маршал обещал отпустить лейтенант, если Сенявин возвратит ему взятые им в Брацо пушки и французов, и приказывал Бальзаму написать о том к адмиралу. Бальзам ответил, что не может делать предложений сего рода своему главнокомандующему; Мармонт, недовольный таким ответом лейтенанта, сказал ему, чтобы он послал повеление старшему по нем офицеру ввести корвет в гавань. Бальзам вместо сего уведомил мичмана Кованьку, что

он задержан и приказывал ему во что бы то ни стало удалиться скорее от порта. КоваНько под разными предлогами уверял капитана над Спалатрийским портом, что не может войти в гавань, когда же подул легкий ветерок, при котором если не мог выйти, то мог с выгодой напасть на французскую гребную флотилию, послал к Мармонту письмо следующего содержания: «Если вы, г. генерал, неуважением к переговорному флагу нарушаете народные права, и если начальник мой не будет освобожден, то я задержу суда ваши и могу сжечь стоящие в порте. Только полчаса будут ожидать вашего ответа» и проч.

Мармонт, уверясь, что мичман получил противное приказанию его наставление, сердился, угрожал, но Бальзам спокойно отвечал ему, что французский генерал не может давать русскому офицеру никаких приказаний; что он сделал то, что каждый приверженный к своему государю офицер обязан был в таком случае сделать. Сим ответом, казалось, Мармонт смягчился и пригласил лейтенанта к своему столу, где спрашивали его о числе и ранге наших судов и удивлялись, что в такое позднее время Сенявин не страшился бурь Адриатического моря. Наконец Мармонт, взяв с него честное слово приехать на другой день к нему на завтрак, отпустил. Бальзам, видя, с каким генералом имеет дело, почел и себя вправе нарушить данное обещание и по прибытии на корвет сделал все приготовления к снятию с якоря, долженствовавшему последовать по захождении луны около полуночи, но сильный противный ветер в том ему воспрепятствовал, и он был принужден по второму позыву Мармонта ехать опять на берег, сдав, однако, до того на законном основании корвет мичману Кованьке с предписанием при первом благополучном ветре сняться с якоря и стараться соединиться со флотом. По окончании завтрака Бальзам, представляя Мармонту, что он удерживает его против всех воинских правил, просил

позволения удалиться с корветом. Наконец, после многих препятствий и угроз и, как думать должно, по совету других генералов, Мармонт отпустил Бальзама и корвет соединился со флотом на высоте Курцало.

Сколько переменился характер французов, славящихся просвещением и известных до революции особенной вежливостью, доказывают некоторым образом поступки их с пленными. Солдаты наши, возвратившиеся из Далмации, рассказывали следующее: их содержали, как преступников, в тюрьме, морили голодом, отнимали то, что жители из человеколюбия им приносили, и такими средствами принуждали вступать в службу. С офицерами не лучше поступали. Мичман Галич и гардемарин Козырской, несмотря на нежный возраст последнего, лишенные обуви, а частью и одежды, шли чрез всю Далмацию босиком и терпели неслыханные от солдат наглости. Дабы уверить жителей, что войска наши разбиты и Катаро взята, тех же самых 60 человек пленных выводили ночью тайно из тюрьмы, а днем, при барабанном бое, водили для показа чрез город. Я умолчу о других поступках, ибо и сии ничем не извинительны, тем более, что нисколько они не сходствовали со снисхождением к их пленным, и можно со всей достоверностью сказать, что у нынешних французов право военнопленных не существует.

Нечто из переписки

Из переписки адмирала с французскими генералами намерен я сообщить читателям два только письма, ясно обнаруживающие поступки и дух приверженцев Наполеона. Лористон, разбитый и осажденный в Рагузе, жаловался Сенявину на жестокость наших солдат и предлагал ему, чтобы он приказал черногорцам и приморцам удалиться в свои границы. Вот ответ на сие нелепое предложение.

«Г. генерал Лористон!

В письме вашем от 27 мая жалуетесь вы на жестокость моих солдат, следственно русских. Вы так ошибаетесь, г. генерал, что я почитаю совершенно излишним опровергать сказанное вами, а сделаю одно только замечание, как содержатся у нас и у вас пленные. Ваши офицеры и солдаты могут засвидетельствовать, с каким человеколюбием обходимся мы с ними; напротив того у наших, которые иногда по несчастью делаются вашими пленными, отнимают платье, даже сапоги: несколько из моих солдат, освобожденных при вторичном взятии Курцало, могут убедить вас в сей истине; я сам был тому очевидцем.

О черногорцах и приморцах считаю нужным дать вам некоторое понятие. Сии воинственные народы очень мало еще просвещены, однако же никогда не нападают на дружественные и нейтральные земли, особенно бессильные. Но когда увидели они, что неприятель приближается к их границам с намерением внести огнь и меч в их доселе мирные хижины, то их справедливое негодование, их ожесточение простерлось до такой степени, что ни моя власть, ни внушения самого митрополита не в состоянии были удержать их от азиатского обычая: не просить и не давать пощады, резать головы взятым ими пленникам. По их воинским правилам оставляют они жизнь только тем, кои, не вступая в бой, отдаются добровольно в плен, что многие из ваших солдат, взятых ими, могут засвидетельствовать. Впрочем, и рагузцы, служащие под вашими знаменами, поступают точно так же, как и черногорцы.

Признаюсь, г. генерал, я не вижу конца несчастьям, которые нанесли вы области Рагузской, и тем еще более, что вы, принуждая жителей сражаться против нас, подвергаете их двойному бедствию... одно средство прекратить сии несчастья — оставьте крепость, освободите народ, который до вашего прибытия пользовался нейтралитетом и наслаждался спокойствием, и тогда только можете вы предложить, чтобы черногорцы возвратились в дома, и проч.

Д. Сенявин.»

Когда, при малых пособиях, содержание немалого числа французских пленных становилось затруднительным, то ад-

мирал предложил генералу Мармонту сделать размен; и как наших солдат находилось у него в плену гораздо менее, нежели у нас французов, то адмирал соглашался отпустить остальных на расписку с тем, чтобы таковое же число, чин за чином, было отпущено из имеющихся во Франции наших пленных. Предложение принято, но не исполнено: многие из наших пленных, по принуждению, записаны были во французские полки, находившиеся в Далмации. Мармонт, уклоняясь возвратить их по требованию Сенявина, назвал сих русских пленных поляками, добровольно вступившими во французскую службу, и в заключение своего письма распространился о просвещении французской нации. Вот ответ на это письмо:

«Г. генерал Мармонт.

Объяснения в ответе вашем ко мне от 7 декабря относительно просвещения французской нации совершенно для меня не нужны. Дело идет у нас не о просвещении соотечественников ваших, а о том, как вы, г. генерал, обходитесь с русскими пленными. Последний поступок ваш с начальником корвета, который послан был от меня в Спалатро под переговорным флагом, может служить доказательством, что следствия просвещения и образованности бывают иногда совершенно противны тем, каких по-настоящему ожидать от них должно. Скажу только вам, г. генерал, что из тридцати солдат, названных вами поляками, четверо явились ко мне и были природные русские. Пусть Бонапарте наполняет свои легионы; я ничего другого от вас не требую, как возвращения моих солдат, и если вы сего не исполните, то я найду себя принужденным прервать с вами все сношения, существующие между просвещенными воюющими нациями.

Д. Сенявин.
Вице-адмирал Красного флага,
Главнокомандующий морскими и сухопутными силами
в Средиземном море
10 декабря 1806 года.»

Военный пир

По прогнании Мармонта от Кастель-Ново адмирал, в ободрение солдат, дал великолепный и заслуживающий особенного внимания военный пир. После молебна за дарованную Богом победу над превосходными неприятельскими силами войско стройными рядами прошло церемониальным маршем на площадь в крепость. Там ожидал храбрых солдат приготовленный попечительностью начальника сытный обед: каждый из них получил порцию водки и по бутылке виноградного вина. Посреди палаток, поставленных между столами, адмиральская отличалась поднятым на оной флагом; пред ней поставлены были полковые пушки, а по сторонам оркестры музыки. К столу главнокомандующего приглашены были не по старшинству чинов: сей чести удостоились одни только офицеры, отличившиеся особенными подвигами или примерной храбростью. Здоровье егеря Ефимова объявлено из первых, причем сделано было пять выстрелов, а товарищи его, при восклицаниях «Ура!», качали его на руках. Таким образом, все приглашенные удостоены были особенной почести питься за их здоровье. Участники сего празднества не могли без умиления об оном рассказывать; все солдаты столь живо чувствовали сию необыкновенную честь, что усердные искрение приветствия: «Дай Боже, здравствовать отцу нашему начальнику», — произносилось с восторгом беспрерывно. По окончании уже стола игумен монастыря Савино, восьмидесятилетний старец, вошед в палатку, приветствовал адмирала истинным, верным изображением всеобщих к нему чувствований любви и признательности. Последние слова его речи были: «Да здравствует Сенявин!» И слова сии повторялись войском и собравшимся во множестве народом сильнее грома пушек. Адмирал отклонил от себя все особенные ему предложенные почести. Знать совершенно цену добрым начальникам и уметь быть к ним благодарным за все их по-

печения и внимание всегда было и будет коренной добродетелью русского солдата.

Вот средства и причина, которыми Сенявин приобрел неограниченную доверенность от всех вообще своих подчиненных, как офицеров, так и солдат. Каждый уверен был в его внимании и с радостью искал опасностей в сражении. Сенявин, скромный и кроткий нравом, строгий и взыскательный по службе, был любим как отец, уважаем как справедливый и праводушный начальник. Он знал совершенно важное искусство приобретать к себе любовь и употреблять оную единственно для общей пользы. После сего удивительно ли, что в продолжение его начальства солдаты и матросы не бегали и не случалось таких преступлений, которые заслуживали бы особенное наказание. Комиссия военного суда не имела почти дела: в госпиталях скоро выздоравливали.

Наводнение в Катаро

23 января скоро после полудня черные тучи сомкнулись, закрыли небо и спустились до вершин гор. Солнце, подобно раскаленному ядру, окруженное огненным кольцом, изредка показывалось и едва могло проникать густой туман. Облака сошли еще ниже, солнце исчезло и день обратился в ночь. Сильный ветер с дождем и громом скоро приближался. Молнии, падая одна за другой на вершины гор, пестрили небо извилистым огнем, отголоски грома столь были сильны, что в воздухе слышен был вой. В непроницаемом мраке молнии, открывая себе путь, освещали кратковременно голые вершины скал, окружающих Кастель-Ново, и в сие время быстрые потоки видны были несущимися вниз. Картина ужасная и вместе величественная. Чрез несколько минут гроза дошла и до нас, казалось, облака разверзлись, другое море висело на небе, ливень шел более получаса, молнии, падая, беспрестанно рассекали море, гром потрясал воздух. Огонь,

воздух, вода, земля смешались и не видно было ни одного предмета. Когда гроза прошла, и небо начало прочищаться, открылись грозные потоки, кои целыми реками, широкими пенящимися водопадами неслись по скатам гор с ужасным ревом. Наводнение сие причинило великий убыток, виноградники большей частью смыло, занесло песком и каменьями, множество скота погибло от стремления воды, мельницы сорвало, и деревья в садах вырвало с корнями.

Замечания о течении ветров и переменах воздушных в Адриатическом море

Направление ветров в Адриатике и Средиземном море в продолжение лета следует течению солнца: утром при восхождении начинает дуть NO, потом O, мало-помалу к S переходит, откуда к вечеру делается W, ночью дует от NW и N, а в следующее утро к NO возвращается. Причина сему очевидна; солнце, в течении своем последовательно согревая все точки горизонта, редит воздух и гонит оный перед собой по направлениям, в сказанном порядке переменяющимся. Полдневный жар вообще прохлаждается N и NW ветром, и днем ветры обыкновенно дуют с моря; ночью же с берега приносят теплые пары, кои солнце днем извлекает из земли. Сии испарения, разжиженные морским влажным воздухом, производят росу, падающую крупными каплями, освежающими воздух и способствующими произрастаниям. Час по восхождении воздух бывает чист и прохладен. Во время летних жаров небо постоянно бывает ясно, прекрасная лазурь его не нарушается ни громом, ни дождями; сирокко, порождение тлетворного самуна, и тифоны заменяют их.

Около осеннего равноденствия светлая лазурь неба начинает помрачаться, сильные ветры последуемы бывают борой, главнейшим неприятелем мореходцев в Адриатическом и почти во всем Средиземном море, особенно у берегов Фран-

ции и на западной стороне Италии. Вскоре за ветрами, в исходе ноября, иногда прежде, иногда после, являются громы, молнии, бури и грозы, сопровождаемые проливными дождями, и почти всякий день идет мелкий дождь. Удары грома в горах так сильны, что к ним не можно привыкнуть, и самый смелый человек подвергается невольному страху. С сентября по март в Адриатике по нескольку дней сряду дуют NW и SW, что вместе с продолжительными борами много затрудняет плавание в сем море. Напротив того, летом морские и береговые ветры благоприятствуют оному.

Плавание до Корфы

По получении известия еще недостоверного о разрыве с турками, 29 января, с двумя призовыми судами и военными транспортами «Диомидом» и «Херсоном» оставили мы Кастель-Ново. Ветры были тихие и противные, но 31-го сделался сильный попутный, и мы того же дня прибыли в Корфу, где нашли адмирала и эскадру, пришедшую из Кронштадта; оную составляли следующие корабли: 1. «Сильный» — 47-пушечный, капитан-командор Игнатьев, 2. «Рафаил» — 84, капитан Лукин, 3. «Мощный» — 74, капитан Крове, 4. «Твердый» — 84, капитан Малеев, 5. «Скорый» — 66-пушечный, капитан Шельтинг; фрегат «Легкий» — 44, капитан Повалишин, шлюп «Шпицберген» — о 32 пушках, капитан Кологривов, катер «Стрела» — о 18 пушках, лейтенант Гамалея; фрегат, корвет и катер оставлены в Адриатическом море.

Прекрасный корвет «Флора» разбился у берегов Албании. Следуя из Курцало в Корфу в ночи 26 января, жестокий шквал с громом и молнией лишили его бушприта и фок-мачты, падением последней сломало гротстеньгу; в сем положении несло оный к берегу, где между Антивари и Дульциньо бросили якоря. На другой день при большом волнении, с благополучным ветром капитан Кологривов,

снявшись с якоря, пошел к югу; но ветер, к несчастью, снова обратился к берегу, под фальшивым вооружением нельзя было так править, как бы нужно, и в ночь на 17-е число ударило корвет о мель у местечка Каво Деляции и выбило руль. Хотя в сие время для облегчения корвета срубили мачты, коронады и все тяжести бросили в море, но на другой день видя, что нет средства избавить от гибели корвет, капитан, не быв еще известен о войне с турками, свез людей на албанский берег. Албанцы обобрали у них оружие и все, что им понравилось, отвели в Берат, где Браим паша объявил их пленными, а 8 февраля отправил в Константинополь и там, как экипаж, так и офицеры, обременены были цепями, и около двух годов содержались в мрачной тюрьме.

Пред отправлением главнокомандующего из Катаро разнесся слух весьма вероятный, что французы для усиления армии своей в Пруссии намереваются оставить Далмацию, почему и сделаны были все распоряжения, дабы неупустительно занять сию провинцию. Уже были сношения с жителями, которые давно жаждали покровительства государя императора, а дабы австрийские войска (для усиления которых назначено было еще 3000), до сего времени ожидающие сдачи им провинции Катарской, не могли бы предупредить нас, то капитану 1-го ранга Баратынскому, оставленному начальником эскадры, состоящей из 3 кораблей, 8 мелких судов и всех корсаров, поручено не допустить их до сего и строго наблюдать, чтобы генерал Беллегард[72] с острова Жупано (что близ Рагузы) не перешел в соседние острова Далмации. Однако ж впоследствии французы вывели только излишние войска и, сняв малые свои отряды с островов, усилили оными гарнизоны в крепостях. Кроме частых сшибок

---

[72] Потеряв надежду возвратить Катаро, австрийские войска в мае 1807 года возвратились в Триест.

нерегулярных войск у Старой Рагузы и тесной блокады, военные действия продолжались по-прежнему. Полковник Книпер, командующий сухопутными войсками, получил предписание совокупно с капитаном Баратынским защищать Катаро до последних сил. На случай же вероятной войны с турками адмирал предложил г-ну Санковскому пользоваться приверженностью герцеговинов, и для сего пред отправлением своим в Корфу оставил прокламацию, которая принята была с живейшим восторгом, чем самым безопасность Катарской провинции была обеспечена, и французские генералы, несмотря на помощь турецких пашей, не могли лишить Катаро подвозу съестных припасов и не осмелились предпринять покорить Катаро.

Сенат Ионической республики подносит адмиралу бриллиантовую шпагу и жезл. — Известие о войне с турками

31 января «Венус» прибыл в Корфу. Мы нашли тут адмирала с 8 кораблями, 6 фрегатами и другими мелкими судами. Средиземное море, конечно, еще не видало столь большого и прекрасного российского флота. Прибавление здесь морских наших сил много благоприятствовало торговле. Большая часть купеческих судов, греков, славян, итальянцев были под нашим флагом. На оных 5 кораблях и 3 других судах прибыло 4360 человек служителей, что вместе с прочими составляло на всем флоте 12 268 человек.

Корфа справедливо почиталась столицей наших приобретений в Средиземном море. Она походила более на русскую колонию, нежели на греческий город: везде видишь и встречаешь русских. Жители привыкли к нашим обычаям; многие научились говорить по-русски, а мальчики даже пели русские песни. В Корфе мы отдыхали и веселились. Строгая нравственность славян, не знающих никаких общественных увеселений, делала пребывание у них скучным и потому,

приходя в Корфу, всякий спешил на Спьянадо, в театр, и маскарад. От долгого владычества здесь венециан греки приняли некоторые итальянские обычаи, именно тот, что когда садятся обедать, закрывают ставни и запирают двери, только богатые, и то очень редко, принимают гостей. Несмотря, что некоторые наши офицеры тут женились, гречанки, сколько о том не старались, редко показывались в обществе наших дам, но карнавальные праздники, продолжающиеся от Рождества до поста, разрешают узы прекрасных затворниц, тут в лучших нарядах и масках выходят они на Спьянадо и гуляют по Кале д'Аква. Сии святочные праздники есть время любовных затей, и сколько ни ревнивы мужья, гречанки умеют обманывать их бдительность.

По прибытии флота из Катаро в Корфу 17 января получено известие, что войска наши взяли в Молдавии многие крепости, но как министр иностранных дел известил при том, «чтобы вступление войск наших в сию область не почитать неприязненною мерою и не прежде начать военные действия, как по получении достоверных сведений или повелений Двора», почему адмирал был в великом затруднении и оставался в продолжительной неизвестности. Между тем Али паша собирал войска, делал укрепления, занял Превезу, задержал консулов наших и ионические лодки, шедшие с провизией в Корфу. Главнокомандующий принужден был принять сообразные тому меры; и сей паша, столь коротко знающий решительность его, после многих переговоров, боясь, может, неудовольствия или бунта своих подданных греков, а более предполагая, что мы пожелаем воспользоваться преданностью морейцев, удовлетворил всем требованиям, а напоследок объявил желание остаться нейтральным, быть по-прежнему другом республики и мирным соседом. Почему от адмирала объявлено было: «Как Паша Албанский и Скутарский не намерены участвовать в войне нашей с Турцией, то

суда их, пока будут доставлять нужное в Корфу и Катаро, почитать свободными», на что впоследствии и английские адмиралы согласились. Сие постановление обеспечило содержание войск и принесло республике сугубые пользы. Народные представители, чувствуя в полной мере таковые попечения главнокомандующего, всегда и постоянно стремившегося к их благоденствию, по определению собрания верховного законодательного сословия, в знак торжественного свидетельства признательности и благодарности поднесли адмиралу от лица республики золотую шпагу с бриллиантами и подобный же жезл. Вследствие его президент Савио Анино 4 февраля дал повеление республиканскому министру при российском августейшем дворе об исходатайствовании у Его Императорского Величества всемилостивейшего соизволения на совершение его положения.

24 января английское правительство чрез нашего поверенного в делах в Лондоне и посланника Татищева изъявило желание, чтобы четыре корабля под начальством контр-адмирала Грейга, в виде вспомогательных, соединились с английской эскадрой, в Архипелаг назначенной, а два были бы посланы для защищения Сицилии, но адмирал, не желая раздроблять сил своих, ответствовал, что он сам, по получении точного известия о разрыве с турками, отправится к Дарданеллам с 10 кораблями, где на месте согласится с начальником английской эскадры, какое потребно будет ему подкрепление, или по соглашению дворов сам будет просить его вспомоществования.

Наконец недоумение, какую сторону примет турецкое правительство, разрешилось. Корвет «Павел», посланный в Черное море, дойдя до острова Хиос, узнал от нашего там консула, что Порта приступила уже к неприятельским действиям. На возвратном пути корвет, зашед к острову Мило, встретился с английским фрегатом, на котором находился

посланник г-н Италинский. Война с Турцией подтвердилась еще тем, что бриг «Сфинкс», шедший из Черного моря, взят в плен в Константинополе, а экипаж, по ходатайству наших агентов, еще не выехавших из Константинополя, отпущен для отправления в Корфу. После сих несомненных доказательств главнокомандующий сделал следующие распоряжения: главное начальство в Катаро, как сказано выше, поручено капитану 1-го ранга Баратынскому; для защиты республики оставлен генерал-майор Назимов и 2 корабля и 9 мелких судов под командой капитана 1-го ранга Лелли. Крепость Санто-Мавра, более угрожаемая Али пашой, поручена генерал-майору Штетеру. Графу Моцениго, как гражданскому начальнику, адмирал предложил воспользоваться усердием албанцев и морейцев и принять их в службу с положенным жалованьем воинам легиона легких стрелков, и начальство над ними поручить нашим офицерам. Как на защиту республики оставалось самое ограниченное число войск, которые ныне, будучи разделены на два пункта, несли более службы, то, дабы ободрить их и подкрепить здоровье лучшей пищей, адмирал приказал выдавать солдатам по полуфунту мяса в день, а в праздники бутылку вина. Вот какими средствами, при весьма незначащих силах, могли мы удержать Катаро и республику. Бодрость войск, усердие офицеров, уважение генералов и доверенность народов, а более всего редкое единодушие морских и сухопутных начальников, помогли Сенявину оправдать выбор и доверенность государя.

Конец второй части,
заключающей происшествия от 1 июня 1806
по 10 февраля 1807 года.

Содержание

Владимир Богданович Броневский

Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина 1805–1810 гг.

Том I

12+

Ответственный редактор *Л. Сурис*
Верстальщик *Е. Романова*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru